

3 1761 03934 2431

Въспомогающеи бо
всехъ насъ въ
всехъ насъ въ
всехъ насъ въ

Purchased for the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

БОЯРЕ РОМАНОВЫ

И ВОЦАРЕНІЕ

МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

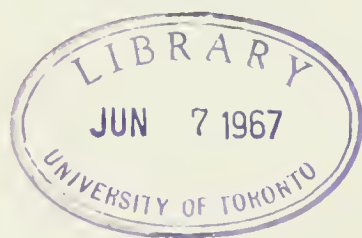
ИЗДАНИЕ

Комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія
Дома Романовыхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1913.

Текст и редакция книги—Магистра Русской истории П. Г. Васенко.
Заставки, концовки, загл. буквы—Академика Л. Е. Дмитриева-Кавказского.
Гелиографюра—Р. Голике и А. Вильборга. Каше—циркографин «Унионъ».
Цвѣтные рисунки—фотоциркографин С. М. Прокудина-Горского.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предки царицы Анастасиі—вѣрные слуги и помощники Московскихъ князей, собирателей Руси.

1.

ВЪ ЛѢТО 6855... князь великій Семѣй Ивановичь, внукъ Даниловъ, женился втретий; взялъ за себя княжну Марью, дщерь великаго князя Александра Михаиловича Тверскаго; а ѣздилъ по неѣ во Тверь *Андрѣй Кобылиця* да Алексѣй Босоволковъ»¹⁾.

Этимъ извѣстіемъ, отнесеннымъ лѣтописью къ 1347 году²⁾, исчерпываются все наши достовѣрныя свѣдѣнія о родоначальникѣ знаменитаго боярскаго рода, одному изъ представителей котораго волею судебъ предназначено было «воспріять» въ 1613 году «государства Московскаго царствія», создавшагося благодаря успіямъ князей собирателей и ихъ вѣрныхъ слугъ и помощниковъ, исконныхъ Московскихъ бояръ, причемъ предки царя Михаила по праву занимали среди этихъ бояръ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Однако знатность многочисленнаго потомства Андрея

Кобылы издавна заставляла строить разные домыслы относительно его происхождения. Эти предположения вследствие недостаточнаго знакомства съ источниками и отсутствія выработанныхъ приѣмовъ для ихъ изученія и критики казались авторамъ XVIII и начала XIX вѣка неопровержимой истиной и позволяли вмѣстѣ съ увѣренностью похвѣтствовать о высокомъ происхожденіи отъ владѣтельныхъ чужестранныхъ князей Московскаго боярина, жившаго въ XIV столѣтіи.

Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи трудъ барона Камнегаузена, чиновника русской службы, написавшаго къ началу XIX вѣка изслѣдованіе подъ заглавіемъ *Genealogisch-Chronologische Geschichte des Aller-durchlauchtigsten Hauses Romanow und seines vorälterlichen Stammhauses* ³⁾. Въ введеніи мы находимъ уже нѣкоторое резюме всего изслѣдованія. Начало этого введенія гласитъ слѣдующее: «Предки рода *Романовыхъ* ⁴⁾ уже въ XIII вѣкѣ поселились въ Россіи и съ тѣхъ поръ отличались въ ней своей служебною дѣятельностью какъ въ военное, такъ и въ мирное время, занимая военныя и гражданскія важнѣйшія должности и духовныя высшія званія. Родъ этотъ, достигшій къ *Рюрико-Романовской* линіи Русскаго Царскаго Престола еще въ XVI вѣкѣ и занимающій его въ *Романово-Рюриковской* династіи, въ мужескомъ и женскомъ поколѣніяхъ съ 1613 г., т. е. въ теченіе 192 лѣтъ,—происходитъ ближайшимъ образомъ отъ *Юрьевыхъ*, составившихъ вѣтвь *Захарьиныхъ*. *Захарьины*, въ свою очередь, прямые потомки *Кошкиныхъ*, а *Кошкины* происходят отъ *Кобылиныхъ* или *Камбилиныхъ*. Отъ тѣхъ же *Кобылиныхъ* произошли весьма многія Русскія фамиліи, частью уже угасшія, частью доселѣ существующія. Родъ *Камбилиныхъ*, однако, не коренной Русскій, а *Прусско-Литовско-Смоленскій*, происходящій отъ древнихъ царей, князей, или державцевъ, прежнихъ обитателей показанныхъ выше странъ» ⁵⁾. Далѣе слѣдуетъ изложеніе содержанія всего труда, а затѣмъ первую часть своихъ изысканій Камнегаузенъ открываетъ такими утвержденіями: «Первый водворившійся въ Россіи родовачальникъ прародительскаго рода *Романовыхъ* былъ Прусско-Смоленскій князь, или державецъ по имени *Гландалъ* (или *Гланда*) *Камбила Дивоновичъ*, происходящій отъ древнѣйшихъ языческихъ Прусско-Литовско-Смоленскихъ царей, князей или державцевъ. Изгнанный изъ своихъ наследственныхъ владѣній въ *Смоленскіи* в *Судавіи* Прусскимъ Рыцарскимъ Орденомъ, порабощавшимъ Прусскія земли, онъ въ послѣдней четверти XIII вѣка бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ Россію. Здѣсь, къ

1287 году, онъ былъ крещенъ съ именемъ Іоанна, какъ все это будетъ подробнѣе изложено въ послѣдующей спеціальной генеалогической исторіи. Вышеупомянутый его сынъ, названный въ Россіи *Андреемъ Ивановичемъ Камбилою* (а искаженно *Кобыли* или *Кобыла*) оставилъ послѣ себя многочисленное потомство, которое по прозвищамъ его и его отца получило названіе рода *Кобылинныхъ* или *Кобылиныхъ*»⁶.

Если отъ этихъ утвержденій обратиться къ доказательствамъ ихъ, помещеннымъ во второй части труда⁷) Каменгаузена, то мы увидимъ странное на первый взглядъ, но иногда встрѣчаемое у изслѣдователей сочетаніе критическаго чутія съ способностью строить малообоснованныя догадки и считать ихъ неопровержимыми. Каменгаузенъ очень мѣтко критикуетъ заблужденія своихъ предшественниковъ, съ которыми намъ предстоитъ еще познакомиться, баснословящихъ о короляхъ Прутеню и Войдеводѣ и т. д., но свои утвержденія о Гландѣ Камбилѣ и его сынѣ основываетъ на довѣрші къ изысканіямъ критикуемыхъ имъ лицъ. Онъ говоритъ: «Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по сему вопросамъ сходство показаній, которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ,—дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландаль) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго рода Романовыхъ, но что онъ былъ и выходцемъ изъ Самогитіи и сосѣдней съ нею Зюдъ-ауеръ-ляндіи; былъ въ этихъ странахъ державцемъ»⁸). Вслѣдъ затѣмъ Каменгаузенъ распространяется на тему о томъ, что преданію «нельзя не придавать вѣры особенно въ области генеалогическихъ данныхъ»⁹), и исключительно на преданіи, не подтверждаемомъ, а скорѣе опровергаемомъ изысканіями автора, приходитъ къ вышеприведеннымъ утвержденіямъ¹⁰). При этомъ ему не приходитъ въ голову проверить показанія «достовернѣйшихъ лѣтописей» и подлинность разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріаловъ и актовъ, а безъ такой проверки нельзя дѣлать и никакихъ прочно обоснованныхъ заключеній. Благодаря такимъ свойствамъ изысканій Каменгаузена, мы не можемъ опереться на ихъ результаты относительно происхожденія Андрея Кобылы.

Миная затѣмъ нѣсколько трудовъ XVIII вѣка, авторы которыхъ болѣе или менѣе бездоказательно рассказываютъ о предкахъ родоначальника Романовыхъ¹¹), познакомимся съ любопытнымъ произведеніемъ герольдмейстера петровскихъ временъ Ст. Андр. Кольчева, который составилъ въ 1722 году записку подъ заглавіемъ: «Исторіографія, вкратцѣ собранная

изъ разныхъ хроникъ и лѣтоисчислѣнь»¹²⁾). Въ этой запискѣ Кольчевъ повѣствуетъ о Прусскомъ королѣ Прутенѣ, который въ 373 году по Р. Х. «для старости своей, отдалъ въ вѣчное обладательство свое королевство брату своему Вейдевуту»¹³⁾. Одинъ изъ потомковъ сына Вейдевута, Недрона, Гландось Камбила въ 1280 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году помянутой Гландось Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича, поколѣніе свое линейно производящій, самъ приде къ Московскому великому князю Данилѣ Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещень былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ всеу творять Латышники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то мною, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарицаи иноземскихъ прозваній многіе не умѣли и съ истинною того прозванія знатию распознавать не умѣли или не хотѣли: а нашаче древніе писари Русскіе, недовольные въ граматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отгѣняли, недописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ познанія писали. Мною посему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кобыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры»¹⁴⁾.

Этотъ рассказъ, да и вообще все изслѣдованіе Кольчева, основанное на показаніяхъ писателей позднихъ и склонныхъ къ смѣлымъ догадкамъ, изобилуетъ явнымъ баснословіемъ¹⁵⁾. Поэтому и свѣдѣнія о Камбиліонѣ, въ немъ сообщаемыя, не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Правда, случаи искаженія иностранныхъ названій и русификація ихъ общеизвестны. Вспомнимъ, хотя бы «Стекольный» вмѣсто Стокгольмъ. Но не менѣе извѣстны и обратные примѣры творчества книжниками разныхъ немецкихъ лицъ для объясненія географическихъ названій и т. д. Такъ, въ Хронографѣ редакціи 1512 года сообщается о томъ, какъ вѣкій царь «Вузъ» «сотвори Византію... и роди... дщерь и нарече Византія»¹⁶⁾. Но книжники не удовольствовались созданіемъ «Вуза». Они стали рассказывать, что «Визъ... роди... дщерь, нарече имя ей Антія: и созда градъ... и нарече имя граду тому во имя дщере своея и въ свое, Византія»¹⁷⁾. Мы встрѣтимся еще съ подобной книжной легендой, когда будемъ говорить о пресловутомъ Прусѣ, братѣ Римскаго Кесаря Августа. Поэтому ограничимся здѣсь указаніемъ, что слово «Кобыла» можно съ небольшимъ правомъ считать прозвищемъ, на какія такъ надокъ и до сихъ поръ русскій народъ. Прозвища многихъ членовъ рода Андрея Кобылы и цѣлый рядъ

русских фамилий дают намъ яркіе примѣры этой склошности, встрѣчаемой и у другихъ національностей ¹⁸⁾. На основаніи приведенныхъ соображеній позволительно усомниться въ существованіи Гланды Камбиліона, Дивонова сына ¹⁹⁾.

Можетъ впрочемъ показаться, что нами не принято во вниманіе слѣдующее обстоятельство: Кольчовъ принадлежалъ къ потомству Андрея Кобылы и могъ руководиться семейными преданіями. Однако обратившись къ показаніямъ другого представителя этого же рода и притомъ жившаго въ болѣе раннее время, мы не находимъ уже имени Гланды Камбиліона. Мы разумѣемъ здѣсь начало поколѣнной росписи Шереметевыхъ, составленной бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ и за собственоручной подписью представленной имъ 23-го мая 1686 года въ Разрядъ. Вотъ это начало: «Родъ Пруссаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла: Приѣхалъ изъ Пруссы отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичъ» ²⁰⁾. Эту роспись Шереметевъ подалъ въ Разрядъ для officialнаго пополненія и исправленія старой родословной книги. Плодомъ этого пополненія явилась знаменитая Бархатная книга ²¹⁾. Въ интересахъ Шереметева было сообщить о своихъ предкахъ какъ можно болѣе полныя свѣдѣнія, при чемъ скорѣе можно было бы ожидать упоминанія о какомъ нибудь мнѳвческомъ родоначальникѣ, чѣмъ пропускъ имени дѣйствительнаго пращура ²²⁾. Отсюда ясно, что названный бояринъ не зналъ никакого Гланды Камбилы, Дивонова сына ²³⁾. Зато и Шереметевъ сообщаетъ о владѣтельномъ происхожденіи Кобылы и о выѣздѣ его изъ «Пруссы». Когда возникли эти преданія?

Идя въ глубь времени, видимъ, что не только въ серединѣ XVII столѣтія, но и въ концѣ XVI вѣка были увѣрены въ истинности второго факта. Такъ въ челобитной одного изъ вотомковъ Шевляги, который по родословнымъ былъ роднымъ братомъ Андрея Кобылы, поданной въ 1643 году на околыничаго князя Ѳ. Ѳ. Волконскаго, сказано « . . . а нашъ, государь, холопей твоихъ родъ пошелъ отъ прародителя нашего отъ Ѳедора Ивановича отъ Шевляги. Какъ онъ выѣхалъ изъ Прус . . . » ²⁴⁾. Подобно этому и въ родословной конца XVI и начала XVII-го вѣка отмѣчается: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы, выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмевъ...» ²⁵⁾. Въ приведенныхъ случаяхъ не упоминается о влаетельскомъ происхожденіи Андрея Кобылы. Однако преданіе объ этомъ существовало уже въ XVI вѣкѣ. Это видно изъ словъ Курбскаго объ Іоаннѣ IV:

«Потомъ погубилъ родъ Кольчевыхъ, также мужей свѣтлыхъ и парочныхъ въ родѣ, единоименныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародительныхъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Пѣмекія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголють его быти съ роду князатъ Ренскихъ»²⁶).

Слова Курбскаго очень любопытны. Они, какъ отмѣчено выше, показываютъ, что уже въ XVI вѣкѣ преданіе о властительномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако имя Михаилъ указываетъ или на болѣе удаленнаго предка рода Романовыхъ, или на то, что преданіе о его высокомъ званіи явилось поздно и искажаетъ факты. Кромѣ того Курбскій говоритъ, что Михаилъ былъ «съ роду князатъ Ренскихъ». По справедливому объясненію Устрялова Ренскій значитъ имперскій²⁷). А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо относить къ позднему времени. Во всякомъ случаѣ можно думать, что мысль о властительскомъ происхожденіи Андрея Ивановича не была въ ходу въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, мѣстичаясь въ 1500 году съ княземъ Даниломъ Щенятемъ, бояриномъ Юрій Захарычъ Кошкинъ не ссылался на свое происхожденіе отъ владѣтельнаго князя, что ему было бы очень выгодно сдѣлать²⁸). Да и о Пруссіи, отечествѣ своихъ предковъ, онъ не вспомнилъ.

Считая такимъ образомъ преданіе о властительскомъ и о иноземномъ происхожденіи боярина Андрея Кобылы возникшимъ поздно и внушающимъ большія и основательныя сомнѣнія²⁹), мы должны отвѣтить на два вопроса: 1) что было причиной возникновенія подобнаго преданія, 2) что дало поводъ вести родъ Андрея Ивановича изъ Пруссіи.

Относительно перваго вопроса отвѣтъ подсказывается хотя бы только что приведеннымъ мѣстическимъ случаемъ. Потомки удѣльныхъ и великихъ князей, ставши слугами Московскихъ государей «заѣзжали» прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты. Они несомнѣнно кололи имъ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ и всячески старались ихъ оттѣснить на задній планъ. Трудно было держаться старымъ слугамъ Московскаго Князя, и вотъ надо было опереться на какое-нибудь преданіе, которое могло бы возвысить ихъ въ глазахъ аристократически настроенныхъ новыхъ соотаварщей и соперниковъ и поставить нетитулованную знать на одинъ уровень съ титулованной. Воспоминанія о давней близости фамилій къ Московскимъ князьямъ, о постоянной знатности предковъ, невольно наводили мысль на гордые преданія. Притомъ вести себя отъ туземныхъ князей не было возможности и приходилось прибѣгнуть къ предположенію

о выѣздѣ предковъ изъ чужихъ земель ³⁰); на это наталкивали дѣйствительные случаи выѣзда знатныхъ чужестранцевъ въ Москву въ XV и XVI вѣкахъ, не говоря уже о многихъ русскихъ людяхъ, явившихся изъ другихъ княжествъ и земель служить великому Князю Московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовѣстно повѣрить въ существованіе какого-нибудь «свѣтлаго и парочитаго» выѣзжаго предка. Въ результатѣ получилось любопытное явленіе: почти все не княжескіе дворянскіе роды въ Россіи повели свое начало отъ заѣзжихъ выходцевъ ³¹). При этомъ многіе знатныя фамиліи вели себя изъ нѣмцевъ въ частности «изъ Пруссъ» ³²).

Такое предпочтеніе Пруссіи нѣмлю свое основаніе. Познакомимся съ нимъ. Для этого надо вспомнить, что послѣднія десятилѣтія XV вѣка были началомъ нашей политической самостоятельности и большого виѣшняго могущества. Московскій великій князь благодаря успіямъ своихъ предковъ и своимъ собственнымъ успіямъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ освободилъ свою страну отъ нѣкогда грознаго татарскаго ига, соединилъ въ своихъ рукахъ обладаніе почти всей сѣверовосточной Русью и къ народной радости и гордости съ большимъ основаніемъ могъ назвать себя государемъ и самодержцемъ всея Руси. Впередѣ открывались еще болѣе широкія перспективы: окончательное объединеніе русской земли, покореніе татарскихъ ханствъ, стремленіе къ берегамъ Балтійскаго моря, принятіе царскаго титула. Но и къ концу 1400-хъ годовъ русскій великій князь поднялся на головокружительную высоту. Паденіе Византіи дѣлало его политическимъ главою и покровителемъ православія. Естественно поэтому получила большую извѣстность и распространеніе горделивая теорія о Москвѣ—третьемъ и послѣднемъ Римѣ, выраженная въ краткой формулѣ: «два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти».

Гордыя притязанія государей и народа на міровую роль Руси, имѣвшія исторически-жизненное основаніе, хотѣлось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображеніями. Бракъ московскаго великаго князя и греческой царицы Софіи Палеологъ давалъ, правда, первому извѣстное право считать себя преемникомъ Византійскихъ или Восточноримскихъ императоровъ. Но хотѣлось большаго, хотѣлось независимо отъ грековъ явиться законными наследниками ихъ міроваго значенія. Тогда, какъ справедливо отмѣтилъ покойный академикъ Н. Н. Ждановъ ³³), «оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отно-

шей и исторических связей, отыскать для перенесения империи в Москву каких-нибудь оснований в прошлом. Нужно было предъявить права на наследство и представить при этом оправдательные документы». Тогда то и возникла легенда о Прусе, брате «Кесаря Августа», который «разряди вселенную братів своею»... При этом «сему Прусу тогда поручено бысть владеть державою в берегахъ Вислы реки, грады Мадбурокъ и Торунь и Хвойница и преславый Гданескъ и ины многи грады по реку глаголемую Немонь, впадшую въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса съмени бѣше» «Рюрикъ и братія его: и егда еще живяху за моремъ, и тогда Варяги именовашуся и изъ заморія ияху дасть на Чюди и на Славенехъ и на Кривичахъ»³⁴). Не трудно понять, почему Пруссия была сочтена родной Рюрика. Лѣтопись говорила о племени Русь, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и именовшемъ князьями Рюрика съ братією. Созвучіе слова Русь (Россия) и Пруссия дѣлало для людей XV и XVI вѣка, иномъ филологамъ, не знавшимъ, что подобная этимологія невозможна, отождествленіе ихъ вполне правильнымъ и заманчивымъ. Представленіе о древнемъ Римѣ, какъ всемирной монархіи, позволяло считать Августа властителемъ и Пруссіи, а распространенный тогда взглядъ на государство, какъ на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводилъ на мысль о раздѣлѣ Римской имперіи Кесаремъ Августомъ въ пользу императорской родни. О томъ, что названіе страны дало имя и мифическому родоначальнику Пруссіи, Прусу, можно было бы и не упоминать.

Легенда о Прусе, измышленная, по предположенію Жданова, знаменитымъ писателемъ XV вѣка, Нахміемъ, выходящемъ изъ югославянскихъ земель³⁵), а, быть можетъ, скажемъ мы, и другимъ досужимъ книжникомъ, отвѣчала помысламъ русскихъ великихъ князей и горделивымъ чаяніямъ русскаго народа. Поэтому она пользовалась большимъ почетомъ въ нашей древней письменности³⁶) и заслужила полное признаніе и довѣріе со стороны государей и ихъ подданныхъ. Царь Иванъ вполне ей довѣрялъ, вѣрили и русскіе люди XVI—XVII вѣковъ³⁷). Какъ соблазнительно и заманчиво, какъ просто и естественно было вывести изъ Пруссіи и себя стародавнимъ слугамъ и помощникамъ московскихъ великихъ князей! Какъ легко повѣрить тому, чему хочется вѣрить!

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы лично всецѣло готовы примкнуть къ мысли П. П. Петрова о туземномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы. Но не можемъ вполне согласиться съ поч-

теннымъ авторомъ относительно его дальнѣйшихъ выводовъ. Н. П. Петрову все дѣло представляется въ такомъ видѣ. Андрей Ивановичъ Кобыла былъ внукомъ знаменитаго боярина XIII—XIV вѣковъ Іакинѳа Великаго и происходилъ изъ Новгорода, гдѣ была Прусская улица, около которой удалось обнаружить существованіе въ прежнее время Кобыльяго проѣзда и Кобыльей улицы³⁸). Но родословныя потомковъ Іакинѳа, извѣстныхъ московскихъ бояръ Челядншихъ и Бутурлиныхъ, молчатъ о такомъ родствѣ, и мы ничѣмъ не можемъ провѣрить предположеній Н. П. Петрова, высказанныхъ имъ очень рѣзко и утвердительно. Затѣмъ, не отрицая возможности новгородскаго происхожденія предка династїи Романовыхъ, не можемъ не указать, что обозначеніе улицы, гдѣ жилъ въ Новгородѣ этотъ предокъ, въ качествѣ мѣстности, откуда онъ появился въ Москвѣ, было бы чрезвычайно страннымъ и необычнымъ. Мы скорѣе допустили бы, что нѣкоторое смутное семейное преданіе о Прусской улицѣ, какъ мѣстожительствѣ Андрея Кобылы, могло еще болѣе натолкнуть его отдаленныхъ потомковъ XVI вѣка на мысль о Прусской землѣ, какъ его прежнемъ отечествѣ. Во всякомъ случаѣ новгородское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько нибудь твердо нельзя. Это осталось до сихъ въ области предположеній.

Какъ на болѣе или менѣе вѣроятныя догадки мы смотримъ и на результаты интересныхъ изысканій Г. С. Ш., опубликованные имъ въ статьѣ «Князь Лѳанасій Даниловичъ, сынъ князя Даниїла Александровича Московскаго»³⁹). Осторожный авторъ не высказываетъ прямо и положительно своихъ выводовъ, а дѣлаетъ рядъ сопоставленій и намековъ, предоставляя читателю самому придти къ извѣстнымъ заключеніямъ. Если попытаться создать изъ этихъ намековъ цѣлую картину, то она нарисуетъ въ такнхъ, приблизительно, очертаніяхъ. Въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ жилъ знатный мужъ Иванъ (Ивонъ), котораго Г. С. Ш., повиднмому, склоненъ считать выходящемъ изъ Пруссїи. Князь Дмитрій Александровичъ и Новгородцы отдали около 1265 года этому Ивану Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ. У Ивана были дѣти: Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Лѳанасія Даниловича, брата Калиты. Князь этотъ жилъ въ Новгородѣ и былъ тамъ любимъ народомъ. Благодаря родственнымъ связямъ съ домомъ князя Даниїла Московскаго Андрей Кобыла и ѣздилъ въ 1317 году посломъ за великой княгиней Марїей⁴⁰).

Такая картина несмотря на всю ея заманчивость и остроумныя сближенія, сдѣланныя ея авторомъ, очень проблематична. Нельзя сказать,

что она не соответствует действительности, но ничѣмъ нельзя доказать и обратнаго утвержденія. Поэтому остается повторить, что объ Андрей Кобыль мы имѣемъ одно только достоверное извѣстіе, приведенное въ началѣ настоящей главы. Изъ этого извѣстія можно сдѣлать только одинъ совершенно прочный выводъ. Андрей Кобыла былъ близкимъ и знаменитымъ слугой-бояриномъ великаго князя Симеона Гордаго. А такъ какъ близость и довѣріе приобрѣтаются и въ особенности приобрѣтались въ тѣ времена годами долгой и вѣрной службы, то возможно съ большой увѣренностью допустить предположеніе о томъ, что Андрей Ивановичъ служилъ уже первому собирателю русской земли. Во всякомъ случаѣ съ династіей Калиты родъ Андрея Кобылы былъ связанъ еще къ стародавнѣя времена, когда возвышеніе Москвы было дѣломъ будущаго, а мысль о томъ, что «Богъ перемѣнитъ Орду» была смѣлой и отрадной мечтой.

II.

Изъ родословцевъ извѣстно, что «у Андрея Ивановича у Кобылы» было «5 сыновъ. 1-й Семень Жеребеть; 2-й Александръ Елка, 3-й Василій Вантей бездѣтень, 4-й Гаврило Гавша, 5-й Федоръ Кошка» ⁴¹⁾. Изъ этихъ сыновей отмѣтимъ прежде всего Александра Елку, родоначальника знаменитаго и многочисленнаго рода бояръ Кольчевыхъ. Однако точныхъ свѣдѣній о дѣятельности и жизни его и его братьевъ: Семена, Василя, Гаврилы у насъ нѣтъ. За то младшій сынъ Андрея Ивановича, Федоръ Андреевичъ Кошка, былъ замѣтнымъ человекомъ своего времени и выдающимся бояриномъ своего государя, знаменитаго Дмитрія Донскаго. Быть можетъ, онъ былъ послухомъ при составленіи Донскимъ первой его духовной, написанной въ 1371 году, оберегаль Москву въ 1380 году во времена Мамаева нашествія на Русь, «вытягаль» въ пользу своего государя «Товъ и Меднь у Смольнягъ» ⁴²⁾. Нельзя, впрочемъ, утверждать положительно участія Кошки ни въ одномъ изъ названныхъ событій: у Донскаго было два боярина Федора Андреевича: Свибль и Кошка. При способѣ нашихъ древнихъ источниковъ обозначать людей въ большинствѣ случаевъ только по имени и отчеству трудно бываетъ установить съ точностью, кого именно они разумѣютъ. Оба они подписались на второй духовной князя Дмитрія Ивановича ⁴³⁾. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью думать, что вся жизнь боярина Кошки протекла на службѣ Московскимъ князьямъ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ

боярь, которые въ малолѣтство Донского вмѣстѣ со св. митрополитомъ Алексѣемъ оберегли интересы своего князя и русской земли, и съ полнымъ правомъ слушалъ знаменательныя слова умирающаго героя Куликовской битвы, обращенныя имъ къ собравшимся къ нему близкимъ совѣтникамъ и слугамъ: «Родихся передъ вами и при васъ возрастохъ и съ вами царствовахъ. Землю Россійскую держалъ.... И мужествовахъ съ вами на многи страны и противнымъ страшень бывъ во бранехъ и поганыя низложихъ Божіею помощію и враги покорихъ. Великое Княженіе свое вельми укрѣпихъ, миръ и тишину земли Русьстей сотворихъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, еже ми предагъ Богъ и родителіе мои. И вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами грады держалъ и великія власти, и чада ваша любихъ, и никому же зла не сотворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни избечествовахъ, но вѣхъ любихъ и въ чести держалъ. И веселихся съ вами, съ вами и поскорбѣхъ. Вы не парекостеся у меня бояре, но князи земли моеи» ⁴⁴).

До сихъ поръ намъ удалось отмѣтить только одинъ прочно установленный фактъ изъ жизни Θεодора Андреевича Кошки. Но мы имѣемъ еще одно драгоценнѣйшее свидѣтельство объ этомъ бояринѣ, вѣрнѣе объ его значеніи при Московскихъ государяхъ. Въ 1409 году послѣ извѣстнаго похода на Русь Эдигея, этотъ ордынскій князь прислалъ грамоту великому князю Василію Дмитріевичу и въ ней между прочимъ писалъ: «Добрыя правы и добрая дума и добрыя дѣла были къ Орде отъ Θεодора отъ Кошки—добрыи были человекъ,—которые добрыя дела ордынскіи, то и тобѣ воспоминалъ, и то ся минуло» ⁴⁵). Эти слова ясно указываютъ, какимъ вліяніемъ пользовался въ Москвѣ умный и осторожный бояринъ. О вліятельности Кошки можно заключить изъ того, что въ 1393 году онъ ѣздилъ во главѣ посольства въ Великій Новгородъ и для подкрѣпленія мирнаго докончанія съ Новгородцами и вернулся домой съ полнымъ успѣхомъ ⁴⁶). Съ первостепеннымъ Московскимъ бояриномъ вступилъ въ свойство даже самъ великій князь Тверскій, женившій одного изъ своихъ сыновей на дочери Θεодора Андреевича, Аппѣ ⁴⁷).

Изъ сыновей Кошки, умершаго или постригнагося въ монахи не позже 1405 года ⁴⁸), извѣстны особенно Иванъ, Θεодоръ Голтій, Александръ Беззубецъ. Внукъ послѣдняго, Андрей Шереметь, сталъ родоначальникомъ стариннаго и знаменитаго рода боярь Шереметевыхъ, процвѣтающаго до нашихъ дней въ двухъ вѣтвяхъ: графской и нетитулованной. Еще болѣе славная судьба выпала на долю боярамъ Романовымъ, прямымъ

потомкамъ боярина Ивана Феодоровича. Подписавшись въ 1406 году въ числѣ 7-ми бояръ на духовной великаго князя Василія Дмитріевича ⁴⁹), онъ былъ казначеемъ и любимцемъ этого государя, о чемъ мы имѣемъ упоминаніе въ уже известномъ намъ письмѣ Эдигея. Разсерженный переменной политикой Московскихъ князей относительно Орды, этотъ татарскій князь вспоминалъ добрыя, по его мнѣнію, времена вліянія Феодора Конки и жаловался: «а нынѣ у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина, и ты нынѣ не того слова, не того думы не выступаешь. Ино того думою учинилась твоему умусу пакость. Крѣстьянѣ изгнани, и тыбѣ оныя тако не дѣлалъ, а молодыхъ нѣ слушалъ» ⁵⁰).

Наставленія и жалобы Эдигея рисуютъ намъ людей двухъ поколѣній и темпераментовъ и даютъ намъ понятіе, какъ измѣнилось настроеніе въ Москвѣ въ XV вѣку. Феодоръ Конка представляется намъ дипломатичнымъ политикомъ. Подобно первымъ князьямъ собирателямъ онъ умѣлъ таить свои личныя чувства къ татарамъ, притворяться расположеннымъ къ Ордѣ, пожалуй и завскаивать передъ ней. Иванъ Феодоровичъ пережилъ въ юности впечатлѣнія Куликовской битвы и подъема, съ ней связаннаго. Смѣлый и отважный, онъ полагалъ, что для русскихъ настала пора стряхнуть съ себя иго, и хотя ошибся въ этомъ, однако, не потерялъ расположенія своего государя. По крайней мѣрѣ онъ подписался на 2-хъ духовныхъ великаго князя Василія Дмитріевича, писанныхъ въ 1423 и 1424 годахъ, при чемъ оба раза занималъ четвертое мѣсто среди бояръ ⁵¹).

О сыновьяхъ Ивана Феодоровича Конкина исторіи известно очень мало. Подпись одного изъ нихъ, боярина Феодора Ивановича, мы находимъ на 2-й и 3-й духовной великаго князя Василія Дмитріевича ⁵²). О дѣятельности другихъ не сохранилось даже и такихъ скудныхъ указаній. За то мы имѣемъ любопытный лѣтописный рассказъ, связанный съ именемъ наиболее интересующаго насъ сына Ивана Феодоровича, боярина Захарія Ивановича Конкина, прадѣда царицы Анастасіи и царскаго шурина Никиты Романовича. «Въ лѣто 6940»,—гласитъ это повѣствованіе,—«во осени, князь великій обручалъ за себя князю Марию, дщерь Ярославо, а внуку Марьи Голтыевы..... Въ лѣто 6941. Князь великій Василей Васильевичъ женился на Москвѣ, по Крещеніи въ мясоѣдъ великій, понялъ дщерь князя Ярослава Володимировича именемъ Марию, и на той свадьбѣ Захарья Ивановичъ Конкинъ имался за поясъ у князя у Василія у Юрьевича у Косого» ⁵³. Въ другой лѣтописи приведены и слова Захарья Ивановича: «тотъ поясъ проналъ у меня, коли крали казну мою» ⁵⁴).

Если вѣрять этому разсказу ⁵⁵⁾, то вскроются любопытныя отношенія того времени, указывающія на большую близость Захарья Ивановича Кошкина къ великому князю и вельичивость его. Онъ рѣшился оскорбить двоюродного брата своего государя. Это можетъ быть объяснено и тѣмъ, что самъ Кошкинъ былъ двоюроднымъ дядей невѣсты: ея мать Марія Осодоровна Голтяева, по мужу княгиня Мало-Ярославская и Городецкая, была двоюродной сестрой названнаго боярина. Во всякомъ случаѣ великая княгиня Софья Витовтовна, мать Великаго Князя Василія Васильевича, приказала снять поясъ съ Василія Косого, и междоусобная война между двоюродными братьями-князьями, не задолго передъ тѣмъ прекратившаяся, взыкнула съ новой силой ⁵⁶⁾.

Съ именемъ Захарья Ивановича связываютъ иногда и участіе въ войнѣ съ Литвой, бывшей въ 1445 году ⁵⁷⁾. Однако такое указаніе основано на недоразумѣніи, выясненномъ покойнымъ С. М. Соловьевымъ. Захарій Ивановичъ Кошкинъ, воевавшій, какъ это видно и изъ лѣтописи, тогда противъ Москвы, принадлежалъ къ числу смоленскихъ бояръ ⁵⁸⁾. Такимъ образомъ судьба московскаго боярина Захарья Ивановича намъ остается неизвѣстной, хотя можно съ увѣренностью думать, что онъ, по свойству съ великимъ княземъ и заслугамъ своихъ предковъ, былъ хорошо поставленъ въ служебномъ отношеніи при дворѣ московскаго государя, несмотря на появленіе въ Москвѣ новаго боярскаго элемента, служебныхъ князей, довольно быстро выродившихся въ князей-бояръ.

Время великаго князя Василія Васильевича и его сына, знаменитаго Ивана III, представляется любопытной эпохой въ жизни московскаго государства и высшаго служилаго класса на Руси. Тогда зародилось то политическое противорѣчіе въ русской дѣйствительности XVI вѣка, которое было одной изъ важнѣйшихъ причинъ Смуты начала XVII столѣтія. Государь все болѣе и болѣе шелъ къ демократическому полновластию, пользуясь въ этомъ отношеніи сочувствіемъ народныхъ массъ. А высшая администрація принимала все болѣе и болѣе аристократическій характеръ. Прежніе московскіе бояре, хотя и бывшіе очень близкими къ великому князю людьми и вольными слугами его, всегда помнили свое мѣсто, основывая свое положеніе на службѣ государю, на заслугахъ предковъ и не ставя себя на одинаковый уровень съ властителемъ. Быстрое присоединеніе «удѣловъ», среди которыхъ были и великія княженія, къ Москвѣ заставляло прежнихъ ихъ государей поступать на службу къ своему счастливому родственнику, на котораго они готовы были смотрѣть, какъ

на равниаго себѣ. Великій князь Московскій ласкалъ своихъ новыхъ слугъ: ему невыгодно было съ ними ссориться и лестно было себя ими окружить. Они, благодаря своему высокому происхожденію, систематически оттѣсняли прежнихъ слугъ Московскаго великаго князя, занимая всюду первыя мѣста. Внося въ высшую администрацію свои удѣльные заманки, смотря на себя какъ на полноправныхъ участниковъ во власти, такіе князья-бояре склонны были «высокоумничать», что вело къ большимъ треніямъ между ними и Московскимъ государемъ и что, начавшись частными опалами при Иванѣ III, кончилось грозной опричниной, созданной его внукомъ.

Уже на первыхъ порахъ своего появленія при Московскомъ великокняжескомъ дворѣ князья-бояре стали «забзжать» старыхъ нетитулованныхъ бояръ⁵⁹). Немногія фамиліи послѣднихъ удерживали не безъ труда свое прежнее положеніе, и въ числѣ этихъ немногихъ были Кошкины-Кобылины⁶⁰). Эта борьба за вліяніе порождала взаимную нелюбовь между титулованной и нетитулованной знатью, и, хотя все почти боярскія семьи, и княжескія и не княжескія, переродились между собой, это не мѣняло ихъ взаимной враждѣ. Она таилась, пока Кошкины были, хотя и знатными, но рядовыми боярами, и обнаружилась тогда, когда потомки Федора Андреевича Кошки Юрьевы-Захарыны⁶¹) стали царскою родней. Въ такой атмосферѣ затаенной вражды пришлось дѣйствовать старшимъ сыновьямъ Захарья Ивановича, извѣстнымъ воеводамъ времени Ивана III, Якову и Юрью Захарьевичамъ.

III.

Историкъ, изслѣдующему древнюю Русь, бываетъ трудно и часто даже невозможно охарактеризовать сколько нибудь полно жизнь, дѣятельность и душевныя свойства ея героевъ, не говоря уже о болѣ скромныхъ, хотя и выдающихся дѣятеляхъ. И въ особенности время возвышенія Москвы съ трудомъ поддается изученію этой біографической стороны прошлаго нашей родины. Конецъ XV и XVI вѣкъ, тоже не обильные источниками, все же даютъ болѣе матеріала ихъ изслѣдователю. Поэтому и дѣятельность 2-хъ братьевъ Захарычей намъ возможно будетъ прослѣдить, если и не съ достаточной, то все же съ болѣею полнотою, чѣмъ это удалось сдѣлать относительно ихъ предковъ. Правда, о раннихъ годахъ жизни хотя бы Якова Захарыча ничего неизвѣстно. Онъ становится замѣтнымъ человекомъ лишь съ 1480 года, въ которомъ

ему «сказано» было боярство ⁶²). Затѣмъ, почти до самой смерти Якова Захарыча, мы встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ исполнителемъ цѣлаго ряда отвѣтственныхъ службъ и порученій великихъ князей Ивана III и Василя III. Такъ не позже 1485 года этотъ бояринъ былъ назначенъ на очень трудный постъ новгородскаго намѣстника, откуда долженъ былъ во главѣ новгородской рати идти на занятіе Тверскаго княжества, которое впрочемъ было присоединено къ Москвѣ безъ кровопролитнаго столкновенія ⁶³). Когда Яковъ Захарычъ вернулся въ Новгородъ, ему предстояло выполнить тамъ великую задачу: надлежало по возможно скоро слить недавно покорившуюся область съ исконными московскими владѣніями. Для этого прежде всего было переселено изъ Новгорода нѣсколько десятковъ богатѣйшихъ людей ⁶⁴). Новгородцы отвѣтили въ 1588 году заговоромъ на жизнь намѣстника. Яковъ Захарычъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгимъ и суровымъ. Какъ говорить лѣтописецъ, многихъ «думцовъ Яковъ пересѣкъ и перевѣшалъ». Послѣ этого, воспользовавшись благоприятнымъ поводомъ, Иванъ III вывелъ изъ Новгорода болѣе 7000 «житіихъ людей», а затѣмъ «стоя же зимы князь великы... переведя изъ Великаго Новгорода многихъ бояръ и знатныхъ людей и гостей, всѣхъ головъ больше 1000». Переселенцамъ были даны помѣстья въ Москвѣ и другихъ старинныхъ владѣніяхъ Ивана III. вмѣсто же выведенныхъ новгородцевъ въ области Новгорода были поселены многіе московскіе лучшие люди, гости и дѣти боярскія, какъ изъ столицы, такъ и изъ уѣздовъ ⁶⁵). Подобная мѣра, очень важная для скорѣйшаго подавленія сепаратистическихъ стремленій, неминуемо очень сильныхъ въ Новгородѣ, была выполнена въ намѣстничество Якова Захарыча и притомъ, какъ видно изъ позднѣйшей исторіи новгородско-московскихъ отношеній, съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Не успѣло кончиться одно важное дѣло, порученное Якову Захарычу, какъ возникло другое, требовавшее отъ него не меньшей энергіи и прощательности. Въ Новгородѣ проявилась и успѣла пустить корни опасная ересь жидовствующихъ. Раскрытая благодаря ревности архіепископа Генадія эта ересь подверглась осужденію осенью 1491 года на Московскомъ церковномъ соборѣ. Послѣ этого Генадію вмѣстѣ съ намѣстниками Яковомъ и Юріемъ Захарычами было поручено разслѣдованіе виновныхъ и наказаніе ихъ. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ ересь покончила свое существованіе ⁶⁶). Послѣ этого Яковъ Захарычъ еще нѣсколько лѣтъ намѣстничалъ въ Новгородѣ и въ исходѣ 1495 года водилъ новгородскія войска въ походъ противъ Швеціи ⁶⁷).

Побывавъ затѣмъ нѣкоторое время намѣстникомъ въ Костромѣ и во Владимірѣ ⁶⁸), Яковъ Захаревичъ принялъ дѣятельное и выдающееся участіе въ войнѣ съ Литвой. Въ 1500 году, когда въ Москву прибыло посольство отъ князей, бывшихъ на службѣ у великаго Литовскаго Князя, съ просьбой принять ихъ съ вотчинами на службу Московскому государю, Иванъ III не упустилъ благоприятнаго случая. Онъ отправилъ противъ Литвы сильную рать, во главѣ которой былъ поставленъ Яковъ Захаревичъ. Русскія войска подъ начальствомъ храбраго и искуснаго воеводы дѣйствовали очень удачно и взяли Брянскъ и Путивль ⁶⁹).

Дѣятельность энергичнаго намѣстника и полководца не прошла незамѣченной. Онъ занялъ ко дню смерти Ивана III одно изъ первыхъ мѣстъ среди московскихъ бояръ. Третьимъ Яковъ Захаревичъ стоитъ въ спискѣ знатнѣйшихъ сановниковъ 1505 года, третьимъ изъ немногихъ виднѣйшихъ бояръ онъ подписался на духовной своего государя ⁷⁰). Когда на престолъ вступилъ Василій III, Яковъ Захаревичъ продолжалъ служить съ не меньшей ревностью. Уже на склонѣ лѣтъ онъ снова ведетъ московскія рати противъ литовцевъ. Воеводы великаго князя дошли почти до Вильны, но послѣ прибытія сильныхъ непріятельскихъ войскъ принуждены были отступить къ Оршѣ, Смоленску и даже Брянску, гдѣ получили значительныя подкрѣпленія. Тогда Литовскій великій князь заключилъ перемиріе съ Москвой ⁷¹). Участіе въ литовской войнѣ 1501—1509 годовъ было послѣдней службой Якова Захарыча. Въ 1510—1511 году престарѣлаго боярина не стало ⁷²).

Такова служебная дѣятельность выдающагося представителя рода Кошкиныхъ. Законоческія извѣстія лѣтошней не даютъ намъ, къ сожалѣнію, возможности дать его характеристику съ желательной точностью и опредѣленностью. Все же можно сказать, что Яковъ Захарычъ выделялся своей энергіей, административными дарованіями и воинскими талантами. Распорядительный, паходчивый и умѣлый онъ былъ равно на мѣстѣ, какъ на полѣ брани, такъ и при управленіи областями.

Братъ его, Юрій Захаревичъ, младшій годами, позже выступилъ на служебное поприще и раньше покинулъ его, скончавшись въ 1503—1504 годахъ и проживъ бояриномъ всего какихъ нибудь 11 лѣтъ ⁷³). Онъ былъ гораздо менѣе извѣстенъ, чѣмъ старшій братъ, съ которымъ вмѣстѣ былъ въ 1490-хъ, а можетъ быть, и 1480-хъ годахъ намѣстникомъ въ Новгородѣ ⁷⁴). Во время войны съ Литвой въ 1500 году Юрій Захаревичъ предводительствовалъ Московской ратью и дѣйствовалъ очень успешно.

Ему удалось взять городъ Дорогобужь. Тогда противъ Москвичей было отпращено сильное литовское войско, подъ главнымъ начальствомъ гетмана князя Константина Острожскаго. Въ свою очередь великій князь Иванъ III послалъ къ Юрью на помощь воеводу и боярина своего князя Данила Васильевича Щеня съ Тверскою силою. Князь Щеня и въ служебномъ отношеніи и по знатности происхожденія превосходилъ Юрья Захарьича, вслѣдствіе чего тотъ долженъ былъ удовольствоваться положеніемъ второстепеннаго воеводы и назначенъ былъ начальствовать сторожевымъ полкомъ. Это назначеніе разобидѣло гордаго побѣдителя, и онъ отказался, было, отъ предводительствованія войскамн, донеся великому князю, что ему «въ сторожевомъ полку быти немочно: то мнѣ стеречи князя Данила». Строгий Иванъ III цѣпилъ людей. Онъ понималъ, что самолюбіе доровитаго челоуѣка, показавшаго недавно свой воинскій талантъ, нужно поберечь. Въ то же время великій князь умѣлъ постоять за интересы государства и оберечь достоинство своей власти. Онъ отпращилъ князя К. Ушатата гонцемъ къ Юрью Захарьичу, который долженъ былъ выслушать и упречь себя и урокъ государственной мудрости и въ то же время нѣкоторое утѣшеніе. «Гораздо ли такъ чинишь?»,—говорилъ именемъ Ивана III присланный къ строптивому боярину князь Ушатый,—«говоришь, тебѣ не пригоже стеречи князя Данила: меня и моего дѣла? Каковы воеводы въ большомъ полку, тако чинять и въ сторожевомъ: шю то не соромъ тебѣ»⁷⁵).

Юрью Захарьевичъ смирился и вмѣстѣ съ княземъ Щенятемъ предводительствовалъ ратью въ знаменитой битвѣ на Митковѣ полѣ на рѣчкѣ Ведронѣ 14-го іюня 1500 г. Литовцы были разбиты на голову, и самъ гетманъ попалъ въ плѣнъ. Въ столкновеніи съ княземъ Щенятемъ Юрью Захарьичъ выказалъ большое честолюбіе; впрочемъ, быть можетъ, онъ стоялъ здѣсь и за родовую честь. Дѣятельностью своей онъ доказалъ свою храбрость, воинское искусство, безирекословнымъ повиновеніемъ волѣ Ивана III—исконную вѣрность своего рода князьямъ Московскимъ.

Этой преданностью своимъ Государямъ отличался и старшій изъ многочисленныхъ сыновей Юрья Захарьича, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, родной дядя царицы Анастасіи Романовны, дочери его брата, третьяго сына извѣстнаго побѣдителя литовцевъ. Отецъ первой супруги Грознаго, околыничій Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, намъ малоизвѣстенъ. Знаемъ только, что онъ былъ одно время воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ. Романъ Юрьевичъ былъ женатъ, имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, умеръ 12 февраля 1543 года и погребенъ въ Московскомъ Новоспас-

скомъ Монастырѣ ⁷⁶⁾. Объ его знаменитомъ потомствѣ — рѣчь впереди. А служебная карьера Михаила Юрьевича можетъ быть прослѣжена нами довольно хорошо. Еще до получения имъ званія окольничего Михаилъ Юрьевичъ выполняетъ дипломатическое порученіе въ Литвѣ. Затѣмъ служитъ воеводой подъ Смоленскомъ и въ Тулѣ. Въ 1513—1514 году ему сказано санъ Окольничего. Въ 1620—1621 годахъ Михаилъ Юрьевичъ, побывавшій передъ этимъ съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Казани, становится бояриномъ. Его служба продолжается. Мы встречаемъ Михаила Юрьевича на походахъ противъ Крыма и Казани въ 1522 и 1524 годахъ ⁷⁷⁾. Все свои службы бояринъ Захарыинъ выполнялъ усердно и пользовался полною благосклонностью своего государя. Известно, что Василій «не любилъ встрѣчи противъ себя». Не любилъ онъ и гордаго князя, а предпочиталъ рѣшать всѣ государственныя дѣла, «запершись самъ третій у постели». Этого-то государя, очевидно, желавшій по возможности порвать съ традиціями удѣльныхъ временъ, очень жаловалъ Михаила Юрьевича и довѣрялъ ему. На второй свадьбѣ великаго князя названный бояринъ былъ вторымъ дружкой. Въ 1527 и 1528 годахъ Михаилъ Юрьевичъ ручался за нѣкоторыхъ опальныхъ бояръ или принималъ поручниковъ по нимъ ⁷⁸⁾.

Расположеніе великаго князя Василія III къ вѣрному своему боярину вскрывается яснѣе всего изъ любопытнаго дѣтально описанія предсмертной болѣзни и кончины этого государя. Какъ свидѣтельствуетъ интересующій насъ разсказъ ⁷⁹⁾, великій князь Василій Ивановичъ захворалъ въ своемъ селѣ Озерецкомъ близъ Волоколамска осенью 1433 года, когда у него на ногѣ сдѣлалась какая-то злокачественная болячка (не карбункулъ ли?). Долго перемогался больнои, скрывая свою болѣзнь отъ жены и братьевъ, но, наконецъ, поддался. Потихоньку отъ всѣхъ онъ послалъ за духовными грамотами своихъ дѣда и отца и «пусти въ думу къ себѣ къ духовнымъ грамотамъ... Ивана Юрьевича Шигону ⁸⁰⁾ и діака своего Меньшова Путятина и нача мыслити князь велики, кого пустити къ ту думу и приказати свой государевъ приказъ». Изъ близкихъ бояръ при немъ не было Михаила Юрьевича, который и былъ вызванъ къ умирающему государю. На общемъ совѣтѣ рѣшено было ѣхать къ Москвѣ, куда и перевезли 23 ноября больного великаго князя. Тогда же Василій III сталъ «думати з бояры, а тогда бысть у него бояръ князь Василій Васильевичъ Шуйской, Михайло Юрьевичъ, и дворецкой его Тверскій Иванъ Юрьевичъ Шигона и діаки его Меньшой Путятинъ да Федоръ Мишюринъ». Съ этими ближайшими къ

пему лицами великій князь совѣтовался «о своемъ сыну о князѣ Ивашѣ и о своемъ великомъ княженіи и о своей духовной грамотѣ, понеже сынъ его еще младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертый, и како устроится царству послѣ его». Затѣмъ по написаніи духовной Василій III обратился къ религіозному утѣшенію: дважды соборовался и причастился святыхъ таинъ, причемъ «вста самъ, мало же его поприялъ Михайло Юрьевичъ». Послѣ причастія великій князь призвалъ къ себѣ митрополита, своихъ братьевъ и всѣхъ бояръ, а также другихъ служилыхъ людей и торжественно объявилъ своимъ наслѣдникомъ малолѣтняго сына, Ивана IV. Онъ успѣшилъ при этомъ напомнить своимъ братьямъ, которымъ, какъ видно изъ разказа лѣтописи, не очень довѣрялъ ⁸¹⁾, объ ихъ крестномъ цѣлованіи, а къ остальнымъ присутствовавшимъ обратился съ слѣдующими словами: «а вы бы бояре и боярскіе дѣти и княжата, стояли вопчѣ, съ моимъ сыномъ и съ моею братією противъ недруговъ, а служили бы есте моему сыну, какъ есте мнѣ служили прямо». Затѣмъ великій князь прибавилъ боярамъ: «вѣдаете и сами, что отъ великаго князя Володимера Кіевскаго ведется наше государство Владимерское, Новгородское и Московское; мы вамъ государи прироженые, а вы наши извѣчные бояре; и вы, брате, стойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государь и чтобы была въ землѣ правда».

Между тѣмъ болѣзнь шла своимъ чередомъ, и хотя князь «болѣзнь... не чюяше, а рапы у него не прибываше, но токмо духъ отъ нея тяжекъ, идуще же изъ нея неждь смертный». Тогда великій князь Василій Ивановичъ призвалъ къ себѣ «князя Михаила Глинскаго да Михаила Юрьевича и дохтуровъ своихъ», чтобы тѣ приложили къ болячкѣ такое средство, «чтобы отъ нея духу не было». «И нача ему говорити бояринъ его Михайло Юрьевичъ, тѣшачи государя: государь князь великій, чтобы водки нарядити и въ рану пущати и выжимати; ино, государь, видячи тебя, государя, такова неомна, чтобы государь, спустити съ ⁸²⁾ день или съ два, чтобы было, государь, хотя мало болѣзнь твоей облегченіе, ино бы тогда и водки спустити». Умирающій обратился къ одному изъ врачей и спросилъ: «мощно ли тобѣ, чтобы было облегченіе болѣзнь моею». На отрицательный отвѣтъ опечаленнаго доктора Василій замѣтилъ окружающимъ: «братіе! Николай надо мною позналъ, что язъ не вашъ». Раздались рыданія стряпчихъ и дѣтей боярскихъ, заглушенныя «сегодня» ⁸³⁾.

Смерть приближалась къ московскому государю. Наканунѣ своей кончины онъ призвалъ къ себѣ кромѣ князя Михаила Глинскаго и

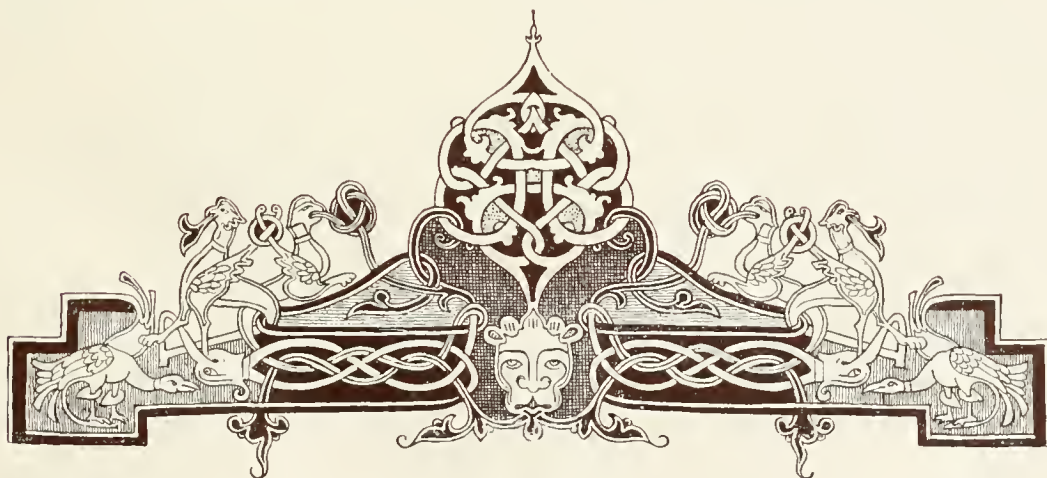
Михаила Юрьевича ⁸⁴⁾ еще нѣсколько приближенныхъ лицъ. «и быша у него тогда бояре отъ третіаго часа и до седмаго и приказалъ имъ о своемъ сыну великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и о устроеніи земскомъ, какъ бы править послѣ его государство. И поодоша отъ него бояре, а у него остася Михаилъ Юрьевичъ да князь Михаилъ Глицкой да Шигона, и быша у него тѣ бояре и до самыя пощи. И приказалъ имъ о своей великой книгѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быти и какъ къ ней боярамъ ходити, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строитися». Вообще Михаилъ Юрьевичъ не отходилъ отъ умирающаго великаго князя. Онъ былъ свидѣтелемъ трогательнаго прощанія Василія III съ дѣтьми и женой, при чемъ великій князь, благословивъ своего младшаго сына золотымъ крестомъ, «приказа отнести тотъ крестъ по представленіи своемъ боярину Михаилу Юрьевичю».

Тяжелые моменты прощанія умирающаго съ близкими сердцу кончились. Тогда великій князь рѣшилъ, что настало время исполнить свое задушевное желаніе и принять постриженіе. Митрополитъ Даниилъ и вѣрный бояринъ «Михайло Юрьевъ похвалили ему дѣло то, что добра желаетъ». Но другіе приближенные стали возражать... «И бысть промежь ими при велика». Наконецъ, по просьбѣ самого князя Василія митрополитъ началъ совершать обрядъ постриженія. Великій князь потерялъ тѣмъ временемъ голосъ, теряя силы, не могъ поднять правой руки «и подняше ея бояринъ его Михайло Юрьевичъ». По окончаніи пострига умирающаго причастили Св. Таинъ. Лицо его просвѣтлѣло, и онъ спокойно опочилъ отъ мірской суеты. «И видѣ Шигона»,—прибавляетъ благочестивый бытописатель,—«духъ его отшеде, аки дымецъ малъ».

Мы видѣли, какую дѣятельную и важную роль игралъ Михаилъ Юрьевичъ во время предсмертной болѣзни своего государя, какимъ вѣрнымъ и любящимъ слугою онъ былъ великому князю. Умеръ Василій III, и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ распорядился его похоронами. Онъ «повелѣ во Архангелѣ ископати гробъ подлѣ отца его великаго князя Ивана Васильевича; онъ же призвалъ «патерничего... И повелѣ ему гробъ привести камень». Въ малолѣтство Ивана IV Михаилъ Юрьевичъ продолжалъ служить вѣрой-правдой московскому великому князю. Между прочимъ незадолго до своей смерти онъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ съ литовскими послами. Такъ на второмъ совѣщаніи, Михаилъ Юрьевичъ, видя, что прѣбывшіе паны хотятъ отмолчаться отъ переговоровъ, вынудилъ ихъ прервать молчаніе, замѣтивъ, «Паны, хотя

бы теперь дни были и большіе, то молчаніемъ ничего не сдѣлать, а теперь дни короткіе (дѣло происходило въ декабрѣ 1536 г. и январѣ 1537 г.), и говорить будете, такъ все мало времени»⁸⁵). Участіе въ совѣщаніяхъ съ послами было, повидимому, одной изъ послѣднихъ службъ Михаила Юрьевича. Въ «7046 (1537—8) году... умерш, бояре... Михайло Юрьевичъ Захарынь». ⁸⁶). Не стало преданнаго, умнаго, искуснаго въ посольскихъ дѣлахъ слуги московскихъ государей.

Со смертью Михаила Юрьевича и его братьевъ ⁸⁷) сошло съ исторической арены послѣднее поколѣніе рода Кошкиныхъ-Захарыньныхъ какъ рядовыхъ, хотя и знатныхъ великокняжескихъ бояръ. Племянница его стала Московской царицей, а племянники поднялись до положенія влиятельной царской родни. Оглянемся поэтому на путь, пройденный предками царицы Анастасіи. Онъ почетенъ и славенъ. Съ давнихъ поръ представители ея рода стоятъ у трона великихъ князей московскихъ, собирателей Руси. Они служили своимъ государямъ и родниѣ, когда Москва была незначительнымъ сравнительно городомъ, они помогали выростанію могущества ея, ея князей и всей земли русской. То стоя у кормила правленія, то завѣдуя великокняжеской казною, то воя войска на вѣшнихъ враговъ, управляя областями, договариваясь съ иноземными дипломатами, Кошкины-Захарыны содѣйствовали собиранію Руси. Они приобрѣли при этомъ большой политическій навѣкъ и смыслъ и передали его своимъ потомкамъ. Они нелицемѣрно служили своимъ государямъ и приобрѣли тѣмъ для младшихъ поколѣній своего рода, «Никитичей», историческое право наследовать своимъ царственнымъ родственнымъ и продолжать ихъ великое дѣло устроенія и возвеличенія Россіи ⁸⁸).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царица Анастасія Романовна и царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

I.

Въ 1540-хъ годахъ въ Москвѣ жило осиротѣвшее семейство окопничего Романа Юрьевича Захарына. Жило оно скромно и благочестиво. Мать, боярыня Іуліанія Θεодоровна, принявшая внослѣдствіи иночество, воспитывала въ добрыхъ старыхъ завѣтахъ рода Захарыныхъ своихъ дѣтей: Даніила, Далмата, Никиту, Анну и Анастасію ¹⁾. Будущая царица родилась, какъ полагають, около 1530 года. Съ дѣтства она была приучена къ рукодѣльямъ, и нѣсколько работъ ея, исполненныхъ по исконному русскому обычаю для украшения храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей, сохранилось до нашихъ дней. Выростая подъ сѣнью родительскаго дома, молодая дѣвушка незамѣтно развивалась, расцвѣла красой и приэтомъ плѣняла всѣхъ своимъ добрымъ и кроткимъ нравомъ. Существуетъ преданіе, что святой Геннадій Костромской, посѣтивъ Москву, «пріялъ былъ честно отъ боярыни Іуліаніи Θεодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея Даніилы и Никиты и дщери ея Анастасіи Романовны». Прозорливецъ предсказалъ, будто бы, скромной боярынинѣ супружество съ царемъ, что и сбилось въ недалекомъ будущемъ ²⁾.

Тиха и уютна была жизнь юной Анастасии Романовны. Непривѣтливо и бурно протекали дѣтство и ранняя юность ея царственного суженнаго. Несмотря на весь вишній блескъ, окружавшій Ивана IV, сирота великій князь былъ одинокъ и заброшенъ. Въ младенчествѣ царственного малютку окружали ласки и заботливость отца, не парадовавшагося на своего надежду-сына. Рожденіе «царскаго отрочати» вызвало рядъ предсказаній и ожиданій. Такъ юродивый Дементій на вопросъ великой княгини Елены: «Что имамъ родити», яко уродствуя отвѣща: «Титъ широкій умъ». Другое предсказаніе сдѣлалъ почитаемый современниками шнокъ Галактіонъ, задолго до появленія на свѣтъ Божій Іоанна предрекшій, что у великаго князя Василя родится сынъ, который покоритъ царство Казанское ³⁾. Наконецъ на только что родившагося малютку извѣстная своей ревностью къ державной власти партія духовенства возложила упованія, какъ на того, «кто управитъ исконное во отечествіи его любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мѣтежное шатаніе» ⁴⁾. По удивительному стеченію обстоятельствъ все предсказанія сбылись: и Казань была взята, и царь былъ одаренъ широкимъ и острымъ умомъ, и «мѣтежное шатаніе о благородствѣ» было сломлено. Однако, къ величайшему сожалѣнію, умъ царя не былъ во время направлень на одно благое, а неизбежную борьбу съ высшимъ, титулованнымъ боярствомъ царь повелъ черезъ-чуръ круто и первно. По разбираясь въ причинахъ жестокихъ и подчасъ безумныхъ казней Ивана IV, мы не можемъ не принимать во вниманіе тѣхъ условій, при которыхъ выросъ этотъ, хотя и занятнанный злодѣяніями, но все же глубоко несчастный человекъ ⁵⁾.

При чтеніи разсказа о послѣднихъ дняхъ жизни великаго князя Василя III невольно обращаемъ вниманіе на какую-то чрезмѣрную боязнь умирающаго за своего сына. Какъ мы видѣли, онъ всемъ внушаетъ мысль о необходимости оберегать Іоанна и вѣрно служить ему: и братьямъ, и боярамъ, и прочимъ служилымъ людямъ. Приказалъ Василій и «мамѣ», т. е. главной воспитательницѣ своего маленькаго сына, боярыню Челядшиной: «Чтобы еси, Огрофна, отъ сына моего отъ Ивана няди не отступала». Кроме того Софійская вторая дѣтонша сообщаетъ намъ еще одно любопытнѣйшее обстоятельство. При знатнѣйшихъ боярахъ, которымъ Василій поручилъ заботу объ Иванѣ и о дѣдѣ его матери, князѣ Михаилѣ Львовичѣ Глинскомъ, великій князь сказалъ послѣднему: «А ты бы, князь Михайло Глинской, за моего сына великаго князя Ивана, и за мою вели-

8. 10. 2019

кую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ»⁶).

Предчувствія Василія III отчасти сбылись. Правда, сынъ его благополучно пережилъ пору своего дѣтства и ранней юности и «сучишся на государствѣ государь», но много непріятностей и униженій, о которыхъ Иванъ IV сохранилъ мрачное воспоминаніе на всю жизнь, выпало ему на долю. На четвертомъ году Иванъ лишился отца, на восьмомъ потерялъ мать и остался въ самомъ пѣжномъ возрастѣ круглымъ сиротой. Бояре и, главнымъ образомъ, бояре-князья пренебрежительно относились къ юному государю, высказывали неуваженіе къ памяти его покойныхъ родителей, оставляли его безъ ухода и ласки, занятыя своими раздорами и борьбой знатнѣйшихъ фамилій въ государствѣ. За мелкими личными счетами князья-бояре забывали и государево дѣло, и самого государя. А между тѣмъ на пріемахъ пословъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ Иванъ видѣлъ себя главнымъ лицомъ, а первѣйшіе сановники въ государствѣ рабскино склонялись передъ нимъ. Все это раздражающе дѣйствовало на умную, первую и впечатлительную натуру ребенка. Онъ мучительно чувствовалъ свои обиды, началъ догадываться о своихъ правахъ и о попраніи ихъ окружающими. А послѣ того какъ онъ вполне отчетливо созналъ высокое значеніе своего сана, это стало обычнымъ предметомъ его размышленій, при чемъ не любовь, а злѣмъ и ненависть къ незаконнымъ похитителямъ власти, князьямъ-боярамъ, все болѣе и болѣе возрастали.

Когда великому князю минуло двѣнадцать лѣтъ, новое зло ожидало его: лесть и занскиванье окружающихъ, догадавшихся о томъ, что посредствомъ подрастающаго государя можно будетъ добиться вліянія и власти. Если пренебреженіе и обиды ожесточили душу Ивана, то лесть и ласкательство поселили въ ней презрѣніе къ человѣческому достоинству. Государь сталъ показывать себя, обнаруживалъ по временамъ вспышки безудержнаго гнѣва и внушилъ къ себѣ нѣкоторый страхъ.

Не знаемъ, подъ чьимъ вліяніемъ юный великій князь полюбилъ чтеніе. Можетъ быть, здѣсь сказались основныя свойства его натуры, склонной къ сложной душевной жизни и работѣ ума. Во всякомъ случаѣ это былъ большой начетчикъ. При этомъ чтеніе, вращавшееся въ кругу определенныхъ религіозныхъ и политическихъ темъ, и неминуемое общеніе съ духовенствомъ, главой котораго былъ, начиная съ 1542 года, знаменитый своимъ умомъ и любовью къ просвѣщенію митрополитъ Макарій, принад-

лежавшій къ партіи іосифлягъ, еще болѣе укрѣшило Ивана IV въ любимой мысли о святости и важности его положенія ⁷⁾). Подъ вліяніемъ этой мысли молодой 16-ти-лѣтній Иванъ рѣшился на небывалое дѣло: торжественно вѣнчаться на царство и именовать себя во всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ сношеніяхъ Царемъ и великимъ княземъ ⁸⁾). Въ то же время задумалъ великій князь вступить въ бракъ. Объявить о такихъ важныхъ событіяхъ своей жизни, изъ которыхъ первое должно было знаменовать факты большого политическаго значенія: возвышеніе могущества Руси и усиленіе державной власти, противоположеніе государя всѣмъ его поданнымъ, какой бы титулъ они ни носили ⁹⁾, Иванъ IV пожелалъ въ самой торжественной обстановкѣ. 13-го декабря 1546 года государь призвалъ къ себѣ на совѣщаніе митрополита Макарія и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. На другой день первосвятитель отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и вызвалъ въ Москву всѣхъ бояръ и даже тѣхъ, «которые въ онаѣ были; и съ митрополитомъ всѣ бояре у великаго князя были и видоша отъ великаго князя радостны». Черезъ 3 дня, въ пятницу 17 декабря, у государя были митрополитъ со всѣми боярами и выслушали слѣдующую рѣчь молодого властителя: «Милостью Божіею и Пречистые Его Царици Богоматери, и великихъ чудотворцовъ Петра и Алексія и Ионы и Сергіа Чудотворца и всѣхъ святыхъ Русскихъ чудотворцовъ молитвами и милостью, положилъ на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ семи женитися: и язъ по твоему благословенію умыслилъ и хошу женитися, гдѣ ми Богъ благословить и пречистая Его Богомати и чудотворци Русскіе земли. А помыслиахъ семи женитися въ ѣныхъ царствахъ, у короля у котораго, или у Царя у котораго, и язъ, отче, тоѣ мысль отложилъ, въ ѣныхъ государствахъ не хочу женитися для того, что язъ отца своего Государя великаго князя Василія и своей матери остался малъ: привести миѣ за себя жену изъ ѣного государства, и у насъ иѣчто поровы будутъ розныя, ино между нами тщета будетъ, и язъ, отче, умыслилъ и хочю женитися въ своемъ государствѣ, у кого ми Богъ благоволить по твоему благословенію».

Рѣчь юнаго великаго князя до слезъ тронула собравшихся, «видяще такова государя млади суща, а ни съ кѣмъ совѣтующа, развѣ Божія промысла, таково благо помыслъ хотяща исполнити». Митрополитъ благословилъ Ивана и сказалъ: . . . «соверши Богъ твою мысль исполнену въ благое дѣло». Бояре также одобрили желаніе государя. Послѣ этого великій князь заявилъ и о другомъ своемъ намѣреніи: «По твоему, отца

своего митрополита, по благословенію и съ вашего боярскаго совѣту хочю язъ напредъ своей женитбы понекати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ: какъ наши прародители цари и великіе князи и сродничъ нашъ великіи князь Владимерь Всеволодичъ Манмахъ на царство, на великое княженіе садился, и язъ по тому же тотъ чинъ хочю исполнити и на царство на великое княженіе хочю сѣсти. И ты, господине, отецъ мой Макарей митрополитъ, то дѣло благослови меня совершити». И на эту рѣчь митрополитъ отвѣтилъ благословіемъ, а бояре радостными, быть можетъ и лицемѣрными, похвалами, по поводу того, «что государь въ такомъ во младенъчествѣ, а прародителей своихъ чиновъ великихъ царей и великихъ князей поискалъ».

Выполняя свои намѣренія, Іоаннъ IV 17-го января 1547 года торжественно вѣнчался на царство. Въ это время уже шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящей женитбѣ молодого государя. Прежде всего ему надлежало избрать себѣ невѣсту. Какъ передаетъ Герберштейнъ, при вступленіи великаго князя Василя III въ первый бракъ былъ произведенъ выборъ изъ 1500 красивѣйшихъ дѣвушекъ въ странѣ¹⁰⁾. Сынъ Василя пожелалъ послѣдовать примѣру своего отца. Намѣстникамъ разныхъ областей государства и специально для этой цѣли посланнымъ сановникамъ были даны порученія произвести выборъ красивѣйшихъ въ каждомъ уѣздѣ дѣвушекъ и представить ихъ государю въ Москву на смотръ. Здѣсь то одной изъ нихъ предназначено было стать счастливой избранницей юнаго царя. До насъ дошли двѣ любопытныя грамоты, относящіяся къ этой женитбѣ царя Ивана¹¹⁾. Въ первой, посланной въ декабрѣ 1546 года въ Новгородъ «княземъ и дѣтемъ боярскимъ», говорится между прочимъ: «послалъ есми въ отчину свою, въ Великіи Новгородъ, Околничего... а велѣлъ есми бояромъ своимъ и намѣстникомъ... да околничему... смотрити у Васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты... и выбѣ съ ними часа того ѣхали въ Велики Новгородъ... А которой васъ дочь дѣвку у себя утаитъ... и тому отъ меня быть въ великой опале и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу». Такими же словами, показывающими, что дѣло велось по возможности насильно, оканчивается и другая намъ извѣстная грамота, отправленная 4-го января 1547 года въ Вязму и Дорогобужь. Въ ней мы встрѣчаемся и съ любопытнымъ указаніемъ на случаи уклоненія отъ предварительныхъ смотровъ. «И вы де и къ нимъ», т. е. государевымъ посланцамъ, «не ѣдете»,— говорится въ грамотѣ,—«и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ

не слушаете, и вы то чините негораздо, что наших грамоть не слушаете и вы бѣ единолично часу того похваля з дочерми своими»; «а который къ намъ з дочерми своими часа того не поѣдетъ, и тому отъ меня быти въ великой ошале и в казни».

Неизвестно, когда состоялся съѣздъ выбранныхъ на предварительныхъ смотрахъ невѣсть въ Москву; неизвестно также, почему юный государь остановилъ свой выборъ на Анастаси Романовѣ. Существуютъ догадки, что здѣсь были причины и политическія соображенія. Царь не желалъ жениться на русской княжнѣ, чтобъ не поощрять спесивыхъ притязаній титулованной знати; въ то же время онъ хотѣлъ взять въ жены дѣвушку изъ стараго боярскаго рода ¹²⁾. Эти догадки могутъ почестъся не безосновательными, если мы примемъ во вниманіе, во-первыхъ, то обстоятельство, что Иванъ IV ни разу не остановилъ выбора на представительницѣ русскаго князья. Во-вторыхъ, родъ царицы Анастаси былъ однимъ изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ среди московскаго петитулованнаго боярства. Впрочемъ, думается намъ, царь скорѣе всего избралъ подружку жизни, руководствуясь зародившеюся въ немъ сердечной склонностью. Во всякомъ случаѣ впоследствии онъ горячо любилъ свою первую жену и находился подъ благотворнымъ влияніемъ ея женственной прелести и доброты.

Свадьба царя Ивана и Анастаси Романовны состоялась 3-го февраля 1547 года, «въ четвертокъ всѣядня недѣли», въ Успенскомъ соборѣ. Радостное для всей Руси таинство совершилъ самъ митрополитъ Макарій, сказавшій повобрачнымъ учительное слово. Въ своемъ поученіи перво-святитель давалъ наставленія, какъ жить молодымъ царю и царицѣ въ страхѣ Божіемъ, и указывалъ на выполнение христіанскихъ и царственныхъ добродѣтелей, какъ на залогъ счастья и блаженства ¹³⁾.

Слова митрополита о милосердіи и справедливости и заботливости о подданныхъ соответствовали душевному настроенію молодой царицы. Правда, читая многія хвалебные отзывы объ Анастаси Романовѣ, трудно сказать, что скрывается за обычными риторическими эпитетами: христовлюбивая, Богомудрая, благочестивая. Но, къ счастью, мы имѣемъ характеристику первой жены Грознаго, выдѣляющуюся изъ общаго уровня шаблонныхъ фразъ. Мы разумѣемъ сообщеніе, помещенное въ одной изъ послѣднихъ главъ Хронографа редакціи 1617 года. Авторъ этихъ главъ былъ несомнѣнно талантливымъ писателемъ: благодаря поэтическому складу души и тонкому уму онъ имѣлъ необыкновенную

способность живописать людей и их свойства. Его характеристики, порой чрезмерно субъективны, всегда ярки и выразительны. Вот этот именно писатель и дал нам о царице Анастасии отзыв, объясняющий причины огромной популярности первой жены Грозного. «Изобрѣте бо предоброе сокровище»,—пишет книжникъ начала XVII вѣка, сообщивъ о первомъ бракѣ царя Ивана,—«какъ свѣтлый бисеръ или афракъ, камень драгій, всечестную отроковицу и блаженную въ женахъ Анастасію, дочь пѣкшого вельможи, Романа именемъ, яже богоугодное житіе не точію въ дѣвственничествѣ, но и во брацѣ, не гордящися діадимою, поживе и славу сего суетного свѣта ни во что же вмѣняше». Далѣе авторъ говоритъ о добродѣтеляхъ царицы: она «смиреномудріемъ присно украшающися; нелицемѣрному же поесту и крайнему воздержанію всегда прилежаше, на молитву преклоняющися, и зельно нищенюбію рудѣ простираше». Но Анастасія не только сама была добродѣтельна. Царица «и самого честнаго и благороднаго супруга своего, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на всякія добродѣтели наставляя и приводя». Когда же «блаженная же и предобрая супруга его не во многихъ лѣтахъ ко Господу отиде, и потомъ, какъ чужая бурія велиа припаде къ тишигѣ благосердіа его»¹⁴).

Сквозь обычную для XVI—XVII вѣка реторику въ вышеприведенномъ отзывѣ ясно обрисовывается образъ царицы Анастасіи, скромной, доброй, любящей русской женщины, имѣвшей самое благотворное вліяніе на своего умнаго и богато одареннаго, но необузданнаго, опальчиваго и болѣзненно подозрительнаго мужа. Благодаря браку съ Анастасіей и начинается благодѣтельная перемена въ Иоаннѣ. Страшное бѣдствіе, посѣтившее Москву въ томъ же году, огромный пожаръ 2 іюня 1547 года, и тѣсное сближеніе государя съ Сильвестромъ и Адашевыми упрочили эту перемену¹⁵). Мало по малу юный царь обратился къ дѣламъ правленія, обнаружилъ кипучую дѣятельность и провелъ въ началѣ 1550-ыхъ годовъ рядъ важныхъ внутреннихъ преобразованій. Тогда же былъ совершёнъ и славнѣйшій въ глазахъ народа воинскій подвигъ Иоанна, покореніе Казанскаго царства. Подготовленное Иоанномъ III и Василиемъ III взятіе Казани и послѣдовавшее за нимъ покореніе Астрахани окружило имя Грознаго громкой славой побѣдителя и завоевателя Татарскихъ царствъ. Иванъ IV долго собиралъ силы для окончательной борьбы съ Казанью. Наконецъ онъ почувствовалъ себя готовымъ къ этому предпріятію: были собраны большія силы для осады Казани, въ новопостроенномъ городѣ Свияжскѣ устроена

база для военных операций, выставивъ заслонъ противъ возможнаго нападенія Крымцевъ. Только послѣ этого войска двинулись въ походъ.

Настало время и самому царю поспѣшить подъ Казань. Анастасія между тѣмъ готовилась въ третій разъ стать матерью: двѣ дочери ея и царя Ивана умерли въ младенческіе годы ¹⁶). Тяжела была для нѣжныхъ супруговъ разлука, особенно при такихъ обстоятельствахъ. Однако приходилось покориться неизбежности, такъ какъ присутствіе царя въ лагерѣ осаждающихъ было необходимо въ виду важности историческаго событія. Поэтому 16-го іюня 1552 года Иванъ IV самъ отправился въ походъ, трогательно простившись съ горячо любимой женой. «Азъ, жено, надѣяся на Вседержителя и премилостиваго и всещедраго и челоуѣколюбиваго Бога, дерзаю и хошу итти противъ нечестивыхъ варваръ и хошу страдати за православную вѣру и за святые церкви не токмо до крови, но и до послѣдняго издыханія..... Тебѣ же, жено, повелѣваю никако о моемъ отшествіи скорбѣти, но пребывать повелѣваю въ велицыхъ подвижѣхъ духовныхъ и часто приходити къ святымъ Божиимъ церквамъ и многи молитвы творити за мя и за ся и многу милостыню творити убогимъ, и многихъ бѣдныхъ и въ нашихъ царьскихъ опалахъ разрѣшати повелѣваю, да сугубу мзду отъ Бога прѣимемъ, азъ за храбрѣство, а ты за сіи блага дѣла». Анастасія, услышавъ прощальныя слова своего царственнаго супруга, «уязвися нестерпимою скорбію и не можаше отъ великія печали стоять», такъ что Іоаннъ поддерживалъ ее «своима руками». Придя нѣсколько въ себя отъ горькаго плача, царица съ трудомъ отвѣчала: «Ты убо, благочестивый государю мой, заповѣди храниши Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, еже ти хотящу душу свою положить за православную вѣру и за православныя христіане, азъ же како стерпю отшествіе своего государя? Или кто ми утолитъ горькую сію печаль? Или кто ми принесеть и повѣдастъ великую сію милость отъ Бога... яко благочестивый царь государь.... дрався съ нечестивыми и одолевъ и на свое царство здравъ возвратися? О всемилостивый Боже, услыши слезы и рыданіе рабы своей, дай ми сіе услышати!.....» Послѣ словъ жены Иванъ сталъ снова утѣшать ее, горячо поцѣловалъ и отправился на славный подвигъ ¹⁷).

Прошло нѣсколько мѣщевъ, горячія пожеланія Анастасіи сбылись, и 2 октября 1552 года Казань лежала у ногъ русскаго царя. Спусти нѣсколько дней по взятіи Казани, Іоаннъ, оставивъ въ новопокоренномъ краѣ часть войска и воинскихъ запасовъ, поспѣшилъ вернуться въ Москву къ царицѣ Анастасіи Романовнѣ. Князь Курбскій въ своей «Исторіи

князя Великаго Московскаго», положей болѣе на злостный памфлетъ, рассказываетъ, что «совѣтовавшие» царю «всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребыли зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ» и этой мѣрой «до конца выгубили бы воинство бусурманское и царство оно себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки». «Царь же совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ; они бо шептаху ему во уши да поспѣшится ко царицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направилъ съ понами»¹⁸⁾. Мы однако увѣрены во-первыхъ, что Грозному не нужно было слушать ничьихъ совѣтовъ, чтобы ускорить отъѣздъ въ Москву къ больной женѣ. Во-вторыхъ, мѣра, предлагаемая якобы «мудрыми воеводами», была и безцѣльна и не нужна и врядъ ли осуществима. Для окончательнаго замиренія края необходимы были годы, сколько бы войска ни держать въ немъ; завоеваніе оказалось достаточно прочнымъ и безъ такой чрезвычайной оккупациі; войско состояло главнымъ образомъ изъ ополченій служилыхъ людей, т. е. дѣтей боярскихъ; а эти ополченія рвались домой, да и присутствіе дѣтей боярскихъ, номѣщиковъ въ ихъ хозяйствахъ, ввѣренныхъ имъ государствомъ, являлось довольно важнымъ не только съ ихъ частноклассовой точки зрѣнія. Кромѣ того возвращеніе царя въ столицу послѣ взятія Казани было очень полезно и для правительственныхъ дѣлъ.

Грозный выѣхалъ изъ Казани 12 октября, ѣхалъ сначала Волгой, затѣмъ отъ Нижняго помчался «на коняхъ» ко Владимиру. На пути къ нему пришла радостная вѣсть о рожденіи сына, царевича Дмитрія. Тогда «государь благочестивый испусти отъ радости неизреченныя слезы и рекъ: «что воздамъ, Владыко, противъ твоему благодаренію? усугубилъ еси на мнѣ грѣшнемъ милость свою». Продолжая свой путь и совершая богомолья въ близлежащія обители, Иванъ пріѣхалъ въ концѣ октября въ Москву, гдѣ его ожидала торжественная встрѣча и поздравительная рѣчь митрополита Макарія. Лишь послѣ этого царь могъ отдаться величію сердца и повидать свою любимую супругу, едва оправившуюся отъ рожденія сына. Началась ширь и щедрья пожалованія по случаю радостныхъ событій. Въ декабрѣ царь съ царицею отпраздновалъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, гдѣ и состоялось крещеніе царевича Дмитрія¹⁹⁾.

Торжества, связанные съ взятіемъ Казани и рожденіемъ царскаго сына первенца, прервались въ самомъ началѣ марта внезапной и опасной болѣзнию молодого государя. Эта болѣзнь, едва не стоившая жизни Грозному,

вскрыла таившуюся до того времени вражду князятъ къ новой царской родѣ и имѣла несомнѣнное вліяніе на дальнѣйшій ходъ царствованія Ивана Васильевича. Какъ разсказываетъ хорошо освѣдомленный офиціальныи лѣтописецъ той эпохи, во время болѣзни царя разыгралась слѣдующія событія. «Бысть болѣзнь» государя «тяжка зѣло, мало и людей знающе и тако бѣше болѣзнь, яко многимъ части: къ концу приближися». Тогда по совѣту одного изъ приближенныхъ дьяковъ, Ивана Михайлова, царь Иванъ повелѣлъ написать духовную грамоту, а къ вечеру привелъ на основаніи этой грамоты къ крестному цѣлованію «на царевичево княже-Дмитріево имя бояръ своихъ: князей П. Ѡ. Мстиславскаго, Вл. П. Воротынскаго, Дм. Ѡ. Палетцкаго, бояръ П. В. Шереметьева, М. Я. Морозова, Дан. Ром. и Вас. Мих. Юрьевыхъ, дьяка Михайлова. Въ тотъ же вечеръ, государь привелъ къ крестному цѣлованію думныхъ дворянъ: Алексѣя Ѡеодоровича Адашева и Нги. Вешнякова. Это были ближайшіе къ царю въ то время сановники. Однако и среди нихъ началось колебаніе. Такъ бояринъ князь Дм. Ив. Шкурлятевъ и казначей Никита Фуниковъ уклонились отъ присяги, оба «разнемоглись»: по слухамъ же они сносились съ возможнымъ претендентомъ на престолъ, двоюроднымъ братомъ царя, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ и его матерью, честолюбивою княгинею Евфросиніей, которые, пользуясь случаемъ, помышляли о царскомъ престолѣ. Они, какъ мы увидимъ, встрѣтили сочувствіе не только среди своихъ дѣтей боярскихъ, которыхъ они стали задабривать, «давати жалованіе деньги», но и среди родовитѣйшаго титулованнаго боярства. Даже князь Палецкій, тесть малоумнаго царскаго брата, поцѣловавъ крестъ царевичу Дмитрію, сталъ ссылаться съ княземъ Владиміромъ, прося у него и у княгини Евфросиніи милостей для своего зятя, если князь Старицкій будетъ государемъ Московскимъ.

Однако ближніе царскіе бояре приняли свои мѣры. Они указали князю Старицкому и его матери на неприличіе ихъ поступковъ: «государь не догадаетъ, а оны (т. е. князь Владиміръ) людей своихъ жадуеть». Тѣ стали «на бояръ velmi негодovati и кручинитица», бояре же начали «отъ нихъ беречися и князя Володимера Ондрѣевича ко государю часто не почали пушати». Тогда доброхотъ князя Старицкаго, всесильный любимецъ царя, священникъ Сильвестръ, взялъ сторону Владиміра и сказалъ боярамъ: «про что вы ко государю князя Володимера не пушаете? братъ васъ, бояръ, государю доброхотиѣ». На это послѣдовалъ отвѣтъ,

что «на чемъ они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, по этому и дѣлають, какъ бы ихъ государство было крѣиче». Въ такихъ переговорахъ прошелъ вечеръ, а на другой день государь призвалъ къ себѣ всѣхъ бояръ и приказалъ имъ принести присягу царевичу Дмитрию въ Передней избѣ, такъ какъ «государь изнемога же велми и ему при собѣ ихъ приводити къ цѣлованію нестомно». Поэтому приводить къ присягѣ должны были ближніе государевы бояре: Метиславскій и Воротышскій «съ товарищи» ²⁰).

Тогда то и разыгралась въ высшей степени бурная и непристойная сцена. Не стѣсняясь присутствіемъ умирающаго государя, бояре затѣяли между собой жестокою ссору, причѣмъ зачищниками явились сторонники князя Владимира. Изъ нихъ князь Пв. Мих. Шуйскій отказался по формальному соображенію: «нмѣ не передѣ государемъ крестъ цѣловати немочно». Но отецъ государева любимца, Алексѣя Адашева, околышчій Феодоръ Адашевъ, выяснилъ, въ чемъ дѣло: «вѣдаетъ Богъ да ты, государь: тебѣ, государю, и сыну твоему царевичу князю Дмитрею крестъ цѣлуема, а Захарынымъ намъ Данилу з братією не служивати: сынъ твой, государь нашъ, ещо въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарынымъ Данилу з братією; а мы уже отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видѣли многія». Слова Адашева были сигналомъ къ волненіямъ: «бысть мятежъ великъ и шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярехъ, а не хотять пеленичнику служить». Бояре, вѣрныя Ивану, стали увѣщевать остальныхъ присягнуть царевичу Дмитрию, а тѣ «почали бранитися жестоко, а говорячи имъ, что они хотять сами владѣти, а они имъ служить и ихъ владѣнія не хотять». «И бысть межъ бояръ»—прибавляетъ лѣтописецъ,—«брань велия и крики и шумъ великъ и слова многія бранныя».

Вся эта ссора произвела самое тягостное впечатлѣніе на смертельно больного царя. Видя «боярскую жестокость», «царь и великій князь» началъ говорить такъ: «Колн вы сыну моему Дмитрею креста не цѣлуете, ино то у васъ иной государь есть, а цѣловали есте мнѣ крестъ и не одинова, чтобы есте мимо насъ иныхъ государей не искали, а язъ васъ привожу къ цѣлованію, и велю вамъ служити сыну своему Дмитрею, а не Захарынымъ; и язъ съ вами говорити много не могу.... а не служити кому которому государю въ пеленицахъ, тому государю тотъ и великому не захочетъ служити; и колн мы вамъ не надобны, и то на вашихъ душахъ»... Затѣмъ, обратившись къ безусловно вѣрнымъ ему боярамъ, государь сказалъ: «будеть станецца надо мною воля Божія, меня

не станеть, и вы покажуте, помянуте, на чемъ есте мѣ и сыну моему крестъ дѣловали; не дайте бояромъ сына моего извести некоторыми обычаи, побѣжите въ чужую землю, гдѣ Богъ наставитъ». Закончилъ свою рѣчь Грозный напоминаніемъ Дашилу Романовичу и двоюродному его брату, Василию Михайловичу: «А вы, Захарыины, чего испужались? али чаете, бояре васъ пощадятъ? вы отъ бояръ первыи мертвецы будете! и вы бы за сына за моего да и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе не дали».

Грѣбныя слова Грознаго поотрезвили бояръ, которые пошли присягать царевичу Дмитрію. Однако и тутъ не обошлось безъ протестовъ, причѣмъ лѣтѣише отмѣчаютъ князей Пронскаго, Ростовскаго, Щенятева и Пѣмого Оболенскаго. Тѣмъ не менѣе присяга были принесена. Затѣмъ былъ приведенъ къ присягѣ и князь Владимиръ Андреевичъ. Долго онъ не хотѣлъ присягать, спорилъ въ присутствіи государя съ боярами и подчинился только угрозамъ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ царя, заявившихъ, что «не учнетъ князь креста дѣловати, и ему отсюда не выдти». И мать князя Старшцаго «одва велѣла вѣчать приложити, а говорила: «что то де за дѣлованіе, коли невольное!» и много рѣчей бранныхъ говорила. «И оттолѣ бысть вражда велія государю съ княземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ, а въ боярѣхъ смута и мятежь, а царствку вочала быти въ всемъ скудость»,—заканчиваетъ свое любознѣтнѣе повѣствованіе бытописатель.

Владимиръ Андреевичъ съ матерью, бояре-княжата и Сильвестръ съ своими сторонниками ²¹⁾ рассчитывали или учитывали скорую кончину царя. Грозный между тѣмъ выздоровѣлъ отъ «огненной болѣзни» и вичѣмъ до поры до времени не обнаружилъ своего недовольствія на продерзостныхъ и некрѣпкихъ ему сановниковъ. Нельзя ли видѣть здѣсь вліянія кроткой Анастасіи? Во всякомъ случаѣ весной 1553 года царь болѣе думалъ о возданіи благодарности Вышнему, чѣмъ о наказаніи провинившимся и отведеніи лавнавшимъ боярамъ. По благочестивому обычаю того времени были предприняты большія богомолья по святымъ обителямъ. Царь съ царицей посетили съ мая мѣсяца по коневъ іюня вромѣ другихъ монастырей Троице-Сергіевъ и Кирилло-Бѣлозерскій. Затѣмъ, оставивъ жену въ послѣдней обители, Грозный съѣздилъ помолиться въ Ораночтовъ монастырь и по пустынямъ и только послѣ этого царь съ царицей отправился къ обратный путь. Здѣсь ихъ постигло тяжелое горе: скончался ихъ первенецъ и наследникъ, взреничъ Дмитрій ²²⁾.

Ища утѣшенія въ своей скорби, Іоаннъ и Анастасія снова предприняли рядъ путешествій по обителямъ. Съ жаркой мольбой о исцеленіи нѣмъ дѣтей были они въ Ростовѣ у Леонтія чудотворца и въ монастырѣ св. Никиты въ Переяславцѣ и въ горячей вѣрѣ обрѣли утѣшеніе. Въ 1554 году царственные супруги были обрадованы рожденіемъ сына, царевича Іоанна. Послѣ сего у нихъ родились царевна Евдокія, скончавшаяся 2-хъ лѣтъ, и царевичъ Ѳеодоръ, которому судьбой предназначено было стать послѣднимъ государемъ изъ династіи Кашиы ²³).

Такъ шла семейная жизнь Грознаго и Анастасіи, жизнь полная интимныхъ радостей и печалей, жизнь полная любви и нѣжности. Никакія внутреннія бури не омрачали, на сколько можно судить, брачнаго сожителства царственныхъ супруговъ. Огорченія приходили извнѣ и шли они отъ князятъ, раздосадованныхъ возвышеніемъ Захарыныхъ, и отъ Сильвестра съ присными. Такъ въ 1554 году былъ обнаруженъ замыселъ князей Ростовскихъ отѣхать или, какъ стали въ тѣ времена смотрѣть въ Москвѣ, бѣжать въ Литву. На допросѣ выяснилось, что князь Семень Ростовскій говорилъ: «государь не жадуеть великихъ родовъ, безчеститъ, а приближаетъ къ себѣ молодыхъ людей, а насъ нми теснитъ, да и тѣмъ насъ истеснилъся что женился у боярина у своего дочеръ взялъ, понялъ рабу свою и намъ какъ служити своей сестрѣ, и шные поносительныя слова ²⁴)». Эта исторія, какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго слѣдствія, была въ тѣсной связи съ происшествіями, имѣвшими мѣсто во время опасной болѣзни царя, и кончилась ссылкой коновода Ростовскихъ князей князя Семена, «въ Бѣлоозеро въ тюрьму».

Не знаемъ причинъ недовольствія Сильвестра на царицу Анастасію. Курбскій ни въ чемъ не упрекаетъ ее. Самъ Иванъ пишетъ: «Единого роди малаго слова непотребна». Но въ виду молчанія Курбскаго нѣтъ основанія думать, что это слово было «малымъ» лишь въ глазахъ Ивана. Неудивительно, если и кроткая царица на обнаруженныя къ ней и ея роднымъ чувства могла отвѣтить взаимной холодностью и даже какой-нибудь рѣзкостью. Это по мнѣнію Грознаго вызвало «ненависть зѣльную» къ Анастасіи, которую Сильвестръ и его друзья стали уподоблять «всѣмъ печестивымъ царицамъ». Въ другомъ мѣстѣ царь Иванъ опредѣленно говоритъ о томъ, что партія Сильвестра сравнивала Анастасію Романовну съ императрицей Евдокіей, гонительницей Златоуста ²⁵). Не раздѣляя убѣжденія Грознаго о «зѣльной ненависти» Сильвестра къ Ана-

стасіи, не можемъ совершенно отвергнуть его показаній. Судя по выше-приведенному разсказу Царетвенной Книги о болѣзни царя, кое-что изъ заявленій Ивана можно принять. Нелюбовь къ роду Захарьиныхъ среди высококрѣпныхъ княжатъ и ихъ доброхотовъ могла нечувствительно переходить и въ неприязнь къ царицѣ Анастасіи.

Тѣмъ не менѣе при жизни кроткой царицы даже ея недоброжелатели могли быть спокойны за свою участь. Она, обезоруживая царя, смягчала его гнѣвные порывы и удерживала его отъ казней и ональ. Недолго однако наслаждался Иванъ IV своимъ счастьемъ. Все, казалось, предвѣщало Анастасіи долгую и счастливую жизнь. Любимая мужемъ, цвѣтущая здоровьемъ могла ли она думать, что безжалостная смерть уже сторожитъ ее у порога. Осенью 1559 году царь съ супругой и дѣтьми были въ Можайскѣ, и тамъ «грѣхъ ради нашихъ царица недомогла»²⁶⁾. Болѣзнь оказалась предвѣстницею скорой кончины. И вотъ 7-го августа 1560 года Грозный лишился своей «юницы»²⁷⁾. Отчаяніе овдовѣвшаго царя Ивана Васильевича было велико и непритворно. Съ плачемъ и рыданіями шелъ онъ за гробомъ безвременно угасшей подруги жизни, поддерживаемый подъ руки приближенными.

Горе царя раздѣляли съ нимъ и его подданные. Множество народа толпилось за печальной процессіей, преграждая ей путь. Всѣ шли отдать послѣдній долгъ первой русской царицѣ. Индѣи и убогіи со всей Москвы собрались на погребеніе своей благодѣтельницы «не для милостыни, но съ плачемъ и рыданіемъ велиемъ».—какъ замѣчаетъ летописецъ, прибавляющій за тѣмъ: «Више же по ней плачь не махъ, бѣ бо милостива и беззлюбива ко шемъ»²⁸⁾.

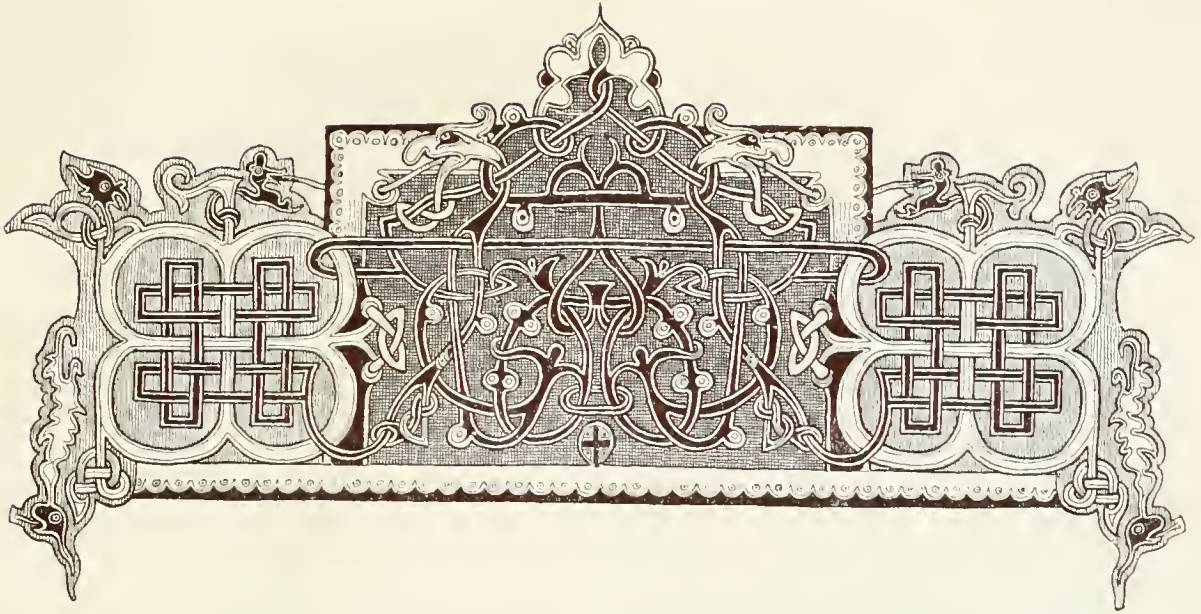
Вскорѣ послѣ смерти Анастасіи въ характерѣ Іоанна произошла разительная перемѣна. Она объясняется, во первыхъ, отсутствіемъ той нравственной сдержки, которой была для Грознаго его «беззлюбивая» «юница». Во вторыхъ, смерть Анастасіи въ столь молодые годы не могла послѣ прощешствій въ 1553 году не казаться чрезвычайно, можно сказать болѣзненно, подозрительному Ивану IV слѣдствіемъ отравы. И вотъ царь быстро покатылся по наклонной плоскости озлобленія и грѣха. При томъ заговорила и чувственная сторона этой страстной натуры. И исторія половина царствованія Грознаго является странной эпохой въ жизни русскаго народа, когда казни и развратъ царили надъ испуганной землей. При этомъ Іоанна охватывали часто порывы раскаянія и угрызения совѣсти. Съ ясностью онъ представлялъ себѣ тогда всѣ ужасы, имъ содѣян-

ные, не находилъ себѣ оправданія, молился, постился... и все это до новой вспышки ярости и гнѣва.

Озлобленное умоизступленіе, въ которомъ находился царь Иванъ съ 1560-ыхъ годовъ, не позволяло долго понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ внутренней политики Грознаго. Мы разумѣемъ знаменитую опричнину, «учрежденіе», которое, по остроумному замѣчанію Ключевскаго, «всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ»²⁹). Въ настоящее время послѣ мастерскаго изслѣдованія С. О. Платнова мы хорошо знаемъ весь смыслъ демократической сравнительно опричнины, которая была направлена противъ титулованнаго боярства и явилась логическимъ завершеніемъ политики Ивана III и Василія III. Однако тотъ же изслѣдователь еще разъ подтвердилъ намъ, что «сцены звѣрствъ и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязной иѣной, которая кишѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ»³⁰). Отмѣтимъ, что низшіе слои населенія, чутьемъ оцѣнивавшіе смыслъ личности и политики Грознаго, съ негодованіемъ относились къ его опричникамъ-любимцамъ¹).

Во всякомъ случаѣ мрачныя ужасы второй половины царствованія Грознаго дѣлали для народа еще болѣе привлекательнымъ и популярнымъ свѣтлый образъ первой его супруги, тихой, кроткой и милостивой царицы Анастасіи Романовны. Уже одно это обстоятельство было благопріятнымъ для того, чтобы царицына родня стала пользоваться народнымъ расположеніемъ. Личныя достоинства царскаго шурина, боярина Никиты Романовича Юрьева, упрочили это расположеніе и сдѣлали впоследствии семью Никитичей необыкновенно популярной и любимой народными массами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царскіи шуринъ и ближній бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ.

1.

ДРАКЪ государя въ древней Руси имѣлъ обыкновенно одно естественное послѣдствие: родня новой государыни, до тѣхъ поръ часто незнатная и незамѣтная, выдвигалась на первыя мѣста въ государствѣ, пріобрѣтала большое вліяніе и значеніе. Тѣмъ болѣе должны были возвыситься ближайшіе родные царицы Анастасіи, братья ея, и сами по себѣ принадлежавшіе къ одному изъ старѣйшихъ московскихъ боярскихъ родовъ. Старшій изъ братьевъ Анастасіи Романовны, Данилъ Романовичъ, получилъ къ свадьбѣ своей сестры санъ окольничего ¹⁾. Не прошло послѣ этого и двухъ лѣтъ, а мы видимъ уже Данила Романовича въ званіи боярина и дворецкаго. Эти званія онъ сохранялъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1565 году ²⁾.

Быстро повышаясь, старшій царскіи шуринъ несетъ дѣятельную службу. Онъ участвуетъ въ рядѣ походовъ подъ Казань, послѣ взятія этого города отправленъ царемъ въ Москву съ вѣстью о славномъ

завоеваніи, совершаетъ въ 1555 году походъ для усмиренія Казанскаго края, который вздумалъ вернуть себѣ былую независимость. Принималъ участіе Данилъ Романовичъ и въ Ливонской войнѣ. Въ большинствѣ случаевъ онъ служилъ вторымъ воеводой въ большомъ полку, т. е.

Усыпальница бояръ Романовыхъ-Юрьевыхъ.

занимаетъ одно изъ первыхъ, хотя и не главное мѣсто³. Изъ Захарьиныхъ онъ до самой своей смерти наиболѣе замѣтенъ. Ему «съ братіей» отказываются служить въ 1553 году бояре—князата и нѣкоторые сторонники. Чѣмъ заслужилъ Данилъ Романовичъ нелюбовь титулованнаго боярства помимо своего приближенія къ трону, мы не знаемъ: свойства его личности намъ совершенно неизвѣстны. Имѣемъ только одну современную характеристику его, но она, во-первыхъ, принадлежитъ такому пристрастному человѣку, какъ Курбскій, во-вторыхъ, лишена индивидуальных чертъ и, наконецъ, относится сразу къ нѣсколькимъ лицамъ. Въ этой характеристикѣ «шурья» царя поставлены во главѣ «срезлыхъ ласкателей» и «сечетивыхъ губителей» «всего царствія». Далѣе приписываются огульно всѣмъ ласкателямъ «замыслы» всѣмъ нами (т. е. знатью?) «владѣти» «и судъ превращающе, посулы грабити и другія длюсти плоднѣ, скверныя пожитки свои умножающе»⁴).

Считая эти отзывы личными доказательной силой, мы привели нѣтъ, какъ показателей отношенія партіи князатъ къ роду Захарьиныхъ, не болѣе.

Не представляя себѣ облика старшаго изъ братьевъ царицы Анастасіи, не знаемъ подробностей и его семейной обстановки. Изслѣдованія генеоло-

гистовъ обнаружили намъ лишь то, что Данилъ Романовичъ былъ женатъ два раза. Какъ первая, такъ и вторая жена его носили одинаковое имя— Анна. Каково было ихъ происхожденіе, не установлено. Извѣстно только, что вторая жена пережила своего мужа и погибла во время страшнаго пожара 24-го мая 1571 года, въ нашествіе хана Дивлетъ-Гирея на Москву. Ея участь раздѣлили и дѣти Данила Романовича: Иванъ, Феодоръ и Анна ⁵⁾. Такимъ образомъ пресѣклось потомство старшаго брата царицы Анастасіи. За то потомкамъ младшаго изъ ея братьевъ предстояла славная будущность.

II.

По даннымъ родословныхъ изысканій Никита Романовичъ Юрьевъ былъ старше своей царственной сестры. Однако, повидимому, онъ былъ очень молодъ ко дню ея свадьбы съ Грознымъ, почему долго не получалъ думнаго званія. Это не мѣшало быть ему въ приближеніи у государя, съ которымъ онъ какъ «спальникъ и мыльникъ» былъ «въ мыльнѣ» передъ первой царской свадьбой ⁶⁾. Молодость не помѣшала и женитьбѣ Никиты Романовича, супруга котораго, урожденная Головина, принимала участіе въ брачномъ церемоніалѣ князя Юрія Васильевича. Рано овдовѣвъ, Никита Романовичъ вступилъ около 1555 года во вторую бракъ, женившись на княжнѣ Евдокии Александровнѣ Горбатой, отъ которой имѣлъ многочисленное потомство ⁷⁾. Въ 1558—1559 годахъ онъ получилъ санъ окольничего, въ 1562—1563 годахъ сталъ бояриномъ, а въ 1565—1566 годахъ, по смерти своего старшаго брата—дворецкимъ ⁸⁾. Служба его была посвящена военнымъ, дворцовымъ, административнымъ и государственнымъ дѣламъ, и всюду Никита Романовичъ проявлялъ свои способности и такія личныя свойства, которыя стяжали ему общее уваженіе и любовь.

Какъ воинъ и полководецъ, Никита Романовичъ упоминается много разъ въ разрядныхъ записяхъ того времени. Такъ, между прочимъ, онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ походовъ противъ Ливоніи ⁹⁾. Въ одномъ изъ этихъ походовъ, въ 1575 году, Никита Романовичъ Юрьевъ взялъ городъ Пернау, причемъ выказалъ себя необыкновенно великодушнымъ побѣдителемъ. «По извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ»,—разсказываетъ С. М. Соловьевъ,—«воевода Никита Романовичъ Юрьевъ обошелся очень милостиво съ жителями Пернау, позволилъ имъ со всѣмъ добромъ выйти изъ города и, чего не могли тутъ захватить съ собою, то взять послѣ» ¹⁰⁾.

Кромѣ войны съ Ливоніей царскіи шурины бывалъ и въ другихъ походахъ: для защиты государства отъ вторженія Крымцевъ, въ походѣ противъ Швеціи и иныхъ ¹¹⁾. Царь, очевидно, цѣнилъ его и надѣлся на его вѣрность. Сверхъ того, какъ братъ первой, любимой жены царя и дядя царевичей, Никита Романовичъ игралъ большую и видную роль при царскомъ дворѣ. Онъ, правда, не состоялъ въ опричинѣ, но это, пожалуй, и не входило въ виды самого Грознаго, которому среди земщины необходимо было имѣть безусловно вѣрныхъ себѣ людей. Во всякомъ случаѣ Никита Романовичъ неизмѣнно сохранялъ расположеніе царя и постоянно сопровождалъ его въ разныхъ походахъ ¹²⁾. Онъ оставался при этомъ въ должности дворецкаго до 1576—1577 года, когда на его мѣсто назначенъ былъ князь Федоръ Ивановичъ Хворостининъ. Но въ этой переѣмѣ нельзя видѣть оцѣны или даже проявленія неудовольствія со стороны царя, такъ какъ новый дворецкій былъ поставленъ ниже окольничьихъ, слѣдовательно, должность была признана менѣ почетной, чѣмъ прежде. Надо также принять во вниманіе, что въ томъ же самомъ году Никита Романовичъ попрежнему находился «при государѣ», при которомъ состоялъ и новый дворецкій ¹³⁾.

Довѣріе Грознаго къ своему шурину высказалось и въ томъ, что съ 1572 года царь поручилъ ему заведываніе важнымъ дѣломъ обороны южной окраины Московскаго государства ¹⁴⁾. Здѣсь проявились административныя способности Никиты Романовича. На этой сторонѣ служебной дѣятельности знаменитаго боярина слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Она наиболѣе извѣстна и имѣла, какъ мы предполагаемъ, нѣкоторыя немаловажныя послѣдствія.

Чтобы понять важность и трудность возложенныхъ на Никиту Романовича обязанностей, далеко нелишнимъ является ознакомленіе съ той обстановкой, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Южная окраина Московскаго государства, граничившая съ дикою степью и бассейномъ рѣки Дона, составляла въ тѣ времена предметъ усиленныхъ работъ и безпокойствъ царя и правительства. Со стороны дикой степи, или какъ говорили тогда, дикаго поля всегда можно было опасаться внезапнаго появленія хищныхъ кочевниковъ, крымскихъ татаръ. Живя грабежомъ сосѣдей, крымцы зорко подстерегали удобный моментъ и, улучивъ его, являлись «изгономъ» или «искрадомъ» на Русь, разоряли и опустошали ее. Необходимо было бороться съ Крымомъ, при чемъ можно было выбрать одинъ изъ трехъ путей. Возможно было попытаться

покорить крымцевъ, ограничиться обороной отъ нихъ, или держаться по отношенію къ нимъ смѣшанной, т. е. оборонительно-наступательной политики. Но покореніе Крыма, какъ это ясно сознавалъ умный и провидцательный царь Иванъ Васильевичъ, было въ XVI вѣкѣ предпріятіемъ невыполнимымъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, походъ черезъ дикое поле для громоздкаго московскаго ополченія былъ крайне изнурителенъ. Далѣе доставка черезъ это поле военныхъ и иныхъ припасовъ и подходъ подкрѣпленій были дѣломъ весьма труднымъ. Взятіе Крыма потребовало бы долговременнаго присутствія въ немъ огромнаго оккупационнаго корпуса, а, какъ мы уже отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, московское служилое ополченіе нельзя было очень долго держать на походномъ положеніи. Наконецъ, сувереномъ Крымскаго хана въ XVI вѣкѣ былъ могущественнѣйшій Турецкій султанъ, которому, пользуясь удобнымъ путемъ по Черному морю, легко было бы вытѣснить насъ изъ Крыма, если бы мы и овладѣли имъ.

Отказавшись поэтому отъ наступательной борьбы съ Крымомъ, нельзя было въ то же время ограничиваться и одной пассивной обороной. Южная окраина была тогда не очень далека отъ столицы государства, и страшный набѣгъ въ 1571 году хана Дивлетъ-Гирея показывалъ, что границу эту надо постепенно отодвигать къ югу. Тогда остановились на третьемъ, единственно вѣрномъ способѣ рано или поздно подчинить себѣ степь. Границу стали укрѣплять построеніемъ городовъ-крѣпостей, въ которыхъ ставились сильные военные отряды и изъ которыхъ въ дикое поле высылались многочисленные сторожа и станицы для наблюденія за возможнымъ появленіемъ враговъ. Наблюденіе облегчалось тѣмъ, что въ степи было только нѣсколько удобныхъ для движенія воинскихъ отрядовъ дорогъ или шляковъ. Съ теченіемъ времени, когда пограничные города и ихъ уѣзды развивались и становились болѣе многочисленными, въ степи строились новыя укрѣпленія и уже изъ нихъ высылались развѣдочные и сторожевые отряды. Такова была въ общихъ чертахъ организація обороны южной окраины Московскаго государства въ концѣ XVI и XVII вѣковъ. Для несенія нелегкихъ и опасныхъ службъ по этой оборонѣ привлекалось мѣстное населеніе, для прироста котораго на югѣ Московское правительство принимало свои мѣры, посылая въ южные города еденцевъ изъ другихъ мѣстностей государства. Брало оно на службу и тѣхъ переселенцевъ, которые брели на югъ изъ центральныхъ областей, спасаясь отъ тяжелыхъ для нихъ условій существованія

въ московской Руси. Охотно принимались также тѣ люди, которые возвращались въ предѣлы Руси, побывавъ уже за рубежомъ, сойдя на Донъ «въ вольные казаки» и т. д.

Населеніе южной окраины, въ большинствѣ своемъ служилое, принадлежало къ наименѣ хорошо поставленнымъ въ государствѣ классамъ общества. Тяжелая служба, постоянная опасность, невысокое положеніе среди другихъ разрядовъ московскихъ людей, необходимость обрабатывать землю не только на свой обиходъ, но и для прокормленія тѣхъ войскъ, которыя присылались изъ Москвы для охраны границы, все это дѣлало жителей южной окраины однимъ изъ наиболѣе недовольныхъ элементовъ въ государствѣ¹⁵⁾. Завѣдываніе такимъ населеніемъ требовало особаго умѣнья и способностей. И въ этомъ отношеніи выборъ Никиты Романовича Юрьева нельзя не признать удачнымъ. Впрочемъ не онъ былъ первымъ организаторомъ или, вѣрнѣе, реорганизаторомъ станичной и сторожевой службы. Его предшественникомъ былъ знаменитый воевода и бояринъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынской, назначенный 1 января 1571 года «въдати станицы и сторожи и всякіе. государевы польскія службы». Ему то и принадлежать первыя распоряженія относительно посылки станицъ и сторожей изъ разныхъ южныхъ городовъ Московскаго государства¹⁶⁾. Однако уже въ слѣдующемъ году мы видимъ во главѣ этого дѣла боярина Никиту Романовича Юрьева, который и завѣдывалъ имъ, повидимому, непрерывно почти до самой смерти. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ распоряженія его по дѣлу обороны южной окраины въ 1572, 1576, 1577, 1578, 1580 и 1586 годахъ. Въ то же время, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, въ эти годы на Никиту Романовича возлагались и другія порученія. Напримеръ въ 1575 году онъ стоитъ во главѣ войскъ, осаждавшихъ Пернау. Распоряженія Никиты Романовича касаются разныхъ сторонъ его дѣятельности, какъ начальника развѣдочной службы на южной окраинѣ. Такъ онъ съ дякомъ Вас. Щелкаловымъ изучаетъ новую дорогу въ степи, дорогу, которой стали пользоваться татары. Затѣмъ одинъ или съ другими боярами Никита Романовичъ опредѣляетъ способъ несенія сторожевой службы, время, когда надо начинать ее, разстоянія, которыя надо обслуживать развѣдчикамъ, сроки, на которые они посылались въ степь, и тому подобныя подробности¹⁷⁾. На ряду съ этимъ царскому шурину приходилось озаботиться лучшимъ обезпеченіемъ служилыхъ людей, поставить ихъ существованіе въ болѣе сносныя и справедливыя условія. Станичники и сторожи, которые несли тяжелую

развѣдочную службу, дѣти боярскіе, помѣстные и безпомѣстные, ата-маны, сторожевые казаки безпрестанно подавали на государево имя челобитныя съ просьбой объ удовлетвореніи ихъ многообразныхъ нуждъ. Челобитныя эти шли на разсмотрѣніе Никиты Романовича. Въ рѣшеніяхъ по поводу этихъ прошеній сказывалась справедливость и гуманность царскаго шуріна, соединившіяся съ его радѣньемъ государеву дѣлу, т. е. интересамъ службы.

Благодаря заботливости и вниканію въ нужды подчиненныхъ Никитой Романовичемъ были произведены въ положеніи служилыхъ людей на южной окраинѣ слѣдующія перемѣны. Было отмѣнено обыкновеніе отправлять въ «польскія» (т. е. полевые) посылки и сторожи по спискамъ полковыхъ воеводъ, которые, обыкновенно, изъ своихъ полковъ отправляли самыхъ негодныхъ дѣтей боярскихъ, а было постановлено составлять нужные списки въ центральномъ вѣдомствѣ, завѣдывавшемъ служилыми по отечеству людьми, «въ Розрядѣ». При этомъ урегулирована была и служба этихъ дѣтей боярскихъ. Состоялось постановленіе, по которому «дважды бы однихъ дѣтей боярскихъ врядъ на польскую службу не посылати, для великія нужи будетъ перемѣнить ихъ некъмъ, или по ихъ охотѣ». Для безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ «по приговору Никиты Романовича была постановлена ежегодная выдача денежнаго жалованья. Улучшено было также положеніе сторожевыхъ казаковъ: имъ былъ увеличенъ помѣстный окладъ въ 2½ раза (съ 20 четей до 50). Кромѣ того имъ «приговорили давать денежное жалованье «въ третей годъ по три рубли человѣку для сторожевыя службы, чтобъ имъ безконнымъ не быти¹⁸⁾».

Такими и цѣлымъ рядомъ подобныхъ распоряженій Никита Романовичъ не могъ не заслужить себѣ признательности со стороны населенія южной окраины, съ которой его связала столь долговременная и плодотворная служба. Не отсюда ли идетъ популярность Никитичей среди казачьихъ элементовъ, которая сказалась, какъ мы увидимъ ниже, впоследствии и которая легко могла зародиться именно благодаря отношеніямъ Никиты Романовича къ «Югу» и его доброй справедливости?

Что личность царскаго шуріна и бояршана была очень популярна въ широкихъ слояхъ русскаго населенія, доказываютъ лучше всего народныя пѣсни о немъ. Въ одной изъ нихъ, посвященной князю Михаилу Васильевичу Скопинцу-Шуйскому, этотъ полководецъ представленъ современникомъ Грознаго и Никиты Романовича. Последній въ отвѣтъ на просьбу

Скопшиа помочь осажденной литовцами Москвѣ сожалѣеть сначала объ утраченной молодости, затѣмъ оборачивается бѣлымъ горностаемъ и «выщелкиваетъ» въ оружейныхъ «магазенахъ» «замочки отъ ружей»: ставъ послѣ того сѣрымъ волкомъ онъ «выторкалъ» у непріятельскихъ лошадей «всѣ глотки». Наконецъ, Никита Романовичъ дѣлается добрымъ молодцемъ и идетъ воевать съ врагами.

Если въ вышеизложенномъ произведеніи народнаго творчества прославляется умъ и сверхъестественныя чародѣйскія силы знаменитаго боярина, то въ пѣснѣ о Мамстрюкѣ Темрюковичѣ, другомъ царскомъ шуринѣ, братѣ второй жены Грознаго, Маріи, рисуются близкія отношенія Никиты Романовича и къ царю и къ народу. Близкій бояринъ докладываетъ царю о желаніи заѣзжаго княжича «загонять сильно царство Московское». Царь, выслушавъ Никиту Романовича, сказалъ ему: «ты садися на добра коня, побеги по всей Москве по широкимъ улицамъ». По приказу Грознаго «дядюшка», какъ ласкательно зоветъ народная пѣсня любимаго боярина, ѣдетъ по Москвѣ, находитъ 2-хъ борцовъ, 2-хъ братьевъ Борисовичей и сводитъ ихъ съ Мамстрюкомъ. Пѣсня кончается похвалениемъ заѣзжаго черкаскаго князька и побѣдой русскихъ борцовъ, которыхъ беретъ подъ свое покровительство самъ царь.

Народное воображеніе не довольствовалося тѣмъ, что воспоминало излюбленнаго «дядюшку» Никиту Романовича въ пѣсняхъ о другихъ лицахъ. Оно сложило пѣсно, посвященную почти исключительно его прославленію. На шурѣ у Грознаго,—говорится въ этой пѣснѣ,—царь похвастанся тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ русской земли. Царевичъ Иванъ, сидѣвшій за царскимъ столомъ, возразилъ на это, что главный измѣнникъ безнаказанно дѣйствуетъ. Въ отвѣтъ на гнѣбныя допытыванія отца царевичъ указалъ на своего младшаго брата, Феодора. Грозный, разъярившись, приказываетъ казнить сына. Малюта Скуратовъ съ готовностью хватается Феодора и ѣдетъ съ нимъ на Поганую лужу. Узнаетъ объ этомъ отъ своей сестры, царицы Анастасіи, Никита Романовичъ, сѣдлаетъ онъ добраго коня и мчится въ погоню за Малютой. Догнавъ лютаго оирничка, онъ бьетъ его до смерти со словами: «не за свой кусъ ты, собака, хватаешься и этимъ кусомъ самъ подавишься». Со спасеннымъ отъ смерти царевичемъ возвращается радостно Никита Романовичъ въ Москву. Тамъ царь погруженъ въ печаль и всѣмъ приказалъ ходить изъ черномъ платкѣ. Въ праздничной одеждѣ идетъ царскій шуринъ къ Иоанну, и дѣло объяняется. Грозный отъ гнѣва и печали переходитъ

къ бурной радости и сулить Никитѣ Романовичу «города съ селами». Однако Никита безкорыстенъ. «Не беру я города съ пригородками, Не надо мнѣ селъ со приселками... А ты пожалуйка Микитину вотчину: Кто коня угналъ, кто жену увелъ, Да ушелъ въ Микитину вотчину, Того въ Микитиноѣ вотчинѣ не взыскивати». Въ позднѣйшей обработкѣ только что пересказанной пѣсни, обработкѣ, сложенной въ далекой Сибири, все дѣло передается съ нѣсколькими иными подробностями. Царевичъ Θεодоръ навлекаетъ на себя гнѣвъ грознаго отца тѣмъ, что, упомянувъ о трехъ боярахъ Годуновыхъ, какъ главныхъ измѣнникахъ, не желаетъ назвать ихъ именъ. Когда Малота Скуратовъ увозитъ царевича на казнь, вѣсть объ этомъ доходитъ до «старога» Никиты Романовича. Онъ догоняетъ палача и уговариваетъ казнить вмѣсто Θεодора своего любимаго конюха. Приѣхавъ въ свою Романовскую вотчину, дядя празднуетъ спасеніе племянника веселымъ пиромъ. Годуновы стараются навлечь на Никиту Романовича царскую опалу и рассказываютъ о пирѣ, не зная его причины. Царь сѣдшитъ къ своему шурина, въ ярости пронзаетъ его ногу своимъ жезломъ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, пожаловалъ «старова Никиту Романовича» «ногребъ злата и серебра», второе «штыя разнова, а сверхъ того грамота тарханная кто церкву покрадетъ мужика ли убьетъ а хто у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ во село во боярское ко старому Никите Романовичу и тамъ быть имъ не в выдаче»¹⁹⁾.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, пѣснь сложена въ буйной казачьей средѣ. Характерно, что и тамъ личность Никиты Романовича рисуется въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Онъ не боится противостать самому Грозному, презрительно обходится съ его любимцемъ—опричникомъ Малотой и отказывается отъ богатыхъ даровъ царя съ тѣмъ, чтобы сдѣлать свою отчину прибѣжищемъ злосчастныхъ людей, которымъ, въ случаѣ ихъ поимки, грозили страшныя кары. Такъ высоко стоялъ образъ «дядюшки», «старога» Никиты Романовича въ народномъ воображеніи.

III.

Мы познакомились съ дѣятельностью и личностью царскаго шурина и ближняго боярина Никиты Романовича Юрьева. Прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ годахъ его жизни, у насъ на очереди стоитъ любопытный и нелишній нѣкотораго значенія вопросъ, соответствовали ли

положенію этого боярина его матеріальныя средства. Прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на поставленный нами вопросъ, нужно признать, что воиогѣ удовлетворительно разрѣшить его мы въ настоящее время не въ состояніи ²⁰). «Фамлія Романовыхъ»,—говоритъ авторъ изслѣдованія «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи»,—«какъ по родству съ царскимъ домомъ, такъ и по мѣстности, стояла высоко среди московской знати въ исходѣ XVI столѣтія, но о богатствѣ ея намъ не пришлось встрѣтить особыхъ указаній. Во всякомъ случаѣ состояніе Романовыхъ, какъ опальныхъ бояръ при царѣ Борисѣ Θεодоровичѣ, должно было сильно пошатнуться» ²¹). Воиогѣ соглашаясь съ Е. П. Карновичемъ во второмъ случаѣ, не можемъ воиогѣ принять его перваго замѣчанія. Указанія на богатства Романовыхъ есть, но ихъ надо собрать и свести воедино. Тогда, если и не создастся цѣльной картины, то получится воиогѣ определенное впечатлѣніе.

Прежде всего отмѣтимъ, что уже предки Романовыхъ, Кошкины, обладали громадными богатствами, заключавшимися сообразно господствовавшему у насъ въ то время типу народнаго хозяйства главнымъ образомъ въ земельныхъ вотчинахъ. О земельномъ довольствѣ Кошкиныхъ мы можемъ заключить по подарку, сдѣланному одной изъ представительницъ рода Маріей Голтыевой, невѣсткой Θεодора Кошки. Въ половинѣ XV вѣка она отдала своему любимому правнуку, князю Борису Волоцкому, слѣдующія земли: «на Коломиѣ села Проскуринское, да Веденское и з деревнями, и на Городиѣ деревня, и на Москвѣ за Похорою Розсудовские села Зверевское и Барановское, и иные села и з деревнями и съ пустоши, и въ Володимере Симвзинские села и Лазаревское и Котязино, и что къ тѣмъ селомъ потягло, какъ было за Марьею: да у города у Володимеря Евнутьевское село, да на Костромѣ на Волзѣ Нижняя Слобода со всеми деревнями, да Базѣевское, да Мануиловское и з деревнями, да на Вологдѣ Турацдаевское, да Понизовное, да Кобыльинские (вариантъ: Кобыльинские) села, да Горка, да на Шюшѣ деревня, да у Москвы село Шараново з деревнями, да Лошаково з деревнями, да дугъ на рощѣ на Москвѣ подъ Крутицею, да въ Берендѣевѣ село Ростовцовское з деревнями, да въ Кинегѣ Суровцово, да Тимофеевское, да Микульское... да..... дворъ свой внутри города на Москвѣ» ²²). Кроме земельныхъ владѣній Голтыева имѣла еще казну, которую во время междоусобій разграбили было сторовники Шемяки ²³). Другой представитель рода, Захарій Ивановичъ, родной прадѣдъ Никиты Романовича,

былъ тоже, повидимому, очень богатъ. Вспомнимъ пресловутую исторію съ драгоцѣннымъ золотымъ поясомъ, усаженнымъ самоцвѣтными камнями, разыгравшуюся на свадьбѣ великаго князя Василя Васильевича. Обладаніе такимъ поясомъ является признакомъ большого благосостоянія его владѣльца: въ тѣ времена подобныхъ вещей не очень много было и въ великокняжеской казнѣ.

Конечно, богатства, собранныя предками, распредѣлялись между многочисленнымъ потомствомъ; но съ другой стороны служба на важныхъ и,

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, на Варваркѣ.

по обычаямъ того времени, доходныхъ должностяхъ намѣстниковъ и волостелей, царскія пожалованія, приданое должны были увеличить средства Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Никита Романовичъ, оба раза выгодно женатый, унаследовавшій по всей вѣроятности состояніе, оставшееся послѣ смерти дѣтей Данила Романовича, служившій столь долго въ важнѣйшемъ санѣ боярина, неизмѣнно пользовавшійся царскимъ расположеніемъ, братъ любимой жены царя естественно долженъ былъ обладать большимъ состояніемъ. Конфискація, постигшая имѣнія Никитичей при царѣ Борисѣ, мѣшаетъ намъ съ точностью опредѣлить размѣры земельного богатства,

оставленного имъ отцомъ. Однако по вотчинамъ Ивана Никитича и по некоторымъ другимъ даннымъ можно въ общихъ, конечно, чертахъ прослѣдить, какими землями обладалъ Никита Романовичъ. Подобную работу предпринялъ недавно капитанъ Корнуса военныхъ топографовъ М. Я. Кожениковъ, любезно предоставившій въ наше распоряженіе карту, на которую онъ, пользуясь указаніями печатнаго матеріала, нанесъ владѣнія Никиты Романовича и его ближайшаго потомства.

Изучая эту карту, видимъ, что вотчины царскаго шурина и ближняго боярина находились во многихъ уѣздахъ Московскаго государства. Прежде всего отмѣтимъ усадьбу Романовыхъ въ Москвѣ, въ Кингай-городѣ, на Варваркѣ. Палаты бояръ Романовыхъ, заново построенныя въ

Общій видъ села Ясны, Владимірскаго губ. Юрьевскаго уѣзда.

ЛІХ вѣкѣ, занимаютъ лишь часть этой усадьбы. Затѣмъ подѣ Москвой находился рядъ селъ и деревень Никиты Романовича какъ-то: Романково, Ермолино, Еганово, Измайлово. Далѣе въ близъ лежащихъ уѣздахъ этотъ бояринъ владѣлъ между прочимъ Братовщиной, Чашниковымъ, Куровымъ, Андревскимъ, Стенановскимъ, Федоровскимъ, Жуковымъ и ми. др.

Если отъ Москвы и окрестныхъ уѣздовъ обратиться къ востоку, то придется указать на Заколье и Георгіевское, какъ Муромскія владѣнія Никиты Романовича. Къ сѣверо-востоку отъ столицы названый бояринъ

входилъ Кишлеевымъ близъ Владимира и цѣльнымъ рядомъ земель около Юрьева-Польскаго. Назовемъ Клинь (или Клины), Петровское, Смердово, Пычево. Идя далѣе къ сѣверо-востоку, встрѣчаемся съ вотчиной Никиты Романовича Денисовымъ педалеко отъ Ярославля.

Если мы продолжимъ свой путь за Волгу и обратимся къ Костромскому краю къ бассейну рѣки Ужы и уѣздамъ городовъ Галича, Чухломы, Солнгалича, то мы вступимъ въ область наиболѣе крупныхъ владѣній царскаго шурина и боярина. Здѣсь можно указать на такія земли, села и деревни, какъ Анофріево, Ужжу, Шулеву, Зосима-Савватій, Никола Мокрый, Спасъ, Березники, Парфентьевъ, Стенурино, Верховье и т. д.

Владѣль Никита Романовичъ нѣкоторыми землями и въ Тверскомъ краѣ. Такъ упоминается среди его вотчинъ Свистуново (подъ самой Тверью) и Тургиново. Между Бѣжецкимъ верхомъ и Москвою находились такія вотчины названнаго боярина какъ Хабойкое, Суслово, Лихачево и Феодорово. Наконецъ въ Новгородскомъ краѣ, ближе къ Старой Русѣ, встрѣчаемся съ Романовскою вотчиной Бурегами.

На западъ отъ Москвы упоминается лишь вотчина Никиты Романовича въ Вязьмѣ. Зато въ такъ называемыхъ южныхъ уѣздахъ названному боярину принадлежалъ цѣлый рядъ земель. Напримѣръ, въ Калужскомъ краѣ Никита Романовичъ владѣль Карамышовымъ и Свасскимъ. Между Рязкомъ и Ешфанью ему принадлежали Вослеба, Кремнево и другія земли. Наконецъ находимъ указанія на владѣнія Никиты Романовича въ Данковѣ и Ельцѣ. Наиболѣе крупными вотчинами его здѣсь являются Романово, Мокрое, Студенецъ, Сырская, Троицкое ²⁴).

Таковъ перечень, далеко неточный и неполный, земельныхъ богатствъ Никиты Романовича. Изъ него можно заключить, что они были громадны. Но кромѣ того мы имѣемъ и другія указанія на громадныя средства любимаго царскаго шурина. Между прочимъ офціальное жизнеописаніе патріарха Филарета прямо сообщаетъ что Борисъ у Никитичей «премногая» «имѣнія отъемъ» ²⁵). Затѣмъ въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ народной пѣсни говорится о томъ, что царь пожаловалъ старому Никитѣ Романовичу погребъ злата и сребра. Такое сообщеніе пѣсни показываетъ, что, по представленію народному, богатства названнаго боярина были велики. Наше заключеніе подтверждается другою народною пѣсней, повѣствующею объ избраніи Михаила Феодоровича въ цари. По словамъ этой пѣсни князь Дмитрій Пожарскій

предлагаетъ: «Ужъ мы выберемъ себѣ въ православныя цари изъ славнаго изъ богатаго дому Романова—Михаила сына Θεодоровича» ²⁶).

Помимо смутныхъ народныхъ преданій мы имѣемъ извѣстiе о богатствѣ Никиты Романовича, идущее изъ иностраннаго источника. Англійскій посолъ при дворѣ Грознаго Боуса, недоброжелатель царскаго шурина, рассказывалъ, будто голландцы зашли у этого царскаго приближеннаго столько денегъ по 25%, что ежегодно платятъ ему по 5.000 марокъ. Принимая марку за рубль, найдемъ, что капиталъ, отданный къ росту Никитой Романовичемъ, равнялся 20.000 рублей. Намъ нечѣмъ покрѣпить правдивости словъ Боуса, который изъ своего рассказа сдѣлалъ такой выводъ. Голландцы дали боярину замаскированную взятку, чтобы главный совѣтникъ государя держалъ ихъ сторону противъ англичанъ; отъ послѣднихъ къ то время, дѣйствительно, были отняты ихъ прежнія исключительныя торговля льготы. Однако хитрый англичанинъ оставилъ въ тѣни обстоятельства, послужившія причиной отобрания этихъ льготъ: недоброжелательство англичанъ къ Россіи, желаніе монополизировать всю вѣннскую торговлю Руси въ свою пользу и участіе нѣкоторыхъ англійскихъ подданныхъ въ войнѣ противъ Московскаго государства ²⁷).

Не придавая полной вѣры словамъ Боуса, всетаки не можемъ не видѣть въ нихъ указаніи на средства Никиты Романовича и на вліяніе этого сановника при Грозномъ. Но не далеко было время, когда значеніе царскаго шурина и ближняго боярина должно было еще болѣе возрасти. Царь, преждевременно состарившійся и одряхлѣвшій, умеръ 17 марта 1584 года, не имѣя полныхъ 54 лѣтъ отъ рожденія. На престолѣ вступилъ его сынъ Θεодоръ. По извѣстіямъ многихъ бытописателей того времени Грозный, видя неспособность своего преемника къ управленію государствомъ, поручилъ попеченіе о немъ и о царствѣ нѣсколькимъ лицамъ. При этомъ все источники сходятся на имени Никиты Романовича, согласно указывая на него, какъ на одного изъ такихъ сановниковъ ²⁸). Авторъ Хронографа редакціи 1617 года называетъ по этому поводу царскаго дядю «ближнимъ пріятелемъ» молодого государя и говоритъ, что онъ былъ «благоуменъ и смеленъ и разуменъ зѣло», «яко могущу управить Русійскаго государства державство все» ²⁹).

С. Θ. Платоновъ не вѣритъ сообщеніямъ о какихъ-бы то ни было формальныхъ распоряженіяхъ Грознаго относительно учрежденія совѣта близкихъ къ царю Θεодору лицъ, назначенныхъ быть опекунами малолѣтняго государя. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что первое время

царствованія Феодора Никита Романовичъ «сохранялъ за собою безспорное первенство» ³⁰). Иначе и быть не могло, какъ по близости этого боярина къ своему родному племяннику-царю, такъ и по опытности его въ государственныхъ дѣлахъ.

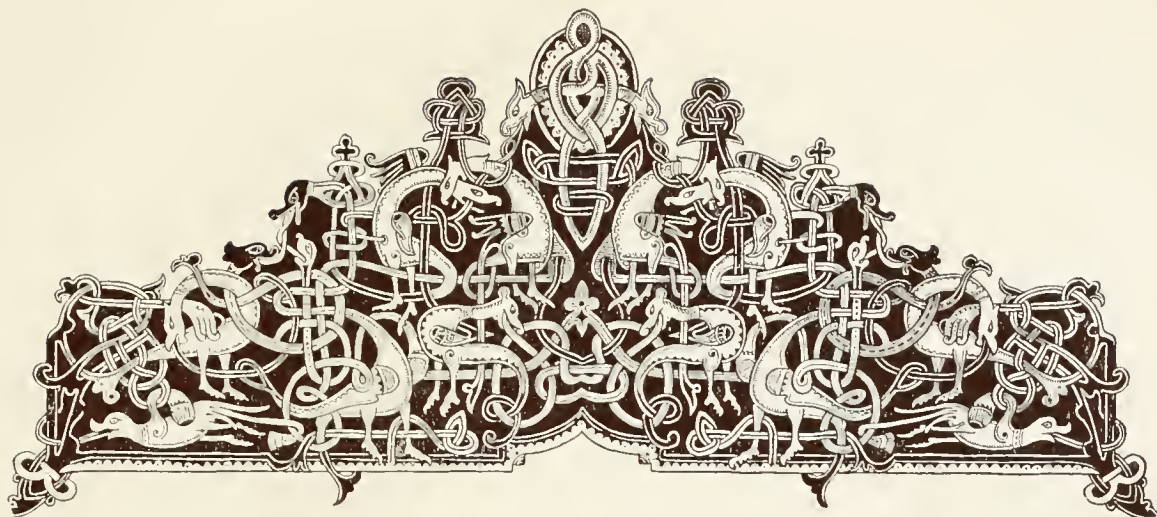
Гробницы Романа Юрьевича и Никиты Романовича Захарьинныхъ.

Однако недолго пришлось Никитѣ Романовичу нести бремя правленія Русью. Въ августѣ 1584 года тяжкая болѣзнь постигла его и лишила возможности заниматься государственными дѣлами ³¹). Однако, повидимому, Никита Романовичъ не переставалъ интересоваться ими. Такъ

за каких-нибудь два-полтора мѣсяца до смерти, онъ слушалъ докладъ о станичной и сторожевой службѣ и положилъ на этомъ докладѣ свою резолюцію ³²). Въ этой ревности къ службѣ можно узнать достойнаго представителя того рода, который усердно помогалъ своимъ государямъ въ дѣлѣ собиранія и устроенія Руси.

Долго боролся Никита Романовичъ съ своимъ смертельнымъ недугомъ. Но дни его были сочтены. Тогда онъ постригся и принялъ схиму подъ именемъ Нифонта. Это произошло, вѣроятно, за нѣсколько дней до его кончины, а 23-го апрѣля 1586 года не стало любимаго народомъ «дядюшки» «старого» Никиты Романовича ³³). Онъ упокоился на вѣки послѣ славной, исполненной государственныхъ трудовъ и ратныхъ подвиговъ жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Никитичи и опала на нихъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ.

I.

О СМЕРТЬЮ Никиты Романовича осиротѣла многочисленная и дружная семья Никитичей. Отъ брачнаго союза скончавшагося въ 1587 году боярина съ княжной Евдокіей Александровной Горбатой родилось 7 сыновей и 6 дочерей. Почти все они за исключеніемъ умершей въ младенчествѣ Іуліаніи пережили своихъ родителей ¹⁾. Умирая Никита Романовичъ былъ озабоченъ судьбой своихъ любимыхъ дѣтей. Отличаясь способностями и энергіей, — особенно старшій изъ нихъ Феодоръ, — дѣти стараго царскаго дяди могли за себя постоять, но были еще слишкомъ молоды ²⁾ и при этомъ окружены недоброжелателями-боярами: вспомнимъ 1553 годъ и поведеніе князей-бояръ во время тяжелой болѣзни молодого тогда Грознаго. Опричина подавила, пришибила княжатъ, но, конечно, не способствовала выработкѣ въ нихъ нѣжныхъ чувствъ къ царю и его новымъ роднымъ. Поэтому, думалось умирающему Никитѣ Романовичу, его дѣтямъ необходимо было заручиться расположеніемъ вліятельнаго лица, находившагося въ одинаковыхъ съ Никитичами условіяхъ. Такимъ человекомъ былъ

царскій шурина и любимецъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Вопреки долго державшемуся предвзятому объ неконной враждѣ Годунова съ Романовыми отношенія ихъ долго не оставляли желать ничего лучшаго. Во времена Грознаго, когда будущій царь всея Руси былъ совѣтъ юнымъ и только что начинающимъ свою блестящую карьеру человекомъ, онъ очень дружилъ съ опытнымъ и умнымъ царскимъ шуриномъ и близкимъ совѣтникомъ. Свойство по Прииѣ Ѳеодоровиѣ, женѣ царевича Ѳеодора и сестрѣ Бориса, еще болѣе сблизило Юрьевыхъ-Романовыхъ съ Годуновымъ. Никита Романовичъ, повидимому, полюбилъ даровитаго, вкрадчиваго и притѣвляваго шурина своего царственного племянника и былъ ему очень полезенъ въ первые годы его службы при дворѣ.

Теперь, когда Борисъ Ѳеодоровичъ былъ могущественнымъ человекомъ въ государствѣ благодаря своему вліянію на сестру царицу и шурина царя, къ нему обратился на смертномъ одрѣ царскій дядя и близкій пріятель съ просьбой беречь и охранять его дѣтей. Годунову въ свою очередь важно было видѣть въ близкой роднѣ государя двоюродныхъ братьяхъ и сестрахъ его, друзей себѣ, а не враговъ. Борису, еще болѣе чѣмъ Романовымъ, необходимы были союзники; титулованное боярство, не расположенное къ нетитулованнымъ Романовымъ-Юрьевымъ-Захарынымъ, еще менѣе склонно было спокойно спосить верховенство надъ собой гораздо менѣе родовитаго потомка Мурзы Четы. Недаромъ въ глазахъ аристократически настроеннаго Тимофеева Борисъ былъ «средородецъ и средочинецъ по всему», а дочери знатныхъ московскихъ бояръ были по мнѣнію этого писателя для Годунова «госпожами».

Поэтому царскій шурина и конюшій боярина охотно пошелъ навстрѣчу желанію своего давняго благожелателя, царскаго дяди Никиты Романовича. Онъ далъ «клятву» «къ великому боярину» имѣть о его «чадѣхъ соблюденіе». И долго продолжался между Годуновымъ и молодыми Никитичами Романовыми «завѣщательный союзъ дружбы»³⁾. Царскій шурина прекрасно ладилъ съ двоюродными братьями царя, а въ свою очередь Романовы не принимали участія въ той интригѣ Шуйскихъ, которая была направлена противъ царицы Прины, а стало быть, главнымъ образомъ противъ Бориса Годунова⁴⁾.

Векорѣ по смерти отца старшему изъ его молодыхъ сыновей, Ѳеодору Никитичу, упоминавшемуся до этого времени иногда при при-

дворныхъ торжествахъ, пожалованъ былъ санъ боярина. Это случилось въ 1586—1587 году⁵). Одновременно съ этимъ второй сынъ Никиты Романовича, Александръ, былъ назначенъ царскимъ кравчимъ⁶). Остальные по молодости своей служили, вѣроятно, въ стольникахъ и иныхъ, менѣе важныхъ, придворныхъ чинахъ⁷). Отношенія между Никитичами и правителемъ государства, какимъ сталъ Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, были въ общемъ мирными, хотя, быть можетъ, иногда дѣло и не обходилось безъ треній. Такъ Исаакъ Масса, голландецъ, прожившій въ Россіи около 8 лѣтъ съ 1601—1602 года, рассказываетъ такой случай, имѣвшій будто бы мѣсто во время царствования Феодора Ивановича. Однажды, когда царь шелъ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь, холопы Александра Никитича хотѣли занять одинъ изъ домовъ въ селѣ Воздвиженскомъ для остановки въ немъ своего господина. Однако холопы Бориса Годунова, облюбовавшіе эту же избу для своего боярина, пасively удалили ихъ оттуда. Холопы Александра Никитича пожаловались своему господину на такой поступокъ и получили въ отвѣтъ приказаніе всегда уступать. Въ то же время о своеволіи Борисовыхъ холоповъ было доведено до свѣдѣнія царя, который сказалъ своему любимцу: «Борисъ, Борисъ, ты уже слишкомъ много позволяешь себѣ въ царствѣ; всевидящій Богъ изыщетъ на тебѣ». Такое замѣчаніе будто-бы «такъ уязвило Бориса, что онъ поклялся отомстить и сдержалъ свое слово, когда сталъ царемъ»⁸).

Конечно, такое происшествіе могло случиться, но оно настолько мелочно, что врядъ ли само по себѣ могло вызвать вражду между Борисомъ и Никитичами. Во всякомъ случаѣ при Феодорѣ эта вражда ни въ чемъ замѣтномъ не проявилась. И дѣти Никиты Романовича счастливо устраивали свою семейную жизнь, находясь при этомъ въ приближеніи къ государеву двору. Всѣ они пожелались или повышли замужъ, при чемъ путемъ браковъ породнились или стали въ еще болѣе близкія отношенія къ многимъ знатнѣйшимъ родамъ въ государствѣ. Назовемъ хотя бы князей Черкасскихъ, Голыцыныхъ, бояръ Шереметевыхъ и т. д.⁹).

Держались Никитичи дружно и сплоченно. Принадлежа, какъ замѣчаетъ Масса, къ «самому знатному, древнѣйшему и могущественнѣйшему въ землѣ Московской» роду, они жили очень скромно и были всѣми любимы. «При этомъ каждый изъ нихъ держалъ себя съ царскимъ достоинствомъ». Всѣ братья кромѣ привѣтливости и скромнаго образа

жизни отличался красивою наружностью, походя этимъ на своего старшаго брата.

Феодоръ Никитичъ превосходилъ всехъ своихъ братьевъ. По свидѣтельству только что названнаго иностраннаго писателя это былъ «красивый мужчина, очень ласковый ко всѣмъ и такъ хорошо сложенный, что московскіе портные обыкновенно говорили, когда платье сидѣло на

Церковь и главная улица въ с. Доминѣ, бывшемъ вотчинной матери Царя Михаила Феодоровича.

комъ нибудь хорошо: «вы второй Феодоръ Никитичъ». «Онъ такъ хорошо сидѣлъ на конѣ»,—прибавляетъ Масса,—«что все видѣвшіе его приходили въ изумленіе»¹⁰⁾.

Слова Массы о привлекательной виѣшности Феодора Никитича подтверждаются и дошедшими до насъ портретами его, уже въ старости, когда бывшій щеголь, красавецъ и страстный любитель охоты сталъ смиреннымъ Филаретомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Руси. О пристрастіи Феодора Никитича къ охотѣ и при томъ охотѣ въ старомъ русскомъ вкусѣ съ ловчими птицами и собаками свидѣтельствуетъ документъ 1605 года, освѣдомляющій насъ о томъ, какъ невольный по-

ORHON TULU
1904
11/12/04

стрижикъ и затворникъ снова сталъ вспоминать «про мирское житіе, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ» ¹¹⁾.

Недаромъ вспоминалось иноку Филарету его «мірское житіе». Во время царствованія Θεодора Ивановича старшіи изъ его двоюродныхъ братьевъ наслаждался большимъ счастьемъ, выпавшимъ ему на долю. Онъ былъ женатъ на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой, происходившей отъ хорошей, хотя и сильно уступавшей Романовымъ Юрьевымъ въ знатности, московской фамиліи, которая была въ родственныхъ связяхъ съ Салтыковыми. Отецъ ея владѣлъ вотчинами въ Костромскомъ краѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ знаменитое Домнино, пошло въ приданое за его дочерью. Отъ брака съ Ксеніей Ивановной бояринъ Θεодоръ Никитичъ имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей. Большинство изъ нихъ умерло въ раннемъ младенствѣ ¹²⁾. Въ живыхъ остались лишь дочь Татьяна и сынъ Михаилъ Θεодоровичъ. Онъ былъ, повидимому, младшимъ въ семьѣ, родившись 12-го іюля 1596 года ¹³⁾. Не знаемъ, какъ протекали первые годы будущаго великаго государя и царя всея Руси. Сохранилось до нашего времени лишь нѣсколько предметовъ, которые преданіе усваиваетъ ребенку Михаилу Θεодоровичу: колыбелька, стуликъ, рукавички, туфельки, игрушки. Одно можно сказать съ увѣренностью: нѣжный отецъ окружалъ своихъ дѣтей любовью, ласками и заботами. «Малые де мои дѣтки»,—съ глубокой горестью говорилъ впоследствии ссыльный инокъ Филаретъ,—«маленьки де бѣдныя остались; кому де ихъ кормить и поить? таково де ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было?» Изъ этихъ словъ ясно видно, какъ хорошо жилось малюткѣ Михаилу Θεодоровичу до опалы и постриженія его родителей.

Въ будущемъ младшаго сына боярина Θεодора Никитича ожидали и тяжкія невзгоды и великая будущность: ему предназначено было стать основателемъ могущественной нынѣ царствующей династіи. Но это произошло въ 1613 году, а до того и ребенку Михаилу Θεодоровичу и всей Руси пришлось пережить страшныя бѣдствія. Младенцу Михаилу предстояла нежданная разлука съ родителями и ссылка изъ Москвы, его родниѣ—потрясенія самозванщины и колебаніе государственнаго строя, «разруха» и «лихолѣтье». Для яснаго уразумѣнія послѣдующей судьбы Романовыхъ и обстоятельствъ избранія Михаила Θεодоровича царемъ всея Руси, мы вынуждены будемъ по временамъ обращаться къ исторіи Смуты конца XVI и начала XVII вѣка.

II.

Смутное время въ Московскомъ государствѣ совпало съ прекращеніемъ династїи Ивана Калиты и часто ставится въ связь съ этимъ событіемъ. Послѣдній по времени взглядъ подобнаго рода принадлежитъ такому высокоавторитетному изслѣдователю нашей старины, какъ недавно скончавшійся В. О. Ключевскій. Въ третьей части своего курса Русской исторїи знаменитый ученый высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Въ Московской Руси у народа былъ крѣпокъ взглядъ на государство, какъ на вотчину государя. Поэтому немислимы были и возстанія противъ царя, полнаго хозяина въ своей землѣ. Вслѣдствіе такого вотчиннаго взгляда недовольныя положеніемъ дѣла въ государствѣ бѣжали изъ него: «брили розно», но не думали бунтовать противъ Верховной власти. Подобное положеніе вещей, чрезвычайно выгодное для монархической идеи, въ то же время имѣло одно опредѣленное и пагубное для государства послѣдствіе: населеніе Московской Руси не могло усвоить себѣ идеи выборнаго царя. Вотъ почему всѣ выборные государи дорожили фиктивнымъ или реальнымъ родствомъ съ угасшей династїей. Вотъ почему стала столь опасной и наша столько подражателей идея самозванчества. Вотъ почему и «смута прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и непрямымъ, съ угасшей династїей: царь Михаилъ утвердился на престолѣ не столько потому, что былъ земскимъ всенароднымъ избранникомъ, сколько потому, что доводился племянникомъ послѣднему царю прежней династїи»¹⁴). Несомнѣнно, взглядъ на государство, какъ на вотчину, существовалъ въ древней Руси и несомнѣнно, какъ мы будемъ имѣть случай говорить объ этомъ ниже, онъ сыгралъ большую роль при избранїи Михаила Феодоровича. Однако, успѣхъ идеи самозванчества, съ котораго и началась Смута, и самое зарожденіе этой идеи объясняется не только взглядомъ на государя какъ на вотчинника, но и другими обстоятельствами; ихъ то и упустилъ въ данномъ случаѣ изъ виду Ключевскій. Дѣло въ томъ, что представленіе о государѣ стояло необыкновенно высоко въ древнерусскомъ сознанїи. Государь, какъ помазанникъ Божїи, «властію достоинства причисленъ есть Богу»; этотъ взглядъ, выраженный въ подобной формѣ московскими книжниками: св. Іосифомъ Волоцкимъ и другими, отразился и въ народной поговоркѣ: «Вѣдаетъ Богъ, да великій государь». Сочетаясь съ представленіемъ о томъ, что Богъ, желая наградить людей,

посылаетъ имъ добраго царя, а для кары—злого, подобное отношеніе къ личности и власти царя дѣлало возстаніе противъ него почти невозможнымъ. Но, если нельзя возстать противъ законнаго государя, то можно воспротивиться узурпатору. И такимъ образомъ самозванчество является знаменемъ, подъ прикрытіемъ котораго мыслимо народное движеніе въ случаѣ глубокаго недовольства народа положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и незыблемости монархической идеи. Правда, Лжедмитрій появился въ связи съ до сихъ поръ невыясненной вполнѣ смертью св. царевича Дмитрія Углицкаго. Однако, тотъ же Ключевскій, не довольствуясь выставленной имъ причиной Смуты, указываетъ и другія.

Эти другія причины лучше всего выяснены въ трудѣ С. О. Платонова «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.». Пользуясь работами своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ и В. О. Ключевскаго, и своими пристальными наблюденіями надъ русской жизнью въ названнѣй періодъ, Платоновъ мастерски рисуетъ намъ причины возникновенія Смутнаго времени. Прослѣдимъ вкратцѣ результаты изысканій названнаго изслѣдователя¹⁵⁾.

Сказочно-быстрый ростъ Московскаго государства, занявшаго въ какихъ нибудь 250—300 лѣтъ восточно-европейскую равнину и перешедшаго къ моменту смерти Θεодора Ивановича черезъ Камень (Уральскій хребетъ) въ Азію, не могъ не имѣть тѣневыхъ сторонъ, и даже весьма значительныхъ. Къ такимъ сторонамъ приходится отнести два противорѣчія русской жизни въ XVI вѣкѣ, съ неизбежностью вытекавшія изъ условій созданія Московскаго государства. Первое изъ нихъ, политическое, выражалось въ томъ, что однимъ и тѣмъ же историческимъ процессомъ собиранія удѣльныхъ княжествъ около Москвы въ государствѣ образовалась сильная единоличная власть, стремившаяся къ демократическому полновластью, и аристократически настроенная высшая администрація, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ потомковъ прежнихъ владѣтельныхъ князей. Второе противорѣчіе въ русской жизни XVI столѣтія было социальнымъ и состояло въ борьбѣ двухъ классовъ общества, служлагаго и тяглаго, между собой. Верховная власть замѣчала эти противорѣчія и реагировала на нихъ въ первомъ случаѣ даже черезчуръ энергично и нервно. Подъ вліяніемъ мысли, что классъ титулованной знати можетъ оказаться слишкомъ притязательнымъ, Грозный задумалъ и осуществилъ свою знаменитую опричнину. Благодаря ей опгь,

отобравъ «княженецкія» вотчины на государевъ обиходъ и иномѣстивъ «княжать» на окраинахъ государства, а ихъ прежнія земли роздалъ гораздо болѣе многочисленнымъ и безпритязательнымъ опричникамъ, достигъ весьма важныхъ результатовъ: подорвалъ въ корнѣ значеніе старой знати и демократизировалъ въ довольно высокой степени землевладѣніе.

Однако, старая знать не была окончательно подавлена, и удѣлѣвшіе представители ея въ свое время показали, какъ живучи традиціи «княжать». При томъ, проводя въ жизнь хорошо намѣченную и задуманную реформу, Юангъ затемнилъ и исказилъ ея смыслъ своими жестокостями и насильями, да и опричники его были въ высшей степени своевольны и притѣсняли населеніе безъ всякаго удержу. А необходимая для государства демократизація землевладѣнія влекла за собой ломку богатыхъ и хорошо налаженныхъ хозяйствъ; это въ свою очередь отражалось на экономическихъ устояхъ страны и обостряло еще болѣе и безъ того острую социальную вражду крестьянъ и помѣщиковъ. Последніе, все болѣе и болѣе нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, всячески старались закрѣпить крестьянскую массу, которая со своей стороны пыталась такъ или иначе сбросить съ себя тяжелое ярмо: «брела розно», уходила на окраины государства и толпами бѣжала за рубежъ, въ дикое поле, гдѣ и пополняла собой ряды вольнаго казачества. Въ этой борьбѣ Московское правительство, особенно нуждавшееся въ служиломъ классѣ, или было пассивнымъ зрителемъ, или приходило на помощь помѣщикамъ. Такая политика озлобляла крестьянство и подготовляла участіе крестьянской массы въ Смутѣ. Кроме того и служилый классъ, главнымъ образомъ его низшіе слои, далеко не былъ доволенъ своимъ положеніемъ: служебныя и экономическія условія, въ которыхъ онъ жилъ, были отнюдь не блестящи. Неудачи Ливонской войны еще болѣе расшатали хозяйственный укладъ государства и приблизили Смуту. Недоставало лишь повода къ ея открытому проявленію, и прекращеніе династіи Рюриковичей дало въ этомъ направленіи необходимый толчокъ.

Не трудно замѣтить, что данная теорія расходится съ мнѣніемъ В. О. Ключевского въ очень существенномъ пунктѣ. Она считаетъ прекращеніе династіи Рюриковичей лишь поводомъ къ Смутѣ, а центръ тяжести вопроса переноситъ на выясненіе социально-экономическихъ отношеній, приведшихъ государство къ тяжелымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Что эти отношенія были одной изъ важнѣйшихъ причинъ Смуты, не отрицается

и Ключевскимъ. Вѣроятно, и онъ правильно оцѣнилъ тотъ фактъ, что Смута не привилась на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ государства, гдѣ не было соціальной розни¹⁶). Поэтому смѣло можно утверждать, что безъ указанныхъ причинъ Смута не возникла бы. Вотчинный укладъ государства, взглядъ на царя какъ на вотчинника не помѣшалъ бы брату царицы и естественной наследнице царствія, Борису Годунову утвердиться на престолѣ и начать собою новую династію Годуновыхъ. Не будь горячихъ элементовъ въ странѣ, не вспыхнулъ бы въ ней страшный пожаръ.

Предвидимъ возраженіе противъ нашей мысли. Оно можетъ состоять въ слѣдующемъ: безъ внутреннихъ осложненій Смута бы не было; но ея не было бы и при продолженіи династіи Калиты; ея возникновенію помѣшали бы взглядъ на государство, какъ на вотчину, и представленіе о царѣ, какъ замѣстителѣ Бога на землѣ. Конечно, трудно гадать, во что бы выродился нашъ внутренний кризисъ, если бы династія Калиты не угасла въ 1598 году. Однако, возможны были бы два исхода: появленіе самозванца или изнуреніе и истощеніе государства отъ усиленія и размноженія въ немъ разбойничьихъ шаекъ. Что первый фактъ при народномъ недовольствѣ положеніемъ вещей возможенъ, показываютъ хотя бы успешныя народные толки о Петрѣ I, какъ о самозванцѣ; отъ этихъ толковъ—одинъ шагъ до появленія челоуѣка, который могъ бы выдать себя за настоящаго государя, подмѣннаго самозванцемъ, и имѣть въ данныхъ обстоятельствахъ большой успѣхъ. Но не станемъ углубляться въ догадки и предположенія о самозванцѣ: симптомы второго изъ указанныхъ нами возможныхъ исходовъ кризиса XVI вѣка были уже на лицо до возникновенія открытой Смуты.

Существованіе многочисленныхъ разбойничьихъ или полуразбойничьихъ шаекъ въ древней Руси—фактъ настолько общезвѣстный, что не нуждается въ детальныя указанія. Вспомнимъ хотя бы и то, что самъ славный покоритель Сибири, Ермакъ Тимофеевичъ, совершилъ до своего подвига рядъ разбойныхъ нападений на кунеческіе караваны по Волгѣ и т. д. Но къ царствованію Бориса Годунова разбойничество приняло ужасающіе размѣры. По словамъ наблюдательнаго Авраамія Палицына, въ Украинскихъ городахъ набралось болѣе 20.000 «сщевыхъ воровъ»¹⁷). Еще болѣе поразительный фактъ передаетъ «Новый Лѣтописецъ». По словамъ его составителей «бысть въ то же время», т. е. въ царствованіе Бориса, «умножишася разбойство въ землѣ Русстей»,

такъ что «не токмо что по пустымъ мѣстамъ проѣзду не бысть, ино и подь Москвою быша разбой велицы». Это «нестроеніе и кровопролитіе» до такой степени встревожило царя, что онъ «посылалъ многыжда на шухъ». Посланные отряды встрѣчали упорное сопротивление со стороны разбойниковъ «и ничево имъ не можаху сотворити». Въ силу этого разбой усилились еще болѣе: «воры и досталъ православныхъ христіанъ посяцаху и грабаху». Разбойничьи шайки объединялись подь предводительствомъ «старѣйшины въ разбойникѣхъ», иѣкого Хлопа. Дерзкіе разбой заставили царя Бориса, который, «слышавъ, яко ничто имъ не здѣлати, прискорбень бысть зѣло» и поднялъ въ боярской думѣ вопросъ объ искорененіи зла. «Бояре же придумаша на разбойниковъ послати со многою ратью поведь». Тогда царь отпранилъ противъ Хлопа и его шакъ «окольничево своево Ивана Феодоровича Басманова, а съ нимъ многую рать». Встрѣча царскихъ войскъ съ разбойниками произошла подь Москвой. Загорѣся смертельный бой, въ которомъ Басмановъ былъ убитъ, а его войско съ величайшими усилиями побѣдило разбойниковъ и «многихъ ихъ побина: живи бо въ руки не давашася». Хлопъ, или Хлопко, весь израненный, былъ взятъ живымъ, схвачены были и многіе люди изъ его шакъ, «а шые уйдона на Украйну и тамо ихъ всехъ воровъ поимана и всехъ повелѣша перевѣшать»¹⁸).

Дерзость и многочисленность шакъ Хлопа, ихъ ожесточенность и отчаянная смѣлость показываютъ, думается намъ, съ достаточною ясностью, какіе зловѣщіе признаки грядущей соціальной разрухи обнаружались на Руси независимо отъ самозванщины. Но къ концу царствования Феодора эти симптомы не были еще очень замѣтны: не забудемъ, что и при царѣ Борисѣ первые годы были вполне спокойными. Какъ говоритъ одинъ изъ умныхъ современниковъ Смуты, «двулѣтному же времени прешедшу» по воцареніи Годунова «и всеми благиями Росія цвѣтаетше». И другой изъ выдающихся очевидцевъ-бытоисцателей Смутной эпохи отмѣчаетъ «доброцвѣтушую его (т. е. Бориса) царства красоту»¹⁹). Нужень былъ страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 и слѣдующихъ годахъ, и сопряженные съ нимъ ужасныя бѣдствія, чтобы соціальное нестроеніе проявилось въ столь рѣзкой формѣ.

Такимъ образомъ моментъ прекращенія старой династіи прошелъ совершенно спокойно: это дало поводъ къ справедливому замѣчанію С. Ф. Платонова, «что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиной»²⁰).

Порядокъ, господствовавшій въ Московскомъ государствѣ отъ кончины Θεодора до избранія на престолъ Бориса, объясняется тѣмъ, что во главѣ государства и послѣ смерти царя попрежнему оставался «изрядный правитель» его, братъ царицы Ирина. Мы не знаемъ, сдѣлалъ ли Θεодоръ какія нибудь распоряженія на случай своей кончины. Но во всякомъ случаѣ послѣ смерти царя весь царскій «снискитъ» въ присутствіи патріарха принесъ присягу на вѣрность овдовѣвшей царицѣ, и никто не воспротивился этой присягѣ. При взглядѣ на государство, какъ на вотчину государя, естественной преемницей Θεодора была Ирина, любимая при этомъ за ея добродѣтельную жизнь ²¹⁾. Даже, когда Ирина, отказавшаяся отъ власти, удалилась въ монастырь и приняла иночество, на нея иннокіи царицы Александры,—такъ звалась въ монашествѣ вдова царя Θεодора,—писались официальные донесенія, «отписки» ²²⁾.

Удаленіе царицы въ монастырь ставило на очередь вопросъ о томъ, кто будетъ государемъ на Руси. Для царскаго «обирания» и былъ созванъ въ Москвѣ земскій соборъ обычнаго въ тѣ времена состава ²³⁾. Кажется, единственнымъ бесспорнымъ кандидатомъ на престолъ былъ въ данныхъ обстоятельствахъ шуринъ скончавшагося царя, братъ его вдовы царицы, и правитель государства. Что касается княжатъ, которые по родословцу были ближе къ угасшей династїи и отлично помнили это, то ко дню смерти Θεодора они не могли выставить своихъ притязаній. Народъ о родствѣ такихъ князей съ царскимъ домомъ не думалъ въ виду захуданія многихъ княжескихъ фамилій. При этомъ наиболѣе видные представители княжья въ 1598 году были очень молоды за исключеніемъ Шуйскихъ. А во главѣ послѣднихъ стояли «лукавый царедворецъ» и политическій хамелеонъ Василій Ивановичъ и братъ его, бездарный князь Дмитрій, своякъ Бориса Θεодоровича Годунова. Поэтому Шуйскіе малозамѣтны въ описываемое время. Новому изслѣдователю даже кажется, что названные князья играли тогда «второстепенную роль знатной Годуновской родни» и что извѣстіе Новаго Лѣтописца, будто они «не хотяху» избранія Бориса, является нѣкоторымъ вымысломъ ²⁴⁾. Не рѣшаемся вполне применить къ этому мнѣнію. Думаемъ, что Шуйскіе подъ рукой играли въ нѣкоторую оппозицію Борису, но тщательно заматали свои слѣды. Это очень подходило къ характеру фамиліи, «прошедшей черезъ опричнину Грознаго». Такимъ образомъ Годуновъ, осторожно и умѣло подготавливавшій свое избраніе уже за нѣсколько лѣтъ до смерти царя Θεодора послѣ кончины малютки-царевны Θεодосїи, могъ

не очень беззаконно о результатѣ совѣщаній предстоящаго земскаго собора. Быть можетъ поэтому Борисъ, хотя онъ и организовалъ агитацію въ пользу своего избранія, не оказалъ тѣмъ не менѣе давленія на составъ самого представительства на соборѣ ²⁵). И дѣйствительно, Борисъ Годуновъ былъ избранъ на Московскій престолъ.

Однако, повидимому, это избраніе не обошлось безъ нѣкоторыхъ трепій, какъ это превосходно выяснено въ томъ трудѣ проф. Платонова о Смутѣ, къ которому намъ много разъ предстоитъ обращаться. Дѣло въ томъ, что у Годунова нашлись соперники. Не остановимся на кандидатурахъ принца Максимилиана австрійскаго, князя Мстиславскаго и Богдана Бѣльскаго. Первая, явившаяся плодомъ измысленій знаменитаго дьяка Андрея Щелкалова, интересна лишь, какъ показатель, что идея «выборнаго царя» зарождалась уже въ нѣкоторыхъ, правда, особенно развитыхъ умахъ русскихъ людей XVI-го вѣка. Князь Мстиславскій самъ устранился отъ престола, а чаянія и попытки Бѣльскаго только подтверждали намъ, до чего доходила наглость и дерзость этого выскочки, долгое время бывшаго любимцемъ царя Ивана Грознаго ²⁶):

Кромѣ только что названныхъ кандидатовъ на царскій престолъ, были, какъ можно видѣть изъ цѣлага ряда сообщеній иностранцевъ, современниковъ событію 1598 года, сообщеній, основанныхъ на русскихъ слухахъ и вѣстяхъ, и еще одинъ, самый серьезный благодаря близкому родству съ угасшей династіей. Это былъ двоюродный братъ покойнаго государя, старшій изъ Никитичей, бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ. Выдѣливъ изъ массы баснословій, слетавшихся въ то время, достоверныя извѣстія, приходимъ къ нѣсколькимъ любопытнымъ выводамъ. Такъ можно съ увѣренностью сказать, что кандидатура Феодора Никитича пользовалась извѣстнымъ сочувствіемъ среди московской знати, которая принимала въ соображеніе, насколько родъ Кошкиныхъ-Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ древнѣе и знаменитѣе рода Годуновыхъ. При этомъ становится яснымъ, что легенда о томъ, будто умирающій царь Феодоръ вручилъ скипетръ и корону своему ближайшему родичу, Феодору Никитичу, сложена была уже въ это время и всего скорѣе для цѣлей предвыборной агитаціи. Тогда же, повидимому, получилъ распространеніе пригодный для избирательной борьбы слухъ о томъ, что Борисъ виноватъ въ смерти царевича Димитрія. Всѣ же остальные слухи и вѣсти, тогда обращавшіеся въ народъ и сообщаемые

намъ иностранными наблюдателями, надо или заподозрѣть или, лучше всего, отвергнуть ²⁷).

Во всякомъ случаѣ Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ восторжествовалъ надъ встрѣтившимися на его дорогѣ препятствіями и сталъ царемъ всея Руси. Онъ и его приверженцы постарались всеми способами укрѣпить положеніе новаго государя и его династїи. Прежде всего новозбранный царь заставилъ членовъ собора и всенародное множество долго и слезно просить его принять престолъ, «учиниться государемъ» и этимъ показывалъ, что онъ не стремился къ верховной власти ²⁸). При этомъ Борисъ Годуновъ со свойственнымъ ему тактомъ и умомъ заявлялъ величайшую готовность, «гдѣ будетъ» его «работа всему православному крестьянству пригодится за святыхъ Божїихъ церкви и государства Московскаго за одну пядь земли и за все православное крестьянство и за сухихъ младенцевъ» «кровь свою излїяти и голову положить» ²⁹). И только неоднократно моленїя принудили Бориса дать свое согласіе и стать царемъ. Затѣмъ въ документахъ, составленныхъ по случаю царскаго избранїя, тщательно выставлены все причины, почему выборъ палъ на Бориса и почему этому выбору нельзя противиться ³⁰). Указано и на то, что Борисъ «родичъ по свойству» угасшей династїи и на то, что на немъ почіетъ благословеніе 2-хъ послѣднихъ царей ея. Въ одномъ документѣ говорится, что Иванъ Грозный «приказалъ» Борису царство въ случаѣ смерти царя Θεодора. Въ другомъ сказано, будто Иванъ IV, при дворѣ котораго, находясь въ непосредственномъ приближенїи къ царской особѣ, Борисъ «отъ премудраго его царьскаго разума царственнѣмъ чиномъ и достойно навѣкъ», очень любилъ Годунова и считалъ его своимъ сыномъ. Передъ своей смертью Грозный поручилъ любимому «родичу» соблюдать «отъ всякихъ золъ» царя Θεодора и царицу Прицу, что Борисъ свято выполнилъ.

Приводя постоянно мысли о близости «царскаго родича и шурина» къ угасшей династїи и къ дѣламъ правленїя, указанные документы и обосновываютъ ими избранїе Годунова на престолъ, прибавляя при этомъ, что никто не можетъ противиться подобному избранїю, такъ какъ «гласъ народа—гласъ Божїихъ». Для большаго подтвержденїя правильности избранїя Бориса, такъ, какъ тогда можно было сказать, что «царскїи корень пресѣкъся», документы указываютъ историческіе прецеденты подобнаго рода. Наконецъ, опасаясь, «яко да не рекутъ пѣщїи: отлучимся отъ нихъ, понеже царя сами суть оставили», соборъ грозить

такимъ людямъ. «Да не будетъ то, да не отлучаются».—читаемъ мы въ соборномъ опредѣленіи,—«таково бо слово аще кто речеть, неразумень есть и проклятъ».

Казалось, ничего не было забыто, чтобы укрѣпить на престолѣ новую династію. При томъ избранный царь былъ безспорно очень уменъ и обладалъ громадными дарованіями правителя. Тѣмъ не менѣе призракъ соціальной и политической катастрофы уже надвигался неотвратимо на Русь и тѣнь воскресшаго царевича Дмитрія уже витала надъ русскою землею. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе С. Ѳ. Платонова о темномъ Углицкомъ дѣлѣ и давно уже высказались въ томъ смыслѣ, что «Борисъ является въ немъ подозрѣваемымъ на основаніи самыхъ шаткихъ и сомнительныхъ уликъ»³¹⁾. Но тотъ кризисъ, съ которымъ не былъ въ силахъ справиться даже Борисъ, погубилъ его семью. Однако, до своей гибели Годуновы ревниво охраняли свою власть отъ дѣйствительныхъ, мнимыхъ или возможныхъ на нее покушеній и посягательствъ. Нельзя имъ, и въ частности царя Бориса за это чрезмерно вѣнчать. Они знали, что противъ его зрѣеть какое-то движеніе, знали, что избраніе его встрѣтилось съ оппозиціей и не было столь единодушнымъ, какъ это представляли официальные документы, и, вполне понятно, чрезвычайно первичаль и всюду склоненъ былъ подозрѣвать измѣну. Это, конечно, не было признакомъ того «мелководія», о которомъ говорилъ покойный С. М. Соловьевъ³²⁾. Это было естественнымъ послѣдствіемъ той тяжелой обстановки, въ которой пришлось дѣйствовать царю Борису. Она то и дѣлала его такимъ подозрительнымъ человекомъ. Жертвой раздражительной подозрительности новаго государя стали и прежніе его друзья по «завѣщательному завѣту»³³⁾ Никитичи.

III

По своему воцареніи Борисъ Годуновъ ничѣмъ не выразилъ неудовольствія Романовыми, которое легко могло явиться послѣдствіемъ только о кандидатурѣ Феодора Никитича и вѣроятныхъ шагахъ этого боярина къ достиженію престола во время избирательнаго періода. Новоизбранный царь даже пожаловалъ въ 1598—1599 году боярскій санъ Александру Никитичу и околичеству его брату Михаилу Никитичу. Вдругъ въ концѣ 1600—началѣ 1601 года Никитичей и ихъ ближайшихъ родныхъ постигла страшная бѣда. Они были обвинены въ

попыткѣ достигъ престола «вѣдовствомъ и кореніемъ» и подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ. Дѣло это до сихъ поръ представляется весьма загадочнымъ и темнымъ и врядъ ли когда-нибудь будетъ выяснено съ желательной полнотой за недостаткомъ данныхъ. По разсказу Новаго Лѣтописца, составленнаго въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича при патріархѣ Филаретѣ и не безъ его вліянія ³⁴), причина возникновенія преслѣдованія Никитичей и ихъ родни и ходъ слѣдствія и суда надъ ними представляются въ такомъ видѣ. Царь Борисъ, приказавшій нѣкогда умертвить царевича Дмитрія, чтобы тѣмъ извести царскіи корень, по смерти царя Ѳеодора замыслилъ «царское послѣднее сродствіе извести: братія бо царя Ѳеодора Ивановича Ѳеодоръ Никитичъ зъ братьею, а сродствіе бысть ближнее царица Анастасія Романовна да Микита Романовичъ отъ единого отца и матери; отъ царицы Анастасіи Романовны царь Ѳеодоръ Ивановичъ, отъ Никиты Романовича Ѳеодоръ Никитичъ зъ братьею». Чтобы достигнуть своей цѣли, Годуновъ «многихъ научаше людей ихъ на нихъ доводить». «По тѣмъ доводамъ» у Романовыхъ брали многихъ вѣрныхъ ихъ людей «и пыташе ихъ разными пытками». «Они же отнюдь на государей своихъ ничево не говоряху, терпяху за нихъ въ правдѣ, что не вѣдая за государя своимъ ничево». Наконецъ, нашелся предатель. Это былъ «окаянный» Второй Бартенева, казначей Александра Никитича ³⁵). Онъ явился къ Семену Годунову и возвѣсти ему: «Что царь повелитъ здѣлать надъ государя моимъ, то и сотворю». О Бартенева было доложено царю, и тотъ «ему повелѣ сказати многое свое жалованіе». «Семень же, умысли со Вторымъ и паклаша всяково коренія въ мѣшки», которые Бартенева подложилъ въ казну своего боярина. Затѣмъ этотъ предатель «прінде доводить на государя своего и про то кореніе извести». По доносу Бартенева произвели въ домъ Александра Никитича обыскъ, «тѣ мѣшки взяша, иново ничего не скаху: вѣдаху, бо что у нихъ въ дому ничего неправеднаго нѣтъ».

За обыскомъ послѣдовалъ допросъ Ѳеодора Никитича «зъ братьею». «Они же пріндеона яко агнецы непорочны къ заколенію», возлагая упованіе на Бога и ничего не боясь, такъ какъ «не вѣдаху въ себѣ никакіе вины и неправды. Бояре же многіе на нихъ, аки звѣріе пыхачу и кричачу», чѣмъ лишали Никитичей возможности «отвѣщевати отъ такова многопароднаго шуму». Тогда послѣдовалъ арестъ заподозрѣнныхъ и пытка какъ ихъ, такъ и людей ихъ, «рабъ и рабынь» Отъ послѣднихъ всеми мѣрами добивались, «чтобы они что на государей своихъ молвину».

Однако тѣ были тверды и «помираху многія на пыткахъ, государей своихъ не оклеветаху». Наконецъ, царь Борисъ рѣшилъ участь Романовыхъ и ихъ близкихъ. Феодоръ Никитичъ, его жена и теща были сосланы въ разныя отдаленныя мѣста и пострижены, остальныхъ послали въ дальнюю и суровую ссылку. О бѣдствіяхъ заточенныхъ бояръ Романовыхъ и смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ, насильственной и послѣдовавшей якобы по приказу Бориса, рѣчь пойдетъ ниже. Теперь же отмѣтимъ, что Новый Лѣтописецъ рассказываетъ, будто «окаяншіи люди доводчики всѣ перепропаша: другъ друга изрѣзаша, а иные по дорогамъ побіени быша: всѣ окаяншіи безъ покаянія помрону за свое окаянство и неправедныя дѣла и не за новинную кровь»³⁶).

Таково повѣствованіе Нового Лѣтописца. Въ немъ мы находимъ наряду съ определенной тенденціей выставить Бориса съ самой черной стороны, а Никитичей въ роли не только невинныхъ, но и сознательно погубленныхъ своимъ злымъ врагомъ жертвъ, рядъ умолчаній объ очень существенныхъ сторонахъ дѣла и нѣкоторое самопротиворѣчіе. Такъ не выяснено, какую роль придали Годуновы «всякому коренью», почему пострадали всѣ Никитичи и ихъ родня, если «корень» найдено было только у одного Александра, почему, наконецъ, особая кара постигла именно Феодора Никитича съ женой и тещей, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ Бартенева не было въ данный моментъ предателей изъ многочисленныхъ рабовъ и рабынь этого боярскаго рода. Нѣкоторое противорѣчіе, хотя и заглаженное, угадываемъ мы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца. Романовы шли на допросъ смѣло, зная свою невинность, и ничего не могли сказать въ свое оправданіе изъ-за шума допрашивавшихъ бояръ. Думаемъ, что Феодоръ Никитичъ, человекъ отнюдь не робкій, не пенугался бы шума и не растерялся бы отъ него до такой степени, а совершенно заглушить его показанія криками и не дать ему и его братьямъ никакой возможности объясниться, тоже было бы очень трудно.

Поэтому рассказъ Нового Лѣтописца надлежитъ принять съ большими оговорками и дополненіями. Такъ его тенденція показать, что Борисъ умышленно искалъ случая погубить «царское послѣднее сродствіе», не оправдывается при повѣркѣ. Годунову ничего не стоило бы, разъ онъ приказалъ умертвить нѣкоторыхъ изъ Романовыхъ, предать смерти и остальныхъ. Однако онъ этого не сдѣлалъ, а напротивъ вернулъ внослѣдствіи изъ ссылки Ивана Никитича и облегчилъ участь многихъ изъ оставшихся въ живыхъ его родственниковъ. Также сомнительно и пока-

заніе Новаго Лѣтописца о томъ, что и до обыска у Александра Никитича Годуновъ поощрялъ доводы на Романовыхъ со стороны ихъ холоповъ и приказывалъ подвергать пыткѣ вѣрныхъ Никитичамъ людей. Казалось бы, что тогда устранять комедію съ подбрасываніемъ «кореньевъ» не было бы особой нужды. Кромѣ того самъ Феодоръ Никитичъ рассказывалъ нѣчто иное объ этомъ же обстоятельстве. Онъ говорилъ приставленному къ нему Богдану Воейкову: «бояре де намъ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорить людей нашихъ, а я де самъ видѣлъ то не единожды.» Сопооставляя эти слова съ словами Василя Никитича: «погибли ден мы напрасно къ Государю въ паносѣ отъ своей братьи бояръ, а они ден на насъ паносили не узнавъ, сами ден они помрутъ прежде насъ», можно придти къ заключенію, что не отъ Бориса исходила инициатива въ дѣлѣ ссылки Никитичей. По крайней мѣрѣ они сами этого не думали при Годуновѣ. Иначе они не стали бы пытаться такими рѣчами смягчить царя, который явно стремился къ ихъ гибели. Если же Никитичи говорили такъ безъ всякаго предвзятаго намѣренія, то тѣмъ болѣе искренности нужно искать въ ихъ рѣчахъ, тѣмъ менѣе поводовъ довѣрять разбираемому нами извѣстію Новаго Лѣтописца.

Итакъ единственный сравнительно подробный и современный рассказъ о дѣлѣ Романовыхъ и ихъ близкихъ половъ недомолвокъ и целеностей. Другихъ же подобныхъ повѣствованій и вовсе не сохранилось. Придется поэтому прибѣгнуть къ гаданіямъ и къ сопоставленіямъ намековъ и отдѣльных указаній, которые разбѣяны кое-гдѣ въ сказаніяхъ и документахъ той поры. Подобная работа произведена была уже профессоромъ Платоновымъ. Поэтому намъ прежде всего предстоитъ обратиться къ его выводамъ, какъ всегда и интереснымъ и поучительнымъ и, познакомившись съ ними, убѣдиться, въ какой мѣрѣ они представляются намъ пріемлемыми.

Но до ознакомленія съ взглядами С. О. Платонова на интересующее насъ событіе, намъ предстоитъ выяснитъ вопросъ объ одной серіи документовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ дѣлу Никитичей. Такое отступленіе необходимо потому, что этими документами пользовался и С. О. Платоновъ; принуждены были и мы привлекать ихъ уже нѣсколько разъ во время предшествующаго изложенія. Мы разумѣемъ «Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ», хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и напечатанное Археографической Комиссіей въ количествѣ 34 документовъ подъ № 38 во II-омъ томѣ

Актовъ Историческихъ ³⁷⁾. Къ сожалѣнію это «Дѣло», представляющее собой рядъ черновыхъ «отписокъ» изъ Московскаго приказа Казанскаго Дворца и подлинныхъ «отписокъ» на имя государя отъ приставовъ, наблюдавшихъ за опальными Никитичами, и другихъ должностныхъ лицъ, дошло до насъ лишь въ видѣ отрывка, который справедливо охарактеризованъ его издателями, какъ «перемѣшанный, растроченный и поврежденный гилью». При этомъ издатели говорили, что они издали не все изъ сохранившихся до нашего времени документовъ этого «Дѣла». Они отмѣтили, что въ немъ находятся «и еще немногіе, вынужденные по ихъ неважности» акты. Содержаніе нѣкоторыхъ такихъ «вынужденныхъ актовъ» указано въ изданіи. Такъ, помѣстивъ память Якову Вельяминову о постриженіи тещи Θεодора Никитича, издатель отмѣчаетъ: «Таковой же отпискѣ грамоты въ Чебоксарь, воеводѣ Ядану Зиповьеву (отъ 3-го іюля), писанъ на листкѣ» ³⁸⁾. Подобнымъ же образомъ за грамотой Ивану Некрасову слѣдуетъ поясненіе: «Такая же грамота послана и головѣ стрѣльцкому Смирному Маматову» ³⁹⁾ Наконецъ, послѣ грамоты въ Казань воеводѣ князю Голицыну помѣщено указаніе такого рода: «Сюда же относятся отписки: 1) Казанскихъ воеводъ, о проѣздѣ князя Черкаскаго съ приставомъ, іюля 23; 2) Нижегородскаго воеводы, о проѣздѣ ихъ іюля 1, и отводѣ имъ двора Троицкаго Сергіева монастыря (Первая получена въ Москвѣ іюля 12, а вторая 15 числа, 1) и 3) отписка (получена въ Москвѣ августа 1) Нижегородскаго же воеводы, о томъ, что Иванъ Романовъ съ приставомъ прибылъ іюля 25 и поставленъ на томъ же дворѣ ⁴⁰⁾.

То обстоятельство, что акты, относящіеся къ дѣлу такой важности, не были изданы все, возбудило среди нѣкоторыхъ ученыхъ сомнѣнія и подозрѣнія. Такъ въ одномъ изъ писемъ покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С. Д. Шереметеву о Смутномъ времени встрѣчаемся съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Въ подлинникѣ ни слѣдственнымъ дѣломъ, ни дѣломъ Романовыхъ никто, кажется, не пользовался». По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно только то, что П. М. Павловъ обратилъ вниманіе на дѣло Романовыхъ и указалъ, что оно не такъ ветхо, какъ можно было бы заключить по точкамъ издателя.

Замѣчаніе Бестужева тонко даетъ понять, что при изслѣдованіи «Дѣла» въ рукописи можно прійти къ нѣкоторымъ немаловажнымъ открытіямъ. Поэтому мы сочли долгомъ ознакомиться съ подлинникомъ «Дѣла.» Пересмотръ его привелъ насъ къ такимъ выводамъ: 1) кромѣ

отмѣченныхъ издателями въ «Дѣлѣ» находимъ еще 3 цѣлыхъ акта и одинъ отрывокъ, подклеенный къ бумагѣ иного содержанія и сообщающей повелѣнїе сыльнымъ Василю и Ивану Никитичамъ Романовымъ жить впродъ вмѣстѣ. Акты, дошедшіе до насъ въ цѣломъ видѣ, содержатъ въ себѣ: 1) царскую грамоту въ Пельмъ воеводѣ князю Василю Григорьевичу Долгорукову, 2) царскую грамоту въ Нижній Новгородъ воеводѣ Юрію Ивановичу Нелединскому, отъ 28 іюня 1602 года и 3) царскую грамоту тому же воеводѣ, отъ 11 іюня 1602 года ⁴¹⁾.

Анализируя подробно свѣдѣнія, даваемыя этими актами, невольно соглашаемся съ издателями «Дѣла» о неважности пропущенныхъ въ изданіяхъ комиссіи документовъ. Кромѣ нѣкоторыхъ не безынтересныхъ подробностей бытового характера, они не даютъ ничего цѣннаго. Тѣмъ не менѣе мы рѣшили напечатать непомѣщенные въ Актахъ Историческихъ документы въ качествѣ приложения къ настоящему сочиненію. Дѣлаемъ это для того, чтобы дать возможность каждому воочию убѣдиться въ степени «неважности» этихъ актовъ для сужденія о дѣлѣ Романовыхъ. Кромѣ того отсюда мы извлекаемъ нѣкоторыя, правда, очень мелкія подробности о жизни Ивана Никитича Романова.

Послѣ вынужденнаго обстоятельствами дѣла отступленія обращаемся къ интереснымъ наблюденіямъ С. О. Платонова. Разсказавъ о дѣлѣ и онагѣ Богдана Бѣльскаго, который пострадалъ одновременно съ Романовыми и, какъ думается профессору Платонову, въ тѣсной связи съ ними, ⁴²⁾ и познакомивъ читателей съ ходомъ розыска надъ Никитичами и ихъ родней, ⁴³⁾ названный изслѣдователь высказываетъ мысль, что «пресловутое» коренье «послужило, очевидно, точкой отправленія» къ изложеннымъ дѣйствіямъ годуновскаго правительства. «Невозможно допустить»—продолжаетъ авторъ «Очерковъ по исторіи Смуты»,—«чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилого класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею династіей, къ которой Борисъ неовѣдывалъ такую благоговѣйную преданность. Очевидно, что Годуновъ съ его думцами—боярами доискался чего-то болѣе серьезнаго, чѣмъ корешки». Далѣе слѣдуетъ замѣчаніе что «одни корешки въ базисѣ Александра Никитича не привели бы къ царской онагѣ все «племя виновнаго» и что «предметомъ обвиненія служило не простое вѣдовство». «На то, что Романовы подозрѣвались въ болѣе слож-

помъ преступленіи намекаетъ», по мѣнію С. Ѳ. Платонова, «и инструкція, данная приставамъ» ихъ—«писать государю про тайныя государевы дѣла⁴¹); что проявится отъ его государевыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ».

Послѣ приведенныхъ разсужденій профессоръ Платоновъ отмѣчаетъ известную уже намъ вражду, обнаруженную боярами Годунова по поводу дѣла Романовыхъ къ Никитичамъ, и отказывается видѣть въ ней «проявленіе личной злобы и мести противъ» этой семьи. Естественно поэтому задаться вопросами о причинахъ возникшей враждебности. Только политическая рознь»,—отвѣчаетъ изслѣдователь Смуты»,—«могла на Романовскіи кругъ вооружить бояръ другого, въ данномъ случаѣ Годуновскаго круга. Люди, связавшіе свои успѣхи съ господствомъ Бориса, могли бояться дѣятельности враждебныхъ Борису или далекихъ отъ него бояръ, въ томъ числѣ и братьевъ Никитичей.» «Но чего именно можно было бояться въ данное время?... Возстановить народныя массы противъ Бориса было бы очень нелегко, такъ какъ популярность Бориса не была еще подорвана.... «Но возможна была интрига. Какая?».

Для рѣшенія поставленнаго имъ себѣ вопроса С. Ѳ. Платоновъ привлекаетъ къ дѣлу нѣкоторые «документы, относящіеся къ позднѣйшимъ годамъ». Такъ, въ 1605 году правительство Годунова, называя Самозванца Гришкой Отрешевымъ, прибавляло, что онъ некогда жилъ «у Романовыхъ во дворѣ». Нѣчто подобное заявлялось официально и при царѣ Василии Шуйскомъ, когда посольство этого царя утверждало, что Отрешевъ «былъ въ холодахъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкаскаго, и даворовавшесъ, постригся въ чернищъ». Въ дополненіе къ этимъ правительственнымъ указаніямъ одно изъ частныхъ сказаній сообщаетъ такую подробность: «Гришка ко князю Борису Кельбулатовичу (Черкасскому) въ его богатый домъ приходилъ и отъ «князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ, и тѣя ради вшы на него царь Борисъ негодова». И правда, мы знаемъ, что князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій былъ въ числѣ наиболѣе заподозрѣнныхъ. При этомъ по воцареніи Самозванца онъ осмыалъ милостями Никитичей. А первые слухи о появленіи Лжедмитрія «народились въ Москвѣ какъ разъ въ пору розыска о Романовыхъ». На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, профессоръ Платоновъ склоненъ вѣрить, что «Романовы причастны были къ дѣлу подготовки Самозванца». Но осторожный и вдумчивый изслѣдователь не успокаивается на такомъ выводѣ. Онъ понимаетъ,

«что въ разбираемомъ дѣлѣ далеко не все съ такой точки зрѣнія становится яснымъ». И дѣйствительно, вѣдь Никитичей обвинили не въ подготовкѣ Самозванца, а въ томъ, что они хотѣли себѣ «достать царство». «Возможнаго изъ нихъ претендента на царскій престолъ, Θεодора Никитича, посигбили постричь въ монашество и держали въ заточеніи до самой смерти Бориса, а нѣкоторыхъ другихъ виновныхъ, даже того князя Ивана Черкасскаго, который по преданію жаловалъ Отреньева, нашли возможнымъ скоро возвратить изъ ссылки». «Изъ этого можно заключить»,—справедливо думаетъ С. Θ. Платоновъ,—«что обвиненіе въ желаніи достать царство старшему Романову не было вымысломъ, за которымъ Борисъ желалъ скрыть дѣйствительное обвиненіе въ подготовкѣ Самозванца». Это основательное сомнѣніе заставляетъ исследователя Смуты назвать все дѣло о Романовыхъ и начало исторіи «ложнаго Дмитрія» таинственнымъ гордіевымъ узломъ, который онъ не имѣетъ «надежды ни распутать ни даже разрубить».

Неимѣемъ этой надежды и мы. Но все же мы попытаемся выяснитъ, насколько это возможно, въ чемъ, дѣйствительно, Борисъ подозрѣвалъ Романовыхъ и насколько онъ былъ правъ въ своихъ подозрѣніяхъ. Что же касается участія Никитичей въ подготовкѣ перваго Самозванца, то здѣсь, намъ представляется, нельзя будетъ пойти дальше простыхъ догадокъ безъ всякой увѣренности въ ихъ прочности. Конечно, въ настоящее время съ увѣренностью можно сказать, что Самозванецъ былъ русскимъ человѣкомъ по происхожденію, писавшимъ по польски съ русскими. Можно утверждать далѣе, что онъ былъ плодомъ боярской интриги и самъ зналъ это⁴⁵). Но какіе именно бояре выставили его противъ Бориса: Никитичи, или бояре-княжата съ Шуйскимъ во главѣ? Трудно съ какой-нибудь вѣроятностью отвѣтить на это. Правда, Романовы были ославлены Годуновымъ, какъ «сизмѣнники и злодѣи», а Шуйскіе и другіе княжата билась противъ Самозванца. Однако, Шуйскіе умѣли служить всякому режиму, но служить «за страхъ, а не за совѣсть» въ противоположность русской поговоркѣ. Они служили въ опричнинѣ Грознаго и сохраняли въ то же время горделивое представленіе о своемъ родословномъ старшинствѣ передъ династіей Романовыхъ⁴⁶). Они были въ полномъ подчиненіи у Бориса, «надъ памятью котораго впоследствии они такъ зло и неблагородно надругались». Наконецъ, служба Самозванцу уже послѣ того, какъ они открыто агитировали и возбуждали народъ противъ него, Шуйскіе вели интригу противъ Лжедмитрія при дворѣ

польскаго короля Сигизмунда ⁴⁷). Этимъ искусственнымъ въ хитрости и притворствѣ лицамъ ничего не стоило играть двойную, въ случаѣ надобности даже тройную, политическую игру. И самая поспѣшность, съ какой они повели было агитацію противъ Самозванца, можетъ указывать на то, что и подготовленъ онъ былъ ихъ руками.

Съ другой стороны, не оправдывая безусловно Феодора Никитича, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказалъ себя оппортунистомъ и склоннымъ къ интригѣ человекомъ и лишь впоследствии выясненъ до патріотическаго подвига, не можемъ не принять во вниманіе, что предположенія объ участіи Никитичей въ дѣлѣ подготовки перваго Самозванца покоятся на основаніяхъ довольно шаткихъ, а иногда и противорѣчащихъ въ известной мѣрѣ этимъ предположеніямъ. ⁴⁸).

Прежде всего замѣтимъ, что изъ трехъ свидѣтельствъ, приводимымъ С. О. Платоновымъ въ доказательство близости Отреньева къ Романовымъ ⁴⁹), послѣднее находится въ сказаніи, полномъ легендарныхъ подробностей, и возникло, весьма вѣроятно, вследствие знакомства его автора съ правительственными сообщеніями о Гришкѣ. Первые же два приводятъ свое указаніе безъ всякаго сопоставленія Романовыхъ съ дѣломъ Самозванца. Особенно характерно, что первое свидѣтельство находимъ въ грамотѣ патріарха Юва, вѣрнаго приверженца царя Бориса. Однако онъ, упоминая о томъ, что Гришка, а въ мѣрѣ Юшко, Отреньевъ, «жилъ у Романовыхъ во дворѣ и заворовався отъ смертной казни постригся въ чернецъ», не дѣлаетъ никакихъ указаній на помощь Никитичей Самозванцу, а здѣсь это было бы важно сдѣлать: и еслибы у правительства Годунова были въ рукахъ какія-нибудь данныя, компрометирующія въ этомъ дѣлѣ Романовыхъ, то, конечно, они были бы приведены здѣсь для вѣдшей убѣдительности. Изъ дальнѣйшаго же содержанія грамоты Юва видно, что пребыванію Гришки у Романовыхъ не придавалось того значенія, о которомъ можно было бы думать по первому впечатлѣнію. Патріархъ упоминаетъ объ Отреньевѣ: «да и у меня Юва патріарха во дворѣ для книжнаго писма побылъ во дьяконѣхъ же». Преданность Юва Годунову вѣкъ сомнѣній. Однако, и онъ нѣкоторое время до известной степени покровительствовалъ Гришкѣ, конечно, не желая видѣть его когда-нибудь на тронѣ Московскихъ государей ⁵⁰). Такимъ образомъ свидѣтельство грамоты Юва своимъ умолчаніемъ о роли Никитичей въ дѣлѣ Гришки скорѣе говоритъ противъ участія Романовыхъ въ подготовкѣ перваго самозванца, чѣмъ подтверждаетъ этотъ фактъ.

Но если Никитичи не причастны были къ дѣлу Самозванца ⁵¹⁾, то почему онъ осыпалъ ихъ милостями? Отвѣтъ на подобное недоумѣніе данъ намъ уже авторомъ хронографа редакціи 1617 года. Онъ вполне правильно объяснилъ намъ это обстоятельство желаніемъ ⁵²⁾ Разстриги «къ пародомъ во льсти своей показати, иже онъ есть царскій сынъ, имъ же и пропаречеса». Дѣйствительно, Самозванцу надо было осыпать милостями опальныхъ при царѣ Борисѣ людей, тѣмъ болѣе своихъ «родственникововъ», вѣрнѣе говоря, свойственникововъ ⁵³⁾. Такимъ образомъ у насъ остается лишь одно указаніе на причастность Романовыхъ къ какому-то государственному преступленію. Это—выраженіе про «тайныя государевы дѣла, что отъ нихъ измѣнниковъ проявится». Но данное выраженіе могло явиться и результатомъ того, что и все дѣло о Романовыхъ принадлежало къ числу тайныхъ», такъ какъ у царя Бориса,—увидимъ, почему—были полныя основанія избѣгать его огласки ⁵⁴⁾.

Въ чемъ же обвинялись и подозрѣвались Годуновымъ Никитичи? Намъ кажется, что именно въ томъ, въ чемъ одного изъ нихъ укорилъ, по удачному опредѣленію С. О. Платонова «простоумный» царскій приставъ: они хотѣли,—быть увѣренъ Борисъ—«царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ» ⁵⁵⁾. Что, дѣйствительно, подобное обвиненіе обращалось тогда въ Московскомъ обществѣ, по всей вѣроятности, со словъ приверженцевъ Годунова, свидѣлствуетъ намъ Псаакъ Масса. «Разсказываютъ»,—повѣствуетъ намъ этотъ расположенный къ Романовымъ современникъ Смуты,—«что» жена Θεодора Никитича «совѣтовалась съ братьями своего мужа, Иваномъ и Александромъ, и ихъ родственниками о томъ, какъ бы извести царя и весь домъ его». «Но это извѣстіе не вѣрно»,—продолжаетъ Масса,—«ибо основывается на ложномъ свидѣтельствѣ, сдѣланномъ съ цѣлью найти поводъ къ тому, чтобы погубить. Все это, какъ мы потомъ узнаемъ, было сдѣлано по внушенію Годуновыхъ» ⁵⁶⁾. Если принять во вниманіе, что наиболѣе суровая кара, т. е. невольное постриженіе, постигла Θεодора Никитича, его жену и тещу, то придется признать за показаніемъ Массы о сущности обвиненія противъ Романовыхъ и ихъ родни значительную долю вѣроятности. Тогда и опала всего круга Никитичей становится совершенно ясной и понятной.

Вѣря словамъ голландца, современника Смуты, о томъ, какое обвиненіе было предъявлено Никитичамъ, не раздѣляемъ мнѣнія этого повѣствователя, что оно было лишь предлогомъ погубить Романовыхъ и было «сдѣлано по внушенію Годуновыхъ». Напротивъ, изъ «Дѣла о ссылкѣ

Романовыхъ» ясно видно, какія опасенія внушали Борису уже сосланные и униженные имъ Никитичи. Во-первыхъ, все братья были разлучены, и лишь впоследствии было сдѣлано послабленіе на этотъ счетъ. Во-вторыхъ, они были отданы подъ самый строгій надзоръ, который преслѣдовалъ одну цѣль: не допустить сношеній сосланныхъ съ внѣшнимъ міромъ, или между собой. Для этого на мѣстѣ ссылки надо было поселиться на особомъ огороженномъ дворѣ, «чтобы отъ церкви и отъ Съѣзжей избы и отъ жилищныхъ дворовъ подалѣ» и чтобы «дороги мимо дворъ проходивъ не было» и зорко слѣдить, чтобы никто къ сосланному или «къ дѣтишѣ» его «не подходилъ, и не разговаривалъ съ нимъ ни о чемъ, и письма какого не поднесъ, и не сходился съ нимъ никто»; «а кто учнетъ подходить» къ сосланному «или къ челобѣку его, или какое письмо принесутъ, или учнутъ ссылаться съ нимъ братья его или иные какіе люди, и» «стѣхъ людей имея присылать ко Государю»⁵⁷). Также зорко наблюдали и за постриженнымъ Феодоромъ Никитичемъ и его тещей⁵⁸).

И такъ Борисъ Годуновъ не сомнѣвался въ существованіи преступныхъ замысловъ у семьи Романовыхъ. Посмотримъ, насколько правильна была его увѣренность и чѣмъ она обосновывалась. Думаемъ, что ходъ разсужденій у Бориса былъ таковъ: Феодоръ Никитичъ претендовалъ на престолъ. Связанные узами кровнаго родства съ угасшимъ царственнымъ домомъ Романовы имѣли не меньшія, если не большія права начать собой новую династію, чѣмъ Годуновъ—своиственникъ бывшей династіи. Борисъ взялъ верхъ надъ остальными кандидатами благодаря тому, что онъ, какъ братъ царицы Прины, которой присягнули думные люди, былъ въ данный моментъ ближайшимъ наследникомъ династіи, притомъ онъ былъ искуснымъ правителемъ государства и привычной властью въ немъ. Но, если бы стали считаться не съ Приной, а съ царемъ Феодоромъ—Никитичи получили бы перевѣсъ надъ Годуновымъ. Все это царь Борисъ учитывалъ. Вотъ почему онъ не могъ не относиться съ нѣкоторой предвзятой подозрительностью къ Романовымъ. Слѣдствіемъ этой подозрительности могъ явиться нѣкоторый надзоръ за Никитичами и ихъ родственниками.

При такомъ настроеніи Годунова, онъ не могъ не дать полной вѣры доносу довѣреннаго холопа Романовыхъ, Второго Бартенева, подтвержденнаго находженіемъ въ казніѣ у Александра Никитича мѣшиковъ «съ корешемъ». Что это было за корешье и какъ оно попало въ казну къ

одному изъ Романовыхъ, вопросъ темный и едва ли не праздный. Новый Лѣтописецъ и другіе, враждебныя Годунову свидѣтельства, утверждаютъ, что мѣнки были подброшены по наущенію Годуновыхъ и въ особенности самого царя. Но мы видѣли, что Борисъ былъ непритворно встревоженъ дѣломъ Романовыхъ: ясно, что онъ былъ непричастенъ къ эпизоду «съ кореньями». Остается предположить, что или самъ Бартеневъ, желая выслужиться, подложилъ злощастные «мѣнки» въ казну своего «государя», или что «коренье», дѣйствительно, принадлежало Александру Никитичу. Однако и послѣднее предположеніе не говоритъ ничего противъ Романовыхъ: оно, въ случаѣ ея правдивости, покажетъ только, что и Никитичи были также суевѣрны, какъ большинство людей того времени, и вѣрили въ силу всякихъ травъ и т. п.⁵⁹). Но что это «коренье» держали они съ колдовскими или съ еще болѣе преступными цѣлями, это нисколько недоказуемо. Напротивъ, вся прежняя жизнь Никитичей говоритъ противъ возможности приписать имъ подобные помыслы. При этомъ, находясь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ царскаго двора, какимъ способомъ могли они надѣяться успѣть въ предшесывавшихся имъ царемъ Борисомъ замыслахъ? А Никитичи были люди умные и разсудительные.

Однако Годуновъ взглянулъ на дѣло иначе. «Коренье» явилось въ его глазахъ важной уликой. За ней послѣдовалъ допросъ заподозрѣнныхъ, пытки нѣкоторыхъ изъ нихъ и многихъ изъ ихъ холоповъ. Въ результатъ и явилось обвиненіе, приводимое Исаакомъ Массой. Мы не вѣримъ, какъ не вѣрили и онъ, правильности этого обвиненія, но не думаемъ, что оно явилось результатомъ ухищреній царя Бориса и его родни. Намъ лично дѣло представляется въ такомъ видѣ. Романовы, а въ особенности Шестовы не вполне примирились съ воцареніемъ Бориса и позволяли себѣ въ разговорахъ высказывать въ родствешномъ кругу недовольство на исходъ «царскаго обиранія», выставявъ свои несомнѣнныя права на престолъ, выражать надежду на лучшее будущее и т. д. Разговоры были подхвачены и съ искаженіями и преувеличеніями переданы Годуновымъ. Отсюда и началась царская онала. При томъ, боясь популярности Никитичей, Годуновъ, повидимому, старался не разглашать этого дѣла. Послѣднее обстоятельство, конечно, служило ему скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу. Держась таковой точки зрѣнія, мы не можемъ, повторимъ еще разъ, строго винить царя Бориса. Но не можемъ не сказать, что Никитичи пострадали или почти безвинно, или во всякомъ случаѣ неза-

служенно тяжко. Путь вины не доказаны: вѣроятно, не считались вполне доказанными и тогда ⁶⁰); и тѣмъ не менѣе они были лишены всего: богатства, почестей, свободы, радостей семейной жизни, и отправлены въ тяжелую ссылку, изъ которой многіе изъ нихъ и не вернулись, найдя въ ней безвременную и горестную кончину. Страданія несчастныхъ родственниковъ угасшей династіи въ ссылкѣ и составляютъ теперь предметъ нашего изложенія, причемъ главное вниманіе наше естественно должно сосредоточиться на описаніи судьбы Феодора (Филарета) Никитича и его младшихъ братьевъ.

Какъ мы уже отмѣтили, Романовыхъ и ихъ родню не только отправили въ суровую ссылку, но и постарались разметать по разнымъ

Видъ Антоііево-Сінскаго монастыря съ западной стороны.

мѣстамъ. Феодоръ Никитичъ былъ сосланъ въ Антоііевъ Сінскій монастырь, гдѣ и постриженъ подѣ именемъ Филарета. Невольное постриженіе было удѣломъ и «семьи» (т. е. жены) Феодора Никитича, Ксєніи Ивановны. Сосланную въ Заонежскіе погосты на Бѣлоозерѣ и посаженную тамъ въ заточеніе, ее постригли подѣ именемъ Марѣи. Участь зятя и дочери раздѣлила теща Феодора Никитича, Марія Шестова, постриженная въ городѣ Чебоксарахъ въ Никольскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Дѣти Феодора Никитича, Татьяна и малютка Михаилъ, будущій царь, съ семействомъ Александра Никитича и теткой, княгиней Черкасской были сосланы въ Бѣлоозерскъ, гдѣ и томнились въ заключеніи. Остальныхъ Романовыхъ сослали:

Александра Никитича «къ Студенному морю къ Усолюю рекомая Луда», Михаила Никитича въ Пермь Великую, гдѣ ему повелѣно было «здѣлать тюрьму отъ града семь поприщъ», Василя Никитича—въ Яранскъ, а Пвана Никитича—въ Пельымъ. Князей Черкасскихъ, Сицкихъ и другихъ родственниковъ Романовыхъ разослали по дальнимъ городамъ ⁶¹⁾.

Ужасы ссылки, и связанныя съ ней лишенія, душевныя страданія, грубое обращеніе усердныхъ не по разуму приставовъ надломилъ крѣпкую натуру Никитичей и троихъ изъ нихъ скоро свели въ могилу. Преданіе, психодивное и отъ самихъ Романовыхъ, обвинило въ смерти Александра, Михаила и Василя Никитичей самого Бориса. Такъ Новый Лѣтоисецъ категорически утверждалъ, что «по повелѣнію» Годунова приставъ «удушилъ» Александра Никитича. Масса передаетъ про смерть этого несчастнаго боярина слѣдующій маловѣроятный разсказъ: «Александра же, къ которому Борисъ уже давно питалъ ненависть, увезли съ маленькимъ сыномъ на Бѣлоозеро. Здѣсь ихъ томили въ горячей банѣ. Ребенка спасло божественное провидѣніе; онъ заползъ въ уголь, гдѣ могъ свободно дышать черезъ маленькую щель и остался живъ: люди, взявшіе его къ себѣ, сберегли его ⁶²⁾. Михаилъ Никитичъ, сосланный въ Ныробскую волость (Чердынскаго уѣзда) Пермскаго края, тоже погибъ въ темницѣ, сдѣланной для него по повелѣнію Бориса Годунова. Узникъ томился въ ней около года. Затѣмъ его «тамъ удавилша и погребень бысть тамъ въ пустѣ мѣстѣ, надъ гробомъ же его выросли два древа, именуемая кедръ: одно древо въ головахъ, другое въ ногахъ». Къ этому краткому, но выразительному повѣствованію Новаго Лѣтоисца позднѣйшее преданіе, занесенное Берхомъ и сообщенное имъ Карамзину, прибавляетъ рядъ любопытныхъ подробностей. Михаила Никитича привезли въ Ныробу зимой 1601 года. Кромѣ пристава было при немъ еще 6 сторожей. «Въ то время, какъ они копали для него землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Ныробцы научили дѣтей своихъ носить въ дудочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у землянки, они впускали въ оную дудочки и питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ Москву шесть человекъ изъ Ныробцевъ, какъ людей злонамѣрныхъ: возвратились двое, уже въ царствованіе Шуйскаго, другіе умерли въ пыткахъ. По преданію «сторожи, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма темна и

сыра»,—продолжает Карамзинъ и прибавляетъ: «Михаилъ Никитичъ былъ высокъ ростомъ, дородень и силячъ. Желѣза его хранится въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, вѣсамъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, каудалы или шажнія (вѣроятно, пожныя?) въ 19, замокъ въ 10 фунтовъ»⁶³).

Изъ приведеннаго преданія видно, что Михаилъ Никитичъ содержался въ землянкѣ и въ цѣняхъ на хлѣбъ и водѣ. Не отрицаемъ сообщаемыхъ фактовъ, но не думаемъ, чтобы это было сдѣлано по повелѣнію царя Бориса. Правда, до насъ не дошло распоряженій, отданныхъ Годуновымъ относительно Александра и Михаила Никитичей. Но изъ «Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ» узнаемъ, какъ было предписано содержать остальныхъ Никитичей и все ли выполнялось приставами въ точности. Такъ сохранилась «память» отъ 1-го іюня 1601 г. стрѣлецкому сотнику Ивану Некрасову, назначенному надзирать за ссыльнымъ Василиемъ Никитичемъ. Благодаря этой «памяти» намъ становится извѣстно, что «Василію» было позволено взять съ собою своего «сдѣтнику». Въ дорогѣ Некрасовъ долженъ былъ тщательно наблюдать, чтобы его поднадзорный «съ дороги не утекъ и лиха шикотораго надъ собою не учинилъ». Приставу вмѣнялось въ обязанность уже извѣстное намъ наблюденіе надъ тѣмъ, чтобы не допускать сношеній Василія Никитича ни съ кѣмъ: еслибы при этомъ оказалось нужнымъ подвергнуть пыткѣ того, кого заподозрять въ подобныхъ сношеніяхъ, то и передъ этимъ Некрасовъ не долженъ былъ останавливаться. По пріѣздѣ въ Яранскъ поселиться надо было, какъ мы это знаемъ, по возможности далеко отъ центра городской жизни. Это слѣдовало сдѣлать для облегченія надзора, который долженъ былъ оставаться неослабнымъ. Въ «памяти» опредѣлено было и количество пищи, которое надлежало ежедневно отпускатъ Василію Никитичу «съ челоуѣкомъ»: «по колачу, да по два хлѣба денежнымъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части боранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ случится, да квасъ житной». На покунку «корма» была выдана въ распоряженіе Некрасова извѣстная сумма, по тому времени значительная: «сто рублевъ денегъ». Приставу вмѣнялось въ обязанность, какъ это уже и было отмѣчено выше, доносить въ Москву все то, что «Василій учнетъ съ нимъ разговаривать»⁶⁴).

Вскорѣ, уже 9-го августа того же 1601 года, было приказано перевести Василія Никитича въ Пельмь. Здѣсь ему предстояло поселиться

вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ подъ наблюдениемъ стрѣleckаго головы Смирного Маматова. Такъ звали пристава младшаго изъ братьевъ Романовыхъ. Некрасовъ долженъ былъ сдать своего поднадзорнаго человѣка и кормовыя его деньги Маматову, а также взявъ у него отписку на имя царя, ѣхать въ Москву и явиться въ приказъ⁶⁵), куда онъ уже отправилъ донесеніе о прибытіи въ Яранскъ. Изъ этого донесенія мы узнаемъ, что Василій Никитичъ поѣхалъ въ ссылку одинъ, такъ какъ приставъ «у него во дворѣ никакого дѣтны не засталъ». Дорогой «Государевъ людѣи и измѣшникъ» «ничего не розговаривалъ» съ Некрасовымъ; «только ѣдучи, укралъ онъ» у своего пристава «на Волгѣ ценной ключъ да и въ воду кинулъ, чтобы» тотъ «его не ковалъ»; «и хотѣлъ у меня утечь», «и я, холопъ твой»,—ишетъ царю Некрасовъ,—«и другой ключъ прибралъ, и на него чѣшъ и желѣза, за его воровство положилъ».

Въ Пельмъ Василій Никитичъ былъ привезенъ 20 ноября 1601 года. Некрасовъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидалъ его строгій допросъ⁶⁶). Дѣло въ томъ, что въ отпискѣ Маматова находились свѣдѣнія о крайне бѣдственномъ состояніи Василя Никитича. «И я холопъ твой, у Ивана у Некрасова»,—доносилъ Борису Годунову стрѣleckій голова,—«взялъ твоего государева измѣшника Василя Романова больна, только чуть жива, на чѣши и кормовыя денги девяносто рублевъ десять алтынъ двѣ денги⁶⁷), и посадилъ его съ братомъ съ его, съ Иваномъ Романовымъ въ одну избу». Отписку эту Некрасовъ подалъ въ приказъ 1 января 1602 года, а 10-го ему былъ учиненъ допросъ Семеномъ Ник. Годуновымъ и дякомъ Вылузгинымъ: по государеву наказу велѣно ему вести Василя Романова, а ковати его не велѣно, и онъ, Иванъ, почему такъ воровалъ, мимо Государева наказа велѣ его скована и на чѣши, и отдалъ его только чѣшъ жива Смирному Маматову?» Некрасовъ на допросѣ старался всячески выгородить себя. Онъ сослался на то, что и Маматовъ повезъ Ивана Никитича скованнымъ; потому то и Некрасовъ Василя Никитича «посады въ телѣгу повезъ съ Москвы сковавъ для того, чтобъ онъ съ дороги не утекъ». Когда затѣмъ они съ своимъ поднадзорнымъ проѣхали Чебоксары, тогда приставъ попробовалъ расковать Василя Никитича. Тотъ, воспользовавшись этимъ, «укралъ ключъ замочный чтобы его не ковали» и снова былъ скованъ⁶⁸). Такимъ образомъ они прибыли въ Яранскъ, гдѣ прожили 6 недѣль и по царскому приказу отправились въ Сибирь. На дорогѣ Некрасовъ вступилъ въ любозытнѣйшій разговоръ съ Василемъ Никитичемъ. «Кому деп Божымъ милосердіемъ, и постомъ,

и молитвою, и милостиною Богъ даде Царство, а вы деи злодѣи измѣнники хотѣли достать Царство вѣдствомъ и кореньемъ». На такой вызовъ пристава Василій Никитичъ «учель говорити подсмѣхая: свята деи та милостина, что мечуть по улицамъ: добро та деи милостина, дати десною рукою, а шуица бы не слыжала».

Дорога была трудная. Пришлось идти пѣшкомъ. Василій Никитичъ шелъ «простою»; но къ ночи «чѣнь на него» вложи, боясь побѣга. Послеъ Верхотурья несчастный ссыльный разболѣлся, «и онъ Иванъ везъ его въ саняхъ простого; а какъ ему полегчѣло, и онъ на него оиать чѣнь вложилъ». Въ Пельми Некрасовъ сдалъ Василія Никитича Маматову, который посадилъ Василія, не снимая съ него цѣней въ одну избу съ Иваномъ Никитичемъ, тоже скованнымъ. Въ концѣ своихъ показаній Некрасовъ винулся передъ Государемъ въ томъ, «что онъ Василія ковалъ мимо государева указа, блюдея отъ него побѣгу».

Допросъ бывшего пристава Василія Никитича показываетъ намъ, что онъ и его товарищи усердствовали не въ мѣру и позволяли себѣ нарушение царскаго указа. Не знаемъ къ сожалѣнью, какія послѣдствія это имѣло для Некрасова. Но Маматову за такое отступленіе отъ царской инструкціи, правда мотивированное желаніемъ лучше устеречь ссыльных Никитичей, было сдѣлано замѣчаніе: «и вы (т. е. Маматовъ и Некрасовъ) то сдѣлали мимо нашего указа». Имѣлъ допросъ Некрасова и реальное послѣдствіе. Наряду съ замѣчаніями, въ грамотѣ отъ 15-го января 1602 года Маматову было предписано: «И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы Ивана и Василія расковалъ». Затѣмъ предписывалось имѣть за ссыльными братьями неунынный надзоръ: «а кормъ бы еси имъ давалъ, по нашему указу, доволенъ»,—говорилось въ концѣ грамоты ⁶⁹.

Царская грамота не застала уже въ живыхъ бѣднаго страдальца, Василія Никитича. Въ отпискѣ Маматова, присланной въ Москву, сказано «взялъ я холопъ твой... твоего Государева измѣнника Василія Романова, ноябрю въ 20-е число больна, только чють жива, на чѣни, опухъ съ ногъ; и я, холопъ твой, для болѣзни его, чѣнь съ него снялъ, и сидѣлъ въ болѣзни его у него братъ его Иванъ, да человекъ ихъ Сенька; и я, холопъ твой, ходилъ къ нему, и нона къ нему пушалъ, и преставился февраля 15-е число; и я, холопъ твой, похоронилъ его, и далъ по немъ тремъ понамъ, да дѣичку, да пономарю, двадцать рублевъ» ⁷⁰). Такъ погибъ Василій Никитичъ, не выдержавшій лишеній и суровыхъ «железъ», самовольно наложенныхъ на него «простоумнымъ» приставомъ.

И младшій изъ Никитичей, Иванъ Каша, перенесъ много бѣдствій въ ссылкѣ, которую раздѣлилъ съ нимъ сообразно приказу Годунова, «человѣкъ» его Семень Натирка ⁶¹⁾. По словамъ Новаго Лѣтописца Ивана Никитича «моряху голодомъ. Богъ же видя ево правду и дуню ево укрѣпи». Изъ официальныхъ документовъ знаемъ, что «кормъ» ему было велѣно «давать доволенъ». Но насколько исполнялся указъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что съ 1-го іюля и по конецъ ноябрю, если и не дольше, Ивана Никитича «мимо» царскаго «указа» держали скованнымъ или прикованнымъ къ цѣпи. Результаты сказались. Маматовъ, извѣщая о смерти Василія Никитича, прибавляетъ: «Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ на ногу маленько пристунаетъ» ⁷²⁾.

Неизвѣстно, долго ли бы вынесъ больной Иванъ Никитичъ суровую жизнь въ Сибири, но въ скоромъ времени, тяжесть ссылки ему была облегчена. Узнавъ о смерти Василія Никитича, и о болѣзни Ивана Никитича, царь Борисъ грамотой отъ 28-го марта 1602 года приказалъ Маматову перевести больного на житье въ Уфу. Наказъ этотъ повторилъ о необходимости «великаго береженья» и наблюденія надъ Иваномъ Никитичемъ, но въ кормѣ произошло улучшение: приказано было давать «по три блюда мяса» или рыбы вмѣсто прежнихъ двухъ ⁷³⁾.

За первымъ облегченіемъ послѣдовало вскорѣ и другое, болѣе существенное: 28-го мая 1602 года Ивану Никитичу Романову было повелѣно вмѣстѣ съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, быть «на службѣ» въ Нижнемъ Новгородѣ. Правда, надзоръ оставался по прежнему строгимъ, но мѣнялъ свой характеръ. Улучшенъ былъ и кормъ: приказано было давать по 6 частей рыбы, а въ мясные дни, «по 3 части говядины и по 3 части баранщины». Мало по малу дали разрѣшеніе и на питье панитковъ; вмѣсто прежняго «житнаго кваса» разрѣшено было давать пиво и медъ. Между тѣмъ въ маѣ Иванъ Никитичъ разболѣлся «старою своею черною болѣзнію, рукою и ногою не владѣетъ и языкъ ся отиалъ, лежитъ при концѣ». Больного уже причастили, но онъ оправился; въ болѣзни за нимъ ухаживалъ «человѣкъ» его, Семень Ивановъ, по прозвищу Натирка. Нѣсколько оправившись, Иванъ Никитичъ былъ отвезенъ въ Нижній, куда прибылъ 25-го іюля 1602 года, а въ сентябрѣ того же года былъ вызванъ съ княземъ Черкасскимъ въ Москву. Въ столицу прощенные ональные вернулись въ концѣ ноября 1602 года ⁷⁴⁾. Полагаютъ, что ихъ участь была

облегчена, благодаря предстательству Прини Никитишны Годуновой, сунруги одного изъ родественниковъ царя Бориса и дочери Никиты Романовича. Думаемъ, что здѣсь сыграла роль и смерть злосчастнаго стра-

Паркъ въ селѣ Клиныхъ.

дальца Василія Никитича, а, быть можетъ, и его не менѣ несчастныхъ старшихъ братьевъ ⁷⁵).

Около этого же времени была облегчена участь и княгини Черкасской, сестры Ивана Никитича и ея «товарищей», въ числѣ которыхъ были и дѣти Феодора Никитича. Всѣмъ имъ 5 сентября 1602 года дозволено было ѣхать въ родовую вотчину Романовыхъ, село Клины ⁷⁶). Изъ документовъ выясняется, что не всегда потребности сосланныхъ удовлетворялись приставленнымъ къ нимъ Давидомъ Жеребцовымъ, небезызвѣстнымъ воеводой Смутнаго времени. Такъ молока и яицъ этотъ приставъ выдавалъ «не отъ велика»; такимъ образомъ, быть

можетъ, и будущій царь вся Русь испытывалъ въ нѣжномъ дѣтствѣ большія лишения. Борисъ Годуновъ, получивъ подобнаго рода донесеніе, разгнѣвался на Жеребцова и, такъ какъ тотъ оправдывался недостаткомъ кормовыхъ денегъ, приказалъ выдать ему немедленно 50 рублей ⁷⁷⁾.

Итакъ однихъ изъ Никитичей и ихъ родственниковъ постигла смерть, прекратившая ихъ бѣдствія ⁷⁸⁾. Другіе получили облегченіе своей участи или даже возвращены въ столицу. Лишь жизнь Θεодора Никитича, его жены и тещи осталась безотрадной и безпросвѣтной. Ничего не знаемъ о дальнейшей судьбѣ въ Годуновское время матери и бабки будущаго царя. За то имѣемъ интересныя свѣдѣнія о бывшемъ «великомъ бояринѣ» Θεодорѣ Никитичѣ, отнынѣ старцѣ Филаретѣ. Въ

Видъ Антоніево-Сііекаго монастыря съ юго-восточной стороны.

Новомъ Лѣтописцѣ про постриженіе Θεодора Никитича сказано кратко, но сильно: «онъ же государь, неволею бысть постриженъ, да волею и съ радостию веліею и чистымъ сердцемъ ангельскій образъ воспрія и живяше въ монастырѣ въ постѣ и въ молитвѣ». Не сомнѣваемся, что искренняя вѣра, которой были крѣпки наши предки, поддерживала невольнаго постриженника. Однако, какъ много долженъ онъ былъ перестрадать въ ссылкѣ въ отдаленномъ монастырѣ, подъ строгимъ мелочнымъ надзоромъ. Первый красавецъ и щеголь въ Москвѣ, лихой паѣздникъ, ловкій и энергичный человекъ, очень напоминающій намъ своего великаго правнука, разомъ лишился семьи, счастья, исключительнаго положенія въ странѣ

и очутился въ четырехъ стѣнахъ мрачной монастырской кельи. Кругомъ почти ни одного дружескаго лица; только преданный мальи́й, съ которымъ Филареть жилъ «душа въ душу». Да и того скоро отняли у бывшего боярина. Самъ Филареть сталъ говорить, что бѣльцу неприлично жить въ одной кельѣ съ черникомъ, а надо жить старцу со старцемъ; приставъ догадался, что это была уловка со стороны невольнаго шюка, боявшагося потерять единственнаго друга, и донесъ въ такомъ смыслѣ въ Москву, прибавивъ, что изъ-за малаго ничего отъ Филарета и про Филарета нельзя вывѣдать. Мальи́й на все распросы отвѣчалъ лишь, что его господнигъ скорбитъ о семьѣ: о женѣ и дѣтяхъ. Мы приводили уже въ своемъ мѣстѣ

Видъ Антоііево-Сііекаго монастыря съ сѣверо-восточной стороны.

часть этихъ скорбныхъ жалобъ. Въ нихъ слышится глубина сильнаго и иѣжнаго чувства. «А жена де моя бѣдная», — горевалъ Филареть, — «наудачу уже жива ли? часть де, она гдѣ ближе таково жъ де сиротена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужъ что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ; много де иное они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи слышать, чтобъ де ихъ ранѣ Богъ прибравъ, и изъ бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де ужъ не мѣшали; я бы де сталъ промышляти одною своею душею; а братья де ужъ иебъ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ».

Приставъ, Богданъ Воейковъ, безстрастно излагалъ эти, полныя сдержанныхъ рыданій, думы «старца» Филарета и переходилъ къ интересующимъ его вопросамъ надзора: можно ли пускать въ монастырь захожихъ богомольцевъ и мѣстныхъ жителей. Въ виду того, что въ ноябрѣ 1602 года невольному шюку дали «новольность», и онъ захотѣлъ «стоять на крылосѣ», запросы Воейкова имѣли свое основаніе. Такъ взглянули и въ Москвѣ, разрѣшивъ въ отвѣтъ Воейкову все его недоумѣнія и вопросы. Наряду съ подтвержденіемъ, чтобъ Филарету ни въ чемъ не было «снужи», были даны слѣдующія приказанія: на крылосѣ «старцу» стоять позволили, но съ тѣмъ, чтобъ съ нимъ никто не разговаривалъ; прохожимъ людямъ и мѣстнымъ жителямъ въ церковь впускъ былъ разрѣшенъ, но опять таки подъ присмотромъ Воейкова: наконецъ, какъ бы удовлетворяя желаніе невольнаго шюка, приказано было «малого» удалить, а съ Филаретомъ «жить старцу у того монастыря, въ которомъ воровства бы не чаять»⁷⁹). Последнее распоряженіе было очень жестокимъ ударомъ для опальнаго «старца». Шли годы, престолъ Бориса колебался, на порогѣ этого государя стояла уже близкая смерть, а положеніе шюка Филарета оставалось прежнимъ. Но поведеніе его рѣзко измѣнилось. Ссылка, лишеніе свободы и радостей семейной жизни не сломили властной и мощной натуры Филарета, но наложили суровый отпечатокъ на его характеръ. Онъ сталъ чрезвычайно вспыльчивъ и раздражителенъ. Кромѣ того, какъ ни былъ тщателенъ надзоръ, а все до Филарета доходило вѣсти изъ внѣшняго міра. Онъ слыхалъ про усилѣніи Самозванца, надѣялся, что Бориса скоро свергнуть съ престола, надѣялся, быть можетъ, и на облегченіе своей участи при перемѣнѣ режима. И вотъ въ мартѣ 1605 года Воейковъ вынужденъ былъ донести, что «жить де старецъ не по монастырскому чину; всегда смѣется невѣдомо чему, и говорить про мірское житье... и къ старцамъ жестокъ». Донесилъ Воейковъ, что въ ночь на 3 февраля Филаретъ «старца Плиларха лаялъ, и съ посохомъ къ нему прискакивалъ, и изъ кельи его выславъ вопъ». Старцы вообще жаловались Московскому приставу, что Филаретъ «лаетъ ихъ и бить хочетъ», говоря при томъ: «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ». Сталъ отказываться «старецъ» и отъ исповѣди: быть можетъ, онъ подозрѣвалъ духовника въ несоблюденіи требуемой при этомъ тайны.

Воейковъ винилъ во всѣхъ этихъ нестроеніяхъ монастырскіе порядки, отсутствіе городьбы около монастыря, свободный пріемъ всякихъ прохожихъ людей и т. д. и добился грозной царской грамоты на имя

игумена Автоіево-Сійской обители ⁸⁰). Однако вкорѣ царя Бориса не стало, а при Самозванцѣ Филаретъ получилъ и свободу и почести.

Ссылка Никитичей, тяжкая и незаслуженная, унесла у нихъ много силъ, и жизней. Но она дала въ свою очередь и новую популярность этому древнему роду. Онъ былъ знаменитъ своими государственными заслугами, сталъ близокъ къ царской династїи при Анастасїи Романовнѣ. Онъ сдѣлался еще болѣе дорогъ народу своими бѣдствїями и гоненїемъ, претерѣнными отъ царя Бориса. Между тѣмъ безспорно, что народная любовь къ Никитичамъ ярко сказалась и 21 февраля 1613 года.

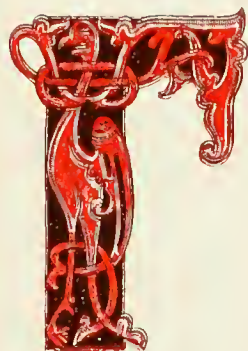

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Митрополитъ Ростовскіи и Ярославскіи Филаретъ Шкитичъ во время Смуты 1605—1610 гг.

I.

ОДУНОВЪ, согласившись стать царемъ всея Руси, взялъ на себя исключительную по трудности задачу. Его громаднаго ума и великихъ дарованій не хватило все же на ея выполнение, и гибель новой династїи стала мало по малу неотвратимой ¹⁾. Бориса поддерживалъ центръ Московскаго общества. Когда противъ него вооружились верхи и низы народной массы, опора Годунова оказалась неустойчивой, такъ какъ средніе слои населенія Руси не имѣли еще къ тому времени надлежащей организованности. Поэтому то Самозванецъ и успѣлъ въ своемъ безумно дерзкомъ на первый взглядъ предпрїятїи. Поддержанный народнымъ неудовольствіемъ, обострившимся подъ вліяніемъ страшнаго голода начала 1600-ыхъ годовъ, и умѣло пущенной въ ходъ легендой о чудесномъ спасенїи царевича Дмитрія, Лжедмитріи очень удачно повелъ борьбу съ правительственными войсками. Однако при жизни царя Бориса Самозванецъ не имѣлъ полнаго успѣха. Но когда Борисъ умеръ и престолъ занялъ его сынъ Θεодоръ, очень богатоодаренный, однако совершенно неопытный юноша, картина рѣзко измѣнилась. Смерть стараго Годунова послѣдовала

13 апрѣля 1605 года, а въ началѣ поля того же года Феодоръ Борисовичъ былъ уже сверженъ и умерщвленъ. Такимъ образомъ Ажедимитрій безпрерывственно могъ вступити на тронъ московскихъ царей.

Щедрыя милости ожидали всѣхъ ональныхъ царствованія Бориса. Осынаны ими были и Никитичи. Ивану Никитичу было сказано боярство, а Филаретъ Никитичъ возвращенъ въ Москву и возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Есть извѣстiе, по которому Филаретъ сначала отказывался отъ этого высокаго назначенія, такъ что его «тогда едва священнымъ соборомъ умолиша»²⁾. Инокiя Марѳа тоже вернулась изъ ссылки и поселилась вмѣстѣ съ девятилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ въ Ростовѣ, гдѣ они и прожили до 1608 года³⁾.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Самозванецъ, желая показать себя «прямымъ царскимъ сыномъ», жаловалъ Романовыхъ. Но почему они не обличили Ажедимитрія? Деликатность этого обстоятельства понималась впоследствии Филаретомъ Никитичемъ и другими людьми XVII вѣка, и они старались обойти молчанiемъ исторiю Романовыхъ при Самозванцѣ⁴⁾. Немногiе памятники Смуты позволили себѣ заговорить прямо объ интересующихъ насъ фактахъ. Зато они вполне удовлетворительно выяснили намъ, какъ источникъ милостей «Ростриги», такъ и причину молчанiя Никитичей. О первомъ мы уже говорили выше. О молчанiи Никитичей, не обличившихъ Самозванца, хотя и не называя ихъ прямо, повѣствуетъ позднее «Сказанiе о царствѣ Феодора Иоанновича». Оно отмѣчаетъ, что «иные страха ради и великiя нужды и умолчали до времени»⁵⁾. И дѣйствительно, выступить въ первое время царствованiя Самозванца со словами обличенiя, значило обнаружить исключительное геройство и притомъ почти безъ всякой надежды на успѣхъ. Тѣмъ болѣе трудно было ожидать подобнаго выступленiя отъ ональныхъ Никитичей, старшiй изъ которыхъ до послѣднихъ дней царствованiя Годунова томился въ невольномъ монастырскомъ уединенiи. Правда, Филаретъ показалъ себя впоследствии способнымъ на патриотическiй подвигъ, но это было при другихъ обстоятельствахъ, когда опасность грозила самому дорогому достоянiю древнерусскихъ людей, православной вѣрѣ. А первое время царствованiя Ажедимитрія о подобной опасности никто и не помышлялъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и настроенiе москвичей рѣзко смѣнилось. Двусмысленное поведенiе новаго царя, не уважавшаго русскимъ обычаевъ и рѣшившагося жениться на иностранкѣ, Маршѣ Миншекъ,

безчиства польскихъ и литовскихъ его приверженцевъ мало по малу открыли глаза жителямъ столицы на то, къ чему стремился Самозванецъ, тайный католикъ, и возбудили народное негодованіе. Этимъ воспользовался некушанный въ политическихъ интригахъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ уже въ первые дни царствованія Лжедмитрія пытался поднять противъ него русскихъ людей, былъ вмѣстѣ съ ближайшими родственниками присужденъ къ казни, прощенъ на плахѣ и послѣ ссылки возвращенъ въ Москву, гдѣ и занялъ прежнее положеніе. Шуйскій воспользовался своимъ возвращеніемъ для организаціи движенія противъ Самозванца. Дѣло пошло удачно, и 17-го мая 1606 года Лжедмитрій былъ свергнутъ и убитъ черезъ 9-ть дней послѣ своей жинитьбы. Его молодая жена, ея отецъ и многіе знатные поляки были взяты въ плѣнъ, менѣе знатные перебиты расходившейся московской чернью. Руководитель переворота, князь Василій Шуйскій, при помощи своихъ приверженцевъ былъ провозглашенъ царемъ, не устроивъ созыва общеземскаго собора для санкціи своего вступленія на престолъ.

Неизвѣстно въ точности, какую роль игралъ Филаретъ Никитичъ въ сверженіи перваго Самозванца. Однако можно думать, что онъ стоялъ въ данномъ случаѣ на сторонѣ народнаго движенія. Въ этой мысли насъ утверждаютъ слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, Филаретъ Никитичъ, какъ это мы еще увидимъ, былъ, несомнѣнно, твердымъ въ православіи человѣкомъ. Поэтому онъ не могъ держаться «Ростриги», который явно пренебрегалъ вѣрованіями русскихъ людей. Во-вторыхъ, по сверженіи Лжедмитрія Филарету Никитичу Шуйскимъ былъ предназначенъ, какъ выяснено С. О. Платоновымъ, высшій церковный санъ на Руси, патриаршескій ⁶⁾. Это должно было явиться, представляется намъ, помимо желанія Шуйскаго привлечь на свою сторону Романовыхъ, результатомъ той помощи, какую Никитичи и ихъ приверженцы оказали въ переворотѣ 17-го мая ⁷⁾.

Исторія кандидатуры Филарета на патриаршескій санъ при Шуйскомъ очень любопытна и выясняетъ намъ, почему Романовы были впоследствии далеки отъ Шуйскаго и даже враждебны ему. Самая мысль о необходимости назначенія кого-нибудь на патриаршую кафедру при наличности двухъ живыхъ патриарховъ: Юва, сведеннаго Лжедмитріемъ, и Игнатія, ставленника этого послѣдняго, не представится намъ странной, если мы задумаемся въ обстоятельства дѣла. Патриархъ Ювъ былъ ко

времени воцаренія Шуйскаго больнымъ и полу-слѣпымъ старцемъ. Онъ не могъ стать во главѣ церкви въ такую исключительную эпоху, когда отъ архипастыря требовалось напряженіе силъ и энергій. Игнатій, державшійся милостью Самозванца, не пользовался необходимымъ для патріарха авторитетомъ среди русскаго духовенства и довѣріемъ новаго правительства.

Приходилось поэтому избрать новаго патріарха. Но вполнѣ понятнымъ основаніемъ Шуйскій остановилъ свой выборъ на Филаретѣ Пикитичѣ, умномъ и энергичномъ, популярномъ и вліятельномъ человѣкѣ. Нареченный патріархъ отиравленъ былъ открывать мощи св. царевича Дмитрія въ Угличѣ, а въ то время, 25-го мая 1606 года, въ Москвѣ произошло уличное движеніе, вдохновителемъ котораго оказался П. П. Шереметевъ, бояринъ круга Романовыхъ. Мятежъ былъ подавленъ, однако Шуйскій сильно встревожился. Онъ далъ вѣру неосновательнымъ толкамъ о причастности Филарета къ этому движенію и перемѣнилъ свое рѣшеніе ⁸⁾. Филаретъ Пикитичъ остался митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, а патріархомъ былъ назначенъ Казанскій митрополитъ Гермогенъ, поставленный 3-го июля 1606 года.

Выборъ Гермогена былъ вполнѣ удаченъ. Обязанный своимъ возвышеніемъ исключительно присущимъ ему дарованіямъ, патріархъ Гермогенъ соединялъ съ кипучей энергіей и пламеннымъ краснорѣчіемъ ревность къ православію и любовь къ родинѣ. Русскій по духу человѣкъ онъ былъ стойкимъ борцомъ за нашу политическую и религіозную самобытность. Еще при Шуйскомъ онъ прекрасно уразумѣлъ, въ чемъ спасеніе родины, но не былъ въ силахъ благодаря своему одиночеству побѣдить стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Однако настало время, когда Гермогену удалось открыть глаза своимъ соотечественникамъ на грозящую опасность, и подвигу великаго и прощательнаго патріота Русь была обязана своимъ спасеніемъ ⁹⁾.

Признавая такимъ образомъ незабвенныя заслуги патріарха Гермогена передъ родиною, нельзя не видѣть, что Шуйскій отъѣвой своего первоначальнаго рѣшенія оскорбилъ Филарета Пикитича и его родныхъ, обострилъ старыя враждебныя отношенія «княжатъ» и рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ и этимъ еще болѣе осложнилъ свое трудное и колеблющееся положеніе. А надо признать, что ни одному русскому царю не приходилось царствовать при такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Соціальная разруха все сильнѣе и сильнѣе разъѣдала государственный

организмъ, и вмѣшательство въ Смуту иноземцевъ становилось все неотвратимѣе.

Уже въ первое время царствованія Василю Шуйскому пришлось имѣть дѣло съ грознымъ движеніемъ Ивана Болотникова, въ которомъ приняли участіе главнымъ образомъ низы Московскаго общества, подкрѣпленные мелкопомѣстнымъ и даже крупнымъ провинціальнымъ («городовымъ») дворянствомъ. Правда, пестрота состава возставшихъ противъ царя Василя облегчила Шуйскому борьбу съ ними. Болотниковъ и соединившіяся съ нимъ самозванецъ Лжепетръ были побѣждены. Но худшее бѣдствіе ожидало злосчастнаго царя и многострадальную Россію: появленіе второго Лжедмитрія, извѣстнаго въ русской исторіи подъ мѣткимъ названіемъ Вора. Задолго до его появленія въ народѣ распространились слухи, что «царь Дмитрій Ивановичъ» чудеснымъ образомъ спасся 17-го мая отъ грозившей ему гибели и скоро появится во главѣ вѣрныхъ своихъ приверженцевъ. Недовольные Шуйскимъ охотно вѣрили этимъ слухамъ и, когда въ Сѣверской области появился второй Лжедмитрій, толпами стали подъ его знамя. Одни простодушно вѣрили подлинности поваго «Дмитрія Ивановича», другіе пользовались имъ какъ удобнымъ предлогомъ для мятежа и грабежа. Третіе видѣли въ немъ способъ личнаго возвышенія. Благодаря этому повный Лжедмитрій быстро собралъ вокругъ себя грозную силу изъ польскихъ и русскихъ отрядовъ, въ руки которой, впрочемъ, попалъ и самъ, не отличаясь умомъ и ловкостью своего предшественника. Однако онъ пользовался сперва знаками вѣшняго уваженія, разсыпалъ всюду грамоты отъ своего имени, привлекъ на свою сторону рядъ городовъ и утвердился, наконецъ, въ селѣ Тушинѣ, откуда гетманъ Ружинскій, предводитель его войскъ, руководилъ блокадой Москвы. Станъ поваго Самозванца сталъ мало по малу почти такой же столицей, какой была и Первопрестольная. Марина Мнишекъ, захваченная шайками Вора, признала его своимъ мужемъ. Около Вора образовалось постепенно настоящее правительство. Цѣлый рядъ талантливыхъ людей находился въ немъ. Среди нихъ было много знатныхъ и родовитыхъ людей, были и московскіе приказные дѣльцы. Притомъ между Москвой и Тушинымъ образовался своеобразный обмѣнъ. Недовольные Шуйскимъ ѣхали къ Вору и, наоборотъ, не поладившіе въ Тушинѣ отирались въ Москву. Такимъ образомъ деморализація все болѣе глубоко проникала въ правы московскаго общества.

Нельзя отказать Тушинскому Вору или вѣриже его руководителямъ въ энергію и широтѣ ихъ замысловъ. Они устроили блокаду Москвы, осадили Троицкій монастырь и неустанно агитировали въ пользу «царя Дмитрія Ивановича». Ихъ старанія имѣли сначала большой успѣхъ въ уѣздахъ Московскаго государства. Однако разбойничьи инстинкты, которыми руководилось большинство тушинцевъ, скоро образумили многіе изъ увлеченныхъ Воротъ городовъ. И царь Василій не терялъ времени. Онъ отправилъ своего родственника, молодого даровитаго князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ искать помощи у Швеціи, а боярина Феодора Ивановича Шереметева въ Пошеховые города для усмиренія Поволжья. И Скопинъ-Шуйскій, и Шереметевъ успѣли въ своемъ предпріятіи и двинулись съ разныхъ сторонъ противъ Тушинскаго Вора. Сигизмундъ III, король польскій, воспользовался приглашеніемъ враждебныхъ ему извѣдовъ на русскую службу, какъ предлогомъ начать войну съ Московскимъ государствомъ, вторгся въ предѣлы Руси и осадилъ важную крѣпость Смоленскъ. Польскіе приверженцы Тушинскаго Вора покинули его и явились на службу къ своему королю. Тушинцы принуждены были снять осаду съ Троице-Сергіевой обители и, угрожаемые войсками Скопина и Шереметева, покинуть свой станъ. Воръ бѣжалъ на Югъ и изъ Тушинскаго Вора обратился въ Калужскаго. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Москву, и царь Василій, казалось, избавился отъ грозившихъ ему бѣдъ. Но внезапная смерть Скопина и позорное пораженіе князя Дмитрія Шуйскаго подъ Клушинымъ гибельно отозвалось на положеніи Шуйскаго, и дни его царствованія были сочтены.

II.

Такъ быстро и неудержимо развертывались событія 1606 — 1610 годовъ. Филаретъ Никитичъ, готовившійся послѣ 17-го мая 1606 года занять патриаршескій престолъ, долженъ былъ вълѣдствіе того, что царь Василій отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія, удовольствоваться болѣе скромнымъ, хотя и очень почетнымъ положеніемъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Здѣсь жили также инокія Марфа, къ которой Филаретъ сохранялъ неизмѣнно теплое чувство сердечной симпатіи, и ижежно любимый имъ сынъ Михаилъ Феодоровичъ. Во время управленія епархіей Филаретъ проявилъ себя, какъ выдающійся архи-

пастырь. По словамъ современника онъ, былъ «разуменъ въ дѣлѣхъ и словесѣхъ и твердъ въ вѣрѣ христіанстей и знаменитъ во всякомъ добросмыслствѣ». По мирное теченіе жизни въ Ростовѣ было нарушено ¹⁰⁾. Въ октябрѣ 1608 года воровскія шайки, соединившись съ переяславцами, примкнувшими къ Тушинскому Вору, ворвались въ древній Ростовъ. Митрополитъ Филаретъ въ данныхъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству оффиціознаго Новаго Лѣтописца, показалъ большую твердость духа. Онъ увѣщевалъ ростовцевъ, посадскихъ и воинскихъ людей, не покидать города и сохранить вѣрность царю Василию. Затѣмъ съ сравнительно немногими мужественными людьми остался въ Ростовѣ, причастился св. Таинъ и приготовилъ свою наставу встрѣтить смерть. Воры ворвались въ городъ, разграбили его, бросились къ церкви, въ которой занерся митрополитъ, и выломали церковныя двери. Филаретъ обратился къ мятежникамъ со словами увѣщанія. Но разсвирѣпѣвшіе разбойники не вняли рѣчамъ архипастыря. Они не постыдились ни святости мѣста, ни святости сана. «Митрополита же взяша съ мѣста»,—читаемъ въ Новомъ Лѣтописцѣ,—«и святительскія ризы на немъ ободраша и одѣша его въ худыя ризы и дана его за пристава». Затѣмъ Филарета Никитича «отослаша къ Вору въ Тушино» ¹¹⁾.

На разсказѣ объ отсылкѣ плѣннаго Филарета въ Тушино обрывается повѣствованіе о немъ Новаго Лѣтописца. Послѣдній возвращается къ ростовскому митрополиту только въ разсказѣ великаго посольства подъ Смоленскъ, гдѣ старшій изъ Никитичей обнаружилъ большой подъемъ патріотическаго чувства. И оффиціальное жизнеописаніе патріарха Филарета ни слова не говоритъ, какъ это уже отмѣчено профессоромъ Платоновымъ, о Тушинскомъ періодѣ его жизни ¹²⁾. Причина такого умолчанія кроется въ томъ, что о поведеніи своемъ въ Тушинѣ врядъ ли охотно вспоминалъ впоследствии Филаретъ Никитичъ. Онъ не оказался тамъ на высотѣ положенія. По показанію Палицына съ митрополитомъ Ростовскимъ захватившіе его въ плѣнъ обращались очень дурно: «ведуще путемъ боса токмо во единой свитѣ и ругающе облекоша въ ризы язычески и покрыша главу татарскою шанкою и позѣ обувше во своя сандалии». Въ такомъ жалкомъ одѣяніи Филаретъ Никитичъ приведенъ былъ къ Вору и окружающимъ его полякамъ. Здѣсь отношеніе къ плѣннику сразу измѣнилось. Второй Лжедмитрій и его совѣтники поняли, какъ важно для нихъ примириться съ такимъ знатнымъ и популярнымъ человекомъ. «Хотяще къ своей прелести того притягнути», «да тѣмъ инѣхъ

прельстятъ», — догадывается умный келарь Тронце-Сергіевой обители, — «шарцають его патріарха и облагають его всѣми священными ризами, и златымъ посохомъ почитуютъ, и служити тому рабовъ, яко же и прочимъ святителемъ даруютъ». Однако «Филоретъ, разуменъ сый и не преклонися ни на десно ни на шусе, но пребысть въ правой вѣрѣ»¹³⁾.

Палицынъ представляетъ пребываніе Филарета въ Тушинѣ плѣномъ и говоритъ, что нареченный патріархъ жилъ тамъ подъ строжайшимъ присмотромъ сторонниковъ второго Самозванца¹⁴⁾. Плѣнникомъ Тушинцевъ рисовалъ себя его и патріархъ Гермогенъ. «А которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіе», — писалъ въ 1609 году патріархъ, — «не своею волею, но нужею и на христіанскій законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, на такихъ мы не иоризаемъ, но и молимъ о нихъ Бога»¹⁵⁾. Поздвѣнныя отношенія Гермогена къ Филарету, о чемъ рѣчь пойдетъ ниже, не даютъ намъ возможности предполагать, что словами великаго архиепископа руководилъ только политическій расчетъ не поселять соблазна и смущенія въ умахъ русскихъ людей¹⁶⁾. Думаемъ, что Филаретъ воздерживался отъ выступленій въ пользу Вора, а, быть можетъ, нашелъ и способъ войти въ тайныя сношенія съ Гермогеномъ.

Но въ то же время нельзя не признать, что, какъ выяснилъ С. Θ. Платоновъ, поведеніе Филарета въ Тушинѣ «скорѣе всего заслуживаетъ названіе оппортунизма и политики результатовъ»¹⁷⁾. Передъ плѣннымъ Ростовскимъ митрополитомъ было три выхода: открыто обличить Самозванца, искренне предаться на его сторону, или попробовать лавировать между этими двумя путями: и Филаретъ, недоброжелатель Шуйскаго, и въ то же время отрицательно относившійся къ Тушину, избралъ послѣдній, наиболее благоразумный, но очень непривлекательный способъ¹⁸⁾. Онъ примирился по виду съ своимъ положеніемъ, поднесъ Вору принятый Московскими обычаями подарокъ, не уклонился отъ визитовъ тушинской знати и не протестовалъ противъ разсылки его именемъ грамотъ¹⁹⁾.

Однако Филаретъ Никитичъ при своемъ больномъ умѣ не могъ не понимать, что Тушинскій Воръ не въ состояннн водворить порядокъ на Руси, которую ростовскій митрополитъ несомнѣнно горячо любилъ. Поэтому, не желая въ то же время и торжества Шуйскаго, къ которому у него не было расположенія и въ силу котораго онъ не вѣрилъ, Фила-

реть склонился мало по малу къ мысли о необходимости избранія новаго государя. Толчкомъ къ этому послужило вторженіе польскаго короля Сигизмунда III въ предѣлы Руси и начавшійся вслѣдъ за этимъ распадъ Тушина. Невольно у людей способныхъ къ работѣ мысли долженъ былъ встать вопросъ: какъ вывести родину изъ все болѣе занутившагося и угрожающаго положенія? Кромѣ внутреннихъ раздоровъ сторонниковъ Шуйскаго и Вора Руси грозило теперь завоеваніе иноземцами. Еслибъ удалось устранить царя Василія и «царя Дмитрія Ивановича», а на мѣсто ихъ выбрать государемъ кого-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, то нельзя было поручиться за водвореніе внутренняго спокойствія въ странѣ. Страсти разгорѣлись, и нужны были суровые уроки междуцарствія и разрухи для того, чтобы русскіе люди «показались» и поняли необходимость единенія. Кромѣ того при наличіи въ странѣ сильнаго вражескаго войска, казалось, невозможно было наладить необходимый порядокъ. Естественно напрашивался выводъ: изъ враговъ можно было сдѣлать друзей и при помощи ихъ придти къ желательному результату. Такимъ образомъ неминуемо было остановиться на мысли о династической уніи съ Польско-Литовскимъ государствомъ и о выборѣ въ государи королевича Владислава. Эта мысль не была къ тому же полной новостью. Вспомнимъ хотя бы времена Грознаго и Θεодора Иоанновича, претендентовъ на польско-литовскій престолъ. Была, конечно, разница между вступленіемъ польскаго королевича на тронъ русскихъ царей и полученіемъ московскимъ государемъ польской короны. Въ послѣднемъ случаѣ выгода уніи была бы на сторонѣ Руси. Теперь же, несомнѣнно, выигрывали поляки. Но положеніе нашей родины было тяжело, и приходилось идти на уступки.

При такихъ условіяхъ въ Тушинѣ въ самомъ началѣ 1610 года былъ составленъ, надо думать, при ближайшемъ участіи Филарета Шкитича проектъ договора съ Польско-Литовскимъ государствомъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ договора 4-го февраля 1610 года. Подлинныя статьи этого договора, привезенныя 21-го января 1610 года въ королевскій станъ тушинскими послами, изъ которыхъ первыя мѣста занимали М. Г. Салтыковъ и сынъ его Иванъ, до насъ не дошли. Намъ приходится довольствоваться только текстомъ «отказа», т. е. отвѣта Сигизмунда на эти статьи, полученнаго 4 февраля. Впрочемъ, онъ повидимому достаточно подробно передаетъ содержаніе упомянутыхъ статей, проникнутыхъ опредѣленными тенденціями. Надо отмѣтить, что интересующій насъ договоръ очень любопытенъ. Покойный Ключевскій,

анализируя его, находят, что «ни въ одномъ актѣ Смутнаго времени русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ М. Салтыкова и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ ²¹⁾».

И дѣйствительно, мы должны признать, что авторы договора, не забывая своихъ групповыхъ и классовыхъ выгодъ, подумали о достоинствѣ и благоденствіи своей родины. Соглашаясь вступить съ Рѣчью Посполитою «въ тѣсный военный союзъ», они тѣмъ не менѣе въ основаніе этого союза положили «сохраненіе полной автономіи Московскаго государства». Только на такомъ условіи просили видѣйшіе изъ Тунницевъ, вольныхъ и невольныхъ, королевича Владислава стать московскимъ государемъ. Опредѣляя положеніе Руси при новомъ царѣ, авторы разбираемаго договора постарались выговорить рядъ условій признанія Владислава своимъ государемъ. Владиславъ долженъ былъ сохранить неприкосновенность православія, совѣтоваться о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ «съ патріархомъ и со всемъ священнымъ соборомъ и з бояры и со всею землею» «з Московскаго звычаю». Какъ правильно отмѣчаетъ С. О. Платоновъ, такое «ограниченіе единоличной власти Владислава» «вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на Московскій престолъ иноземнаго и новѣрнаго государя. Это ограниченіе имѣло дѣло не перестройку прежняго государственнаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе» его. При этомъ ясна та среда, въ которой составилъ договоръ: это дворцовая знать эпохи Грознаго. Авторы договора, требуя справедливаго суда, отмѣны групповой отвѣтственности родственниковъ обвиненнаго, въ то же время выдвигаютъ на первый планъ принципъ выслуги. Они желаютъ также свободнаго выѣзда за границу для науки и торговли. Эти «новшества» посятъ на себѣ отпечатокъ времени Грознаго, любившаго и цѣнившаго иноземцевъ, и ученика его въ политикѣ, Бориса Годунова ²²⁾. Въ то же время договоръ стоитъ за сохраненіе крѣпостныхъ порядковъ на Руси и ставитъ вопросъ о томъ: «на Волгѣ, на Дону, на Яикѣ и на Терекѣ казаковъ есть ли надобе, albo не надобе» ²³⁾. Такимъ образомъ авторы договора, какъ бы высказывались за возможность уничтоженія казачества, а не забудемъ, что оно пополнилось главнымъ образомъ бѣглыми крѣпостными, какъ это указано повѣйшимъ изслѣдованіемъ Смуты ²⁴⁾.

Итакъ составленный въ Тунниѣ договоръ отноду не былъ выраженіемъ желаній рядовыхъ тунницевъ. Последніе были проинкнуты

стремленіемъ къ грабежу и насиліямъ. Договоръ стремился возстановить порядокъ въ Русской землѣ. При этомъ авторы договора скорѣе всего могутъ быть опредѣлены какъ консерваторы и націоналисты. Они далеки были отъ реакціонеровъ княжатъ, къ которымъ принадлежалъ царь Василій Шуйскій, но все ихъ либеральныя повнѣштва были проводимы въ жизнь выдающимися государями XVI вѣка, а конституціонныя на первый взглядъ стремленія были продиктованы желаніемъ, какъ мы видѣли, сохранить свой стародавній укладъ отъ возможныхъ посягательствъ со стороны поляковъ.

Недовѣріе авторовъ договора 4 февраля 1610 года къ полякамъ имѣло, какъ увидимъ, серьезнѣйшія основанія. Но это самое обстоятельство не сулило соглашенію прочности. Однако, первое время обѣ стороны очень дорожили этимъ договоромъ. Сигизмундъ постарался обѣ его распространеніи въ Московскомъ государствѣ, а вліятельнѣйшіе изъ тушинцевъ собрались переѣхать въ станъ къ королю; многіе даже и успѣли сдѣлать это. Неизвѣстно въ точности, что намѣревался предпринять старшій изъ Никитичей. Знаемъ только, что въ маѣ мѣсяцѣ ростовскій митрополитъ Филаретъ, отбитый у Юсифова монастыря русскими войсками отъ польскихъ отрядовъ, направлявшихся въ Смоленскъ, прибылъ въ Москву, за два мѣсяца до наступленія междуцарствія ²⁵).

III.

Во времени пріѣзда Филарета Никитича въ Москву царь Василій лишился своей опоры, Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Новый главный воевода Московскихъ силъ князь Дмитрій Шуйскій былъ трусливъ, бездаренъ, изнѣженъ и корыстолюбивъ. Онъ возбудилъ противъ себя недовольствіе шведскихъ наемныхъ войскъ, расположеніе которыхъ сумѣлъ завоевать даровитый Скопинъ, не пріобрѣлъ довѣрія русскихъ ополченій и проигралъ, какъ мы уже упоминали, рѣшительный бой подъ селомъ Клушинымъ, данный нашему полководцу талантливымъ польскимъ вождемъ, гетманомъ Жолкевскимъ. Это пораженіе было пагубно для царя Василія. Онъ никогда не пользовался народнымъ расположеніемъ, а къ 1610 году вооружилъ противъ себя два вліятельныхъ круга Московскихъ людей. Одинъ изъ нихъ имѣлъ своимъ вождемъ князя Василія Васильевича Голицина—знакъ того, что среди представителей реакціоннаго князья не было тогда единодушія. Погибъ этотъ кругъ дворянствомъ средней руки, среди котораго выдающуюся роль играла рязанская фамилія Ляпуновыхъ.

Ядро другой партіи, враждебной Шуйскимъ, составляли представители дворцовой знати времени царей Грознаго и Феодора. По вѣроятной догадкѣ профессора Платонова вождемъ, вѣриѣ, вдохновителемъ этой группы, склонной къ выбору Владислава на русскій престолъ, былъ самъ Филаретъ Никитичъ, наиболѣе вліятельный и видный ея членъ ²⁶). Оба отбѣченные круга слодились на непріязни къ Шуйскому. Но первый стремился къ перемѣнѣ лица, а второй думалъ о смѣнѣ правительственной системы. Калужское поражение развязывало обѣимъ группамъ руки, такъ какъ власть, видимо, ускользала отъ царя Василія. По извѣстію, сообщаемому Палицынымъ, сторонники Калужскаго—прежняго Тушинскаго—Вора ускорили развязку, предложивъ обманнымъ образомъ сдѣлку жителямъ столицы. «Вы убо оставте своего царя,—глаголюще Василія,—и мы такожде отставимъ своего и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Передъ москвичами, которые опасались тогда угрожающихъ Москвѣ двухъ враговъ: поляковъ и тушинцевъ, мелькнулъ призракъ надежды на объединеніе всѣхъ русскихъ людей и прекращеніе внутренней Смуты. Они повѣрили словамъ и клятвамъ сторонниковъ «царя Дмитрія Ивановича» и свели съ престола Шуйскаго. Тогда бывшіе тушинцы съ насмѣшкой заявили имъ, что они остаются вѣрными своему «истинному прямому» царю и предложили москвичамъ присоединиться къ нимъ и признать ихъ государя ²⁷). Зная хорошо Вора и замашки его дружинъ, жители столицы вовсе не хотѣли подчиниться Калужскому царю и растерялись. Патріархъ Гермогенъ посоветовалъ вернуть престолъ Шуйскому. Чтобы избѣгнуть этого, заводчики мятежа противъ царя Василія, т. е. Захаръ Лянуновъ и другіе, носились постричь его, несмотря на энергичные протесты постригаемаго.

Послѣ этого передъ москвичами, которыми стало править временное правительство, знаменитая «семибоярщина», вознікъ вопросъ, кто будетъ царемъ. Приверженцы Голицына думали возвести на престолъ этого боярина, но кандидатура его не встрѣтила поддержки въ другой вліятельной группѣ, принимавшей участіе въ сверженіи царя Василія. Тогда патріархъ Гермогенъ, ревностный патріотъ, націоналистъ и сторонникъ порядка, выступилъ съ своимъ предложеніемъ. О немъ сообщилъ намъ очень наблюдательный и хорошо освѣдомленный гетманъ Жолкевскій. «Патріархъ побуждалъ,»—разсказываетъ гетманъ,—«чтобы (и представляя одного и двухъ) избрали или князя Василія Голицына, или Никитича Романова, сына Ростовскаго митрополита, это былъ юноша,

можетъ быть, пятнадцать лѣтъ. Представляя же онъ его потому, что митрополитъ Ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ (по матери) царя Θεодора: потому что царь Θεодоръ родился отъ царя Юанна тирана и отъ родной сестры Никиты Романовича, Ростовскій же митрополитъ—сынъ сего послѣдняго; однакожь, къ патриаршему мнѣнію болѣе склонялся народъ, а все почти духовенство было на сторонѣ Голицына»²⁸).

Извѣстіе, приводимое Жолкевскимъ, очень любопытно. Оно указываетъ намъ, что мысль объ избраніи Михаила Θεодоровича возникла уже въ 1610 году и что сторонникомъ ея былъ такой уважаемый и вліятельный человѣкъ, какъ Гермогенъ²⁹). Затѣмъ польскимъ гетманомъ обстоятельно отмѣчена и причина кандидатуры, т. е. родство Романовыхъ съ угасшею династіей, и извѣстное сочувствіе къ этой кандидатурѣ со стороны народа. Интересно также, что московское духовенство предпочитало Голицына. Любовь ли къ этому боярину или опасеніе видѣть «владительнаго» Филарета у власти побуждало духовенство къ этому предпочтенію? Не умѣемъ рѣшить.

Во всякомъ случаѣ мотивы предложенія патриарха для насъ представляются вполне ясными. Гермогенъ хотѣлъ видѣть русскаго человѣка государемъ на московскомъ престолѣ и не желалъ Вора. Онъ предложилъ поэтому кандидата изъ 2-хъ наиболее вліятельныхъ группъ, причемъ личныя симпатіи патриарха склонялись на сторону Никитичей. Однако, предложеніе Гермогена не имѣло полного успѣха. Жолкевскій приписываетъ это своей ловкой политикѣ. Признавая за гетманомъ большіе таланты дипломата, думаемъ, что обстоятельства благоприятствовали ему. Руководящая роль въ столицѣ принадлежала, какъ мы уже указали, семи боярцкимъ, составъ которой опредѣленъ, какъ представляется намъ, очень удачно профессоромъ Платоновымъ. Въ нее вошли «5-ть княжатъ отборныхъ фамилій и два боярина изъ стариннаго боярскаго рода Θεодора Кошки»³⁰). Эти бояре съ одной стороны являлись выразителями и носителями взглядовъ реакціонно настроенныхъ княжатъ съ другой—представляли собой интересы Никитичей и ихъ сторонниковъ. Они не желали государя изъ среды русскихъ людей, опасаясь и Вора, и борьбы партій. Зато они охотно готовы были примириться съ одинаково для всѣхъ чуждымъ Владиславомъ. Предварительный договоръ съ королемъ Сигизмундомъ имъ былъ извѣстенъ и казался удобопріемлемымъ. Не забудемъ угрожающаго положенія, принятаго поляками послѣ Клушинскаго пораженія, и беззащитности Москвы. Видя невозможность борьбы съ двумя

врагами, семибоярщина и руководимые ею круги рѣшили выбрать меньшее изъ золъ ³¹⁾. Вотъ благодаря чему и было рѣшено избраніе королевича Владислава. При этомъ надѣялись, что поляки въ виду собственныхъ интересовъ уничтожатъ Вора и его шайку.

Обстоятельства были грозны. Приходилось сѣбѣнить. Созвать въ Москву земскій соборъ было трудно, такъ какъ сама столица была подъ страхомъ новой блокады. Рѣшили обойтись наличными средствами и составили соборъ, пользуясь находившимися въ Москвѣ жителями уѣздовъ. На этомъ соборѣ постановили избрать Владислава на основаніи главнымъ образомъ условій, подписанныхъ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 года. Но на этихъ условіяхъ отразилось вліяніе новыхъ элементовъ, принявшихъ участіе въ ихъ пересмотрѣ: князья и патріарха. Первые позаботились о внесеніи въ договоръ упоминанія о ненарушимости положенія при новомъ государѣ «княженецкихъ родовъ» и объ уничтоженіи въ немъ статей, отзывающихся либеральными повнествами. Гермогенъ настоялъ на принятіи королевичемъ православія.

Выработанныя такимъ образомъ условія, такъ называемый договоръ 17 августа 1610 года, были подписаны гетманомъ Жолкевскимъ, причемъ наиболѣе щекотливые и спорные пункты, въ особенности вопросъ о крещеніи Владислава по обрядамъ православной вѣры предусмотрительно были имъ оставлены въ сторонѣ съ оговоркой, что по нимъ постановить рѣшеніе король Сигизмундъ по уговору съ русскими людьми ³²⁾. Тотъ же Жолкевскій постарался, какъ онъ самъ рассказываетъ, повліять и на составъ великаго посольства, которое должно было ѣхать къ королю Сигизмунду съ предложеніемъ русской короны его сыну или, говоря тогдашнимъ языкомъ, «прошати у короля на царство королевича». Гетманъ понималъ важность удаленія изъ Москвы наиболѣе вліятельныхъ лицъ, называемыхъ кандидатами на престолъ. Михаилъ Осодоровичъ былъ слишкомъ молодъ, но можно было удалить его отца и фактическаго руководителя его приверженцевъ, митрополита Филарета. О томъ, чтобы онъ поѣхалъ отъ имени освященнаго собора, и позаботился Жолкевскій. Онъ же добивался, не останавливаясь передъ самой отчаянной лестью, чтобы въ главѣ великаго посольства сталъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ ³³⁾.

Успісія умнаго и хитраго польскаго вельможи увѣщаніемъ. Впрочемъ, выборъ Филарета и Голицына былъ и самъ по себѣ вполне естественнымъ въ виду важности посольства и той цѣли, для которой оно отправлялось: простая вѣжливость требовала, чтобы «прошати королевича»

ѣхали знатнѣйшія въ государствѣ лица. Вмѣстѣ съ Филаретомъ и Голицынскимъ были отпращены многіе другіе «власти», «сановники» и «чины» Московскаго государства. Это посольство, являясь частью того земскаго собора, отъ имени котораго оно отпращивалось, было чрезвычайно велико. Считая со свитой, оно простиралось до 1.000 сличкомъ человекъ³⁴).

Великому посольству данъ былъ въ высшей степени любопытный наказъ, напечатанный въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Указавъ во вступленіи на цѣль и составъ посольства наказъ предписывалъ великимъ посламъ: митрополиту Филарету и князю Василию Голицыну ѣхать «къ Жигимонту королю, гдѣ король будетъ, не мешкая ни гдѣ». Явившись къ Сигизмунду, послы должны были вручить ему вѣрющія грамоты съ произнесеніемъ подобающихъ случаю рѣчей. Первую рѣчь, состоящую почти цѣлкомъ изъ перечня королевскихъ титуловъ, долженъ былъ произнести Филаретъ, и только затѣмъ надлежало говорить остальнымъ посламъ. Послѣ привѣтствій имъ слѣдовало испросить позволенія совѣщаться съ польскими папами. На этихъ совѣщаніяхъ надо было выяснитъ рядъ условій и заявить цѣль и рядъ пожеланій. Такихъ условій или «статей» было въ наказѣ отмѣчено 10-ть: 1) крещеніе Владислава по православному обряду и притомъ возможно скорѣе; предложить надо было, чтобъ королевичъ крестился въ Смоленскѣ; 2) разрывъ сношеній о вѣрѣ Владислава съ папой; 3) установленіе смертной казни тѣмъ русскимъ людямъ, которые «похотятъ своимъ малолуменіемъ отъ Греческіе вѣры отступити къ Римской вѣрѣ»; 4) немногочисленность свиты королевича при приходѣ его въ Москву; 5) сохраненіе Владиславомъ полнаго царскаго титула; 6) женитьба Владислава на русской и православной; 7) очищеніе Московскихъ городовъ, занятыхъ польскими отрядами и воровскими шайками; 8) надѣленіе польскихъ и литовскихъ слугъ Владислава не съ порубежныхъ городовъ; послѣднее считалось неудобнымъ: «чтобъ въ порубежныхъ мѣстахъ въ земельныхъ дѣлахъ отъ того межъ Государствъ ссоры не было»; 9) безвозмездный отпускъ на свободу русскихъ плѣнниковъ, и 10) отступленіе Сигизмунда отъ Смоленска³⁵).

Выработавъ такія «статьи», наказъ предвидѣлъ всевозможныя возраженія на нихъ со стороны поляковъ и даже разрѣшалъ въ крайности идти на уступки. Такъ можно было не настаивать на немедленномъ принятіи Владиславомъ православія и рѣшеніи вопроса о его будущей женитьбѣ. Но въ то же время послы не могли сдѣлать по этимъ вопросамъ рѣши-

тельныхъ уступокъ, и всё онѣ сводилась главнымъ образомъ къ отсрочиванью обезьяденія того или иного изъ боевыхъ вопросовъ. Самая же важная задача великаго посольства состояла въ томъ, чтобъ убѣдить королевича, какъ можно скорѣе прибыть въ Москву³⁶).

Зная приверженность Сигизмунда къ католицизму и желаніе самому стать царемъ на Руси, не трудно было бы предвидѣть, что посольство не достигнетъ своей цѣли. Но если Жолкевскій, удаливъ Филарета и Голицына, видѣлъ въ томъ счастливый результатъ своей политической ловкости, то и москвичи могли бы сказать, что ихъ великіе послы «не побрали земли русской». О твердости, проявленной Филаретомъ, Голицынымъ и нѣкоторыми ихъ «товарищамн», объ ихъ патриотическомъ подвигѣ намъ и предстоитъ теперь повѣствовать.

IV.

Великое посольство двинулось въ свой трудный и опасный путь 11-го сентября 1610 года. Передъ ихъ отбытіемъ въ Успенскомъ соборѣ было отслужено нанутственное молебствіе. Послѣ этого патриархъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ держалъ рѣчь къ посламъ, указывая имъ на необходимость стойкости въ такую важную и тяжкую для родины годину. Филаретъ Никитичъ и князь Голицынъ отвѣчали на увѣщанія Гермогена, что «они прежде согласятся мучительную смерть принять, нежели что противно учинить»³⁷).

И дѣйствительно, какъ Филаретъ, такъ и Голицынъ проявили во время великаго посольства величайшее нравственное мужество и горячую любовь къ родинѣ, стойко перенеся всё невзгоды, выпавшій имъ на долю. Невзгоды же и непріятности всякаго рода встрѣтили и претерпѣвали послы чуть ли не со дня ихъ выѣзда изъ Москвы. Бухать приходилось по разореннымъ многочисленными врагами Руси мѣстностямъ, получая при этомъ неутѣшительныя свѣдѣнія о коварствѣ Сигизмунда, расширявшаго районъ враждебныхъ дѣйствій и добивавшагося, зачастую успѣшно, присяги на свое имя. Имѣли послы неутѣшительныя извѣстія и о томъ, что поляки, несмотря на договоръ, не посылаютъ своихъ войскъ противъ Вора³⁸).

Въ мрачномъ настроеніи пріѣхали послы 7-го октября 1610 года въ королевскій станъ подъ Смоленскъ. Здѣсь ихъ ожидалъ далеко негостепріимный пріемъ. Два дня имъ не отпускали, въ противность тогдашнему обыкновенію, «кормовыхъ запасовъ», отговариваясь тѣмъ, что Сигизмундъ находится не въ своей землѣ: между тѣмъ припасовъ негдѣ было достать

ни за какія деньги. Наконецъ, настоятельныя просьбы пословъ были услышаны, при чемъ запасы стали имъ давать весьма скудные. Вскорѣ затѣмъ состоялась и аудіенція великаго посольства у Сигизмунда. Послѣ рѣчей главныхъ русскихъ пословъ всему посольству пришлось выслушать высококомѣрную рѣчь канцлера Льва Санеги, сказанную имъ отъ имени короля. Въ ней говорилось, что Богъ наказываетъ людей, не по достоинству занимающихъ царскій престолъ, и что Сигизмундъ, «сжался о разлитіи крови Христіанской», хочетъ «Московскому государству успокоенія и въ христіанствѣ учинити добрую згуду, и кровь христіанскую унять, чтобы нашимъ государскимъ жалованьемъ кровь христіанская литися перестала». Послѣ аудіенціи русскіе люди поднесли королю подарки и были имъ отпущены³⁹⁾.

Съ 15-го октября начались съѣзды нашихъ пословъ съ нашими радными⁴⁰⁾. Сразу же обнаружилось то глубокое противорѣчіе, какое разделяло двѣ націи и ихъ интересы. Въ нашу задачу не входитъ подробное описаніе всѣхъ совѣщаній членовъ посольства съ поляками. Отмѣтимъ только случаи, гдѣ Филаретомъ была проявлена особенная твердость или прощательность. Теперь же укажемъ, чего добивалась та и другая сторона. Не трудно увидѣть, что и русскіе и поляки проявили величайшее упорство въ отстаиваньи выгодъ и пользы своихъ государствъ, обнаруживъ при томъ большое дипломатическое искусство: поляки для достиженія своихъ цѣлей, русскіе—для обличенія своихъ противниковъ въ хитрости и притворствѣ.

Не можемъ не признать что и поляки, и русскіе были по своему правы. Полякамъ казалось, что Русь, извѣстный врагъ Рѣчи Посполитой, на краю гибели. Нельзя было бы требовать отъ нихъ особаго великодушія и странно было бы, еслибъ они не использовали своего исключительно выгоднаго положенія. Въ свою очередь наши послы отстаивали самобытность своей родины. Искренняя, пламенная любовь къ ней давала имъ силы возвыситься до самоотверженія, до героизма. Наше сочувствіе невольно на сторонѣ Филарета и Голицына и не только потому, что они защищали русскую землю отъ иноземныхъ посягательствъ: ихъ дѣло было правымъ дѣломъ. Но справедливость заставляетъ насъ отнестись съ безпристрастіемъ и къ полякамъ. Прежде всего они не обязаны были давать непременно утвердительный отвѣтъ на условія, поставленныя русскими. Жолкевскій не безъ тонкаго расчета не внесъ въ свой договоръ полного согласія на ихъ, оставивъ дѣло до переговоровъ съ Сигиз-

мундомъ. Ловкій и вкрадчивый гетманъ, несомнѣнно искренній польскій патриотъ, подъ рукой, быть можетъ, и обнадеживалъ москвичей; но отъ уклончивыхъ намековъ до закрѣпленнаго подписью условія очень далеко. И польскіе паны въ той мѣрѣ воспользовались преимуществами своего положенія. Посмотримъ, чего они стали добиваться, чего потребовали отъ великихъ пословъ.

Надобно помнить, что къ моменту прибытія великаго посольства подъ Смоленскъ эта весьма важная крѣпость испытывала долговременную осаду ея войсками Сигизмунда, но стойко держалась благодаря мужественному сопротивленію осажденных, выгодамъ своего мѣстоположенія и отличнымъ укрѣпленіямъ. Польнѣ очень хотѣлось овладѣть этимъ городомъ, представлявшимъ собой въ то время ключъ къ обладанію областью верхняго Днѣпра и оберегавшимъ или открывавшимъ подступы къ Москвѣ. Поэтому польскіе паны всеми мѣрами добивались къ переговорамъ съ нашими великими послами передачи Смоленска Сигизмунду. Но и Филаретъ и Голицынъ, и другіе члены великаго посольства прекрасно знали цѣну этой крѣпости и никакъ не могли согласиться на отдачу ея королю.

Другимъ непримиримымъ разногласіемъ былъ вопросъ о присягѣ на имя Сигизмунда. Какъ самому королю, такъ и остальнымъ полякамъ представлялось вполне достижимымъ полное господство надъ Московскимъ государствомъ. Для этого надо было стать на Руси царемъ не молодому, неопытному и потому доступному русскому влиянію Владиславу, а его искушенному жизненнымъ опытомъ и преданному католической идеѣ отцу. Поэтому паны начали требовать отъ пословъ, чтобы тѣ приказали смольянамъ присягнуть королю, да кромѣ того вообще старались повернуть все дѣло такъ, какъ будто присяга, данная русскими Владиславу, обязывала ихъ присягнуть и Сигизмунду. Великіе послы прекрасно поняли, въ чемъ дѣло, и рѣшительно, хотя и очень вѣжливо, отказали имъ въ этомъ. Тщетно паны заявляли, что король пришелъ для успокоенія Московскаго государства, что смольяне, отказывая ему въ покорности, безчестятъ тѣмъ королевское имя, и что нельзя раздѣлять отца съ сыномъ, какъ это дѣлаютъ московскіе люди. Послы на такіе доводы отвѣчали, что успокоенія король лучше всего достигнетъ, выведя сообразно договору съ Яковлевскимъ войска изъ предѣловъ Руси и отпустивъ королевича Владислава на царскій престолъ. Отвѣчали также, что никакого безчестія королю въ отказѣ смольянъ присягать на его имя нѣтъ и

что смоляне съ радостию присягнуть Владиславу, какъ только поляки отступятъ отъ города. Возражая на послѣдній аргументъ польскихъ пановъ о томъ, что сына нельзя раздѣлять съ отцомъ, Филаретъ и Голицынъ съ товарищами привели историческую справку объ обстоятельствахъ вѣтупленія самого Сигизмунда на польскій престолъ при жизни его отца, шведскаго короля Ягана, и при сохраненіи полной независимости Рѣчи Посполитой отъ Швеціи.

Во время веденія переговоровъ великіе послы заявили польскимъ панамъ, что тѣ предлагаютъ еовершенно новыя условія, о которыхъ они не имѣютъ полномочій договариваться. Въ то же время они твердо стояли на томъ, что присланы отъ всей земли и не могутъ ничего сдѣлать, не получивъ новыхъ приказаній отъ себя. Ни патріарховы грамоты безъ боярскихъ, ни боярскія безъ патріарховыхъ, и никакія другія не могутъ быть приняты послами къ руководству, если онѣ не будутъ посланы отъ всей земли.

Въ такого рода доводахъ была для польскихъ притязаній та опасность, что великое посольство представляло собой часть того самага собора, къ авторитету котораго прибѣгали Филаретъ и Голицынъ съ другими послами. Такимъ образомъ для рѣшенія новыхъ вопросовъ надобно было вернуться великимъ посламъ въ Москву и тамъ принять участіе въ повомъ земскомъ соборѣ, или собрать такой соборъ подъ Смоленскомъ. За невозможностью сдѣлать послѣднее, поляки рѣшили прибѣгнуть къ первому. При этомъ, не предлагая уѣзжать главнымъ посламъ, которыхъ выгоды всего было попридержать при себѣ и попытаться сломить ихъ твердость, стали воздѣйствовать на второстепенныхъ членовъ посольства и усилили въ своемъ намѣреніи. Многіе русскіе люди смалодушествовали и, получивъ отъ короля разнаго рода пожалованія на русскій же счетъ, ноѣхали обратно. Имъ казалось, что русское дѣло потеряно тѣмъ болѣе послѣ того, какъ узнало великое посольство о впускѣ польскаго гарнизона въ Кремль ⁴¹). Поэтому было выгодно скорѣе войти въ милость у новыхъ господъ.

Наиболѣе даровитый изъ такихъ малодушныхъ членовъ посольства, знаменитый келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ такъ оправдываетъ себя и своихъ товарищей по самовольному оставленію посольства: «И того ради посольство къ королю Польскому бездѣльно быеть, и въ безчестіи быша послании отъ Московскаго государства; ихъ же начыша до конца оскорбляти и гладомъ томити. Самъ же король без-

престанно промышляя, како бы градъ Смоленскъ взяти. Посломъ же повелѣ отказати, что не будетъ королевичъ на государство Московское. Сенаторы же и гетманы рекоша посломъ: «Вы одиѣ, послы, токмо бездѣльничаете, а Московское государство все королю хочеть служить и прямиати во всемъ». И показываху челобитные за руками, кто что у короля просить. И того ради послы до конца отчаялися и не вѣдуше, что сотворити. Иѣди же отъ нихъ и къ царствующему граду возвратишя»⁴²⁾.

Но мужественные митрополитъ Филаретъ и бояринъ князь Голицынъ не разсуждали такимъ образомъ. Для нихъ дороги были честь и достоинство Россіи, ея самобытность и благоденствие. Поэтому они терпѣли и матеріальныя лишения и нравственную пытку. Они не встрѣчали нигдѣ поддержки: въ декабрѣ ихъ покинули собственные ихъ товарищи⁴³⁾, явившійся въ польскій станъ Иванъ М. Салтыковъ позволилъ себѣ кричать на великихъ пословъ и осыпалъ ихъ бранью⁴⁴⁾, поляки страшали ихъ плѣномъ, московскіе бояре, ставшіе узниками въ Москвѣ, занятой вражескимъ войскомъ, приказывали имъ во всемъ положиться на волю короля и сдать ему Смоленскъ. Отвсюду приходили самыя тревожныя извѣстія о занятіи неприятелями многихъ русскихъ областей. Стойкій и честный Гермогенъ поддержалъ бы, конечно, великихъ пословъ, но не имѣлъ случая переслать къ нимъ вѣстей, и это молчаніе удручало Филарета, а за нимъ и его товарищей⁴⁵⁾. Послы были предоставлены самимъ себѣ. Въ своей дунѣ нашли они тѣ силы, которыя поддержали ихъ въ столь трудную и тяжкую пору. Здѣсь сказала и пламенная любовь къ родинѣ и, несмотря на все происходившее, глубокая вѣра въ нее⁴⁶⁾. И Филаретъ, и Голицынъ въ первые періоды Смуты не всегда были чистыми и прямыми людьми. Были у нихъ моменты слабости и нравственнаго малодушія: не прочь были они и отъ политической интриги. Но пребываніе ихъ подъ Смоленскомъ, ихъ непоколебимая душевная твердость и искренній горячій патриотизмъ, обнаруженный во время бѣдствій великаго посольства, искушили ихъ прежнія прегрѣшенія передъ родиною, которую, впрочемъ, они никогда не желали предавать, и вознесли Филарета и Голицына на громадную высоту.

Поведеніе великихъ пословъ, митрополита Филарета и князя Голицына, уже въ то время сослужило родинѣ большую услугу. Оно, во-первыхъ, показало полякамъ, что не перевелись на Руси стойкіе люди, не

продающіе и не предающіе своего отечества и не боящіеся Польши. Во-вторыхъ, оно служило добрымъ примѣромъ для остальныхъ русскихъ людей, внушая имъ бодрость духа въ такую безотрадную минуту. Яркимъ подтвержденіемъ этого факта является одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній Смутной эпохи, такъ называемая «Новая повѣсть...» Написанная въ декабрѣ 1610 или началѣ января 1611 года ⁴⁷⁾, «Повѣсть» имѣетъ цѣлью возбудить москвичей къ возстанію противъ поляковъ, утѣшавшихъ въ то время нашу родину ⁴⁸⁾. Немногіе, по мнѣнію автора ея, являютъ собой примѣръ высокой доблести. Это смоляне («городъ Смоленскъ» по выраженію писателя), патриархъ Гермогенъ и два «вѣщихъ самыхъ» посла къ Сигизмунду. Выдвигая на первый планъ смоленскихъ «сидѣльцевъ», съ оружіемъ въ рукахъ борющихся съ врагами, и «исполна мужа безо оружія и безъ ополченія воинскаго» противопоставшаго врагамъ и «токмо ученіе яко пашу въ руку свою держа противъ великихъ агарянскихъ полковъ», Новая повѣсть осыпаетъ искренними похвалами великихъ пословъ, считая ихъ въ числѣ немногихъ «спасителей» родины и «крѣико стоятелей» за нее. «Подобаеть же намъ ревновати и дивитися и посланнымъ нашимъ отъ всея великія Росіи... подъ онный градъ Смоленскъ къ тому сопостату нашему и врагу королю на добрѣйшее дѣло—разсказываетъ авторъ повѣсти, т. е., на приглашеніе королевича Владислава на русскій престолъ подъ непремѣннымъ условіемъ принятія сыномъ Сигизмунда православія»... «Король же, желая овладѣть Русью, «тѣхъ посланныхъ нашихъ держитъ и всякою пужею, гладомъ и жаждою конечно моритъ и плѣномъ претитъ. И пошли отъ насъ со многими людьми въ велицѣ числѣ, а нынѣ де и въ малѣ дружинѣ остался вѣщихъ самыхъ два, а то де и всѣ для великіе скорби и тѣсноты не могли терпѣти, тому сопостату, врагу королю поклонился и на ево волю вѣрился ⁴⁹⁾. И тѣ де наши оставшии сами ваши (такъ въ рукописи, вѣроятно, вѣщин, какъ догадывается С. Θ. Платоновъ) стоятъ крѣико и непреклонно умоумъ своимъ за святую непорочную вѣру и за свою правду... Подобаеть же имъ velmi дивитися и хвалити ихъ: что есть того похвальнѣе и дивнѣе и безстрастиѣе: въ рукахъ будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую пужу терпячи, и лицъ своихъ противу его сопостата, не стыдять и въ очи ему говорятъ, что отнюдь ево воли не бывати и самому ему у насъ не живати, да не токмо ему, но и рожденному отъ него, аще не освятятся тако, яко же мы, Божіею

благодатно». Такая стойкость пословъ, думается составителю «Повѣсти», имѣеть большое значеніе, поддерживая бодрость духа у осажденныхъ смольнянъ: «аще и не во оградѣ со гражаны сидятъ и усты своими съ ними совѣту не чинятъ, и Божиимъ промысломъ сердца своии вкушъ со гражаны горять»⁵⁰).

Въ такихъ свѣтлыхъ краскахъ рисовалъ себя современникъ дѣятельность пословъ. А имъ приходилось переживать все болѣе и болѣе тяжкія времена. Послѣ отъѣзда значительной части пословъ, при чемъ большинство изъ отъѣхавшихъ принадлежало по терминологіи профессора Платонова къ числу «сословныхъ представителей», посольство теряло значеніе части земскаго собора и превращалось въ случайную группу политическихъ упрямцевъ, съ которыми можно было болѣе не церемониться⁵¹). И поляки не церемонились съ оставшимися послами, все болѣе и болѣе оскорбляя ихъ. Дѣло шло такимъ образомъ къ развязкѣ.

Однако великіе послы сохраняли духовныя силы и твердо держались усвоенной ими точки зрѣнія на событія. Особенно выдѣлились при этомъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ, князь Вас. Вас. Голицынъ и думный дякъ Топило Луговской. Оставя въ сторонѣ двухъ послѣднихъ⁵²), обратимся къ митрополиту Филарету. И по своему положенію, какъ духовный іерархъ, и по уму, и по энергіи Филаретъ Никитичъ занялъ въ великомъ посольствѣ высокое мѣсто и пользовался большимъ значеніемъ. Находя силы бесѣдовать съ польскими панами о богословскихъ вопросахъ, обнаруживая при этомъ нѣкоторую начитанность въ Св. Писаніи и святоотческой литературѣ⁵³), ростовскій митрополитъ принималъ самое горячее участіе въ дѣлахъ посольства, дѣйствуя рука объ руку съ княземъ Голицынымъ. Съ нимъ совѣтуются по всемъ сколько-нибудь важнымъ вопросамъ, да и самъ онъ держитъ рѣчи во время сѣздовъ съ панами⁵⁴). Изъ такихъ рѣчей особенно замѣчательна сказанная 30 января 1611 года и вызванная словами пановъ, назвавшихъ пословъ «клеветниками». Въ отвѣтъ на такое оскорбленіе Филаретъ сказалъ: «Буде вамъ къ насъ оказалась неправда и вамъ бы пожаловати бити челомъ объ насъ Королевскому Величеству, чтобъ насъ пожаловалъ велѣлъ отпустить къ Москвѣ, а въ наше бѣ мѣсто иныхъ пословъ велѣлъ избравъ прислати. А мы никомъ и ни въ чемъ не лгали; а что говоримъ, и что отъ васъ слышимъ, то все помнимъ, а посольское дѣло изначала, что говорятъ, то послѣ не переговариваютъ, и бывають ихъ слова крѣпки; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чемужь впредъ вѣрнати.

и намъ ничего впродъ нельзя уже дѣлать, коли въ насъ неправда показалась»⁵⁵).

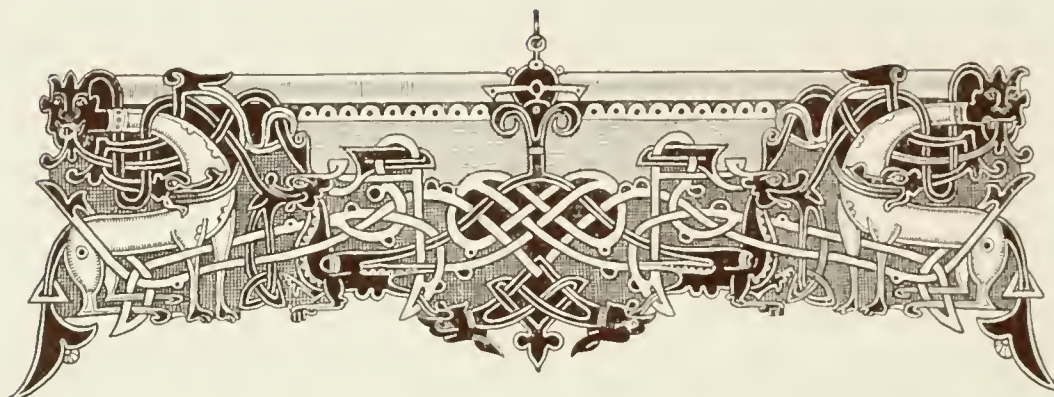
Видя, что прямымъ путемъ трудно добиться отъ великихъ пословъ уступокъ, поляки попробовали дѣйствовать обходомъ. Они потребовали разрѣшенія на впускъ въ Смоленскъ нѣкотораго числа поляковъ, чтобы, какъ они говорили, не было безчестія королю, а сами хотѣли, конечно, такимъ образомъ овладѣть крѣпостью. Послѣ долгихъ колебаній послы согласились на впускъ до 200 человекъ, при чемъ Филаретъ особенно настойчиво противился такой уступкѣ. Впрочемъ впускъ былъ обставленъ такими условіями, что поляки сами отказались отъ своей мысли.

Долго жили послы подъ Смоленскомъ, терпя всякія невзгоды, застраиванія и обиды. Наконецъ, съ 26 марта 1611 года ихъ взяли подъ стражу, заявивъ, что они должны безотговорочно ѣхать въ Вильну. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что послы отправятся въ Вильну лишь неволею. Вообще твердость духа не покинула нашихъ пословъ. Тогда непытавъ всѣ средства и получивъ извѣстіе о начавшемся въ Московскомъ государствѣ движеніи противъ иноземцевъ, поляки привели въ исполненіе свою давнюю угрозу.

12-го апрѣля 1611 года приказано было великимъ посламъ на другой день отправляться въ Польшу «на одномъ суднѣ». На всѣ представленія пословъ поляки отвѣтили отказомъ. Въ довершеніе всего при отправленіи ихъ въ плѣнъ носольскіе приставы ограбили ихъ и перебили ихъ людей. Такъ поѣхали «крѣпкіе стояльцы» за родную землю въ далекую и тяжкую неволю, всюду терпя «крайнія» «утѣшенія». «Въ одномъ только владѣніи гетмана Желковскаго показана была имъ нѣкая учтивость, и гетманъ сей прислалъ къ нимъ спросить о здоровьѣ». На эту насмѣшливую «учтивость» послы съ достоинствомъ отвѣтили гетману «чтобъ онъ душу свою и крестное цѣлованіе поминалъ, какъ онъ всѣмъ людямъ Московскаго государства Королевское жалованье сказывалъ, и душу свою на чемъ далъ, а только что за его крестнымъ цѣлованіемъ, учинится, и того всего Богъ възыщетъ на немъ, на Гетманѣ»⁵⁶).

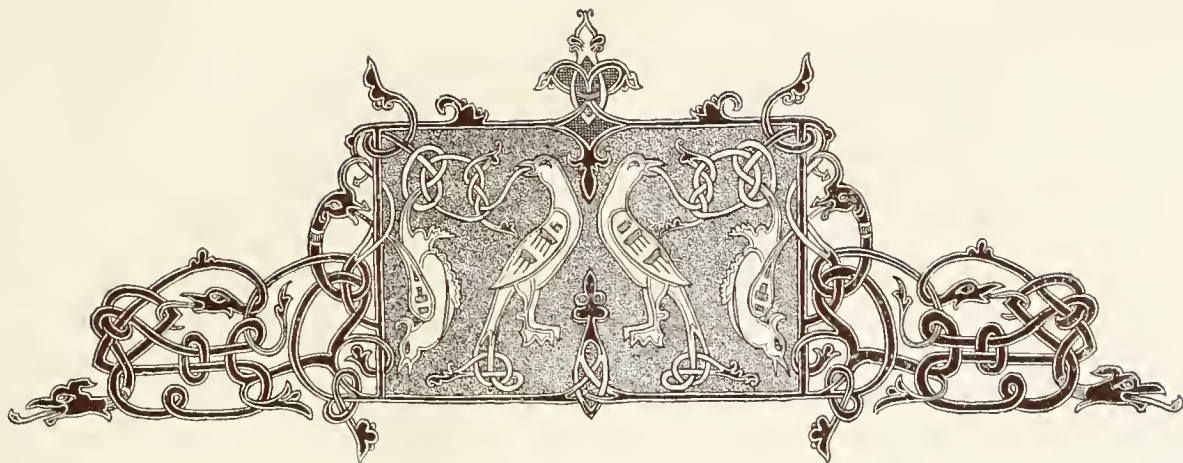
Митрополитъ Филаретъ Никитичъ поналъ въ польскій плѣнъ, когда родина его переживала безотрадныя времена «лихолѣтя и разрухи». Онъ ѣхалъ въ Польшу подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ отъ извѣстія о Московскомъ разореніи 19-го марта 1611 года. Но близко было для Россіи освобожденіе отъ враговъ и установленіе порядка, а для рода Рома-

новых—моментъ величайшаго торжества: избраніе юнаго Михаила Теодоровича на престоль. И кто знаетъ, какую роль сыграло въ этомъ актѣ глубокаго народнаго довѣрія къ семьѣ Никитичей доблестное поведеніе старшаго ея представителя подъ Смоленскомъ, его благородная твердость и тяжкая неволя!

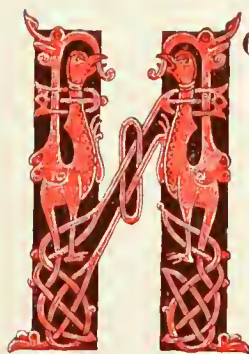
Црътепшійинъ
иисаиъ феодро
шукъ ѿбави
и синовъ ае

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Земскій соборъ 1613 года и избраніе Михаила Оеодоровича на царскій престолъ.

1.

ИСТОРИЯ великаго посольства показала намъ, какъ были правы тѣ, кто не довѣрялъ искренности поляковъ и ихъ завѣреній. Попытка возстановить государственнѣй порядокъ путемъ унии съ Рѣчью Посполитою оказалась безплодною. Но не отчаялись русскіе люди въ судьбѣ своей родины. Собрались они съ силами, дружно двинулись на врага и спасли самобытность нашей великой Руси. Заслуга починна въ этихъ новыхъ попыткахъ, послѣдняя изъ которыхъ увѣчилась возделѣннымъ усилѣхомъ, всецѣло должна быть признана за незабвеннымъ патріархомъ Гермогеномъ. Онъ не только безоружный, но и подозрѣваемый, тѣснимый и гонимый поляками и ихъ русскими прислѣзниками, сумѣлъ найти себѣ вѣрныхъ помощниковъ и приверженцевъ. Съ ихъ помощью патріархъ распространилъ по Руси свои замѣчательныя воззванія и призывы къ очищенію Москвы отъ враговъ-насилъниковъ.

На зовъ Гермогена явилось подъ Москву первое ополченіе для очищенія столицы отъ иноземцевъ. По имени наиболѣе виднаго своего воеводы

это ополчение называется обыкновенно Ляпуновскимъ. Если изучить составъ тѣхъ ратей, которыя собрались тогда подъ Москвою съ цѣлью ея освобожденія,—а такое изученіе произведено профессоромъ Платоновымъ въ его «Очеркахъ»,—то легко можно понять, что все движеніе заранее было обречено на неудачу. Дѣло въ томъ, что весной 1611 года въ союзъ между собой вступили «соціальные враги»: земщина и казачество. Первая шла для установленія разрушеннаго Смутой государственнаго уклада, второе было полно безсознательной вражды къ какому-бы то ни было правильному порядку. Первая руководствовалась инстинктами созиданія, накопленія и охраненія, второе стремилось къ разоренію и разрушенію. Объединенныя общностью національной идеи и потому враждой къ иноземцамъ, захватившимъ святыню народа—Кремль, во всемъ остальномъ русскія рати, дѣйствовавшія въ 1611 году подъ Москвою, были глубоко чужды и недружелюбны другъ къ другу. «Земля», соединившаяся впервые, не сумѣла на этотъ разъ выработать правильнаго соотношенія силъ. Въ выборѣ главныхъ начальниковъ сказалось, какъ будто, преобладаніе казачьихъ дружинъ. Изъ «стрелецкихъ» двое были тушинскими боярами: князь Д. Т. Трубецкой и Н. М. Зарудскій, а «думный дворянинъ» Пр. П. Ляпуновъ, вождь земщины, занялъ лишь третье мѣсто¹⁾, хотя фактически первенствовалъ. За то на собраніи при ратахъ «советѣ всей земли» были проведены 30-го іюня 1611 года постановленія, очень неблагопріятныя для вольнаго казачества. Последнее было недовольно этимъ, заволновалось и вызвало занедобнаго имъ въ пзмѣнѣ Ляпунова къ себѣ «въ кругъ» для объясненій. Во время ихъ заносчивый Ляпуновъ тономъ своихъ рѣчей еще болѣе возбудилъ страсти и былъ убитъ 22-го іюня 1611 года. Смерть вождя земскихъ ратей гибельно отозвалась на судьбѣ ополченія 1611 года. Земщина, пенуганная убійствомъ своего руководителя, разбѣжалась изъ-подъ столицы, а предоставленныя самимъ себѣ казачьи дружины оказались безсильными освободить Москву отъ поляковъ. Такимъ образомъ наступило для нашей родины безотрадное время. Не было просвѣта, и гибель Руси представлялась неизбѣжной. Тогда Гермогенъ снова возвысилъ свой мужественный голосъ. Онъ снова обратился къ русскимъ людямъ съ горячимъ призывомъ помочь изстрадавшейся родинѣ. При этомъ, понимая, что казаки, готовые склониться на призаніе Воренка, сына убитаго второго Лжедмитрія и Марины Мишкевъ, не менѣе опасны, чѣмъ поляки, патріархъ заклиналъ земщину беречься ихъ также, какъ и иноземцевъ-враговъ²⁾.

И на этотъ разъ призывъ самоотверженнаго патріота былъ услышанъ. Въ Нижнемъ составилось знаменитое ополченіе. Составилось оно благодаря дѣятельности гениальнаго русскаго самородка, «говядаря», т. е. мясоторговца, Кузьмы Минина Сухорука, земскаго старосты въ Нижнемъ, и протопопа Саввы Ефимьева, главы нижегородскаго духовенства. А полководцемъ своимъ нижегородцы выбрали способнаго и честнаго воеводу, стольника князя Дм. Мих. Пожарскаго. Затѣмъ нижегородская рать направилась къ Ярославлю, гдѣ движеніе мало по малу стало общеземскимъ. Устроивъ войско и организовавъ правильное его обезпеченіе, вожди ополченія сумѣли добиться того, что казачество, хотя и неохотно, подчинилось земщинѣ. Москва была окружена, и послѣ упорнаго сопротивленія измученные голодомъ поляки сдались. Это произошло 22 октября 1612 года. Русскіе люди могли вздохнуть съ чувствомъ радости и облегченія. Патріархъ Гермогенъ не дожидъ до этой радостной минуты. Онъ погибъ въ февралѣ 1612 года, по преданію удавленннй врагами или уморенный ими голодомъ, но дѣло его увеличалось успѣхомъ, горячо любимая имъ Русь была спасена, и дорогому для сердца русскихъ людей православію не грозила опасность.

II.

Съ очищеніемъ Москвы отъ поляковъ передъ русскимъ народомъ возникала новая неотложная задача: возстановить разрушеннй Смутой и «лихолѣтьемъ» порядокъ. Для этого надо было прежде всего озаботиться избраніемъ государя. На этомъ сходились все русскіе: и земщина и казаки не могли представить себѣ Русь «безгосударной». «Не однимъ Боярамъ, всемъ государь надобенъ», говорятъ великіе послы на съѣздахъ подъ Смоленскомъ, и эта мысль точно передаетъ взгляды русскихъ людей того времени ³⁾. Есть извѣстіе, что народъ требовалъ отъ Пожарскаго избранія царя, когда ополченіе еще двигалось къ Москвѣ. Такое же желаніе выражали уже въ апрѣлѣ 1612 года Троицкія власти ⁴⁾. И созывая земскій соборъ въ Ярославль, вожди ополченія ставили на очередь вопросъ о томъ, «какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ; чтобы намъ, по совѣту всего государства, vybrати общимъ совѣтомъ государя, кого намъ милосерднй Богъ, по праведному своему челоуѣколюбію, дать; чтобъ во многое время, отъ такихъ находящихъ бѣдъ, безъ государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, все вѣдаете: какъ намъ нынѣ

безъ Государя противъ общихъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и Русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ вчинають, стоять? И какъ намъ, безъ государя, о великихъ о государственныхъ о земскихъ дѣлахъ со окрестными государи ссылатись? и какъ государству нашему впрядь стоять крѣпко и неподвижно?»⁵⁾.

Однако «совѣту всей земли», собранному въ Ярославѣ, не удалось разрѣшить вопроса о царскомъ избраніи. Но мнѣнію покойнаго А. П. Маркевича этому помѣнала кандидатура шведскаго королевича Карла-Филиппа, которой названный изслѣдователь склоненъ былъ приписать серьезное значеніе⁶⁾. Основываясь на рядѣ грамотъ Пожарскаго и другихъ вождей ополченія, Маркевичъ приходитъ къ заключенію, что русскіе люди готовы были избрать шведскаго принца на русскій престолъ, правда, при непремѣнномъ условіи принятія имъ православія. Словамъ же Поваго Лѣтописца «а тово у нихъ и въ думѣ не было, что взяти на Московское государство иноземца», изслѣдователь не довѣряетъ, считая ихъ позднѣйшимъ выводомъ изъ факта избранія на престолъ русскаго человека. Между тѣмъ, Маркевичъ знаетъ, что Новый Лѣтописецъ очень обстоятельно выяснилъ намъ и мотивы переговоровъ со шведами, относительно Карла-Филиппа. Дѣло въ томъ, что шведы овладѣли тогда Новгородомъ. По этому русскіе опасались того, что, «какъ поидуть подъ Москву на очищенье Московскаго государства», «Нѣмцы пойдутъ воевати въ Поморскія страны»⁷⁾. Очень соблазнительна мысль, что Новый Лѣтописецъ правъ. Во-первыхъ, даже въ тѣхъ грамотахъ, на которыя ссылается Маркевичъ, нѣтъ прямого совѣта выбирать именно Карла-Филиппа; правда, въ нихъ говорится, что «королевичъ дается на волю» русскимъ людямъ и согласенъ принять православіе, но затѣмъ идетъ рѣчь объ избраніи государемъ того, «кого на Московское государство милосерднѣйшій Богъ дастъ»⁸⁾. Во-вторыхъ, примѣръ избранія королевича Владислава и судьба великихъ пословъ должны были отпугивать, да, и дѣйствительно, отпугивали русскихъ людей отъ иноземныхъ кандидатовъ⁹⁾. Впрочемъ, вполне возможно и другое предположеніе, которое могло бы удовлетворительно объяснить намъ и выраженія грамоты, смущавшія А. П. Маркевича, и ходъ политической мысли русскихъ людей. На земскомъ соборѣ въ Ярославѣ, дѣйствительно, готовы были избрать Карла-Филиппа, но не прежде, чѣмъ онъ появится въ Великомъ Новгородѣ и приметъ тамъ православіе. Когда же это не состоялось, и

королевицъ меднлъ съ принятіемъ православія, русскіе окончательно разочаровались въ иноземной кандидатурѣ, противъ которой было большинство націи.

Во всякомъ случаѣ во время пребыванія ополченія и земскаго собора въ Ярославѣ выборъ государя не состоялся, а затѣмъ начались военныя дѣйствія противъ поляковъ, когда пришлось отложить вопросъ «о царскомъ обираи» до болѣе благопріятнаго времени. Оно настало съ очищеніемъ Москвы, и рѣшено было болѣе не меднть съ столь важнымъ дѣломъ. Отъ имени князей Трубецкаго и Пожарскаго, какъ главныхъ вождей ополченія и «земли», разосланы были по разнымъ городамъ грамоты съ предложеніемъ приелать къ 6-му декабря 1612 года въ Москву «по 10-ти человекъ изъ городовъ» «изъ всякихъ чиновъ люди», «для государственныхъ и земскихъ дѣлъ»¹⁰⁾. Приглашенія эти разосланы были не позже, а вѣрнѣе и раньше 15-го ноябрю, а въ январѣ 1613 года начались, думается намъ, засѣданія избирательнаго собора.

Любопытно выяснитъ себѣ то настроеніе, которое господствовало въ Москвѣ незадолго до созванія собора. Новый Лѣтописецъ сообщаетъ намъ по этому поводу извѣстіе, что захваченный въ одномъ изъ подмоковныхъ боевъ «смолянннхъ Иванъ Философовъ» былъ подвергнутъ допросу: «хотятъ ли взять королевича на царство, и Москва нынѣ людна ли, и запасы въ ней есть ли»? «Ему же»,—продолжаетъ лѣтописецъ,—«даде Богъ слово, что глаголати, и рече имъ: «Москва людна и хлѣбна, и на то веѣ обѣщахомся, что веѣмъ помереть за православную вѣру, а королевича на царство не имати». Когда же польскій отрядъ, напуганный словами Философова, носнѣшно отетушилъ отъ Москвы, плѣнникъ былъ допрошенъ самимъ королемъ и нанами радными. «Онъ же не убоился ничего, тожъ повѣдаша королю и наномъ раднымъ»¹¹⁾. Въ разсказѣ Новаго Лѣтописца о Философовѣ нельзя видѣть, какъ это сдѣлалъ С. О. Платоновъ въ своей интереснѣйшей статьѣ «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», «эпической редакціи» показаніи смоленскаго сына боярскаго¹²⁾. Въ настоящее время мы знаемъ, что еще въ самомъ 1612 году князьямъ Трубецкому и Пожарскому слова Философова извѣстны были приблизительно въ томъ же освященн. «Они взяли»,—пишутъ про поляковъ Трубецкой и Пожарскіи въ Остапковѣ въ декабрѣ 1612 года,—«также нѣсколько плѣнныхъ изъ нашихъ, между ними одного смоленскаго боярина¹³⁾, Ивана Философова по имени, который разсказалъ врагу о томъ, какъ мы оклялись между собой,

что мы будемъ считать всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей за нашихъ отъявленныхъ, вѣчныхъ враговъ, а также отказались отъ его сына со всѣми прочими. И когда король узналъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать ни хитростью, ни силой, снова онъ долженъ былъ уйти назадъ со всѣмъ своимъ войскомъ»¹⁴). Такимъ образомъ, сообщенія Нового Летописца совпадаютъ въ общемъ съ официальными свѣдѣнiями 1612 года и, вѣроятно, на нихъ основываются. На чемъ же были основаны свѣдѣнiя московскихъ военачальниковъ? Не знаемъ въ точности, на чемъ: но лично убѣждены, что на показанiяхъ самого Философова. Онъ, повидимому, былъ отпущенъ или бѣжалъ изъ плѣна и, явившись въ Москву, подалъ «сказку» о своемъ невольномъ пребыванiи у враговъ и о своихъ рѣчахъ полякамъ, при чемъ придавъ имъ благопрiятный для себя смыслъ.

Однако, въ настоящее время мы имѣемъ другую версiю показанiй Философова и думаемъ, гораздо болѣе близкую къ тому, что, дѣйствительно, говорилъ этотъ смольянинъ, сынъ боярскiй, очутившись въ польскомъ плѣну. Какъ свидѣтельствуетъ донесенiе князя Даниила Мезецкого и дьяка Ивана Грамотина, служившихъ въ то время Рѣчи Посполитой, королю Сигизмунду и сыну его Владиславу, русскiе люди затѣяли съ посланными польскаго короля «задоръ и бой»¹⁵). «И на томъ бою»,— доносили Мезецкiй и Грамотинъ,—«взяли смольянина, сына боярскаго Ивана Философова, а въ роспросѣ, Господари, намъ и полковникомъ сынъ боярскiй сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ Великимъ Господаримъ служили и у лучшихъ людей хотѣнiе есть, чтобъ просити на государство вась, Великаго Господари Королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о томъ говорить не смѣють, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобъ обратъ на Государство чужеземца, а казаки де, Господари, говорятъ, чтобъ обратъ кого изъ русскихъ людей, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго. И во всемъ де казани бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлають, что хотять. А дворяне де и дѣти боярскiе развѣхались по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полняты тысячи человекъ, да стрельцовъ съ тысячу человекъ, да мужики, чернь. А бояръ де, господари, князя Феодора Ивановича Метиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускають, а шесали объ нихъ въ города, ко всякимъ людямъ, пускать ихъ въ думу, или ибтъ? А дѣлають всякiе дѣла князь Дмитрiй Трубецкой, да князь Дмитрiй

Пожарскій, да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на Государствѣ того еще не постановили на мѣрѣ»¹⁶⁾.

Приведенное показаніе Философова очень интересно. Въ немъ много фактическаго матеріала и цѣнныхъ указаній. Правда, можно не вполне вѣрить тому, чтобъ «у лучшихъ людей» было «хотѣніе» избрать Владислава¹⁷⁾. По крайней мѣрѣ другой современникъ описываемыхъ событій, Богданъ Дубровскій, пославшійся новгородцами въ Москву для переговоровъ относительно избранія Карла Филиппа, утверждалъ нѣчто иное. Онъ разсказалъ въ отвѣтъ на разспросы шведскаго вождя Делагарди, что «они (бояре) также предислали въ это время созывъ собора въ Москвѣ для выбора Великаго Князя, и всѣ они будутъ желать его Княжескую Милость герцога Карла Филиппа и потому хотятъ обсудить, кого отпрavitъ посланн на встрѣчу Его Княжеской Милости, если Его Княжеская Милость сюда затѣмъ прійдетъ. Потому что они откровенно сказали, что должны добиться мира и помощи съ этой стороны, такъ какъ не могутъ держаться противъ войскъ и Швеціи и Польши сразу»¹⁸⁾. Нельзя, разумѣется, отрицать существованія среди русскихъ людей того времени и въ особенности въ высшихъ слояхъ народа нѣкоторыхъ и, быть можетъ, даже очень вліятельныхъ лицъ, склонныхъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, къ избранію польскаго или шведскаго королевича. Но несомнѣнно такіе люди были въ меньшинствѣ, и показанія Философова и Дубровскаго продиктованы скорѣе всего желаніемъ сказать что-нибудь пріятное полякамъ и шведамъ, уклониться отъ истины, тѣмъ болѣе, что въ сношеніяхъ съ иностранцами московскіе люди позволяли себѣ всякія хитрости и притворство.

За то другія показанія Философова могутъ быть вполне приняты. Дѣйствительно, всѣ дѣла въ Москвѣ «дѣлали» указанные Философовымъ руководители и вожди ополченія и земли. А Мстиславскаго «съ товарищи» «въ думу» принесли лишь тогда, когда избраніе Михаила Теодоровича было предрѣшено на соборѣ¹⁹⁾. Относительно числа казаковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ въ концѣ ноября въ Москвѣ любознательно сопоставить показанія Философова съ свѣдѣніями Дубровскаго. Послѣдній говоритъ, что изъ 4.000 бояръ (т. е. служилыхъ людей) «большая часть была отпущена на нѣкоторое время по своимъ помѣстьямъ и въ города, гдѣ можно дешево покупать себѣ пропитаніе», а число «лучшихъ и старшихъ» казаковъ опредѣляетъ въ 11.000 человекъ²⁰⁾. Если принять во вниманіе, что многіе казаки сейчасъ же по очищеніи Москвы должны были стать по разнымъ городамъ для обереганья земли отъ

враговъ, то можно примирить оба показанія; впрочемъ, мы поступимъ осторожнѣе, принявъ первое ²¹.

Но самымъ важнымъ для насъ является показаніе Философова объ отношеніи казачьей массы къ вопросу о царскомъ избраніи. Надо сказать, что эта масса особенно націоналистична. Она желаетъ выбрать въ цари русскаго человѣка. При этомъ казаки намѣчаютъ или, говоря языкомъ того времени, «примѣриваютъ» двухъ кандидатовъ: Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго. Такое сочетаніе на первый взглядъ является неожиданнымъ. Попытаемся его понять. «Воренка» могли намѣчать казаки потому, что служилъ его отцу, Вору. Но былъ ли для нихъ Тушинскій Воръ тѣмъ, чѣмъ онъ является въ нашихъ глазахъ и былъ въ глазахъ его противниковъ? Конечно, ближайшіе сторонники второго самозванца знали настоящую цѣну «царю Дмитрію Ивановичу» ²²). Но въ глазахъ рядовой массы его приверженцевъ Воръ былъ подлиннымъ сыномъ Грознаго. Неудивительно, что и въ 1612 году среди его бывшихъ сторонниковъ было еще много лицъ, вѣрившихъ въ его царственное происхожденіе. Потому-то, естественно, что нашлись казаки, и, вѣроятно, большая группа, выдвигавшіе кандидатуру «Маринкина сына» не изъ одного только «казацкаго приличія» ²³). Но единеніе съ земщиной, фильтрація казачества, приведшая къ тому, что въ немъ остались лишь «старые казаки», среди которыхъ были, вѣроятно, и бездомѣстныя дѣти боярскія, влияніе воззваній Гермогена и грамотъ вождей земскаго ополченія, обличившихъ самозванство Вора, сдѣлали свое дѣло ²⁴). Кто же тогда могъ быть выдвинутъ народной массой, выразителями мыслей и идей которой являлись въ значительной мѣрѣ казаки? Родство Романовыхъ съ прежней династіей, мысль о которомъ и была и поддерживалась въ народѣ, сыграла, думается намъ, рѣшающую роль при этомъ ²⁵). Такимъ образомъ и возникла среди казаковъ мысль о двухъ кандидатахъ. Мы увѣрены въ томъ, что казачество раскололось по этому вопросу на двѣ группы, причемъ партія сторонниковъ Михаила Теодоровича была, вѣроятно, многочисленнѣе. Но крайней мѣрѣ онъ названъ первымъ въ показаніи Философова. При томъ же наиболѣе рьяные сторонники Вора ушли изъ подъ Москвы съ Заруцкимъ и перекинулись затѣмъ на юго-востокъ, гдѣ и утвердились на нѣкоторое время ²⁶.

Итакъ въ Москвѣ въ ноябрь—декабрь мѣсяцѣ 1612 г. преобладали демократическіе элементы общества, настроенные очень націоналистично. А правительство было въ рукахъ вождей второго подмосковнаго ополченія.

III.

Несмотря на важность избирательного собора 1613 года мы имеем сравнительно мало свѣдѣній объ его дѣятельности и ходѣ на немъ избирательной мысли. Единственный источникъ, излагающій намъ, якобы послѣдовательно, дѣятельность собора, дѣлаетъ это слишкомъ односторонне, съ умысломъ рисуя картину полного единодушія при выборѣ Михаила Θεодоровича. Мы разумѣемъ официальную грамоту объ избраніи царя Михаила. Правда, и въ ней находятся указанія на нѣкоторое разпогласіе, бывшее по этому поводу въ первыхъ засѣданіяхъ собора, однако указанія эти становятся ясными лишь при привлеченіи къ дѣлу другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ можно попытаться, при помощи своихъ предшественниковъ, въ особенности проф. Платонова и А. Н. Маркевича, и новаго, сравнительно недавно опубликованнаго, матеріала представить себѣ, какъ происходило дѣло.

Прежде всего можно сказать, что соборъ 1613 года былъ однимъ изъ наиболѣе полныхъ «совѣтовъ всей земли», какъ по числу, такъ и по социальному положенію участвовавшихъ на немъ. Въ декабрѣ 1612 года собрались въ Москву представители многихъ городовъ. Судя по подписямъ на избирательной грамотѣ, болѣе 40 городовъ прислали своихъ выборныхъ ²⁷⁾. Къ тому же поднеси собиравшеся значительно позже, чѣмъ происходили выборы, какъ это видно изъ помѣты на грамотѣ, что она «писана 1613 года въ маѣ мѣсяцѣ» ²⁸⁾. Поэтому на ней не находимъ подшесей представителей нѣкоторыхъ городовъ, жители которыхъ принимали участіе въ царскомъ обираиьи. Такъ на грамотѣ нѣтъ подшесей торончанъ, а они были на соборѣ ²⁹⁾. Нѣтъ подшесей и выборныхъ отъ Галича, а одинъ изъ нихъ по преданію сыгралъ извѣстную роль въ дѣлѣ выборовъ ³⁰⁾. Опредѣляя районъ, который охватывался городами, принявшими участіе въ выборахъ, профессоръ Платоновъ отмѣчаетъ, что онъ простирался отъ сѣвернаго Подвинья до Оскола ³¹⁾ и Рыльска и отъ Осташкова до Казани и Вятки ³²⁾. Но воиолнѣ понятнымъ причинамъ окраины: западная, восточная и юго восточная не были или почти не были представлены: Сибирь—за отдаленностью, юго-востокъ былъ въ рукахъ Заруцкаго, на западѣ и сѣверо-западѣ хозяйничали поляки и шведы.

Не зная воиолнѣ точно, сколько городовъ и какіе именно принимали участіе въ избраніи царя Михаила, не можемъ опредѣлить и числа при-

павшихъ въ немъ участіе. Подъ грамотой насчитывается до 277 подписей, при чемъ часть ихъ принадлежитъ властямъ, т. е. высшимъ духовнымъ лицамъ и свѣтскимъ сановникамъ, а между тѣмъ однимъ представителей изъ городовъ было свыше 400, считая по 10-ти человекъ изъ каждаго города и уѣзда. А нѣкоторые города прислали, несомнѣнно, большее число выборныхъ. Такъ, Нижній Новгородъ на соборъ 1612—1613 года отправилъ не менѣе 19 человекъ своихъ представителей не считая дворянъ и дѣтей боярскихъ³³). Дѣло въ томъ, что «при подписаніи допускалось замѣстительство: одно лицо подписывалось за нѣсколькихъ, не перечислив ихъ поименно...»³⁴). Мало того иногда представитель или житель одного города подписывался за выборныхъ другого города³⁵. Почти не находимъ или, какъ мы лично убѣждены, вовсе не находимъ подписей отъ группы «сатмановъ и казаковъ»: между тѣмъ группа эта, несомнѣнно, была очень значительной и вліятельной на изучаемомъ соборѣ³⁶.

Изъ отмѣченнаго факта можно заключить, что и составъ собора, въ смыслѣ положенія его членовъ къ государствѣ, не вполне опредѣляется по подписямъ на избирательной грамотѣ. Впрочемъ, сопоставляя данныя подписей на грамотѣ и текста ея, приходимъ къ заключенію, что всѣ «шны» или классы Московскаго общества за исключеніемъ боярскихъ людей, т. е. холоповъ и крѣпостныхъ крестьянъ, были представлены на соборѣ. Такимъ образомъ «не одни казаки, какъ говорили въ Литвѣ, а всѣ слои свободнаго населенія участвовали въ великомъ государственномъ и земскомъ дѣлѣ царскаго «обирания». — справедливо замѣчаетъ С. О. Платоновъ³⁷.

Возстановляя, хотя бы въ общихъ чертахъ, составъ собора и изучивъ, какіе города имъ представлены, ничего не можемъ сказать, какъ шли его засѣданія. Но они не были такими тихими и безмятежными, какъ это можно было бы подумать, читая избирательную грамоту. Сказаніе Палицына или Хронографъ редакціи 1617 года³⁸). Впрочемъ и нѣкоторыя произведенія XVII вѣка даютъ намъ понять, что дѣло на соборѣ не обошлось безъ треснѣй. Такъ зять Филарета Никитича и шурина царя Михаила, умный и осторожный писатель, князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовскій, въ очень краткомъ разсказѣ объ избирательномъ соборѣ позволилъ себѣ такой намекъ: «и тако бысть по многіе дни собраніе людимъ, дѣла же толкія вещи утвердити не возмогутъ»³⁹. Еще болѣе опредѣленно высказывается Новый Лѣтописецъ, про оффиціозный характеръ котораго мы имѣли уже случай упомянуть выше. «Приндоша

къ Москвѣ... изъ всякихъ чиновъ всякіе люди»,—повѣствуетъ Новый Лѣтописецъ объ избраніи царя Михаила,—«начаша избирати государя. И многое было волненіе всякимъ людемъ: койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коего говоряше: не воспоминаша бо писанія, яко «Богъ не токмо царство, но и власть, кому хоцетъ, тому дасть; и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ». Бывшу же волеиію велию, и никто же смѣяше проглаголати, еже кто и хотяше здѣлати, когда Богу ему не повелѣвшу и не угодно ему бысть... И кто можетъ судьбы Божія испытати: ншые убо подкунахусь и засылаху, хотяше не въ свою степеню, Богу же того неизволивну»⁴⁰⁾. Одинъ изъ источниковъ «многого волненія» указываетъ намъ извѣстіе Псковскаго Лѣтописца о томъ, что «восхотѣша начальницы наки себя царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратнии не восхотѣша сему быти». Это сообщеніе о розни «ратныхъ людей и народовъ» съ «начальниками» имѣетъ большое основаніе. Въ Псковскомъ Лѣтописцѣ оно поставлено въ связь съ переговорами «начальниковъ» и повгородцевъ относительно избранія королевича Карла Филиппа на русскій царскій престолъ⁴¹⁾. Если мы вспомнимъ показаніе Богдана Дубровскаго, приведенное нами выше, о желаніи выбрать «Его Княжескую Милость Герцога Карла Филиппа», то не удивимся повѣствованію Псковской Лѣтописи⁴²⁾.

Если гадать о ходѣ совѣщаній на избирательномъ соборѣ, то вѣрнѣе всего думать, что немедленно по открытіи засѣданій кѣмъ-нибудь изъ руководителей его, т. е. княземъ Трубецкимъ или Пожарскимъ⁴³⁾, былъ поставленъ вопросъ о кандидатурѣ Карла-Филиппа. При этомъ могли раздаться и голоса сторонниковъ кандидатуры Владислава. Но такія предложенія не могли имѣть никакого усилія у громаднаго большинства членовъ собора. Русскіе люди XVI—XVII вѣка были преданы національной идее. Кромѣ того неудачный выборъ Владислава и послѣдовавшія за нимъ бѣдствія еще болѣе отшатнули Русь отъ мысли о государѣ иноземцѣ. Въ любознѣтнѣйшей грамотѣ игумена Соловецкаго Антонія къ шведскому королю Карлу IX, написанной 12 марта 1611 года, говорится о желаніи русскихъ людей «выбрать на Московское государство Царя и Великаго Князя изъ своихъ прироченныхъ бояръ, кого всеспильный вседержатель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица, а нныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ. А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышлено»,—сообщаетъ далѣе игуменъ,—«не хотимъ никого

шведскій на Московское государство Царемъ и Великимъ Княземъ, опрочѣ своихъ прирожденныхъ бояръ Московскаго государства». Писана была эта грамота подъ вліяніемъ первыхъ воззваній Гермогена объ очищеніи Москвы отъ польскихъ и литовскихъ людей. Вислѣдствіи къ этимъ врагамъ явно присоединились шведы, занявшіе Повгородъ, и мы видѣли, какъ грамота, призывавшая выборныхъ на «совѣтъ всей земли» въ Ярославль, помѣстила «Нѣмецкихъ» людей (т. е. шведовъ) въ число враговъ Руси ⁴⁴).

Такимъ образомъ и безъ того націоналистическая масса настраивалась подъ вліяніемъ событій и всякаго рода патріотическихъ воззваній еще болѣе непримиримо къ иноземцамъ. Поэтому поднятый на соборѣ вопросъ объ иноземной кандидатурѣ былъ, конечно, рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Рѣшено было также не выбирать государемъ никого изъ татарскихъ царевичей, служившихъ тогда на Руси ⁴⁵). Отвергнута была и кандидатура «Маринкина сына». Мы видѣли, что за нее стояли далеко не все казаки: земщина же, разумѣется, не могла согласиться на выборъ «Воренка», ненавистнаго ей по воспоминаніямъ о Ворѣ. Къ тому же онъ происходилъ отъ «еретички» Марины.

Когда дали кандидатуры указанныхъ лицъ, могъ стать вопросъ и «о Московскихъ великихъ родахъ». Какъ превосходно показалъ С. Θ. Платоновъ, сторона князатъ была разбита и не могла выставить изъ своей среды достаточно сильнаго кандидата ⁴⁶). У стороны прежней дворцовой знати и титулованнаго боярства тоже не было руководителя. За то жизнь выдвинула новые авторитеты, какъ замѣчаетъ названный изслѣдователь. Это были князья Трубецкой и Пожарскій ⁴⁷). И мы, дѣйствительно, имѣемъ указанія на то, что ихъ кандидатуры выставлялись на соборѣ ⁴⁸). Про Пожарскаго говорили даже, что онъ пытался дѣйствовать въ свою пользу подкунами. Сомнѣваемся въ правдивости такого обвиненія. Честность и скромность князя Дмитрія Михайловича не позволяютъ вѣрить ничему подобному ⁴⁹). Но, несомнѣнно, оба военачальника имѣли своихъ сторонниковъ. Однако, настроенные аристократически ⁵⁰), они возстановили противъ себя очень многихъ русскихъ людей и, быть можетъ, именно тѣмъ, что поставили вопросъ объ иноземцѣ—царѣ. При томъ, Пожарскаго не любили казаки, а Трубецкой былъ непріятель земщинѣ.

Наконецъ, послѣ многихъ несогласій, восторжествовалъ кандидатъ, уже ранѣе «примѣренный» значительной частью казачества, и кандидатъ, къ которому давно склонялся народъ, т. е. земщина. Это былъ молодой

Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ. По преданію, которому, кажется намъ, можно повѣрить, о Михаилѣ Θεодоровичѣ заговорилъ одинъ изъ уѣздныхъ представителей, какой-то Галицкій сынъ боярскій. Припомнивъ давнія связи Романовыхъ съ Костромскимъ краемъ, поймемъ, почему именно выборный изъ Галича назвалъ такого кандидата и при томъ принесъ, вынесъ о родствѣ Романовыхъ съ угасшей династіей и о томъ, какъ «царь Θεодоръ Іоанновичъ, отходя сего свѣта, вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ братану своему, боярину Θεодору Никитичу» ⁵¹). Эта легенда, возникшая уже къ порѣ избирательной борьбы по смерти царя Θεодора, конечно, была распространениѣ всего въ родовыхъ гнѣздахъ Романовыхъ. Во всякомъ случаѣ выступленіе галицкаго сына боярскаго было поддержано многими лицами, какъ изъ казаковъ, такъ и изъ земщины, и выборъ царя Михаила былъ предрѣшенъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ сразу приняли кандидатуру Михаила Θεодоровича. Ей оказали извѣстное противодѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, противъ нея протестовали нѣкоторые знатные вельможи: такъ, Новгородскій дворянинъ Никита Калитинъ рассказывалъ 12-го февраля 1614 года шведамъ, что изъ знати только «князь Иванъ Никитичъ Юрьевъ, дядя избраннаго теперь Великаго Князя, князь Иванъ Голицынъ, князь Борисъ Лыковъ и Борисъ Салтыковъ, сынъ Михаила Салтыкова, подали свои голоса за Феодорова сына.....но князь Димитрій Пожарскій, князь Димитрій Трубецкой, князь Иванъ Куракинъ, князь Федоръ Мстиславскій, какъ и князь Василій Борисовичъ Черкасскій твердо стояли противъ. Особенно князь Димитрій Пожарскій открыто говорилъ въ Москвѣ боярамъ, казакамъ и земскимъ чинамъ...» Пожарскій за это, какъ слышалъ Калитинъ, былъ посаженъ «за пристава», а «Трубецкого (бывшаго въ Торжкѣ, сторонника Пожарскаго, при чемъ оба они были во всемъ одно, словомъ и дѣломъ) «самъ Великій Князь приказалъ привести въ Москву», «чтобы онъ ему присягнулъ». Въ этомъ извѣстїи много преувеличеній: и Пожарскій и Трубецкой очень быстро присягнули Михаилу Θεодоровичу и стали ему служить, а Мстиславскаго даже не было на соборѣ, пока вопросъ о государѣ не былъ предрѣшенъ ⁵²). Вообще слухамъ, которые сообщали въ Швецію, надо довѣрять съ извѣстной осторожностью. Такъ въ письмѣ нѣкоего Федора Бобарыкина, какъ доносилъ въ Стокгольмъ Делагарди 3 августа 1613 года, писанномъ въ концѣ іюня этого же года, сообщалось, что противъ Михаила Θεодоровича въ пользу Владислава интриговали уже послѣ выборовъ князь Димитрій Тру-

бежкой, Федоръ Шереметевъ и Иванъ Никитичъ Романовъ ⁵³). Трудно, разумѣется, повѣрить подобному извѣстію.

Такъ же не вѣримъ мы и тому сообщенію, которое повѣствуетъ, будто «казаки и чернь сбѣжались и съ большимъ шумомъ ворвались въ Кремль къ боярамъ и думцамъ» и добились избранія на престолъ Михаила Феодоровича. Мы знаемъ, какъ русскіе люди вели себя при выборѣ Михаила Феодоровича и какъ они провѣряли мнѣніе, высказанное на Соборѣ, путемъ опроса уѣздныхъ людей. Врядъ ли это имѣло бы мѣсто при правильности приведеннаго сообщенія, т. е. еслибы Михаилъ Феодоровичъ былъ выкрикнутъ чернью. Но въ разбираемомъ извѣстіи есть любопытныя черты. Какъ основанія выбора именно Михаила Феодоровича казаки и чернь привели будто бы родство Михаила Феодоровича съ угасшею династіей («Михаилъ Романовъ прежнему Великому Князю Царю Федору Ивановичу ближе всѣхъ съ родни») и то, что «царь Федоръ Ивановичъ умирая, поручилъ и приказалъ Царство отцу этого Михаила Филарету, который теперь въ плѣну въ Польнѣ, и его потомкамъ». Поэтому скорѣе всего въ расширенныхъ рѣчахъ Ченчугова, Никиты Пушкина и Дурова надо видѣть тенденціозное искаженіе и преувеличеніе происходившихъ на соборѣ и во время собора бурныхъ сценъ ⁵⁴).

Засѣданія собора были, повидимому, шумными. На нихъ много спорили и горячились. Но когда рядовая земщина и казаки дружно выдвинули своего кандидата, споры и ссоры прекратились. Почувствовали русскіе люди, что единодушіе достигнуто, что Смутъ настаетъ конецъ и воспрянули духомъ. Однако, рѣшили въ такомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе ⁵⁵). Предизбраніе царя Михаила Феодоровича состоялось 7-го февраля 1613 года, но окончательное рѣшеніе вопроса отложили на 2 недѣли. Въ это время вызвали въ Москву бояръ князей: Феодора Мстиславскаго «съ товарищи», чтобы они тоже приняли участіе въ такомъ «большомъ государственномъ дѣлѣ». Затѣмъ разослали по разнымъ городамъ Руси вѣрныхъ людей, тайно провѣдывать «кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство». 21-го февраля посланные собрались въ Москву. Пріѣхали туда и бояре. Всѣ они были съ единодушнымъ отвѣтомъ о согласіи съ соборнымъ избраніемъ. Тогда «въ большомъ Московскомъ дворцѣ, въ присутствіи, внутри и внѣ, всего народа изъ всѣхъ городовъ Россіи» ⁵⁶) Михаилъ Феодоровичъ Романовъ былъ торжественно провозглашенъ царемъ русской земли. Радостная минута наступила. Русь перестала быть безгосударной, и

ио.кѣ
снмо н.к.у.го
лѣт. Москвитиноро
лѣтннн. тннннннннн
оноло лѣтнннннннн
снннннннннннннннн
нннннннннннннннн

моментъ желаннаго успокоенія и устроенія земли сталъ близокъ для измученнаго «разрухой» и «лихолѣтьемъ» народа.

IV.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова, вѣрише причины его,—останавливало на себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей и было предметомъ ихъ обсужденій. Такъ А. П. Маркевичъ пришелъ къ заключенію, что «избраніе царя Михаила Ѳеодоровича Романова было дѣломъ извѣстныхъ боярскихъ соображеній, основанныхъ съ одной стороны на желаніи имѣть государя, удобнаго для бояръ, съ другой—на увѣренности, что выборъ этотъ будетъ приятенъ всему народу»⁵⁷). В. О. Ключевскій, утверждая, что «избраніе Михаила было подготовлено и поддержано на соборѣ и въ народѣ цѣлымъ рядомъ веномогательныхъ средствъ: предвыборной агитаціей, съ участіемъ многочисленной родни Романовыхъ, давленіемъ казачьей силы, негласнымъ дознаніемъ въ народѣ, выкрикомъ столичной толпы на Красной площади»⁵⁸), признаетъ главной причиной избранія «родственную связь Романовыхъ съ прежней династіей», «фамиліную популярность» царя Михаила, «связи съ Тушиномъ» его отца. Затѣмъ Ключевскій думаетъ, что у «бояръ, руководившихъ выборами», была мысль избрать «удобнѣйшаго», а такимъ представлялся имъ молодой и неопытный Михаилъ⁵⁹). Наконецъ, С. Ѳ. Платоновъ видитъ въ выборѣ царя Михаила результатъ соглашенія земщины съ казачествомъ и считаетъ возможнымъ совершенно игнорировать вопросъ о роли въ выборахъ боярства, которое было разгромлено въ Смуту⁶⁰).

И дѣйствительно, нѣтъ никакихъ основаній думать, что боярство сыграло какую-бы то ни было положительную роль въ дѣлѣ избранія царя Михаила Ѳеодоровича. Высшее боярство, бывшее въ полной зависимости отъ поляковъ, и не присутствовало, какъ это мы видѣли, на первыхъ, самыхъ важныхъ, совѣщаніяхъ собора, происходившихъ до 7-го февраля включительно. Стало быть оно не могло повліять на исходъ выборовъ и во всякомъ случаѣ не руководило ими. Тѣ же лица, которыя были руководителями собора, т. е. князя Трубецкой и Пожарскій, были скорѣе противниками кандидатуры царя Михаила, чѣмъ сторонниками ея. Что же касается дѣятельнаго участія родни Михаила Ѳеодоровича въ дѣлѣ его избранія, то оно не подтверждается показаніями ближайшихъ къ событію источниковъ. И, конечно, мы не разумѣемъ здѣсь источниковъ официальныхъ, очень односторонне освѣщающихъ дѣло, и конечно, не считавшихъ

возможнымъ говорить объ агитаціи, если бы такая и имѣла мѣсто. Нѣтъ, мы разумѣемъ показанія, данныя русскими людьми шведамъ. Выдвигая всячески роль казаковъ, они молчатъ о томъ, кого, благодаря беспословнымъ показаніямъ Страденберга ⁶¹⁾, привыкли считать душой агитаціи въ пользу Михаила Феодоровича, т. е. о бояринѣ Ѳ. П. Шереметевѣ. При томъ не знаемъ даже, былъ ли онъ на соборѣ до 21-го февраля 1613 года или раздѣляя участь князя Ѳ. П. Мстиславскаго «съ товарищи»: вѣдь онъ, равно какъ и Иванъ Никитичъ Юрьевъ, дядя царя Михаила, и князь Борисъ Лыковъ были въ числѣ «семичисленныхъ» бояръ. Такимъ образомъ даже присутствіе этихъ влиятельныхъ лицъ Романовскаго круга на предварительныхъ засѣданіяхъ собора представляется намъ не вполнѣ установленнымъ фактомъ ⁶²⁾. Въ то же время мы имѣемъ извѣстіе, по которому «бояре и думы, родственники упомяутаго Михаила, высказали» казакамъ и черни, требовавшимъ избранія Михаила Феодоровича, «нѣкоторыя затрудненія и указывали на его молодость» ⁶³⁾. Поэтому не видимъ возможности говорить объ агитаціи многочисленной родни Романовыхъ, хотя не сомнѣваемся, что многіе ея члены съ радостью восприняли мысль о кандидатурѣ Михаила Феодоровича и ее поддержали. Вообще же для того, чтобы выяснитъ причины избранія государемъ одного изъ представителей рода Романовыхъ и при томъ именно Михаила Феодоровича, а не его дядю, Ивана Никитича, намъ предстоитъ припомнить нѣкоторые факты, установленные предыдущимъ изложеніемъ.

Романовы происходили изъ старинной, очень влиятельной и родовитой, московской боярской фамиліи Ковкиныхъ-Кобылиныхъ. Въ XVI вѣкѣ они породнились съ царствовавшей тогда династіей, при чемъ, царица Анастасія оставила по себѣ благодарную память въ народѣ своей кротостью и добротой ⁶⁴⁾. Не менѣе любимъ народомъ былъ родной братъ первой русской царицы Никита Романовичъ, о которомъ сохранились въ народной, а въ частности въ народно-казачьей средѣ, цѣлыя былины и пѣсни. Никита Романовичъ имѣлъ во многихъ уѣздахъ Руси богатые вотчины и помѣстья. Особенно много было у него связей и отношеній съ костромскимъ краемъ, гдѣ были цѣлыя гнѣзда его земельныхъ владѣній, и съ тогдашнимъ «Югомъ» государства. Шуринъ Грознаго царя долго завѣдывалъ обороной этого края и обосновался тамъ, какъ богатый вотчинникъ и помѣщикъ. Онъ заслужилъ любовь воинственныхъ служилыхъ людей «Юга», изъ которыхъ пополнялись отчасти и кадры вольнаго казачества, своей справедливостью, добрымъ отношеніемъ и вниманіемъ къ ихъ интересамъ.

Семья Никитичей, двоюродныхъ братьевъ царя Феодора Ивановича, была очень популярна въ народѣ. Особенно выдавался ласковый, обходительный, красивый, ловкій, умный и энергичный бояринъ Феодоръ Никитичъ, старшій изъ сыновей Никиты Романовича. По смерти бездѣтнаго царя Феодоръ Никитичъ былъ однимъ изъ претендентовъ на престолъ. Въ его пользу сложилась даже и распространилась затѣмъ въ народѣ легенда о томъ, какъ царь Феодоръ, умирая, передалъ скипетръ и вѣнецъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Однако кандидатура Феодора Никитича не имѣла въ 1598 году успѣха. Другой претендентъ, гениальный Борисъ Годуновъ, братъ вдовы-царицы, которой умирающимъ супругомъ передана была власть надъ царствомъ, и давній правитель государства, оказался избраннымъ въ цари русской земли.

Въ царствованіе Бориса, Романовы подверглись гоненію, опалѣ и суровой ссылкой, при чемъ старшій изъ Никитичей былъ противъ своей воли постриженъ въ монахи и заточенъ въ далекомъ Антоніево-Сіискомъ монастырѣ. Когда Борисъ былъ сверженъ съ престола и слухамъ о томъ, что онъ—причина насильственной смерти св. царевича Димитрія, была дана полная вѣра, то пострадавшіе при «работарѣ» Романовы стали еще болѣе популярны.

Такъ уже сейчасъ же послѣ переворота 17-го мая 1606 года, погубившаго Самозванца, въ народѣ были толки о необходимости воцаренія кого-нибудь изъ Романовыхъ. Но глава рода, Филаретъ Никитичъ былъ тогда уже духовнымъ лицомъ: ростовскимъ митрополитомъ, а сынъ его имѣлъ отъ роду всего лишь 9-ть, 10-ть лѣтъ. Поэтому Романовы признали власть Шуйскаго, который вслѣдствіе подозрѣній оскорбилъ и отдалилъ отъ себя старшаго члена этой семьи, а за нимъ и весь вліятельный романовскій кругъ.

Митрополитъ Филаретъ удалился въ Ростовъ, гдѣ былъ въ 1608 году захваченъ шайками Вора и привезенъ въ Тушино. Тамъ его нарекли патріархомъ. Враждебный въ душѣ Шуйскому, Филаретъ по виду примирялся съ своимъ положеніемъ, но постарался при этомъ не скомпрометировать себя передъ московскимъ правительствомъ и патріархомъ. При первой возможности онъ порвалъ съ Воротомъ, бѣжавшимъ въ Калугу, и сталъ сторонникомъ, а вѣрнѣе былъ и однимъ изъ инициаторовъ русско-польскаго сближенія. Но при этомъ Филаретъ остался вѣренъ православію и народной самобытности.

Воротившись, быть можетъ и недобровольно, въ Москву не задолго до сверженія Шуйскаго, ростовскій митрополитъ сталъ во главѣ большого

круга своих приверженцев и былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ русскомъ обществѣ. Поэтому, когда «царю Василию былъ обрядъ» и на Руси настало «безгосударное» время, патріархъ Гермогенъ предложилъ народу 2-хъ кандидатовъ на престолъ: сына Филарета, 14—15-лѣтняго юношу Михаила Θεодоровича и князя Вас. Вас. Голицына. При этомъ самъ Гермогенъ стоялъ на сторонѣ Михаила Θεодоровича по причинѣ близкаго родства его съ угасшей династіей. Извѣстно, что къ мнѣнію патріарха склонился народъ. Но единодушія не было, Филаретъ, повидимому не стремился къ борьбѣ за власть для своего сына, и на престолъ русскій былъ избранъ, главнымъ образомъ правящими кругами русской земли, Владиславъ. Митрополитъ Филаретъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Вас. Вас. подъ Смоленскъ во главѣ великаго посольства «пронати у короля королевича на царство». Твердость и патріотизмъ Филарета, проявленные имъ въ этомъ посольствѣ, и плѣбъ его въ далекой и враждебной Польшѣ, доставили ростовскому митрополиту новую и еще болѣе широкую популярность.

Когда неудача попытки уніи съ Польшей и насилія поляковъ въ занятой ими Москвѣ заставили подняться народныя массы и идти на очищеніе столицы, всякая мысль о кандидатурѣ иноземнаго королевича заранѣе была бы обречена на неуспѣхъ. Народныя массы, какъ и всегда, были настроены націоналистично. Казаки въ данномъ отношеніи отражали настроеніе этихъ массъ, изъ рядовъ, которыхъ по преимуществу выходили.

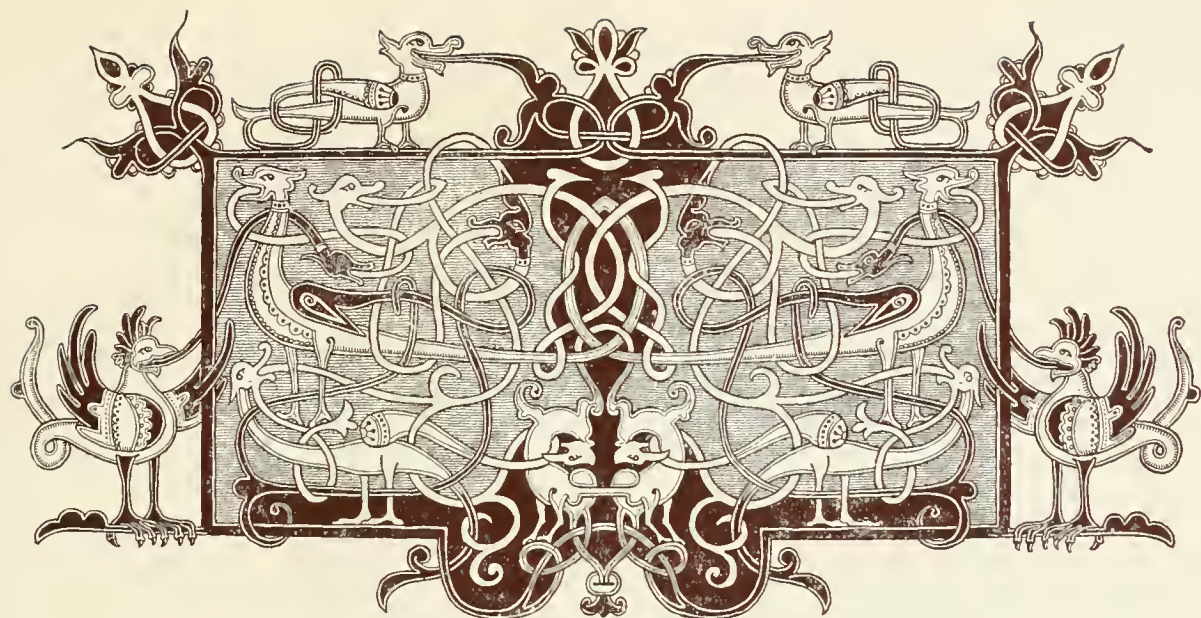
Поэтому они обратились къ мысли о кандидатурѣ кого-нибудь изъ русскихъ людей, стали искать царя среди представителей своихъ «знатныхъ родовъ». Преданность къ угасшей династіи, желаніе найти отпрыскъ «отъ царскаго корени», долго были одной изъ причинъ успѣха самозванщины. Теперь это же обстоятельство повернуло мысли казаковъ къ кандидатурѣ ближайшаго родственника дома Калиты, братанича царя Θεодора Ивановича. Вотъ почему обратились они къ Михаилу Θεодоровичу. И не столько пребываніе Филарета въ Тушинѣ сыграло тутъ роль⁶⁵). Популярность семьи Никитичей въ народѣ и въ казачьей средѣ сложилась задолго до Тушина и независимо отъ него; она коренилась главнымъ образомъ въ народной любви къ ихъ отцу, въ ихъ личныя привлекательныя свойства и земельныя связи и отношенія. Поэтому за избраніе Михаила Θεодоровича высказался патріархъ Гермогенъ, самъ близкій къ простонародной средѣ по своему происхожденію человекъ.

Вспомнимъ, что народъ готовъ былъ послѣдовать примѣру своего архипастыря. Вотъ почему и въ 1613 году рядовая земщина сошлась съ казаками въ выборѣ царемъ Михаила Феодоровича.

Но почему молодой и неопытный Михаилъ Феодоровичъ, а не дядя его, бояринъ Иванъ Никитичъ, былъ выдвинутъ народомъ и избранъ имъ? На это недоумѣніе, высказанное покойнымъ Марквичемъ, легко отвѣтить двумя соображеніями. Во первыхъ, царская власть и права на нее по издавна виѣдренному въ народъ представленію должны были переходить по нисходящей линіи. А въ этомъ смыслѣ Михаилъ Феодоровичъ имѣлъ преимущество передъ Иваномъ Никитичемъ. Затѣмъ самая молодость народнаго избранника, который притомъ по тогдашнимъ понятіямъ былъ совершенно правоспособнымъ ⁶⁶⁾, дѣлала его неучастнымъ къ раздорамъ и смутамъ той злосчастной поры. Между тѣмъ Иванъ Никитичъ былъ сторонникомъ Владислава и поляковъ; поэтому на немъ никакъ не могъ остановиться народный выборъ ⁶⁷⁾.

Изъ нашего изложенія выясняются главныя причины великаго событія нашей исторіи—избранія Михаила Феодоровича Романова на престолъ русскихъ царей: родство его съ угасшею династіею, любовь народа къ семьѣ Никитичей, личная неучастность юнаго народнаго избранника къ раздорамъ Смутной эпохи. И въ этой чистой юности царя Михаила Феодоровича невольно хочется видѣть символъ предстоявшаго въ 1613 году обновленія и укрѣпленія изстрадавшейся во времена Смуты Русской земли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Прошение царя Михаила Феодоровича на царство.

I.

ОСЛѢ выбора Михаила Феодоровича, когда русскіе люди пришли къ радостному и спасительному для нихъ единодушію, соборъ незамедлительно предпринялъ рядъ мѣръ для утверженія этого важнаго акта государственнаго бытія. Были приведены къ присягѣ Москва, а затѣмъ и иные города, и всюду населеніе присягало съ величайшей готовностью и восторгомъ¹⁾. Распорядился соборъ и другимъ неотложнымъ дѣломъ величайшей важности.

Онъ снарядилъ торжественное посольство къ народному избраннику, царю Михаилу Феодоровичу, жившему тогда въ Костромскомъ Пятъевскомъ монастырѣ, и по обычаю озаботился составленіемъ подробнаго наказа своимъ великимъ посланцъ.

Посольство было многочисленно, и въ составъ его вошли, вѣроятно, многіе изъ членовъ избирательнаго собора. Во главѣ же его поставлены были изъ властей архіепископъ Рязанскій и Муромскій Феодоритъ, архимандритъ Чудовскаго монастыря Авраамій, Троице-Сергіева монастыря

келарь старецъ Авраамій (Палцынъ), архимандритъ Новоспасскаго монастыря Юсифъ и протопопы «изъ соборовъ» столицы. Первое мѣсто среди свѣтскихъ пословъ принадлежало боярамъ: Феодору Ивановичу Шереметеву и князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окопичему Феодору Васильевичу Головину и дьяку Ивану Болотникову. Съ ними отирались «стольники, и стряпчие, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне, и дѣти боярскія изъ городовъ, и головы стрѣльцкіе, и гости, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы и всякихъ чиновъ люди, по спискамъ»²⁾).

Изъ наказа, даннаго великому посольству, узнаемъ, что земскому собору не было въ точности извѣстно мѣстопробываніе избраннаго имъ царя. Послы должны были для «прошенія» Михаила Феодоровича «на царство» ѣхать «въ Ярославль, или гдѣ оиъ, Государь, будетъ»³⁾. «Прѣхавъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи», архіепископъ Феодоритъ и бояринъ Феодоръ Ивановичъ Шереметевъ «съ товарищами» немедленно обязаны были «бити челомъ Государю» и просить его принять общенародное избраніе. Наказъ со свойственной московскимъ приказнымъ документамъ обстоятельностью приводитъ и рѣчи, съ которыми великіе послы должны были обратиться къ юному избраннику русскаго народа и его матери «великой внокини Марѣѣ». Въ этихъ рѣчахъ Феодоритъ и Шереметевъ, отъ лица собора, своихъ «товарищей» и всей земли обязаны были умолять Михаила Феодоровича встунить на царскій престолъ, такъ какъ «безъ Государя ни на малое время быть не можно». Къ матери Государя посламы предстоило обратиться съ просьбой благословить сына на царство и побудить его скорѣе ѣхать въ Москву, такъ какъ «послыша про его царскій приходъ къ Москвѣ», «всеѣ его Государевы недруги будутъ въ страхованьи, а Московскаго Государства всякіе люди Государевымъ приходомъ обрадуются» и получаютъ «избаву отъ всякихъ находящихъ бѣдъ и скорбей».

«А какъ Государь Царь и Великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Россіи Московскаго Государства всякихъ людей пожалуетъ», — говорилось далѣе въ наказѣ посламамъ, — «и какъ его Государской подвигъ къ Москвѣ будетъ, въ которомъ числѣ и о томъ отписать къ боярамъ къ Москвѣ, и бояре и всякіе люди Государя встрѣтятъ».

Однако земскій соборъ не вполне былъ увѣренъ въ томъ, что Михаилъ Феодоровичъ безъ колебаній приметъ царскій вѣнецъ. Они предвидѣли, что царь пословъ «не пожалуетъ, учнетъ отказывать, или за

чѣмъ учнетъ Государь размышлять». Тогда Ѳеодоритъ и Шереметевъ съ товарищи должны были «Государю бити челомъ и умолять его, Государя, всякими обычая, чтобъ онъ, Государь, милость показалъ, челобитья ихъ не презриль, былъ на Владимирскомъ и на Московскомъ Государствѣ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи и пожаловалъ ѣхалъ къ Москвѣ вскорѣ». Послы обязаны были прибавить, что «такое великое Божье дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его Государскимъ хотѣньемъ, но избранью, Богъ учинилъ его, Государя, Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи и въ сердца вложилъ всякимъ людямъ и до сущихъ и беззлюбивыхъ младенцевъ, что быть... на всѣхъ великихъ Государствахъ Россійскаго Царствія ему, Государю, Михаилу Ѳеодоровичу».

Опасаясь, что народный избранникъ станетъ отказываться отъ пріятія царской власти, соборъ имѣлъ въ виду и причину, по которой это будетъ сдѣлано. Это плѣтъ отца Государева, митрополита Филарета. «А будетъ Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи учнетъ разсуждать»,—читаемъ въ наказѣ,—«о отцѣ своемъ Государѣ нашемъ, о митрополитѣ Филаретѣ, что онъ, Государь, шлѣ въ Литвѣ, и ему на Московскомъ Государствѣ бити нельзя, для того, чтобъ отцу его за то какого зла не учинил. И архіепископу, и архимандритамъ, и боярамъ, и окольничему Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи бити челомъ и говорити, чтобъ онъ, Государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылають къ Литовскому Королю, а отцу твоему, Государю нашему, даютъ на обмѣну Литовскихъ многихъ лучшихъ людей».

Въ заключеніе наказъ снова предписывалъ «всякими обычая Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россія бити челомъ и его, Государя, умолять, чтобъ онъ шелъ на своей царскіи престолъ къ Москвѣ не мѣшкая».

2 марта 1613 года, отслушавъ торжественное молебствіе, послы тронулись въ путь, сопровождаемые панутствіями собора и многочисленныхъ толпъ народа, провожавшихъ ихъ. Посольству сопутствовали московскія святыни: весьма чтимый образъ Пресвятой Богородицы, паннесанія св. Петра митрополита, и святыя иконы великихъ чудотворцовъ Петра, Алексія и Юны, митрополитовъ и святителей московскихъ. 13 марта «въ вечерню» посольство достигло Костромы, въ которой пребывалъ тогда юный царь, и остановилось въ пригородномъ селѣ, «Новоселки именуемо», откуда послало къ Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой указать срокъ пріема

его Государемъ. «И Государь Царь и Великій Князь Михайло Θεодоровичъ всея Россіи насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ быти у себя, Государя, марта въ 14 день»,—доносили послы въ Москву земскому собору.

Въ Новоселкахъ послы провели ночь, условившись съ воеводами, архимандритами и прочими представителями Костромы о томъ, какъ организовать на другой день торжественное шествіе въ Пятъевскіи монастырь для предстоящаго «прошенія на царство» Михаила Θεодоровича ⁴⁾.

II.

Юному народному избраннику не было тогда еще полныхъ 17-ти лѣтъ. Добрый и мягкій, ласковый и привѣтливый, царь Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ, излюбленный всею Русскою землею, постоянно сохранялъ на своемъ привлекательномъ лицѣ отпечатокъ какой-то меланхоліи, печали. Это выраженіе явилось слѣдствіемъ многихъ невзгодъ и испытаній, выпавшихъ на долю Государя всея Руси въ его нѣжномъ дѣтствѣ и ранней молодости. Маленькимъ, четырех-пятилѣтнимъ ребенкомъ, Михаилъ Θεодоровичъ былъ лишенъ ласкъ и заботъ горячо любившихъ его отца и матери. Мало того, онъ былъ сосланъ подъ строгій присмотръ въ Белоозеро и лишь черезъ годъ былъ переведенъ въ вотчину отца, село Кашны, Юрьево-Польскаго уѣзда, гдѣ, опять такъ подъ надзоромъ, прожилъ до самой смерти Бориса Годунова. Лишь въ 1605 году отецъ, отнынѣ митрополитъ Филаретъ, мать, инокиня Марфа и 9-ти—10-ти лѣтній сынъ свидѣлись другъ съ другомъ. Съ тѣхъ поръ Михаилъ Θεодоровичъ не разлучался съ своею матерью. Но отецъ былъ захваченъ въ Тушинскій нѣмъ въ 1608 году и попалъ въ Москву, гдѣ въ то время находились его бывшая жена и сынъ, лишь въ маѣ 1610 года. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ этого года ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ отпавился во главѣ великаго посольства подъ Смоленскъ, былъ тамъ нѣмъ въ противность международнымъ правамъ и обычаямъ и томился въ далекой польской неволѣ.

Самъ юный Михаилъ и мать его, инокиня Марфа, прожили 2 года въ Москвѣ и испытали тамъ ужасы польской оккупациі и кремлевской осады. Поляки, вѣроятно, зорко слѣдили за сыномъ митрополита Филарета и бывшей женой послѣдняго, старицей Марфой: Жолкевскій, конечно, выяснилъ своимъ соотечественникамъ, какъ они должны наблюдать за юношей, уже намѣчавшимся къ избранію въ цари русскаго народа ⁵⁾. Съ очищеніемъ Москвы отъ поляковъ наступила для многихъ

знатѣйшихъ боярскихъ женъ и дѣтей радостная минута ихъ освобожденія. Михаилъ Θεодоровичъ съ матерью тоже получили свободу и отправились въ свои Костромскія вотчины ⁶⁾).

При этомъ они посѣтили нѣкоторыя, чтимыя ими, мѣстныя обители. Не преминула инокиня Марфа съ своимъ любимымъ, единственнымъ оставшимся къ тому времени въ живыхъ, сыномъ посѣтить монастырь св. Макарія на Увжѣ, гдѣ на мѣстѣ келіи, въ которой по преданью пребывалъ тогда Михаилъ Θεодоровичъ, впоследствии воздвигнута была церковь ⁷⁾).

Затѣмъ Михаилъ Θεодоровичъ поселился въ родовой вотчинѣ своей матери, селѣ Домнина. Тамъ въ началѣ 1613 года избранникъ народ-

Дер. Деревеньки, родина Пв. Сусанна.

ный чуть было не погибъ отъ рукъ враговъ Русси, польскихъ и литовскихъ людей. Его спасла преданность и вѣрность любимымъ боярамъ крестьянина села Домнина, незабвеннаго Ивана Сусанна. По преданіямъ, во многомъ подкрѣпляемымъ жалованной грамотой, данной въ 1619 году царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ «по совѣту и прошенью матери» его «государыни великія старицы иноки Марфы Ивановны», поляки стали донимать у Сусанна, гдѣ его бояринъ. Сусаннъ послалъ къ Михаилу Θεодоровичу предупредить о грозящей опасности, а самъ вызвался проводить враговъ къ дому, гдѣ жилъ молодой его «государь». Въмѣсто этого онъ завелъ «польскихъ и литовскихъ» людей въ непроходимое,

покрытое лѣсомъ, болото. Когда враги увидѣли обманъ, они подвергли Ивана Сусанина «великимъ немѣрнымъ пыткамъ». Самоотверженный крестьянинъ остался непреклоннымъ, и обожженные поляки «замучили его до смерти», а сами погибли отъ холода и голода. Подвигъ Сусанина и его беззаветная преданность спасли Михаила Феодоровича и сослужили русскому государству великую службу. За нее впоследствии царь наградилъ землей Богдана Сабинина, зятя скромнаго, но великаго душой героя.

Палаты Романовыхъ въ Пятіевскомъ монастырѣ.

и освободилъ его и его потомство отъ платежа какихъ-бы то ни было податей и песеніи всякихъ государственныхъ повинностей⁸⁾. Царь Михаилъ Феодоровичъ, получивъ извѣстіе объ угрожающей ему опасности, посѣлилъ уѣхать въ Кострому, гдѣ и поселился съ своей матерью въ Пятіевскомъ монастырѣ. Тамъ и застало его великое посольство.

III.

Настало утро 14-го марта, знаменательнаго дня нашей исторіи. Устроили, какъ подобало важности момента, торжественную процессію. Духовенство облеклось въ ризы, бояре «и вси пришедшіе» съ ними

«учредивше чины по достоинству и взявше честный крестъ», и святые иконы, принесенныя изъ Москвы, «подоша ко обители святыхъ Живоначальныя Троицы въ Ипацкой монастырь». Близъ монастыря на устьи рѣки Костромы къ посольству присоединилась вышедшая крестнымъ ходомъ костромичи «съ женами и з дѣтьми и подоша вокругъ въ той же Ипацкой монастырь»⁹⁾. Въ святой обители тогда «быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ»¹⁰⁾. На срѣтеніе крестному ходу вышли къ вратамъ монастыря «Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи, и съ матерью своею, съ великою старицею шюкою Марфою Ивановною».

Успенскій соборъ въ г. Костромѣ, въ коемъ хранится Феодорова икона.

Великая старица была взволнована и растрогана. Ей припомнились давнія, жестоко разбитыя мечты о царствованіи ея возлюбленнаго супруга, томившагося теперь въ далекомъ и тяжкомъ плѣну: она страшилась за судьбу иждиво любимаго и заботливо оберегаемаго юноши сына. Разореніе государства, грозные враги, опустошавшіе русскую землю, участь послѣднихъ государей и претендентовъ на престолъ— все это пугало и тревожило много пострадавшую на своемъ вѣку шюкиню Марфу. Однако торжественность обстановки, толпа, охваченная однимъ порывомъ, принесеніе святыхъ и чудотворныхъ иконъ не могли не умилять и не трогать престарѣлую мать народнаго избранника. Чувства матери раздѣлялъ и юный Михаилъ Феодоровичъ. Онъ также встрево-

женъ былъ участію отца и не рѣшался вступить на престолъ въ такихъ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Но его молодую и чуткую душу до слезъ волновагь и потрясагь видъ всенароднаго множества готовыхъ склониться предъ нимъ русскихъ людей и величественный крестный ходъ, направляющійся къ Платьевской обители.

Со слезами на глазахъ встрѣтилъ избранный русскимъ народомъ государь чудотворныя иконы и обратился съ жаркой молитвой къ Пресвятой Богородицѣ. Благоговѣнно приложившись затѣмъ къ святымъ образамъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ взволнованно спросилъ архіепископа Ѳеодорита: «О святѣйшій Архіепископъ! Почто чудные и чудотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвигли еси и толикъ великій многотрудный подвигъ сотворилъ еси?»

Въ отвѣтъ на это архіепископъ Ѳеодоритъ благословилъ крестомъ юнаго царя и его мать. Послѣ это великіе послы стали править имъ свое посольство: подали грамоты отъ всего Московскаго государства «и рѣчь говорили и били челомъ по наказу».

Выслушавъ «непреложное моленіе» великихъ пословъ, сопровождаемое просьбами всехъ пришедшихъ съ ними, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ, «непреклоненъ бысть къ моленію ихъ, отрицанесе со многими слезами и рыданіемъ и гнѣвомъ», говоря: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовать; ни въ разумъ мой приде о томъ, да и мысли моеи на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на такову высоту Царствія и на престолъ такихъ великихъ преславныхъ Государей Царей Російскихъ, и великаго Государя моего, пресвѣтлаго блаженныя памяти Царя и Великаго князя Ѳеодора Ивановича, всея Русіи Самодержца, взыйти?» «И отказалъ о томъ съ великимъ гнѣвомъ и со многими слезами».

Не менѣе рѣшительнъ былъ отказъ и «великой старицы»: съ великимъ плачемъ и рыданіемъ она заявила, «что сыну еѣ Михайлу Ѳеодоровичю никако на Московскомъ государстве не бывать, и ей его никако на Московское государство благословити не мочно; того у нихъ и въ мысли нѣту и въ разумъ ихъ прийти то не можетъ, что на такомъ великомъ государстве сыну еѣ быти».

Отказавъ великому посольству въ согласіи на его «непреложное моленіе», Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марфа долго не соглашались идти съ послами «за кресты въ соборную церковь». Они не желали, конечно, снова выслушивать челобитыя представителей всей земли. По

уваженіе къ св. иконамъ и къ крестному ходу превозмогло, и народный избраникъ съ своей матерію присоединился къ торжественной процессіи. И вотъ въ соборѣ Пнатъевскаго монастыря при молебномъ пѣніи духовенства «боляре. Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи, и весь Царскій синклитъ и всенародное множество всѣхъ православныхъ христіанъ, съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ били челомъ Михайлу Ѳеодоровичю..., чтобъ онъ Государь Михайло Ѳеодоровичъ милость надо веѣмъ Московскимъ государствомъ показалъ, былъ на Московскомъ государствѣ благонадежнымъ государемъ». Съ жаркой мольбой обратились послы и къ «великой старце иноке Марѣе Ивановне», чтобъ она «всѣхъ пожаловала, сына своего Михайла Ѳеодоровича на Московское государство Государемъ Царемъ и Великимъ княземъ всеа Русіи благословила, и на свой царскій престолъ въ царствующій градъ Москву подвигъ свой учинила вскорѣ, чтобы ихъ государскимъ приходомъ Московскаго государства всякіе люди отъ великихъ своихъ бѣдъ и разоренья въ радость претворился, и вмѣсто плачевныхъ пѣсней, радостныя воспѣли». И на это челобитье послѣдовалъ рѣшительный и взволнованно-гнѣвный отказъ. Инока Марѣа говорила, «что никако въ мысль ихъ то не ввидеть, что сыну еѣ, Михайлу Ѳеодоровичю на такомъ великомъ преславномъ Московскомъ государствѣ быти Государемъ. Какъ то можетъ сестатися? а онъ еще и не въ совершенныхъ лѣтахъ; а Московскаго государства многие люди, по грехомъ, въ крестномъ целованьѣ стали нестоятельны, да и потому, что Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей разорилось до конца, и прежнихъ великихъ государей изъ давнихъ лѣтъ сокровища царскіе и все ихъ царское всякое достояніе литовскіе люди вывезли; а дворцовыя села, и черныя волости, и пригородки и посады отъ литовскихъ людей и отъ воровъ запустошены, а всякіе служилые люди бѣдны; и чѣмъ служилыхъ людей пожаловати, а свои государевы обиходы полнити и противъ своихъ недруговъ, Польскаго и Литовскаго и Немецкихъ королей и иныхъ пограничныхъ государей стояти? да и для того, что великій государь мой, а сына моего отецъ, святѣшій Филаретъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, ныне у короля въ Литвѣ въ великомъ утесненъѣ, а свѣдаетъ король то, что, по прошенью и по челобитью всего Московскаго государства, учиница на Московскомъ государствѣ сыгъ нашъ Михайло, и король тотчасъ велитъ надъ государемъ нашимъ Филаретомъ митрополитомъ какое зло учинитъ;

и безъ благославленія отца своего, сыну моему какъ на такое великое дѣло помыслити?»

Послы обратились съ новымъ слезнымъ моленіемъ къ избраннику русскаго народа и его матери. Они не оставили безъ возраженія всѣхъ сомнѣній и колебаній «великой старицы». «О Боголюбивая, великая государыня, старица шюка Марѳа Ивановна!»—говорилъ отъ имени прочихъ пословъ Ѳ. П. Шереметевъ,—призри на насъ нашихъ богомольцевъ, и на своихъ рабъ, на Царскій синклитъ и на толикое многое человѣческое Христіанское множество, услыши всенародный вопль и рыданіе, утѣни плачь неутѣшный, воздвигни наки на царство ване и отечество ване возвеличи, Христіанскій рогъ возвыси, даждь Богомъ избраннаго Царя на Царство, веждь намъ благонадежнаго Государя, сына своего едиороднаго, отъ благочестиваго корени благоцветущую отрасль, великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца безо всякаго размышленія, полагающа на волю Создателя нашего и Творца, Господа нашего Іисуса Христа, а Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди ему великому Государю учнутъ служить и прямили во всемъ, на чемъ ему Государю крестъ целовали и души свои дали. А прежде Государя, Царь Борисъ сѣлъ на Государство изведши Государской корень, Царевича Дмитрея. И Богъ ему метилъ праведнаго и безпорочнаго Государя Царевича Дмитрея Ивановича убивеніе и кровь богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ. А воръ Гришка Отрепьевъ, по своимъ злымъ дѣламъ, отъ Бога мечь пріялъ, злѣ животъ свой скончалъ. А какъ Царь Василей учинился на Московскомъ Государствѣ; и, по злодѣйству, многие города ему служить не похотѣли и отъ Московскаго Государства отложилися, и то все дѣлалося волею Божьею, а всѣхъ православныхъ Христіанъ грехомъ, во всѣхъ людехъ Московскаго Государства была рознь и междусобство. А ныне, по милости всемогущаго Бога, всѣ люди во всѣхъ городахъ всего Російскаго Царствія учинилися межъ себя въ соединенны, и въ братстве и въ любви, по прежнему, и обещалися всѣ единодушно за нашу истинную православную Христіанскую вѣру и за святыя Божіи церкви, и за великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, противъ ево всякихъ недуговъ и измѣнниковъ стояти крѣпко и неподвижно, и битися до смерти; а инакъ ему Государю ни въ чемъ измѣны не учинити и иного государя изъ иныхъ государствъ и изъ Московскаго Государства, на Московское Государство

Государемъ никакъ никого не хотити, и не мыслити о томъ; и на томъ веѣ ему великому Государю всякие люди всего великого Російскаго Царства крестъ цѣловали радостными душами. А что размышляете, великие Государи, о великомъ святѣйшемъ Филарете Митрополите, что онъ за нашу истинную православную Христіанскую вѣру греческаго закона и за все православное Христіанство въ Литвѣ страждетъ; и мы, богомольцы Ваши и Московскаго Государства Боляре, и Воеводы и всякихъ чиновъ люди, послали хъ королю Посланника, а даемъ за Государя святѣйшаго Филарета Митрополита, на обмѣну многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей, хто имъ надобенъ; и за тѣмъ бы вы, великие государи, не размышляли и противъ воли Божіи не стояли» ¹¹⁾.

И на эту рѣчь Михаилъ Теодоровичъ и инока Марѳа «съ великимъ плачемъ и гнѣвомъ о Государстве отказали». Тогда великое посольство и «всенародное множество», «въ великомъ ужасе и смитеніи бывъ», снова обратились къ избранному народомъ Государю и его матери съ усиленными мольбами согласиться на принятіе Михаиломъ Теодоровичемъ царскаго сана. На этотъ разъ съ длиною витѣватою рѣчью выступилъ архіепископъ Теодоритъ». Онъ заклиналъ молодого царя не противиться «вышняго Бога промыслу». «Повишися святойи Его воле»,— съ жаромъ говорилъ Владыка,—«никто же бо праведенъ бываесть, вопреки глаголи судбамъ Божіимъ; и прежде убо Цари, предъизбранные Богомъ, царствоваху, и сихъ благочестивыйи корень ведесе до благочестиваго и праведнаго великаго Государя нашего Царя и Великаго князя Теодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, на немъ же и совершися и конецъ пріять; въ него жъ мѣсто Богъ сию царскую честь на тебѣ возлагаетъ, яко по свойству свойственному Царскаго сѣмени, Богомъ избранный цвѣтъ». Далѣе, приводя въ подтвержденіе своей мысли цитаты изъ святоотческихъ писаній, Теодоритъ доказывалъ, что во всенародномъ избраніи Михаила Теодоровича сказалося Божіе предопредѣленіе, такъ какъ «гласъ народа—гласъ Божій» ¹²⁾. Затѣмъ, сообщивъ рядъ примѣровъ избранія народомъ государей, Рязанскій архіепископъ убѣжденно закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Такоже и ты, великій Государь Михаилъ Теодоровичъ, не ослушайся Божія повелѣнія, и утоли плачь и рыданіе и вопль многонародный, восприими скипетродержаніе Російскаго Царства».

Рѣчь архіепископа сопровождалась плачемъ и рыданіями просящаго «всенароднаго множества». Въ такихъ переговорахъ прошло уже 6-ть

часовъ («и молшна безпрестанно, отъ третьяго часа дни и до девятого»). Но Михаилъ Феодоровичъ остался непреклоненъ. Онъ повторилъ въ своемъ отвѣтномъ словѣ Феодориту и другимъ посламъ доводы, приведенные уже его матерью, сказавъ кромѣ того: «и отторженные грады отъ Московскаго Государства, Великій Новгородъ, и Смоленскъ и иные города какъ и чѣмъ къ Московскому Государству привратити? И то прошеніе ваше никакъ исполнитися на мѣ не можетъ».

Неоднократные, горячіе отказы избраннаго всенародно царя и его матери повергли пословъ «и все государство» въ уныніе. И «о семь къ недоумѣніи мнозе бысть и во мнозей скорби и въ плачи неутѣшимый еже прошенія своего не получивша». «Послы недоумевахуся», какъ «у великаго Государя, Царя и Великаго Князя... и у матери его, у великие Государыни... милости просити и бити челомъ». Наконецъ, послы надумались «и нигъ совѣтъ благъ учинивша». Они воздвигли животворящіе кресты и святыя иконы и съ ними торжественно «придоша къ мѣсту» гдѣ стояли юный царь и его мать, великая старица Марѳа¹³).

Смущенный и потрясенный Михаилъ Феодоровичъ обратился къ архіепископу и другимъ посламъ: «почто толикій подвигъ животворящимъ крестомъ и честнымъ Божиимъ иконамъ, и себѣ многой трудъ, сотворяете, и печальное дѣло ваше моея мѣры на мя возлагаете, чего и въ разумъ мой не можетъ принтти?» На эти слова послѣдовала рѣчь Рязанскаго Владыки: «Не буди государь, одержимъ печально, но утѣши сердце свое упоканіемъ Божиимъ и пречистые Богородицы милостно и великихъ чудотворцовъ, вся тебѣ и твоему царствію подасть благая, только не буди, Государь, противель воли Божіи». «Отець же твой»,—продолжалъ Феодоритъ.—«великій Государь нашъ, преосвященный Филареть, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, по своей къ Богу великой вѣре и правде, отъ таковаго злаго плененія и скорбей и бѣдъ векоре свободенъ будетъ; а милость и благословеніе его Великаго Государя на тебѣ великомъ Государе, единокровнемъ сыне его, ныне и всегда есть и будетъ. А еже глаголени, яко толикъ подвигъ мы воздвигохомъ, новѣмы же ти истинну, глаголя: не мы сей подвигъ сотворихомъ, якоже глаголени. Но пречистая Богородица съ великими чудотворцы подлюби тебе, и святую колю Сына своего и Бога нашего, изволи исполнити на тебѣ Государе нашемъ. Тѣмъ же, Государь, устыдися пришествія честнаго Ея образа: послунай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великие чудотворцы, и не буди противель воли Божіи, повинися святой

Буде Катипоса

История

Историческое описание
всех городов, находящихся в
Империале, в том числе и
восточных, и западных, по
всей Азии, Европе и Африке,
с описанием их жителей, обы-
чая, языка, религии, и прочего,
составлено по сведениям
Устада Ибрагима - турецкого
переводчика, и с помощью
испытанного переводчика.

воле Его безо всякаго размышленія: Богъ творитъ, еликожь хошетъ, и стронть вся благая Своимъ святымъ хотѣніемъ и волею; якоже Пророкъ рече, еще не Госнодь созиждеть домъ, всеу трудятся зиждущи; надѣющейся на Госнода, яко гора Сионъ, не подвижетца во вѣки».

Безмолвно, въ сильномъ душевномъ бореніи, весь въ слезахъ и рыданіяхъ приблизился юный царь къ своей матери и склонился къ ней. Послы и всенародное множество пали на колѣни и, землю кланяясь, продолжали умолять Михаила Θεодоровича и Марюу Ивановну. Слышались громкія восклицанія: «О великая Государыня, старица инока Марѳа Ивановна! умилися надъ остаткомъ роду Христіанскаго, милосердуй о насъ, пощади, великая и христілюбивая старица, пощади!»

Все громче и громче раздавались вопли рыдающаго народа. Заклинали не презрѣть пришедшихъ въ обитель «чудотворныхъ иконъ», кричали: «положите на милость, не оставте насъ сырыхъ и безгосударныхъ».

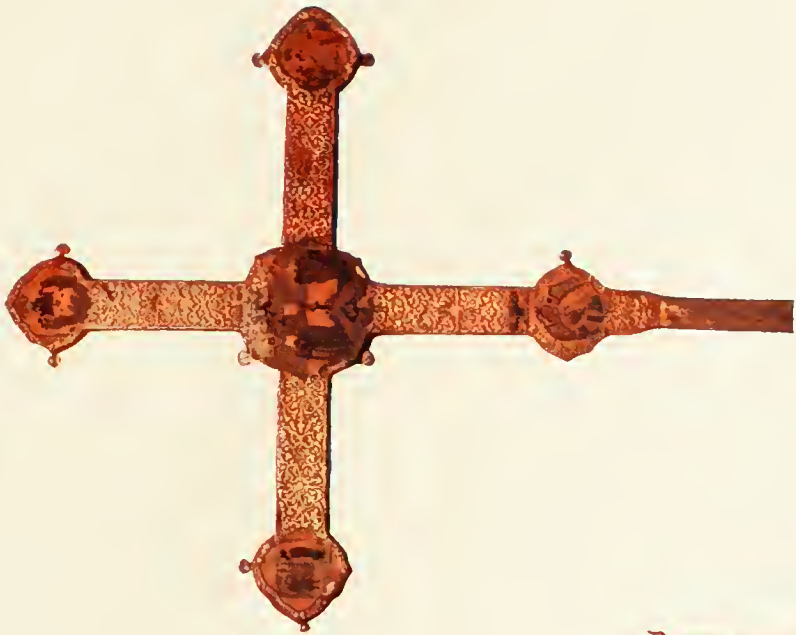
Старица инока Марѳа Ивановна поколебалась въ своей твердости, но скоро оправилась. Съ умиленнымъ сердцемъ сказала она посламъ: «прошеніе ваше выше нашей мѣры; на такую высоту Царствія, и на престолъ таковаго великаго преславнаго Государства просите у меня сына моего единороднаго, свѣта очию моею Михаила Θεодоровича, и у меня на то мысли никакъ нѣтъ; а у сына моего Михаила потомужь никакъ мысли и хотѣнья на то нѣтъ же; свидѣтель и сердца нашей зреть Богъ; а будетъ на то святая Его воля будетъ, якоже гое Господеви, тако и буди, вои бо Его никто же можетъ противитися; а безъ вышняго и всемогущаго Госнода Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и сѣтованья, утѣшеніе ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно».

Народъ, собравшійся у обители вмѣстѣ съ великими послами, удвоилъ слезы и моленія. Михаилъ Θεодоровичъ былъ потрясенъ до глубины души. «Престаните отъ таковаго начинанія»,—сказалъ онъ, громко рыдая,—и возлагаете на меня такое великое бремя, Царскій превысочайшій престолъ, выше моей мѣры; имте ми вѣры, видѣвъ толікій вашъ многотрудный подвигъ, скорбно душею и болѣзную сердцемъ, а прошеніе ваше совершитися не можетъ». Затѣмъ сослался юный народный избранникъ на свою крайнюю молодость, на трудное положеніе государства, угрожаемаго врагами и потрясеннаго и разореннаго смутой. «А служилые и всякіе люди въ бѣдности»,—заклучилъ изнობленный народомъ Государь,—«а дати имъ будетъ ничего: и то имъ веѣмъ ставить отъ насъ не въ милость».

Тогда архіерейскоу, бояре и всенародное множество пришли въ отчаяніе. Они прибѣгли къ послѣдному доводу. «Сия ли угодна Вамъ тебѣ великой старице иноке Марѣ Ивановне, и сыну твоему, Государю нашему, Михайлу Федоровичю», — плакали неутѣшныя послы, — «что насъ бѣдныхъ не пощадити и сырыхъ оставити». Послы прибавляли, что безгосударная Русь станетъ добычей вѣнскихъ и внутреннихъ враговъ, что опять наступитъ междоусобіе и прольется невинная кровь. И на кого падеть вина такой конечной гибели родной земли? На это слѣдовала отвѣтъ: «И того всего взыщетъ Богъ въ день страшнаго и праведнаго суда на васъ, на тебѣ великой старице иноке Марѣ Ивановне и на сыне твоемъ, на тебѣ великомъ государе нашемъ Михаиле Федоровиче, а у насъ о томъ у всѣхъ всего великаго Россійскаго Царствія, всѣхъ городовъ, отъ мала и до велика, крѣпкой и единомышленной совѣтъ положенъ и крестнымъ целованьемъ утверждень: что мимо сына твоего, Государя нашего Михаила Феодоровича, на Московское Государство Государемъ иного Государя никого не хотѣти и не мыслити о томъ».

Зная, съ какимъ трудомъ было достигнуто единодушіе на соборѣ, какъ народная масса радовалась тому, что «безгосударное» время прекратилось и что избранъ государь изъ любимой боярской семьи, ближайшей по родству къ угасшей династїи, поймемъ отчаяніе пословъ и сопровождавшаго ихъ народа.

Такое «неиреможное моленіе» сложило, наконецъ, твердость духа великой старицы. Она «царское свое сердце на милость преложи, слезныя источники со многимъ умиленьемъ испущая», изъявила свое согласіе благословить сына на царство, разъ такова воля Божія. Выразивъ потомъ свое горячее желанье, чтобъ «святая бѣ наша и непорочная истинная крестьянская вѣра сияла на вселенной, якоже подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, а крестьянство бы было въ тишинѣ и въ покое», великая инока Марѣа обратилась къ посламъ, какъ представителямъ всей земли съ увѣщаніемъ, напоминая имъ, чтобъ они «своему Богомъ избранному Государю Михайлу Федоровичю служили и прямили во всемъ безо всякаго позыбанья; а къ ворами ни хъ какимъ не приставали, и воровства никакого не заводили, и изъ иныхъ государствъ на Московское государство иныхъ Государей и Маршкы съ сыномъ не обирали, и имъ не въ чемъ не доброхотали, и съ ними ни о чемъ не ссылалися, по своему вольному крестному целованью, чтобъ и достала наша истинная православ-

ная Крестьянская вѣра отъ иповѣрцовъ въ попраиіи. а Московское Государство въ конечномъ разореніи не было».

Съ грустью слушалъ юный Михаилъ Θεодоровичъ слова своей любимой матери. Онъ понималъ тяжесть великой отвѣтственности, какая на него возлагалась. «Всевидящее и сердца человѣческаго зритель Богъ свидѣтель на мя, да и ты моя великая Государыня»,—говорилъ глубоко-опечаленный царь,—«что въ мысли моей о томъ итъ и на разумъ мой не взыде; язъ всегда при тебѣ хочу быти, и святое и пресвѣтлое равно-ангельское жилище твое зрѣти.»

Тутъ глазамъ присутствующихъ представилось трогательное зрѣлище: «Великая же Государыня, старица инока Марфа Ивановна, во мнѣземъ душевномъ умиленіи и тихости сына своего.... со утѣшеніемъ увещевала». Долго бесѣдовала мать съ своимъ царственнымъ сыномъ и, наконецъ, убѣдила его не противиться волѣ Божіей и принять тяготы высшей власти.

Юный царь обратился къ великому посольству и прочимъ бывшимъ въ соборѣ людямъ и выразилъ свое согласіе на ихъ мольбы. Полный вѣры въ Промыслъ Божій, онъ такъ заявилъ о своемъ рѣшеніи: «Аще на то будетъ воля Божія, буди тако!»

Невыразимая радость охватила присутствующихъ: излюбленный народомъ царь, желаемый всеми русскими людьми ¹⁴⁾, согласился исполнить просьбы народа и возложилъ на себя бремя царственного служенія. Восторженно ликовала 14 марта Кострома, а скоро и вся Русь изъ донесенія пословъ и изъ сообщеній въ разные города узнала о днѣ великаго народнаго торжества. Русскій народъ изстари былъ глубоко монархическимъ, а бѣдствія «разрухи» и междуцарствія еще болѣе укрѣпили его въ идеѣ, что «безъ государя ни на малое время быть не мочно». И вотъ снова есть государь на Руси и государь свой, русскій, племянникъ благочестиваго, набожнѣйшаго царя Θεодора Ивановича, молодой, ласковый, набожный Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ, отрасль любимѣйшаго «изъ великихъ родовъ». Радостно благословилъ на царство архіепископъ Θεодоритъ народнаго избранника и вручилъ ему «царскій посохъ» ¹⁵⁾. Благословилъ затѣмъ рязанскій архіепископъ великую инокиню Марѳу, и началось благодарственное богослуженіе. Послѣ него царь Михаилъ Θεодоровичъ и мать его слушали челобитые пословъ о незамедлительномъ «подвигѣ» ихъ въ Москвѣ. Съ восторгомъ вняло великое посольство милостивому отвѣту, что «походъ ихъ Государской для ихъ моленія къ Москвѣ будетъ вскорѣ».

Такимъ образомъ съ 14-го марта 1613 года верховная власть перешла къ нынѣ Царствующему Дому. Это событіе предѣлено было 7 февраля 1613 года, съ 21 февраля этого года, со дня торжественнаго провозглашенія Михаила Ѳеодоровича, государя этого титулуютъ во всѣхъ официальныхъ документахъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руси. Съ 14 же марта начинается правленіе перваго царя изъ Дома Романовыхъ.

IV.

Въ связи съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича ставится перѣдко одинъ интересный вопросъ. Мы разумѣемъ извѣстія объ ограниченіяхъ царской власти, подъ условіемъ принятія которыхъ былъ избранъ будто-бы на престолъ первый изъ Дома Романовыхъ. Этимъ извѣстіемъ принято было довѣрять безъ особой проверки ихъ до изслѣдованія А. П. Маркевича. Последний попытка критически разобратся въ нихъ, многія изъ нихъ заподозрилъ и въ конечномъ итогѣ пришелъ къ такимъ заключеніямъ: 1) «во время выбора Михаила Ѳеодоровича Романова тоже составлены были условія, которыя были ему сообщены, по всей вѣроятности, въ видѣ записи, имѣвшей исключительно канцелярское значеніе», 2) «нѣкоторые пункты этой записи, и въ томъ числѣ относящійся къ суду, представляютъ повтореніе обѣщаній, данныхъ царемъ Василиемъ, иныя же объясняются тогдашнимъ положеніемъ фамиліи Романовыхъ, но условія не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, чего бы не было въ прежнихъ обычаяхъ, и никомъ образомъ не могутъ быть поняты, какъ желаніе ограничить власть царя. Царь Михаилъ, вѣроятно, обѣщавъ исполнить то, о чемъ его просили, но записи не подписывалъ и креста на соблюденіе записи не дѣловалъ; это было въ то время не за обычай, и у него этого и не требовали», 3) «исполненіе обѣщаннаго было вполнѣ дѣломъ доброй воли царя, что понимали и бояре, составляя условія», 4) «хотя и есть основаніе полагать, что царь Михаилъ вообще исполнялъ обѣщанное, но въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ могъ считать это почему-либо неудобнымъ и отступать отъ него. Поэтому нѣтъ причины искать опредѣленнаго момента прекращенія дѣйствія его обѣщаній: такого момента никогда и не было»¹⁶⁾.

Мы видимъ, что въ результатѣ изысканій А. П. Маркевича «ограничительная записка вовсе не являлась ограниченіемъ царской власти». Еще далѣе, чѣмъ его предшественникъ, пошелъ С. Ѳ. Платоновъ въ

статьѣ «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ». Названный изслѣдователь съ обычнымъ своимъ мастерствомъ обратился къ анализу источниковъ и извѣстій «объ ограничительной записи» царя Михаила. Онъ раздѣлилъ все источники на двѣ группы: иностранные источники и русскіе. Сведя первую группу къ нѣкоторому единству, профессоръ Платоновъ объяснилъ намъ всю ея ничтожность и неприемлемость. Затѣмъ изслѣдователь проанализировалъ показанія Псковской Лѣтописи и Котлинскихъ и выяснилъ намъ заключающіяся въ нихъ противорѣчія, неясности и запутанности. Въ результатѣ С. О. Платоновъ неопровержимо показалъ, что и русскіе источники не имѣютъ въ данномъ случаѣ большей цѣнности, чѣмъ ихъ иностранные собратья.

Послѣ этого авторъ интересующей насъ статьи изучилъ условія избранія и первыхъ лѣтъ правленія царя Михаила Ѳеодоровича. При этомъ выяснилось, что боярство, разбитое и униженное въ Смуту, не могло повліять на выборъ царя, а слѣдовательно и думать о какихъ-бы то ни было условіяхъ его избранія. Далѣе, земскій соборъ, дѣйствуя въ полномъ единеніи съ своимъ избраннымъ государемъ, также не имѣлъ надобности и желанія ограничивать его власть. И правительство первыхъ временъ царствования Михаила Ѳеодоровича влѣдствіе нестроты своего состава было не въ состояніи формально ограничить власть государя. Поэтому профессоръ Платоновъ не вѣритъ существованію «ограничительной записи» или обѣщаній царя Михаила Ѳеодоровича¹⁷⁾. Во всякомъ случаѣ авторъ «Очерковъ по исторіи Смуты» продолжаетъ думать, что эти «обѣщанія», «вѣроятно, были столь же мало юридически обязательны, какъ и обѣщанія царя Василия».

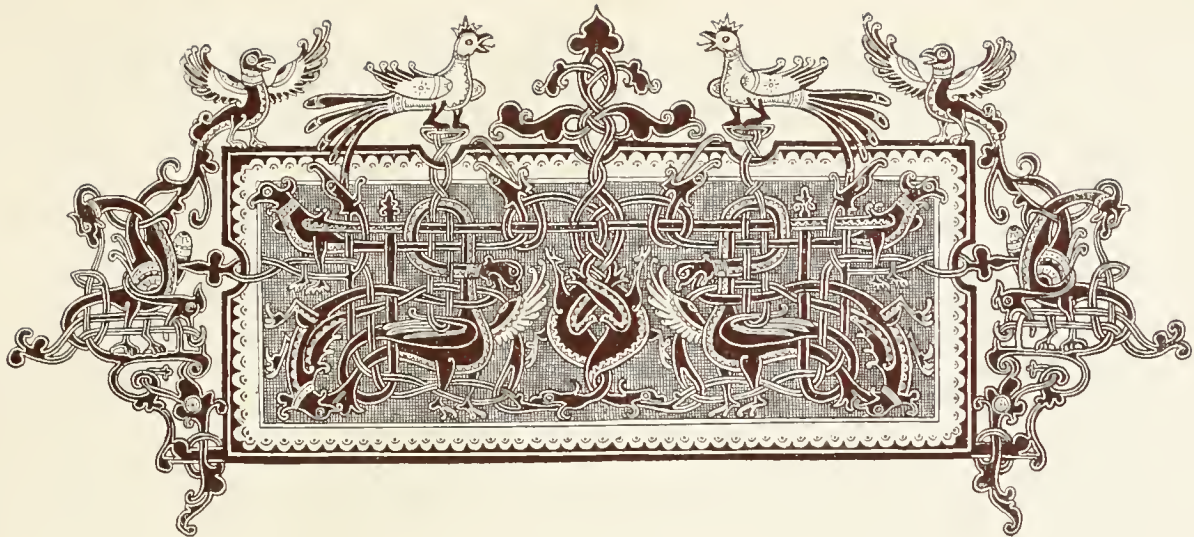
Мы вполне присоединяемся къ мнѣніямъ и наблюденіямъ профессора Платонова. Съ своей стороны думаемъ, что и рѣши быть не могло о какихъ бы то ни было обѣщаніяхъ царя Михаила Ѳеодоровича¹⁸⁾. Мы видимъ, какъ долго и настойчиво отказывался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отъ принятія царской власти. Нельзя думать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ соблюденіемъ обычая или политической игрой. Конечно, обычай заставлялъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отказываться отъ высокаго сана и чести. Конечно, выгодно было бы укрѣпить свое положеніе путемъ настойчивыхъ отказовъ отъ власти. Но выставленные царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и его матерью причины, дѣйствительно, должны были заставить призадуматься всякаго человѣка, а не только неопытнаго юношу и удрученную многими несчастіями великую старцу Марю. Такимъ

образомъ о какихъ бы то ни было «ограниченіяхъ» при избраніи или «прошеніи» на царство никто не могъ и помыслить. А въ позднѣйшее время дать подобныя «объщанія» царю Михаилу навѣрное, отсчитывали бы тѣ лица, которыя получили особое вліяніе при молодомъ государѣ и которымъ было бы невыгодно какое-бы то ни было ограниченіе его власти.

Говоря объ «объщаніяхъ» царя Михаила, всегда проводятъ аналогію между его избраніемъ и воцареніемъ Шуйскаго, или выборомъ Владислава. Но нельзя проводить такихъ аналогій. Шуйскій самъ «сучинился на царство» и искалъ поддержки въ боярахъ. Но и то, какъ выяснилъ С. О. Платоновъ въ своихъ «Очеркахъ», онъ не пошелъ дальше милостиваго манифеста о справедливомъ судѣ. Владиславъ былъ чужеземцемъ. Отъ него надо было оградить Русь. И это сдѣлали въ договорахъ 4 февраля и 17-го августа 1610 года. Михаилъ Θεодоровичъ былъ своимъ, русскимъ, излюбленнымъ народною массою царемъ. Народъ ему вѣрилъ и ввѣрялъ своему избраннику власть надъ собой безъ договора и «условіи».

При полномъ народномъ довѣрїи и искренней радости воцарился Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ надъ Русскою землею, которую много лѣтъ защищали и возвеличивали вѣрною службой ея государямъ его предки бояре Романовы-Юрьевы-Захарьины-Колыкины.

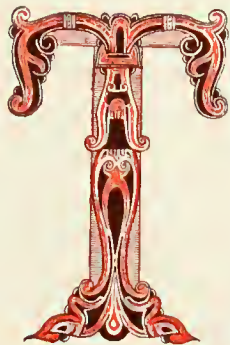

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вѣнчаніе на царство перваго царя изъ Дома Романовыхъ.

I.

ТОРЖЕСТВЕННО провозгласивъ 21 февраля 1613 года Михаила Феодоровича царемъ вся Русіи, земскій избирательный соборъ не сложилъ съ себя полномочій. Онъ продолжалъ править землей: сталъ приводить города къ присягѣ избранному государю, отправилъ къ нему великое посольство «прошати» Михаила Феодоровича на царство и занимался текущими государственными дѣлами. Однимъ изъ важныхъ распоряженій собора надо счесть посылку къ королю польскому Сигизмунду гоццомъ «Коширянина» дворянина Дениса Аладына, съ грамотой относительно размѣна плѣнныхъ. Мы знаемъ, какъ великіе послы говорили «по наказу» о томъ, что «въ Литву» уже отправлено отъ имени собора предложеніе отпустить изъ плѣна митрополита Филарета въ обмѣнъ на плѣнныхъ въ Москвѣ поляковъ, самымъ виднымъ изъ которыхъ былъ панъ Струсь. И соборъ, дѣйствительно, подумалъ объ освобожденіи государева отца. Съ этой цѣлью и былъ имъ посланъ въ Польшу Аладинъ ¹⁾.

Русскій гонецъ выѣхалъ изъ Москвы 10-го марта. Въ грамотѣ, повезенной имъ королю, заключалось дѣлое обвиненіе Сигизмунда и его совѣтниковъ въ рядѣ неправдъ, почему русскіе люди и отказались отъ признанія царемъ королевича Владислава. Указывалъ соборъ и на грубое нарушеніе королемъ международныхъ обычаевъ и задержку великихъ пословъ. Разсказавъ затѣмъ объ очищеніи столицы русскаго государства отъ поляковъ и объ единодушій русскихъ людей, соборъ съ умысломъ умалчивалъ о состоявшемся выборѣ на царство Михаила Ѳеодоровича. Цѣль такого умолчанія ясна—надо было добиться скорѣйшаго согласія на освобожденіе государева отца. Грамота и предлагала Сигизмунду размѣнъ плѣнныхъ: во-первыхъ, членовъ великаго посольства съ Филаретомъ и Голицынымъ во главѣ, а во-вторыхъ, смоленскихъ сидѣльцевъ и ихъ семей: Шенна и многихъ другихъ.

Соборъ предлагалъ на время размѣна плѣнныхъ заключить перемиріе между Русью и Рѣчью Посполитою. Велѣдъ же Аладынымъ въ Варшаву было послано и письмо злосчастнаго Струся. Этотъ, несомнѣнно храбрый и способный военачальникъ, съ жаромъ умолялъ короля: «смилуйся твоя королевская милость, да выми насъ отсѣль изъ вѣзенья, попомни нашу вѣрную службу». Струсь оправдывался въ сдачѣ Кремля: «не нами то дѣлалось; да плѣнъ не непріятели насъ звоевали, лише голодъ неслыханный да страшливой, который у насъ силу нашу отнялъ, да одна насъ живыхъ въ руки отдала непріятельвы: десять недѣль мы ровню ждали отъ Господа Бога и отъ братьи нашей смилванья, а дождаться не могли», «не будетъ милосердыя твоего Королевской милости, наша нашего милостиваго, и намъ несть погибель будеть!», — восклицалъ несчастный русскій плѣнникъ ²⁾.

Аладынь пріѣхалъ въ Варшаву и получилъ 8-го іюля 1613 года отъ имени Сигизмунда отвѣтную грамоту для собора. Въ этой грамотѣ король высококомѣрно выговаривалъ собору за его «гордость» и непригожія рѣчи, однако, слагалъ вину въ неудачѣ посольства на самихъ пословъ, будто бы измѣнившихъ своему дѣлу, соглашался на размѣнъ плѣнныхъ ³⁾. Но онъ не состоялся до 1619 года. Тѣмъ не менѣе нашъ гонецъ воротился благополучно домой, гдѣ «Государь Дениса пожаловалъ, даде ему вотчину» ⁴⁾.

Посылка Аладына была однимъ изъ послѣднихъ совершенно самостоятельныхъ распоряженій собора. Отправивъ великое посольство «пронати» на царство Михаила Ѳеодоровича и выдѣлавъ въ него значительную

часть своихъ членовъ, соборъ начинаетъ посылать отписки на имя избраннаго землей государя еще до 14-го марта 1613 года. А 24-го числа этого же мѣсяца въ Москву пришла радостная вѣсть о томъ, что царь Михаилъ Θεодоровичъ «пожаловалъ, прошеніе принялъ, и государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи на Владимирскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ государствахъ Російскаго царствія за многимъ молениемъ и челобитьемъ учинился въ царскомъ нареченіи»⁵⁾). Съ этого дня соборъ все время находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ и своими великими послами, пока не уступаетъ мѣста обычному правящему кругу и учрежденію: «бояромъ», во главѣ которыхъ становится старѣйшій по отчеству бояринъ князь Феодоръ Ивановичъ Мстиславскій⁶⁾). Къ этому времени многіе изъ членовъ собора, особенно служилые люди, переѣзжаютъ къ государю⁷⁾). Но соборъ остается въ Москвѣ, и къ нему иногда обращаются въ важныхъ случаяхъ⁸⁾). Менѣе замѣтны становятся воеводы подмосковныхъ ратей, очищавшихъ Москву, но и они, повидимому, играютъ еще нѣкоторую роль въ правительственномъ механизмѣ въ это переходное время⁹⁾).

Всѣ названные нами лица и учрежденія съ 14-го марта 1613 года являются лишь исполнителями и совѣтниками вѣдѣній царской власти. Къ царю Михаилу Θεодоровичу обращаются теперь всѣ съ челобитьями, просьбами, жалобами—онъ дѣлаетъ распоряженія и издаетъ указы. До 23-го марта 1613 года онъ дѣйствуетъ черезъ великихъ пословъ. По крайшей мѣрѣ мы имѣемъ просьбу ихъ отъ 17-го марта, въ которой они напоминаютъ митрополиту Кириллу съ освященнымъ соборомъ и боярину князю Феодору Ивановичу Мстиславскому «съ товарищи» о скорѣйшей присылкѣ подлиннаго боярскаго списка и государевой печати. О присылкѣ какъ списка, такъ и «печати» послы писали «многикжды» въ Москву, а между тѣмъ «у насъ, госнода»,—напоминаетъ Феодоритъ и Шерметевъ за себя и своихъ товарищей, — «за государевой печатью многіе государевы грамоты стали»¹⁰⁾). Великое посольство, находясь при государѣ долгое время послѣ «нареченія» его, не теряетъ своего значенія. Оно является въ иныхъ случаяхъ посредствующимъ звеномъ между государемъ и соборомъ до самаго приѣзда молодого царя въ столицу¹¹⁾). Но съ 23-го марта царь Михаилъ Θεодоровичъ, переѣхавшій 21 марта въ Ярославль, прожившій здѣсь до 16-го апрѣля¹²⁾), а затѣмъ медленно подвигавшійся къ Москвѣ, чаще всего дѣйствуетъ путемъ непосредственныхъ указовъ и распоряженій. Въ этотъ именно день государь отправилъ

въ Москву извѣстительную грамоту о своемъ согласіи принять народное избраніе и о томъ, что онъ «учинился» государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси, послѣ того, какъ «положился» на волю Божию и на вѣрность русскихъ людей. Мать царя Михаила Феодоровича особой грамотой извѣстила соборъ о томъ, что она «благословила» сына своего на царство. Обѣ грамоты оканчивались обѣщаніемъ скоро прибыть къ Москву ¹³).

Не знаемъ точно, кто явился совѣтникомъ юнаго царя на первыхъ порахъ его дѣятельности. Извѣстно только, что первое мѣсто при Михаилѣ Феодоровичѣ скоро заняли его родственники, братья Салтыковы: Борисъ и Михаилъ Михайловичи ¹⁴). Близокъ къ царю былъ и великій посолъ, бояринъ Ѡ. П. Шереметевъ ¹⁵).

Во всякомъ случаѣ царь Михаилъ Феодоровичъ сразу усвоилъ себѣ властный и независимый тонъ, какъ по отношению къ собору, такъ и съ правившими Москвой боярами, «Феодоромъ Мстиславскимъ съ товарищи». Это объясняется положеніемъ государя, излюбленнаго всею землей ¹⁶). «Подвигъ» свой къ Москвѣ царь Михаилъ Феодоровичъ совершалъ очень медленно и имѣлъ на это основательныя причины. Конечно, ему мѣшало дурное состояніе дорогъ. Царю съ его «поѣздомъ» нужно было по крайней мѣрѣ дней 8-мъ, чтобы отъ Ярославля достигнуть Москвы ¹⁷). Но Михаилъ Феодоровичъ замедлил приходомъ въ столицу до 2-го мая. Это объясняется не одними только трудностями пути. Надобно было привести въ приличный видъ Московскій дворецъ, въ которомъ могъ бы имѣть свое пребываніе русскій государь. Московское разореніе сказывалось на каждомъ шагѣ, и царскія палаты раздѣляли участь многихъ другихъ зданій. И для матери царя, шюки Марѣи, надо было озаботиться ремонтомъ и устройствомъ подобающаго помѣщенія ¹⁸).

Но главную заботу, безпокойство и огорченіе молодому государю причиняли «атаманы и казаки». Не говоря уже о воровскихъ шайкахъ Заруцкаго и иныхъ подобныхъ вождей, и тѣ казаки, которые считались вѣрными государству «служилыми» людьми доставляли много хлопотъ высшему правительству. Сначала они докучали ему своими безпрестанными челобитьями о жалованьи и кормѣ. И правительство старалось всемѣрно удовлетворить ходатайства «атамановъ и казаковъ» ¹⁹). Но послѣдніе привыкли къ безначалю и своеволю во время Смуты и «разрухи». Они не удовольствовались «жалованьемъ и кормомъ», а принялись за воровство и грабежи подъ самой Москвой ²⁰). Это опечалило и

возмутило царя и его мать, великую старицу иноку Марю. Великимъ посламъ пришлось во время пребыванія царя въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ выслушать гнѣвные рѣчи своего государя и передать ихъ земскому собору ²¹⁾.

26 апрѣля Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его «государыня великая старица инока Марѳа Ивановна призванн» къ себѣ митрополита казанскаго Ефрема, присоединившагося въ то время къ царскому «походу» ²²⁾, и все великое посольство и «на соборѣ говорили съ великимъ гнѣвомъ и со слезами, жалѣючи о православныхъ крестьянахъ, что грабежи и убивства на Москвѣ, и по городамъ, и по дорогамъ встали воры великіе, и православнымъ крестьянамъ, своей единокровной братьѣ, чинять нестерпимые смертные муки и убивства, и кровь крестьянскую льютъ безпрестани». Государь напомнилъ земскимъ людямъ, что онъ согласился принять народное избраніе подъ условіемъ, что все люди Московскаго государства будутъ ему «служить и прямить», и «другу друга любить, и крови крестьянскіе межусобные не вчинять, а быти всемъ въ любви и въ соединеньи». Между тѣмъ «на Москвѣ и по городамъ и по дорогамъ грабежи и убивства, . . . православныхъ крестьянъ бьютъ и грабютъ, позабывъ свое волюе крестное цѣлованье, и дороги все затворили гонцомъ къ Москвѣ изъ городовъ, и съ Москвы въ городашкового служивыхъ и торговыхъ людей съ товары и инъ съ какими запасы не пропускаютъ». Поэтому молодой царь «къ Москвѣ на своей царскій престолъ, отъ живоначальные Троицы изъ Сергіева монастыря идти не хочетъ, только всего Московскаго Государства всехъ чиновъ люди въ соединенье не придутъ, и кровь крестьянская литися не перестанетъ». Отъ всехъ неурядицъ, грабежей и насиій по дорогамъ, государь и его мать «учинилися въ великомъ сумнѣньи» и бросили въ лицо посольства горькій упрекъ: «вы де намъ били челомъ и говорили, что Московскаго Государства люди все пришли въ човство, и отъ воровства отстали, и вы де намъ били челомъ и говорили ложно, . . . что всякіе люди перестали отъ всякаго дурна» . . . ²³⁾.

Земскіе послы, «слыша такія слова отъ Государя и опаму, стали въ великой скорби» и отправили къ земскому собору отписку, въ которой совѣтовали принять самыя строгія мѣры противъ «воровства»: грабежей и убійствъ и прислать къ царю грамоту съ просьбой ускорить приѣздъ «на свой царскій престолъ» въ Москву. «А мы господа,—писали Ѳеодоритъ и Шереметевъ отъ лица всего посольства,—«Государю царю

и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси и матери его, государыни великой старице царице Марфе Ивановне бьемъ челомъ безпрестанно, чтобъ Государь милость показалъ, шелъ на свой царскій престолъ къ Москвѣ». Эту отписку въ виду ея важности повезли въ Москву чудовскій и новоспасскій архимандриты, стольникъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ и многіе другіе члены великаго посольства «изъ всѣхъ чиновъ всякихъ людей»²⁴).

Отправка этой депутаціи отъ посольства состоялась 28-го апрѣля²⁵), а на другой день земскому собору была послана и царская грамота. Въ ней государь писалъ: «при своемъ государствѣ слышимъ на Москвѣ и подъ Москвою по дорогамъ воровство, грабежи и убійства великіе не престануть, и за чѣмъ къ Москвѣ никто изъ городовъ ни съ чѣмъ не ѣдутъ, и о томъ мать наша, великая старица царица Марфа Ивановна, и мы конечно и вседушно скорбимъ, и за тѣмъ къ Москвѣ идти не хотимъ». Такія рѣчи, по собственнымъ словамъ царя, онъ говорилъ великому посольству, и только просьбы послѣдняго нѣсколько смягчили разгнѣваннаго и опечаленнаго государя. Онъ указывалъ земскому собору на необходимость принятія строгихъ мѣръ противъ воровства и на то, чтобъ «ни кому бы за тѣхъ воровъ не стоять»²⁶).

Гнѣвъ государя возымѣлъ важныя послѣдствія, такъ какъ были, наконецъ, приняты дѣйствительныя мѣры противъ «воровства». Земскій соборъ очень встревожился, получивъ вѣсти объ неудовольствіи и «великомъ сумнѣнии» государя и его матери, и сталъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ выслалъ нѣсколько «посылокъ» изъ Москвы съ цѣлью поимки «воровъ», расписалъ въ столицѣ «обязанъ головъ», и велѣлъ «заказъ крѣпкой учинить, чтобъ «на Москвѣ» «во всѣхъ слободахъ и въ казачьихъ таборахъ» «одиночно воровства и корчемъ не было ниѣдъ». «Атаманы и казаки», оставшіеся вѣрными правительству, «межь себя шибѣ, для большаго укрѣпленія велѣли дву атаманомъ у одного атамана черезъ день, его станицы казаковъ смотрѣть и котораго вора сыщутъ, никакъ его не потаятъ»²⁷).

Постаравшись обуздать такимъ образомъ своеволие казачьихъ массъ²⁸), соборъ не замедлилъ отправкой Государю торжественной депутаціи отъ своего имени. Въ составъ ея вошли архіепископъ суздальскій Герасимъ, бояре князь Иванъ Михайл. Воротынский, Василій Петровичъ Морозовъ, околицкій князь Данило Пв. Мезеркой²⁹), дьякъ Андрей Ивановъ, служилые и «всякихъ чиновъ» люди. «Прѣхавъ ко Государю на станъ», депутація

должна была «свидитися» съ митрополитомъ Ефремомъ» и съ тѣмъ... «которые на передъ сего посыланы къ Государю въ челобитчекѣхъ» и «бити челомъ» царю Михаилу Θεодоровичу и его матери, чтобъ ошъ государь умиосердился надо всеми православными крестьяны, шелъ бы государь на свой царскій престолъ къ Москвѣ и походомъ бы своимъ не замѣнкалъ, и Московскаго государства всякихъ людей приходомъ своимъ учинилъ радостныхъ ³⁰⁾. Съ просьбами «бить челомъ» государю соборъ обратился также къ митрополиту Ефрему и своимъ великимъ посламъ, Θεодориту и Шереметеву «съ товарищи» ³¹⁾.

Съ дѣломъ отиравки къ царю новаго посольства очень сиѣшили: дяку было поручено, написавъ наказъ и «грамоту противъ наказу отнустить сейчасъ, не выходя изъ избы» ³²⁾.

Архіепископъ Герасимъ и князь Воротынскій «съ товарищи» застали государя «на стану въ Братошнѣхъ», гдѣ и были приняты въ тотъ же день, 1-го мая. Царь Михаилъ Θεодоровичъ объявилъ имъ, что «Государь на свой царскій престолъ къ Москвѣ идетъ, «а будетъ на послѣдній станъ отъ Москвы, въ Топинское, мая въ 1 день, а къ Москвѣ . . . мая во 2 день» ³³⁾.

И дѣйствительно, 2-го мая, въ весенній воскресный день многочисленныя толпы ликующаго народа имѣли счастье видѣть въѣздъ въ столицу излюбленнаго всеей землей государя. Слѣдуя благочестивому обычаю и влеченію набожнаго сердца, царь Михаилъ Θεодоровичъ поклонился Московскимъ святынямъ, отслушалъ благодарственный молебенъ и «возведенъ быеть въ царскій его домъ» ³⁴⁾.

Понятны были чувства, волновавшія москвичей, да и остальныхъ русскихъ людей, 2-го мая 1613 года. Къ глубокой радости народа порядокъ явно торжествовалъ надъ смутой и правильная жизнь государства несомнѣнно налаживалась прочнѣе и крѣпче.

II.

Послѣ торжественнаго въѣзда царя въ Москву рѣшено было озаботиться составленіемъ грамоты объ избраніи Михаила Θεодоровича «на превысочайшій престолъ Россійскаго царствія». По изготавленіи грамоты въ теченіе многихъ мѣсяцевъ собиранись подъ ней подниси «властей», «сниклита» ³⁵⁾ и выборныхъ изъ городовъ ³⁶⁾.

Въ то же время земскій соборъ, исполняя желаніе народа, обратился къ царю съ усиленной и единодушной просьбой о скорѣйшемъ въѣчаніи

на царство. «И приидоша ко государю всею землею», — повѣствуетъ Новый Летоисецъ, — «со слезами бити челомъ, чтобы Государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцемъ». Молодой государь назначилъ днемъ своего вѣнчанія на царство воскресенье 11-го іюля 1613 года, канунъ дня своего Ангела. При этомъ, чтобы не омрачать величайшаго торжества Русской земли мѣстническими счетами, Царь Михаилъ Феодоровичъ указалъ «для своего царскаго вѣнца, во всякихъ чинѣхъ быть безъ мѣстъ»³⁷⁾.

Въ день своего вѣнчанья государь пожаловалъ саномъ боярства своего родственника князя Ивана Борисовича Черкаскаго и славнаго вождя нижегородскаго ополченія, стольника Дмитрія Михайловича Пожарскаго³⁸⁾. А затѣмъ въ день своего Ангела, 12-го іюля 1613 года, «пожаловалъ государь въ думные дворяне Кузму Минина»³⁹⁾. Зная московскіе порядки и обычаи, не можемъ не согласиться съ покойнымъ П. Е. Забѣлинымъ, что награды, данныя Пожарскому и Минину, были чрезвычайными въ соответствіи съ необычайными заслугами знаменитыхъ нижегородскихъ вождей передъ государствомъ⁴⁰⁾.

Самое вѣнчаніе царя Михаила Феодоровича на царство происходило слѣдующимъ образомъ⁴¹⁾. Подъ наблюденіемъ казначея Пивкифора Вас. Траханиотова, «земскаго» Офонася Зиновьева и дьяковъ Хвитекаго и Шипова въ Успенскомъ соборѣ было устроено покрытое дорогимъ «черлевымъ сукномъ» царское мѣсто. На немъ были поставлены «Государю Царю и Великому Князю престолъ «персидской золотъ» и митрополиту Ефрему, совершавшему чинъ вѣнчанія, «стулъ». «Для царскаго чину» были устроены близъ царскихъ вратъ собора особый «налой». По полу собора въ мѣстахъ, во которыхъ долженъ былъ проходить царь, были «постланъ черчаты поставъ», поверхъ котораго передъ самымъ вѣнчаніемъ надлежало разослать «бархаты черчаты».

Наканунъ царскаго вѣнчанія отелужены были торжественныя всепошныя во всѣхъ московскихъ церквахъ. На другой день «во второмъ часу дня» состоялся выходъ государя изъ «Царскихъ постельныхъ хоромъ» въ Золотую палату, куда были призваны все бояре, «а воеводамъ и княжатамъ и всемъ своимъ чиновникамъ» Царь «велѣлъ бити передъ Золотою палатою въ сѣнехъ въ золотномъ парядномъ платьѣ».

Послѣ этого въ Успенскомъ Соборѣ собрались митрополиты, архіепископы «и весь освященный соборъ» и ожидали тамъ появленія «святаго животворящаго креста и свитыя бармы и скифетра и царскаго вѣнца»⁴²⁾. За царскимъ чиномъ были посланы «на казенный дворъ» бояринъ князь

Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, казначей Траханиотовъ и протопопъ съ 2-мя діаконами. Пршнесенный къ царю въ Золотую палату «царскій чинъ» съ торжественной церемоніей былъ перенесенъ въ Успенскій соборъ при перезвонѣ Кремлевскихъ колоколовъ. Въ перенесеніи его участвовали бояре Вас. П. Морозовъ и князь Дм. Мих. Пожарскій, казначей Траханиотовъ, дьяки Сыдавный Васильевъ и Алексѣй Шапиловъ. Въ соборѣ «Царскій санъ» встрѣтило высшее духовенство и возложило его на приготовленномъ «налоѣ». «А около налоя предстояли тѣ же посланные бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, да казначей Микифоръ Васильевичъ съ товарищи, и берегли со страхомъ и съ трепетомъ, чтобъ никто же отъ простыхъ людей прикоснулся того Царскаго сану и вѣща. А бояринъ Василій Петровичъ Царю и Великому Князю сказалъ, что уготовано все по его Царскому приказу».

Тогда состоялся выходъ Государя въ Успенскій Соборъ. Передъ царемъ шелъ бояринъ В. П. Морозовъ, а съ нимъ все окольничіи и 10-ть стольниковъ. За ними слѣдовалъ въ епитрахилѣ протопопъ и крошилъ царскій путь святой водой. Наконецъ, шелъ царь Михаилъ Θεодоровичъ, сопровождаемый боярами, и «прочими вельможами», за которыми шло «множество людей всякаго чину». По сторонамъ процессіи толпилось «всенародное многое множество православныхъ крестьянъ, имъ же нѣсть числа и все предстояли со страхомъ и съ великимъ вниманіемъ по своимъ мѣстамъ . . . и славилъ Бога и дивишася Царскому чудному происхожденію». Порядокъ оберегали стрѣлцкіе головы, сотники и стрѣльцы.

Государь прослѣдовалъ въ церковь и при нѣии многолѣтія «сходилъ молитися и знаменоватися ко святымъ икопамъ и къ великомъ чудотворцамъ», послѣ чего «прінде къ Митрополиту благословитися».

Тѣмъ временемъ окольничіи и стольники и «всякіе чиновники, ходя по всей церкви уставивали народы, чтобъ стояли со всякимъ молчаніемъ и кротостію и дѣломудріемъ и вниманіемъ». Царь отошелъ тогда къ патриаршему мѣсту, гдѣ и слушалъ торжественное молебствіе.

Послѣ молебна митрополитъ Ефремъ «со всеми властью» «прінде» къ Царю и Великому Князю «и возведе Царя и Великаго Князя на чертожное мѣсто». «И взомедъ, Царь и Великій Князь и Митрополитъ сѣдоша на своихъ мѣстахъ, а власти сѣли по своимъ мѣстамъ». Остальные присутствовавшіе стояли въ благоговѣйномъ молчаніи и «ожидали рѣчи Царя и Великаго Князя къ Митрополиту».

И вотъ, «посидѣвъ мало», царь всталъ и произнесъ, обращаясь къ митрополиту Ефрему рѣчь, въ которой вкратцѣ упомянулъ объ угасшей династїи и о смутномъ времени, наступившемъ послѣ того, какъ «за умноженіе грѣхъ нашихъ Великій Государь Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ всея Русїи безчадеиъ оставя земное Царство, отыде къ вѣчному блаженству». Затѣмъ царь Михаилъ Феодоровичъ перешелъ къ своему избранію на царскій престолъ. «А шлѣхъ всецѣльнаго въ Троицѣ Славимаго Бога нашею милостию и неизреченными его судьбами и по племени по дѣдѣ нашему, зваломъ достойнаго, по Великому праведному Государѣ Царѣ и Великому Князѣ Феодорѣ Ивановичѣ, всея Русїи Самодержцѣ, вы богомольцы наши Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и атаманы, и казаки, и гости, и всякіе служилые и жилецкіе люди всенародное множество всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго Царствїа, избрали на сей Царскїи престолъ на Россійское государство насъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Русїи Самодержца. И вы бѣ богомольцы наши»,—закончилъ Государь свою рѣчь,—«по Божїей милости и по данной благодати святаго Духа, а по вашему и всего Московскаго Государства великихъ чиновъ людей избранью, насъ Великаго Государя на тѣ наши великія Государства благословили и вѣчали Царскимъ вѣщдемъ и діадимомъ, по прежнему нашему Царскому чину достойно».

По окончанїи царской рѣчи митрополитъ Ефремъ далъ благословеніе государю и произнесъ отвѣтную рѣчь. Построенная также какъ и царская, но болѣе подробная рѣчь архіепископа Казанскаго отличалась отъ нея нѣкоторыми частностями, не лишеными интереса. Такъ, упомянувъ о Гришкѣ Отрешевѣ, митрополитъ остановился на помощи, оказанной ему королемъ Сигизмундомъ и радными панями; они даже явились подстрекателями злаго еретика Гришки. Говоря о царѣ Василїи Шуйскомъ, митрополитъ казанскїи отмѣтилъ «что Царь Василїи Ивановичъ по нашему челобитью, Государство оставилъ». Но съ особой подробностью разсказалъ митрополитъ Ефремъ о договорѣ съ Сигизмундомъ, великомъ посольствѣ, коварствѣ и вѣроломствѣ поляковъ ⁴³⁾, задержанїи великихъ пословъ, гибели въ Москвѣ «дерзосердаго страдальца» ⁴⁴⁾ Патріарха Гермогена, несчастьяхъ занятой врагами столицы и бѣдствїяхъ въ ней самого царя и его матери. Затѣмъ казанскїи владыка указалъ, что, «спидѣвъ се зло и неправду Якимонта Короля и разоренїе Московскому Государ-

ству», русскіе люди дружно стали противъ враговъ и очистили отъ нихъ Москву. «А пшнѣ всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, на насъ милость свою показалъ, подаровалъ намъ на великія Государства Россійскаго царствія, по племени дядѣ нашему, хваламъ достойнаго по Великому праведному Государѣ Царѣ и Великому Князѣ Ѳеодорѣ Івановичѣ, всея Русіи Самодержцѣ, тебя Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи Самодержца, Государя благочестива, и по православной Хрестыянскоі вѣрѣ поборателя». Затѣмъ митрополитъ Ефремъ отъ лица всего освященнаго собора заявилъ, что благославляетъ и вѣнчаетъ царя «по Божіей волѣ и по племени дяди» государева «и по избранію всѣхъ чиновъ людей всего» «Россійскаго Царствія», и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Превысочайшую же честь и вышехвальную славу Царствія вѣнецъ на главу свою воспріими, его же разыска отъ древнихъ лѣтъ Великій Государь Владиміръ Мономахъ, чтобъ намъ отъ васъ Великаго Государя отъ вашего Царскаго прекрасно цвѣтущаго корени пресвѣтлая и прекрасная вѣтвь процвѣла, въ надежу и въ наслѣдіе всѣмъ Великимъ Государствомъ Россійскаго Царствія».

За рѣчами царя и митрополита Ефрема послѣдовало царское вѣнчаніе, послѣ котораго духовенство, а за ними «бояре творили поклоненіе и поздравленіе Боговѣнчанному Царю и Великому Князю и вси люди».

«И потомъ»,—какъ сказано въ чинѣ вѣнчанія,—«поучи Митрополитъ Царя и Великаго Князя о полезномъ»¹⁵⁾. Во время послѣдующей затѣмъ литургіи царь Михаилъ Ѳеодоровичъ стоялъ «въ своемъ царскомъ сану», снявъ и отдавъ его только на время совершеннаго надъ нимъ мурономазанія. Тогда «Царскій вѣнецъ» «постави на златомъ блюдѣ, повелѣ держати сродичемъ своимъ Ивану Никитичу». «А скипетръ держа бояринъ же Князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой». «Аблоко царскаго чина держа бояринъ же Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, близъ себѣ на уготованномъ мѣстѣ, до совершеннаго времени». Послѣ мурономазанія государь причастился Св. Таинъ.

По окончаніи богослуженія царь въ вѣнцѣ на главѣ и со скипетромъ въ рукѣ снова принималъ поздравленіе отъ духовенства и «зва» его «хлѣба ясти».

Изъ Успенскаго Собора Вѣнценосецъ отправился въ Архангельскій и Благовѣщенскій Соборъ. При выходѣ изъ cadaго собора государя осыпалъ «потрижды» «золотыми и серебряными деньгами» бояринъ Князь Ѳеодоръ Івановичъ Мстиславскій и казначей Н. В. Траханиотовъ. Изъ

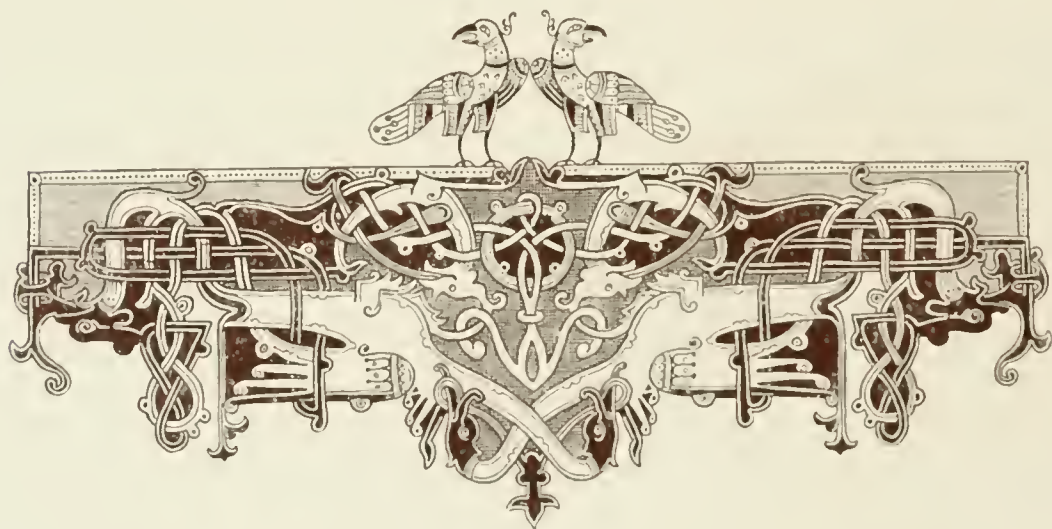
Благовѣщенскаго собора Царь Михаилъ Теодоровичъ прослѣдовалъ «въ свои Царскія палаты». Этимъ и закончилось царское вѣчаніе.

По старому обычаю «Царское постанное мѣсто весь народъ обоима, каждо что взя на честь постановленія».

По доброму старому обычаю не были забыты въ день царскаго вѣчанія и обездоленные судьбой бѣдняки. Слѣдуя тому же обычаю, Царь давалъ по случаю «своего вѣща» честные пиры духовенству, боярамъ и вельможамъ.

Шумно и весело было въ Москвѣ въ день святаго царскаго торжества. Сознали русскіе люди, что «наки наста весна благодатнаго бытія и простирается струя свѣтлотекущаго житія», чувствовали они, что великая держава, какъ «доброрастное и красноцвѣтущее древо, еже тѣсотами лотыя зимы завядши смирися, по нынѣ наки при лѣтней теплотѣ свѣтлостію усмѣхнувшися и процвѣте»¹⁶⁾.

Много еще предстояло труда надъ укрѣпленіемъ порядка и восстановленіемъ силъ страны, но радостное сознаніе того, что Смута окончательно побѣждена и что Русь «не безгосударна», окрыляло теперь нашихъ предковъ и помогало имъ въ ихъ тяжелой работѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Первые годы царствования Михаила Феодоровича и возвращение из плѣна государева отца.

1.

ЛАРЬ Михаилъ Феодоровичъ и его мать, великая старица Марѳа Ивановна, совершенно вѣрно оцѣнивали тяжелое положеніе Россіи, потрясенной Смутой и «разрухой». И казна царская была пуста, и служилые люди бѣдны, и враги грозили Руси, и свои «воры» довершали ея разоренье. Правда многіе русскіе люди «понаказались» и «пришли въ соединеніе», но долго еще грабежи, разбой, хищничество и своеволие, печальное послѣдіе Смутной поры, терзали нашу родину не менѣе, чѣмъ виѣшніе ея непріатели. Нужно было много силъ и умѣнья, чтобы вывести страну изъ полуанархіи на путь естественнаго развитія и упорядоченной нормальной жизни. И въ этомъ отношеніи правительство первыхъ лѣтъ царствования Михаила Феодоровича, во многихъ

случаяхъ отражавшее на себѣ нравы и привычки предшествовавшей тяжелой и деморализующей эпохи, оказало Руси безспорную услугу. Этимъ оно, конечно, обязано участию въ дѣлахъ государства «земли», которая дѣйствовала въ тѣсномъ единеніи съ излюбленнымъ ею царемъ, безусловно довѣряя его несомнѣнной правительственной чистотѣ.

Итакъ правительство и «земскій соборъ» представляютъ собою тѣ силы, которыя надо имѣть въ виду, изучая первые годы царствованія Михаила Феодоровича. Ознакомившись съ ними и тѣми мѣрами, какія были ими придуманы и осуществлены для пополненія царской казны, безъ чего немыслима была сколько-нибудь правильная государственная дѣятельность, ¹⁾ намъ возможно будетъ перейти къ разсмотрѣнію того, что было сдѣлано для ликвидаціи Смуты въ первое время по воцареніи родоначальника династіи Романовыхъ. А безспорно, что успокоеніе государства и установленіе болѣе или менѣе мирныхъ отношеній къ сосѣдямъ являлось важнѣйшей, неотложнѣйшей и на первыхъ порахъ единственной задачей царя Михаила Феодоровича и его правительства, включая въ него и «земскій соборъ» ²⁾.

Какъ показали повѣстныя изысканія, правительство царя Михаила Феодоровича было необыкновенно нестро по своему составу. «Порцій государь оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе. Не было ни одной опалы, ни одного удаленія въ пору «нареченія новаго монарха». Поэтому у власти остались и «седмичленные бояре» съ влеземъ Ѳ. П. Мстиславскимъ во главѣ. Изъ нихъ выдѣлялись особенно близкіе къ государю по родству: дядя его Иванъ Никитичъ Романовъ, Ѳ. П. Шереметевъ и Б. М. Лыковъ. Остались и были замѣтны и бояринъ-тушинецъ, а затѣмъ предводитель подмосковныхъ ополченій князь Дм. Т. Трубецкой и знаменитый вождь Нижегородцевъ, князь Дм. Мих. Пожарскій. И думный дворянинъ Козьма Мининъ-Сухорукъ принималъ участіе въ финансовыхъ дѣлахъ, гдѣ его способности находили себѣ надлежащее примѣненіе. И изъ приказной среды царь Михаилъ Феодоровичъ унаслѣдовалъ дѣльцовъ, служившихъ въ Смутную эпоху разнымъ властямъ, до воровскихъ включительно. Особенно выдвигались дяки-тушинцы. Они преуспѣвали по службѣ, во-первыхъ, потому, что Тушино щедрѣе было на всякаго рода пожалованья; поэтому, когда сошлись и тушинцы, и нижегородцы, и московскіе приказные люди, первые заняли наиболѣе видныя мѣста. Во-вторыхъ, тушинскіе дяки выдѣлялись способностями и дѣловитостью. Они заражены были лихоим-

ствомъ и вводили въ практику дурныя пріемы управленія, но они же, какъ правильно думаетъ о приказныхъ людяхъ того времени Ст. Б. Веселовскій,—«съ удивительной постепенностью, обходя и временно оставляя безъ рѣшеній множество щекотливыхъ вопросовъ, борятся съ анархіей и выводятъ наконецъ черезъ нѣсколько лѣтъ государственную власть изъ неустойчиваго равновѣсія».

Не трогая старыхъ правительственныхъ лицъ, привлекая ихъ къ дѣламъ и выдвигая даже нѣкоторыхъ изъ нихъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ естественнымъ образомъ далъ ходъ своей ближайшей роднѣ и довѣреннѣйшимъ, приближеннымъ къ семьѣ Никитичей людямъ. Такъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ объ особомъ значеніи въ правительствѣ братьевъ Салтыковыхъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать князя Ив. Бор. Черкаскаго и князя Ив. Ѳ. Троекурова, двоюродныхъ братьевъ царя, чашника, князя Лѳ. Вас. Лобанова-Ростовскаго, постельничаго Конст. Ив. Михалкова и казначея Ник. Вас. Траханиотова. Далѣе въ извѣстномъ приближеніи къ государю стояли родственные ему князья Черкасскіе и Сицкіе, Головины, Морозовы, Салтыковы. Эти то лица и составляли высшую правящую среду до самого возвращенія изъ далекаго плѣна государева отца, митрополита, впоследствии патріарха, Филарета Никитича.

Признавая за правительствомъ царя Михаила Ѳеодоровича, не смотря на промахи, ошибки и злоупотребленія многихъ лицъ изъ его среды, большія и бесспорныя заслуги въ дѣлѣ возстановленія государственнаго порядка, нельзя отрицать и того, что само населеніе охотно шло навстрѣчу дѣятельности государственной власти въ этомъ направленіи. Поэтому и органъ, посредствомъ котораго населеніе помогало Царю и его правительству во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ того времени, земскій соборъ, дѣйствовалъ энергично для оздоровленія государственнаго организма. При этомъ надо отмѣтить, что до самого 1622 года земскій соборъ дѣйствуетъ непрерывно. Налаживая порядокъ, молодой царь нуждался въ содѣйствіи «земли», которая первая единодушно признала, что «ни одна земля безъ государя не стоитъ». Не знаемъ въ точности порядка выборовъ въ новыя сессіи собора, но извѣстно, что составъ земскаго совѣта мѣнялся черезъ три года.

Компетенція собора, равно какъ и кругъ дѣятельности его были чрезвычайно велики. «Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовыя и податныя, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и

отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательные»—вотъ сфера дѣйствія «совѣта всея земли при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»,—справедливо утверждаетъ Платоновъ.

Не затрагивая другихъ вопросовъ, отмѣтимъ, что было сдѣлано въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича для возстановленія правильнаго сбора податей и пополненія Государевой казны. Изъ актовъ, недавно опубликованныхъ Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ редакціей Ст. Б. Веселовскаго, съ неопровержимой ясностью раскрывается, какія губительныя слѣдствія имѣла «разруха» на сборъ государственныхъ доходовъ: какъ многіе жители страдали отъ постоянныхъ поборовъ и бѣдности, какъ съ другой стороны прекращали взносы податей и люди достаточные и т. д. Изъ этихъ же актовъ узнаемъ, что уже Ляпунову мы обязаны первой попыткой возстановить болѣе или менѣе правильное поступленіе и расходваніе податей, что Пожарскій и Мининъ усильно дѣйствовали въ этомъ же направленіи и что еще до перехода власти къ царю Михаилу земскій соборъ приговоромъ отъ 27 февраля 1613 года предпринялъ извѣстные шаги для сосредоточенія сборовъ въ одномъ мѣстѣ. Новое высшее правительство поддержало постановленія «земскаго совѣта», и правильное поступленіе податей было мало по малу налажено.

Но обыкновенныхъ податей въ такое тяжелое время, когда приходилось напрягать силы населенія, чтобъ вывести страну изъ опаснаго положенія, было недостаточно. При этомъ они стали поступать съ большой «убавкой противъ прежняго». Поэтому царь и соборъ рѣшились на экстренныя мѣры. Они стали прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ: запроснымъ деньгамъ, сбираннымъ съ духовенства и служилыхъ людей, и пятой деньгѣ, которой облагались тяглецы; съ богатыхъ людей Строгановыхъ взяли при этомъ однажды до 40.000 рублей.

Благодаря этимъ мѣрамъ государева казна нѣсколько пополнилась, и неотложныя нужды: содержаніе ратей и служилыхъ людей, закупка военныхъ запасовъ и т. д. получили нѣкоторое удовлетвореніе ³⁾.

II.

Мы упомянули о финансовыхъ мѣрахъ правительства и собора потому, что безъ нихъ было бы невозможно выполненіе насущнѣйшей задачи государства того времени, борьбы съ внутренними и внѣшними врагами. А эту борьбу надо было вести, такъ какъ самое существованіе

государства подвергалось тогда неминуемой опасности. Смута, подавленная и разбитая, продолжала еще гибздиться во многих пунктах русской земли, истощая и разоряя ее ⁴⁾). Если населенію Руси тогда приходилось подчасъ очень тяжело отъ замашекъ администраціи, то неизмѣримо больше страдало оно отъ насилія, грабежей и убійствъ своихъ «воровъ», изъ которыхъ выдавался извѣстный тушинскій бояринъ Иванъ Мартышовичъ Заруцкій. «Сей не нехрабръ бысть и сердцемъ лютъ, по правомъ лукавъ» ⁵⁾). Виновникъ убійства Ляпунова, подозрѣваемый не безъ основаній въ попыткѣ организовать убійство Пожарскаго, Заруцкій не могъ примириться съ торжествомъ земщины, которой онъ былъ глубоко чуждъ. Онъ увелъ «мало не половину» казачьяго «войска» изъ-подъ Москвы и удалился на «Югъ» Государства. По очищеніи Москвы отъ поляковъ «земщиной» приходится принимать рядъ мѣръ противъ попытокъ Заруцкаго, дѣйствовавшаго теперь именемъ Марины Мишичекъ и Воренка, поднять новую Смуту въ странѣ. Эти попытки продолжаются и во время «подвига» царя Михаила въ Москву.

Противъ Заруцкаго были отправлены изъ Москвы бояринъ князь Иванъ Никитичъ Одоевскій съ ополченіями изъ Суздаля, Владиміра, Тулы и Рязани. Среди сторонниковъ «тушинскаго боярина» началась рознь. Его покинули, узнавъ о воцареніи Михаила Феодоровича, многіе приверженцы. Тогда онъ «съ Мариною поиде прямо къ Воронежу.» Здѣсь его настигъ Одоевскій и имѣлъ съ нимъ бой. Послѣ этого сраженія Заруцкій «перелѣзе черезъ Донъ» и стенью направился къ Астрахани, гдѣ и зимовалъ ⁶⁾). Онъ не терялъ надежды поднять вольное казачество, посылалъ грамоты на Донъ, но не имѣлъ успѣха. Получивъ государево «многое жалованье», донцы объявили, что они не начнутъ новаго «воровства». Впрочемъ, среди этихъ казаковъ нашлось 560 человекъ, которые ничего не имѣли противъ затѣвимаго Заруцкимъ похода на Самару и «добычи зинуновъ» во время этого предирія. Но воровской вождемъ своими насиліями и грабежами своихъ шашекъ возбудилъ противъ себя жителей города Астрахани, которые весной 1614 года сѣли отъ него въ правильную осаду. На помощь къ нимъ изъ Москвы шли бояринъ князь П. Н. Одоевскій, окольничій С. В. Головинъ и дьякъ Василій Пудинъ. Заруцкій не дождался высланной противъ него московской рати. Онъ испугался явившагося подъ Астраханью «Казанца Василья Хохлова съ ратными людьми». Хохлова выслалъ распорядительскій терскій воевода П. В. Головинъ. Силы Заруцкаго видимо таяли, и онъ въ маѣ 1614 года ⁷⁾ съ

Маршой Мишкек и Воренкомъ бѣжалъ на «Янкъ», гдѣ и укрылся на Медвѣжьемъ островѣ, но былъ тамъ послѣ боя захваченъ стрѣleckимъ головой Гордѣемъ Пальчиковымъ и головой Севастьяномъ Онуцинымъ, которые были отпращены Одоевскимъ для поимки опаснаго вора, и в поля привезенъ въ Астрахань⁸⁾.

Оттуда Заруцкій и Марина съ Воренкомъ были отпращены въ Москву. «На Москвѣ же тово Заруцково посадиша на колъ, а Воренка.. повѣшена, а Марника умре на Москвѣ»⁹⁾.

Съ поимкой и гибелью Заруцкаго не прекратились грабежи и разбой «воровскихъ» казаковъ. Мы видѣли уже какъ даже казаки, служившіе Московскому правительству, уклонялись охотно въ воровство, чѣмъ вызвали рядъ строгихъ мѣръ противъ себя. Объ остальныхъ казакахъ и говорить нечего. Они посеяли ужасъ въ сердцахъ мирныхъ жителей. Изъ ихъ шаекъ особенно свирѣпствовала станица атамана Баловня, наводившая страхъ и трепетъ на жителей Заволжья. Къ Баловню присоединились «многіе казаки и боярскіе люди» и стали разорять и предавать запустѣнію «Московское государство». Началась «великая война» «на Романовѣ, на Угличѣ, въ Пошехоньѣ и въ Бѣжецкомъ верху, въ Кашинѣ, на Бѣлѣ озерѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ и въ Каргополѣ и на Волоцкѣ и на Вагѣ и въ иныхъ городахъ». Другіе казаки въ то время воевали «Сѣверскія и Украинскія городы». «Воры» не останавливались ни передъ какими насиліями и жестокостями, «якожь въ древнихъ лѣтахъ такихъ мукъ не баше: людей же ломаху на древо, и въ ротъ зелье сынаху и зажигаху и на огнѣ жгоша безъ милости. Женскому полу съеды прорѣзоваху и веревки вдергиваху и вѣснху... и многими различными иными муками мучиша и многіе грады разориша и многіе мѣста запустошиша».

Такое зло требовало принятія энергичныхъ мѣръ. Царь Михаилъ Феодоровичъ отпращилъ противъ казаковъ князя Бор. Мих. Лыкова, «и далъ ему рати семь городовъ». Въ то же время московскій бояринъ и воевода получилъ приказаніе попытаться дѣйствовать увѣщаніями и общаніемъ прощенья «ворамъ», если они «отъ воровства отстануть.» Б. М. Лыковъ во время похода побывалъ у славнаго подвижника той эпохи святого затворника старца Принарха и получилъ его благословеніе на борьбу съ казаками. Затѣмъ Лыковъ прибылъ въ Ярославль, откуда двинулся противъ Черкасъ, т. е. малоросійскихъ казаковъ, которые разоряли Поволжье, настигъ ихъ въ Балаханскомъ уѣздѣ въ Василевѣ Слободкѣ и разбилъ ихъ на голову. Вернувшись въ Ярославль, московскій воевода

узналъ, что увѣщанія были тщетны и что казаки обнаруживаютъ «неуклошное» «свирѣнство.» Тогда онъ выступилъ противъ нихъ къ Вологдѣ, разсылая для преслѣдованія воровскихъ шаекъ «многіе послыки.» Такой способъ дѣйствія былъ удаченъ, и разбойничьи отряды сильно рѣдѣли. Тогда остальные казаки рѣшили двинуться къ Москвѣ, говоря: «идемъ своими головами государю бити челомъ.» Лыковъ погнался за ними и укрѣпился станомъ въ Дорогомиловѣ. Между тѣмъ казаки не унимались: «начаша и на Москвѣ воровати.» Ихъ «старшины» были схвачены, а остальные вступили въ бой съ энергичнымъ военачальникомъ, но были разбиты, «а достальные побѣгоша къ Сѣверскимъ казакамъ», но Лыковъ настигъ ихъ «въ Кременскомъ уѣздѣ на рѣкѣ на Дужи.» Московскому воеводѣ удалось на этотъ разъ обойтись безъ боя: «онъ же ихъ взялъ за крестнымъ цѣлованіемъ и привелъ ихъ къ Москвѣ и ничего имъ не здѣлалъ. Старшинъ же ихъ, тово Баловня съ товарищи, повѣсина, а иныхъ по тюрмамъ розослалъ».

Послѣ того какъ Лыкову удалось покончить съ ядромъ воровскаго казачества, а заодно истребить и множество мелкихъ шаекъ, «въ тѣхъ городахъ не бысть войны отъ казаковъ». Но долго еще бродили на Руси одичавшіе, жившіе грабежомъ и вымогательствомъ люди. Однако главныя «воровскія» силы были окончательно и надолго сломлены ¹⁰⁾.

III.

Ведя борьбу съ внутренними врагами «ворами», Московское государство должно было въ то же время такъ или иначе распутать свои отношенія къ двумъ непріятельскимъ странамъ: Швеціи и Польшѣ. Шведы заняли Новгородъ и угрожали намъ съ сѣвера и сѣверо-запада. Поляки овладѣли Смоленскомъ, а также частью Сѣверской области и не оставили, повидимому, мысли о завоеваніи или подчиненіи всего «Россійскаго царствія.» Отношеніями Москвы къ этимъ государствамъ и заняты были главнымъ образомъ московскіе люди въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича. И мы въ своемъ изложеніи остановимся на изображеніи хотя бы вкратцѣ той борьбы, дипломатической и военной, какую пришлось Москвѣ выдержать въ 1613—1619 годахъ съ двумя враждебными ей сосѣдями.

Въ то же время московское правительство попыталось вступить въ сношенія и съ другими государствами Европы и даже Азіи, въ особенности съ тѣми, съ которыми сносилась Московская Русь и до Смуты. Такъ, было отправлено посольство къ турецкому султану и персидскому

шаху, къ австрійскому цесарю, англійскому королю, въ Голландію и т. д. Всѣ эти посольства имѣли цѣлью извѣстить государей и правительства тѣхъ странъ, въ которыя они были отпращены, о воцареніи Михаила Феодоровича и просить помощи противъ «недрузговъ» Руси: шведскаго и польскаго короля. Въ отвѣтъ на это лишь шахъ прислалъ 7.000 рублей серебромъ «легкой казны» да Англія съ Голландіей, руководясь торговыми выгодами, предложили свое посредничество въ переговорахъ московскаго правительства съ врагами. Другихъ реальныхъ послѣдствій эти посольства не имѣли.¹¹⁾

Отпращая посольства во многія иностранныя государства, московское правительство, какъ уже и отмѣчено нами, должно было вести борьбу на два фронта, съ двумя несконными врагами Россіи. Если съ Рѣчью Посполитою Русь воевала изъ-за русскихъ западно-южныхъ областей, то со шведами мы постоянно боролись изъ-за береговъ Балтійскаго моря. Въ Смуту оба нашихъ врага пріобрѣли значительныя выгоды. Въ частности шведы, пользуясь «разрухой», съ іюня 1611 года окладѣли Новгородомъ съ прилегающей къ нему областью и держали ихъ въ своихъ цѣпкихъ рукахъ. Заняло Новгородъ шведское войско, бывшее подъ начальствомъ знаменитаго полководца Якова Пунтоса Делагарди, на своеобразныхъ условіяхъ. Новгородъ приглашалъ къ себѣ государемъ одного изъ шведскихъ королевичей, но оставался «особнымъ» государствомъ и не присоединялся къ Швеціи. Предвидѣлась возможность выбора того королевича, который будетъ новгородскимъ государемъ, на Московскій престолъ. Въ противномъ случаѣ Новгородъ оставался самостоятельнымъ, но союзнымъ Швеціи государствомъ.

Въ немъ дѣйствовало на время шведской оккупации особое правительство, состоявшее изъ шведовъ и новгородцевъ поровну. Жителямъ не должно было чиниться никакихъ насилій. Орудій военныхъ привасовъ и т. д. не должно было вывозить въ Швецію. Таковы были условія договора шведовъ съ новгородцами¹²⁾. Однако въ дѣйствительности шведы держали себя въ городѣ надменно, прибѣгали къ насиліямъ и возбудили противъ себя большинство населенія. Конечно, и среди новгородцевъ нашлись шведскіе сторонники, отступники «православной вѣры». Объ этомъ свидѣтельствуютъ и перенесеній шведскую оккупацию дьякъ Иванъ Тимошевскъ и донесенія шведскихъ военачальниковъ¹³⁾.

Во всякомъ случаѣ новгородцы во время междуцарствія вели, какъ мы знаемъ, переговоры съ Москвою о кандидатурѣ предназначеннаго имъ

въ государи королевича Карла-Филиппа на русскій царскій престолъ. Во время переговоровъ выяснилось, что и новгородцы и остальные русскіе люди непремѣннымъ условіемъ признанія Карла-Филиппа считаютъ принятіе имъ православія. Между тѣмъ время шло и принесло съ собой большія перемѣны.

У насъ на Руси былъ избранъ царемъ Михаилъ Феодоровичъ, а въ Швеціи умеръ король Карлъ IX и на престолъ вступилъ Густавъ Адольфъ. Королевичъ Карлъ-Филиппъ, собравшійся было отправиться въ Новгородъ и вызвавшій даже къ себѣ въ Выборгъ новгородское посольство, такъ и не пріѣхалъ «на свое государство». Онъ уступилъ свои права на Новгородъ своему державному брату, приславшему въ этотъ городъ на смѣну Делагарди фельдмаршала Эверта Горна. Послѣдній доносилъ своему государю, что настроеніе новгородцевъ измѣнилось, что всѣ они явно или тайно стоятъ на сторонѣ Москвы¹⁴). Къ этому времени относится посольство архимандрита Кипріяна и дворянъ: Якова Бобарыкина и Матвѣя Муравьева въ Москву. Посланные шведами для переговоровъ съ Москвой, они получили аудіенцію у царя, которому, «биспа челомъ и милости просяху со слезами». Имъ дана была тайная милостивая грамота къ митрополиту и ко всѣмъ людямъ о томъ, что государь ихъ пожаловалъ и вины имъ всѣ отдалъ. Въ то же время была дана и другая грамота съ отвѣтомъ на посольство. По возвращеніи пословъ они «тѣ милостивые государевы грамоты роздана всѣ въ тайнѣ». Но шведы «провѣдаша про тотъ списокъ и про ихъ челобитье», послѣ чего «томужь архимандриту и дворянамъ бысть тѣспота и гоненіе великое»¹⁵).

Военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ. Кромѣ множества мелкихъ столкновеній были и очень значительныя. Такъ шведы осадили Тихвинъ, и только упорное сопротивленіе горожанъ спасло этотъ городъ отъ участи Новгорода. Въ свою очередь въ концѣ 1613 или въ началѣ 1614 года царь Михаилъ Феодоровичъ «съ многою ратью послалъ боярина князя Дм. Т. Трубецкого». Послѣдній провелъ зиму въ Торжкѣ, гдѣ у него въ войскѣ «было нестроеніе великое, грабежи отъ казаковъ и отъ всѣхъ людей». Весной Трубецкой двинулся къ Новгороду и въ июль 1614 года потерялъ рѣшительное пораженіе подъ Бронницами, потерявъ многихъ людей плѣнными и убитыми. Самъ Трубецкой съ трудомъ ушелъ отъ преслѣдованія враговъ¹⁶).

Въ 1615 году король Густавъ-Адольфъ явился на Русь и осадилъ Псковъ, но безуспѣшно, при чемъ погибъ храбрый Эвертъ Горнъ. Въ

это время Англія предложила свое посредничество воюющимъ, приславъ для этой цѣли своего агента, Джона Мерика. Рѣшено было отпрать съ обѣихъ сторонъ уполномоченныхъ для веденія предварительныхъ переговоровъ. Шведскій король назначилъ для этой цѣли Класа Флеминга, Генриха Горпа, Якова Делагарди и Монеа Мартензона. Русскими послами были князь Дан. Ив. Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Посредничалъ Джонъ Мерикъ и голландскіе послы. Переговоры проходили сперва съ января 1616 года въ Дедерингѣ, были прерваны въ июнѣ, а затѣмъ съ декабря 1617 года возобновились въ Столбовѣ, гдѣ и былъ 27 февраля 1617 года написанъ договоръ вѣчнаго мира. Швецы вернули Россіи Великій Новгородъ, Старую Русу, Гдовъ, Порховъ и Ладугу съ ихъ уѣздами, и Сумерскую волость. За Швеціей остались Иванъ-Городъ, Ямы, Конопье, Орѣшекъ. Кромѣ того мы должны были уплатить Швеціи 20.000 рублей серебромъ.

Переговоры были бурными, спорили и горячились много, но обѣ стороны желали мира и остались имъ довольны. Густавъ-Адольфъ очень цѣнилъ приобрѣтенія Швеціи. Великій король прекрасно понималъ, что Русь, могущества которой онъ опасался, надолго отрѣзана отъ Балтійскаго побережья. Но Россіи, какъ мѣтко выразился С. М. Соловьевъ, «теперь было не до моря». Не даромъ государь писалъ нашимъ посламъ: «съ шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ снабжайте, судите и дайте что-нибудь, чтобъ они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не разорвите»¹⁷).

И дѣйствительно, съ одной стороны Столбовскій договоръ принесъ очищеніе Новгорода, освободившагося отъ шведовъ къ 14 марта 1617 года, и другихъ важныхъ русскихъ городовъ, съ другой—миръ со Швеціей. При все болѣе и болѣе угрожавшемъ положеніи Рѣчи Посполитой Россіи важно было не имѣть врага на другомъ фронтѣ. Поэтому, не смотря на отказъ (конечно временный) отъ береговъ Балтійскаго моря, мы радовались необходимому миру со Швеціей и возвращенію испорченныхъ русскихъ областей. Поэтому нельзя не считать договоръ 27-го февраля 1617 года значительнымъ успѣхомъ для Московскаго государства.

IV.

Еще болѣе враждебными, чѣмъ со Швеціей, были въ моментъ конценренія Михаила Феодоровича отношенія нашей родины къ Рѣчи Посполи-

той. Это обстоятельство не требует дальнѣйшихъ поясненій. Изъ предыдущаго изложенія видно, что русскіе люди имѣли полное основаніе относиться къ Сигизмунду и полякамъ съ жгучей ненавистью. Съ своей стороны поляки имѣли свои причины къ глубокому неудовольствію русскими. Ихъ самолюбіе страдало отъ непризнанія Владислава русскимъ царемъ; много поляковъ и литвы погибло отъ руки русскихъ или томилось въ неволѣ. При этомъ полякамъ важно было удержать за собою Смоленскъ и другія добытыя земли и завоевать новыя области. Не совѣтъ отказался поляки и отъ мысли о полномъ подчиненіи Руси ихъ государству.

При такомъ настроеніи противниковъ понятно, что военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались. Впрочемъ и Русь и Польша готовы были на время заключить перемиріе другъ съ другомъ. Русскимъ хотѣлось поскорѣе освободить изъ тяжелой неволи государева отца и другихъ плѣнныхъ, въ Рѣчи Посполитой или внутренніе раздоры; да и письмо Струся возымѣло нѣкоторое дѣйствіе. Поэтому, какъ мы уже знаемъ, Аладышъ, отравленный гонцомъ отъ имени собора къ Сигизмунду, возвратился изъ Варшавы съ принципиальнымъ согласіемъ короля и пановъ радныхъ начать переговоры¹⁸⁾. Въ ноябрѣ 1614 года радные паны приехали московскимъ боярамъ грамоту и въ ней предлагали съѣздъ на рубежѣ для переговоровъ о мирѣ. Грамота была написана высококомѣрно, наполнена угрозами за непризнаніе Владислава, за дурное обращеніе съ плѣнными. Съ отвѣтомъ на эту грамоту въ Рѣчь Посполитую былъ отравленъ отъ имени бояръ Ѳедоръ Желябужскій. Бояре не оставили безъ возраженій укоровъ пановъ рады, отвѣчали на нихъ сильными попреками за ненаписанье царскаго титула, за многія неправды, за дурное обращеніе съ плѣнными въ противоположность обычаямъ послани Московскаго государства. «А въ Великаго Государя нашего Государствѣ Государя вашего люди, которые взяты въ Москвѣ, Миколай Струсь, староста Хмелшскій и Любецкій, и полковники и ротмистры и все его товарищество и иные полоняники сидятъ во дворѣхъ на Москвѣ, и по городамъ дворы даны имъ добрые, и Царское жалованье, кормъ и питье даютъ имъ довольно, и людямъ ихъ въ торгѣ и на всякое дѣло, гдѣ кто кого пошлетъ, ходити имъ повольно, и скудости и тѣсноты имъ нѣсть никоторыя»¹⁹⁾. Въ той же грамотѣ бояре согласились на веденіе мирныхъ переговоровъ.

Желябужскій правилъ свое посольство въ Литвѣ, гдѣ вынужденъ былъ слушать грубыя выходки Льва Сапѣги о томъ, что царь Михаилъ

Осодоровичъ «не пошлый, т. е. не настоящій государь» и упрёки въ томъ, что русскіе «всѣ крестъ дѣловали» королевичу Владиславу. На это нашъ посланникъ отвѣчалъ: «это дѣло бывшее и дальшее и поминать о томъ непригоже». Наконецъ паны дали Желябужскому грамоту, въ которой предлагали съѣзаться посламъ для переговоровъ между Смоленскомъ и Визмою. Въ сентябрь 1615 года состоялся этотъ съѣздъ. Съ нашей стороны послами были: бояре князь Ив. М. Воротынский, князь Сичкій и околыничій Арт. В. Измайловъ. Поляки и литовцы прислали Кіевского «бискупа» князя Казимирскаго, гетмана Ходкѣвича, канцлера Льва Сапѣгу и Александра Гонѣвскаго. Такой составъ уполномоченныхъ не предвѣщалъ добраго исхода переговоровъ. И Воротынский и Гонѣвскій были во враждѣ между собой. При общей обостренности отношеній все посольское дѣло спелось къ крупнымъ ссорамъ и перебранкамъ, при чемъ поляки не остановились передъ угрозой произвести судъ надъ государевымъ отцомъ и «падь нимъ и покончить». Неудивительно поэтому, что въ январѣ 1616 года уполномоченные разѣхались, не заключивъ перемирія ²⁰).

И до переговоровъ о перемиріи, и во время ихъ, и по окончаніи война продолжалась. Сначала мы повели наступательныя дѣйствія и неоднократно приходили подъ Смоленскъ, однако не могли осадить его и взять по недостатку воинскихъ людей. Но съ 1615 года инициатива военныхъ дѣйствій переходитъ къ полякамъ. Они отправили набѣгомъ на Русь знаменитаго наѣзника пана Александра Лисовскаго съ отрядомъ его лисовчиковъ. Отражать нападеніе Лисовскаго было поручено славному вождю нижегородскаго ополченія, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Лисовскій, ворвавшись въ русскіе предѣлы, началъ было на Брянскъ, но, отбитый отъ него, захватилъ Карачевъ, въ которомъ и укрѣнился. Пожарскій не медилъ. Онъ черезъ Бѣлевъ и Болховъ устремился къ Карачеву. Тогда Лисовскій вышелъ изъ Карачева и «вошелъ верхнею дорогою къ Орлу». Пожарскій повелъ къ нему на перерѣзъ. Рати сошлись подъ Орломъ «въ воскресный день» и стали биться. Но москвичи дрогнули и побѣжали. Побѣжали даже и воеводы. Пожарскій «не съ великими людьми» «бился» съ Лисовскими «на многіе часы мало руками не имавшеся бился». Наконецъ, «видя свое неизможеніе, обернулася телѣгами и сидѣна въ обозѣ». Лисовскій отступилъ на двѣ версты. Тѣмъ временемъ къ 600 хабрецамъ, бившимся врозь 2.000 литовцевъ, стало подходить подкрѣпленіе, возвращались бѣглецы. Наиболѣе виновнымъ «чинила ту наказаніе».

Собравъ свое войско, Пожарскій бросился въ погоню за Лисовскимъ. Тотъ быстро отступилъ къ Кромамъ. Пожарскій и тутъ настигъ его. Тогда неутомимый литовскій наѣздникъ въ одинъ день примчался къ Болхову, сдѣлавъ переходъ въ 150 верстъ, «едва Болхова не украдоша». Но храбрые воеводы отбились отъ Лисовскаго. Не то случилось въ Бѣлевѣ, гдѣ воеводы бѣжали. Городъ былъ захваченъ и разоренъ. Тоже повторилось и въ Перемышлѣ, куда обратился Лисовскій, потерѣвшій неудачу подъ Лихвиннымъ отъ храбраго воеводы Федора Стрешнева. Пожарскій между тѣмъ стянулъ свои силы къ Калугѣ и, получивъ въ подкрѣпленіе казанскую рать, двинулся противъ Лисовскаго къ Перемышлю, но по дорогѣ «впаде въ болѣзнь лютую». Храбраго и распорядительнаго воеводу повезли въ Калугу, а рать его бездѣйствовала. Лисовскій тогда двинулся къ Ржевѣ Владимірской и сдѣлалъ приступъ къ этому городу, затѣмъ приступилъ къ Кашину и Угличу. Но силы его видимо таяли, и онъ скитался въ Суздальскомъ краѣ, уже не пристуная къ городамъ. Потомъ смѣлый наѣздникъ повернулъ къ югу «въ Тульскія и Рязанскія мѣста», у Алексина имѣлъ столкновение съ русскими войсками, но ускользнулъ отъ нихъ и невредимо вышелъ въ Сѣверскую область ²¹⁾.

Смѣлый до дерзости наѣгъ Лисовскаго имѣлъ, повидимому, значеніе большой развѣдки. На Русь собиралась гроза. Готовился походъ королевича Владислава къ Москвѣ. На Русь долго не знали объ этомъ и даже возобновили было попытку продвинуться къ Смоленску, но скоро съ Литовскаго рубежа стали приходять одна за другой тревожныя вѣсти о наступленіи поляковъ и литовцевъ.

Сеймъ согласился на походъ королевича къ Москвѣ еще въ июнѣ 1616 года. Съ Владиславомъ сеймъ посылалъ 8 своихъ комиссаровъ, на обязанности которыхъ лежало подавать королевичу совѣты, какъ дѣйствовать, и имѣть наблюденіе за его дѣятельностью. Дѣло въ томъ, что сеймъ смотрѣлъ на походъ Владислава съ такой точки зрѣнія: война начата съ цѣлью испытать, сохранилось ли въ русскомъ народѣ расположеніе къ королевичу. Если нѣтъ, то нужно стремиться къ заключенію славнаго и выгоднаго для Рѣчи Посполитой, польза которой должна быть у Владислава на первомъ мѣстѣ, мира съ Москвой. Если же Владиславъ станетъ русскимъ государемъ, то онъ обязанъ исполнить свои прежнія, скрѣпленныя собственноручной подписью, обѣщанія: 1) соединить Москву неразрывнымъ союзомъ съ Рѣчью Посполитой, 2) установить свободную торговлю между этими государствами, 3) вернуть Польшу и Литву, «отъ

нихъ отторгнутыя страны»: Смоленское и значительную часть Сѣверскаго княжества, 4) отказаться за Русь отъ правъ на Ливонію и Эстонію. На такихъ условіяхъ сеймъ далъ королевичу денегъ и обѣщалъ 11.000 войска для похода на Московское государство. Главнымъ военачальникомъ назначенъ былъ гетманъ Карлъ Хоткѣвичъ, такъ какъ назначенный для этой дѣли гетманъ Станиславъ Жолкевскій отказался, отговариваясь ожидаемымъ нападеніемъ турокъ. Впрочемъ и Хоткѣвичъ хорошо зналъ театръ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ въ 1612 году ходилъ походомъ на выручку сидѣвшихъ въ московскомъ Кремлѣ и въ Китаѣ-городѣ поляковъ и почти у самой Москвы былъ отбитъ подмосковными ополченіями.

Собирая свое войско, часть котораго пришлось отрядить затѣмъ на помощь Жолкевскому, поляки прибѣгли и къ другимъ мѣрамъ. Такъ они потребовали, чтобы нашъ илѣнный посолъ, князь Вас. Вас. Голыцынъ, написалъ къ боярамъ о правахъ Владислава. Но Голыцынъ съ негодованіемъ отвергъ подобное требованіе. Большой успѣхъ имѣли поляки у дощовъ, многіе изъ которыхъ съ охотой согласились «правдой служить и прямотою» королевичу. Подняли поляки и свое малороссійское служилое казачество. Храбрый гетманъ Копашевичъ Сагайдачный привелъ впоследствии подъ Москву до 20.000 своихъ удалцевъ на помощь Владиславу.

Послѣ долгихъ сборовъ, въ апрѣлѣ 1617 года молодой королевичъ торжественно выступилъ изъ Варшавы въ русскій походъ, напутствуемый рѣчью архіепископа примаса. Въ этой рѣчи архіепископъ указывалъ на преимущество католицизма и на необходимость «извести заблужденныхъ на путь мира и спасенія». На это Владиславъ отвѣчалъ, что онъ всегда будетъ «прежде всего имѣть въ виду славу Господа Бога своего и святую католическую вѣру, въ которой воспитанъ и утверждёнъ»²²).

Королевичъ долго медилъ на походѣ, возвращаясь въ Варшаву, и лишь въ сентябрѣ 1617 года прибылъ подъ Дорогобужъ, осажденный уже Хоткѣвичемъ. У Дорогобужевъ воеводой былъ Иванъ Ададуровъ. Онъ «Государю измѣнилъ и Дорогобужъ здагъ и королевичу крестъ дѣловалъ со всѣми людьми». За Дорогобужемъ Владиславъ занялъ Вязьму, первые воеводы которой обратились въ позорное бѣгство, увлекая своимъ примѣромъ стрѣльцовъ и посадскихъ людей. Казаки же, бывшіе въ городѣ, вспомнили старые времена, и бросились «Украинные мѣста восвати». Тогда третій вяземскій воевода, князь Микита Гагаринъ, видя то, что ево покинули одново, заплакавъ, поиде къ Москве».

Вскорѣ послѣ появленія въ Москвѣ бѣжавшихъ изъ Вязьмы воеводъ, понесшихъ тяжкое наказаніе, въ столицу прибылъ и «Иванисъ Ададуровъ съ товарищи», «чтобы прельстить Московскихъ людей». Онъ былъ схваченъ и сосланъ въ Казань. Война между тѣмъ продолжалась. На время зимы, правда, военныя дѣйствія почти прекратились, и обѣ стороны посылали другъ къ другу «задирать о мирѣ». Однако съ весною война возобновилась, и королевичъ хотя и медленно, но неуклонно подвигался къ Москвѣ. Съ другой стороны съ юга надвигался на столицу Сагайдачный. Русскіе воеводы отступали къ Москвѣ. Отступилъ къ ней и храбрый Пожарскій послѣ ряда подвиговъ, совершенныхъ имъ въ должности воеводы Калужскаго ²³). Отступилъ по приказанію, данному изъ Москвы, идти на сходъ къ другимъ воеводамъ. Въ Москвѣ поднялось волненіе: «взволнова діаволь людьми ратными: приходяху на бояръ со большимъ шумомъ и указываху, чево сами не знаху. Едва премилостивый Богъ утоли такое волненіе безъ крови».

Королевичъ тѣмъ временемъ осадилъ Можайскъ, но мужественный воевода Фед. Вас. Вольскій не далъ города и «съ ними быющеся, не щадя головъ своихъ». Также стойко отразил Сагайдачнаго жители осажденнаго имъ города Михайлова. Тогда и Владиславъ и малороссійскій гетманъ, блокировавъ осажденные земли и города, съ главными силами двинулись къ Москвѣ.

Въ столицѣ царь и правительство принимали свои мѣры. 8 сентября Вольскій прислалъ извѣстіе о движеніи Владислава къ Москвѣ, а 9-го состоялось уже въ ней засѣданіе земскаго собора. На этомъ соборѣ царь говорилъ рѣчь о томъ, что «Владиславъ съ Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми и съ парядомъ идетъ подъ царствующій градъ Москву, и хочетъ всякими злыми своими умыслами и прелестью Москву взять, и церкви Божія разорить и истинную нашу православную христіанскую вѣру попортить, а учинить свою проклятую бѣ еретическую латынскую вѣру». Михаилъ Феодоровичъ «противъ разорителей вѣры христіанскія . . . обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ королевичемъ и съ Польскими и съ Литовскими людьми битися». Въ свою очередь государь призывалъ черезъ посредство земскаго собора все московское населеніе битися съ врагами и не поддаваться «ни на какую прелесть».

«Прелести» начались уже давно, съ посылки Ададурова. Въ августѣ, находясь подъ Можайскомъ и собираясь идти къ Москвѣ, королевичъ

прислалъ въ русскую столицу грамоту. Въ ней онъ именовался русскимъ царемъ, просилъ «змышленнымъ и несправедливымъ рѣчамъ совѣтничковъ Михайловыхъ не шити вѣры» и обѣщалъ сохраненіе въ чистотѣ и нерушимости православія. Но на Москвѣ знали цѣну польскимъ обѣщаніямъ. Поэтому члены собора съ полнымъ основаніемъ могли отвѣчать царю, «что они все единодушно дали обѣтъ Богу за православную Христіанскую вѣру и за него Государя стоять, и съ нимъ Государемъ въ осаду сидѣть безо всякаго сумнѣнія, и съ недругомъ его съ королевичемъ Владиславомъ и съ Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми и съ Черкасы битися до смерти, не щадя головъ своихъ».

Въ этомъ же засѣданіи были обсуждены мѣры для выдержанія осады и для дальнѣйшей борьбы съ врагами. Для перваго рѣшено было рашнать въ Москвѣ «по мѣстамъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей», для втораго отпавить въ Ярославль и Нижній-Новгородъ бояръ князей Ив. Б. Черкасскаго и Бор. Мих. Лыкова «въ городѣхъ сбиратися съ ратными людьми Государю и Московскому государству помочь чинить». Въ виду опасности положенія «указалъ Государь воеводамъ на Москвѣ и въ городѣхъ всемъ быть безъ мѣсть по 120 годъ»²¹).

17-го сентября королевичъ Владиславъ подошелъ къ Звенигороду, въ 40 верстахъ отъ Москвы. «А выходцы и языки въ роспросѣ сказывали, что королевичевъ приходъ изъ Звенигорода будетъ подъ Москву сентября въ 20 день; а съ другую сторону Смоленскія дороги идетъ, къ королевичу къ сходу, изъ Запорогъ Черкасскаго войска гетманъ Сагайдачный съ Черкасы со многими людьми, и сталъ въ Коломенскомъ уѣздѣ въ селѣ въ Бронницахахъ».

Московская осада началась. Къ смятенію и опасеніямъ за ея исходъ присоединился еще страхъ передъ небеснымъ явленіемъ: кометой. Лѣтописецъ такъ передаетъ объ этомъ: «на небесѣхъ явился надъ самой Москвою звѣзда. Величиной жъ она больше, какъ и протчіе звѣзды, свѣтлостію жъ она тѣхъ звѣздъ свѣтлѣе. Она жъ стояше надъ Москвою, хвостъ же у неѣ больше великъ. И стояше на Польскую и на Нѣмецкіе земли хвостомъ. Отъ самой же звѣзды поиде хвостъ узокъ и отъ часу жъ нача роспространятися; и хвосту роспространившися, яко на поприще. Царь же и люди все, видя такое знаменіе на небесѣхъ, вельми ужасошася. Чаяху, что сіе есть знаменіе Московскому царству, и страхахуся отъ королевича, что въ тое же пору пришелъ подъ Москву. Мудрые жъ люди, философы о той звѣздѣ стаху толковати, что та есть звѣзда не

къ погибелн Московскому государству, но къ радости и къ тишинѣ. О той же звѣздѣ толкуется: какъ она стоитъ главою, надъ которымъ государствомъ, и въ томъ государствѣ подаютъ Богъ вся благая и тишину; инкоторова жъ мятежа въ томъ государствѣ не живетъ, а на кон государства она стоитъ хвостомъ, въ тѣхъ же государствахъ бываетъ всякое нестроение и бываетъ кроворазлитіе многое и междуусобные брани и войны великіе межъ ими»²⁵). И дѣйствительно, толкованіе «мудрыхъ людей» на этотъ разъ сбылось, но во время осады появленіе кометы увеличило панику. Охваченные ею воеводы пропустили безпрятственно Сагайдачнаго къ Москвѣ безъ боя съ нимъ.

Но приступъ королевича къ Москвѣ, 30 сентября, не удался. Несмотря на инкоторую шаткость казаковъ русскіе люди мужественно отбили его подъ предводительствомъ околыничего Шкиты Вас. Годунова. Тогда Владиславъ двинулся по Ярославской дорогѣ, гдѣ передовые его отряды имѣли неудачу подъ стѣнами знаменитаго Тронце-Сергіева монастыря. Въ это время завязались переговоры о перемиріи. Московскому государству, еще не вполне окрѣпшему послѣ Смуты, тяжело было бороться съ врагомъ, угрожавшимъ самой столицѣ. Поляки въ свою очередь страшались русской зимы. Сверхъ того они поняли, что русскіе люди въ громаднѣйшемъ большинствѣ вѣрны своему государю и не желаютъ видѣть Владислава на московскомъ престолѣ. Между тѣмъ заключеніе выгоднаго для Рѣчи Посполитой мира было вполне возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Поэтому въ началѣ ноябра было достигнуто предварительное соглашеніе о перемиріи и выработаны главнѣйшія условія его съ польскими посланцами Христофоромъ Сапѣгой, Карсеньскимъ и Гридичемъ, для этой цѣли пріѣзжавшими въ Москву. Этимъ объясняется и желаніе поляковъ прекратить военныя дѣйствія, о чемъ находимъ извѣстіе въ сказаніи Аврамія Палицына. Этотъ писатель повѣствуетъ, что 10 ноябра «Левъ Сапѣга прислалъ въ монастырь дву крестьянъ монастырскихъ, Ромашка да Шейку деревни Селкова, а въ грамотѣ писалъ хъ келарю Аврамію и къ воеводамъ, что подѣщники ихъ взяли двухъ крестьяншновъ, чая ихъ лозутчиковъ». «И мы де»,—писалъ Сапѣга монастырскимъ властямъ—«тѣхъ дву крестьянъ къ вамъ послалъ и передъ своимъ военскимъ людямъ заказалъ, селъ вашихъ жечь и крестьянъ побивать и въ полонъ имати не велѣли. А вамъ бы нашихъ военскихъ людей побивати и въ полонъ имати не велѣти»²⁶). Правда, военныя дѣйствія продолжались, но вяло, и при томъ съ ущербомъ для поляковъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября съѣхались великіе послы обоихъ государствъ. Польскими уполномоченными были Савьга, Новодворскій и Гонсевскій; съ нашей стороны посольство правили бояре Ѳ. П. Шереметевъ и князь Дан. Ів. Мезецкій, околицкій Арт. Вас. Измайлосъ, дьяки Ів. Болотниковъ и Матѳеѣ Сѳомовъ. Съѣзды происходили въ Троицкомъ монастырскомъ селѣ Деулинѣ. «И на первомъ съѣздѣ (23 ноября 1618 года) у нихъ ничего добра не здѣлалось, разошлись бранью, а на другомъ съѣздѣ мало съ ними бою не бысть»²⁷). Пунктовъ разногласія было нѣсколько, но главными были притязанія Владислава на Московскій престолъ и желаніе московскихъ пословъ добиться признанія поляками царя Михаила Феодоровича законнымъ русскимъ государемъ, на что никакъ не могли согласиться поляки. Отсюда, написанныя русскими послами слова: «кого они своимъ государемъ имѣють» въ редакціи польскихъ пословъ обращались въ «кого они своимъ Государемъ именують». Шли большіе споры изъ-за земельныхъ уступокъ. Польскимъ уполномоченнымъ хотѣлось добиться новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, на что никакъ не хотѣли согласиться русскіе великіе послы. Затѣмъ поляки обѣщали вывести свои войска, но не ручались за отряды Занорожцевъ, Чаплинскаго и Лисовчиковъ.

Наибольшимъ задоромъ отличался Гонсевскій, желавшій довести дѣло до новаго разрыва.

Во время переговоровъ поляки застрашивали нашихъ пословъ, говорили имъ, что козаки добудутъ себѣ много вора, что Воренокъ живъ и т. п. Пугали они и посольскую свиту, сообщая ей разныя тревожныя вѣсти.

Наконецъ состоялся третій съѣздъ. 1 декабря 1618 года. На немъ обѣ стороны пришли къ соглашенію и размѣнялись занесями. Такъ было заключено на 14½ лѣтъ извѣстное Деулинское перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) русскіе великіе послы «о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко, что то нынѣ и впередъ статься не можетъ», а «шаны рады и великіе послы то дѣло на судъ Божій положили»; 2) отпускъ митрополита Филарета и князя Вас. Вас. Голицына съ товарищами въ размѣну «полопяшками» назначили произвести 15-го февраля 1619 года, «по русскому стилю, а по нашему римскому календарю февраля 25». 3) Россія «поступилась» Рѣчи Посполитой слѣдующими городами: Смоленскомъ, Бѣлою, Дорогобужемъ, Рославлемъ, Черниговомъ, Городищемъ Монастыревскимъ, Стародубомъ, Поповой горой, Новгородъ-Сѣверскимъ, Трубчевскомъ,

Поченомъ, Серпейскомъ, Невлемъ, Себежемъ, Краснымъ и Велижской волостью: 4) пазвашные города Русь отдавала «съ парядомъ со всякими пушечными запасами, съ посадскими людьми и съ уѣздными или пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей, а гостямъ и торговымъ людямъ дать волю, кто въ которую сторону захочеть, а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей выпустить въ Московское Государство со веѣмъ имѣніемъ»²⁸⁾).

Такъ окончился походъ Владислава подъ Москву. Нельзя не признать, что Русь заключила перемиріе на крайне тяжелыхъ для себя условіяхъ. Мы не добились отказа королевича отъ притязаній на русскій престолъ и отдали полякамъ старыя русскія земли, съ русскимъ населеніемъ, отдали область верхняго Дѣбира и первые подступы къ Москвѣ. Но надо принять во вниманіе, что врагъ стоялъ въ центрѣ Государства, угрожая его столицѣ, что Россія, истощенной Смутой, нужна была передышка и что при обмѣнѣ плѣнныхъ выгадывали мы: возвращался такіе люди, какъ государевъ отецъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ и бояре князь Голицынъ²⁹⁾ и знаменитый защитникъ Смоленска Шеншъ. При томъ въ лицѣ Филарета возвращался на родину умный, опытный и энергичный человѣкъ, который могъ быть авторитетнымъ соврателемъ своего царственного сына. Кромѣ того митрополитъ Филаретъ не могъ забыть утраты того города, за который онъ такъ ревностно боролся во время великаго посольства въ воинскій станъ Сигизмунда и значеніе котораго хорошо понималъ. Идея о борьбѣ съ поляками за возвращеніе Смоленска была однимъ изъ руководящихъ мотивовъ дѣятельности «великаго Государя патріарха Филарета всея Руси». А дѣятельность его была направлена на укрѣпленіе родины и поднятіе ея благосостоянія.

V.

Болѣе восьми лѣтъ протомился живой и подвижной несмотря на свои преклонные годы митрополитъ ростовскій и ярославскій Филаретъ Никитичъ въ тяжелой неволѣ, въ далекой и чужой странѣ. При томъ поляки разлучили членовъ великаго посольства. Филаретъ жилъ въ Мариенбургѣ, не имѣя при себѣ никого изъ своихъ людей. Въ октябрѣ 1614 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ къ отцу игумена Срѣтенскаго московскаго Монастыря, «священника инока Ефрема, «слыша про него и про его государево житіе и утѣшеніе. Вѣдаше онъ, государь, что у него Государя нѣтъ никакова человѣка и чаяще онъ, Госу-

дарь, что ево къ нему, государю, пустятъ». Вместе съ игуменомъ Ефремомъ царь Михаилъ Феодоровичъ отправилъ въ Литву къ митрополиту Филарету «слугу и иное, что мало... потребное по росписцѣ, а росписца всему тому у священника Ефрема». Кроме того государь черезъ посредство Струся посылалъ своему любимому отцу, страдавшему на чужбинѣ, денегъ и всякаго платья и рухляди, о чемъ нашъ плѣшникъ писалъ своей женѣ и «пріятелямъ». Не знаемъ, скоро ли получилъ «священникъ инокъ» Ефремъ доступъ къ митрополиту Филарету. Извѣстно лишь, что «Литовскіе же люди тово игумена Ефрема сперва къ нему, государю, не пустиша. После жъ тово ему, государю, ево и отдана, и былъ у него, покаместа ево Государя Богъ принесъ на Московское государство».

Векоръ по отъѣздѣ игумена Ефрема, въ концѣ 1614 года, въ Варшаву съ грамотой отъ бояръ къ намъ раднымъ былъ отправленъ Феодоръ Желябужскій. Ему были вручены двѣ грамоты къ митрополиту Филарету. Въ первой царь Михаилъ Феодоровичъ просилъ благословенія у своего отца, сообщалъ ему о здоровьѣ своемъ и инокини Марѣи Ивановны и просилъ его написать: «священно инокъ Ефремъ и слуга бывалъ, и что съ нимъ послано по росписцѣ, до васъ, Великаго Государя, дошло ли, и что къ тебѣ Великому Государю прислали денегъ и иныя какія рухляди Струсова жена и пріятель? Чтoby, Государь, про то намъ было бѣ вѣдомо». Центральное мѣсто царской грамоты составляло извѣщеніе о намѣреніи освободить митрополита Филарета изъ плѣна. Грамота и оканчивается выраженіемъ пожеланія царя и его матери «не душевными токмо, но и тѣлесными очима видѣти» отца и мужа. Другая грамота была послана на имя Филарета отъ освященнаго собора и «бояръ». Въ ней говорилось сначала о неправдахъ поляковъ, затѣмъ выражалась готовность вступитъ съ ними въ мирные переговоры для освобожденія какъ митрополита Филарета, такъ и князя Голицына съ другими плѣшными послами. Желябужскій, пріѣхавъ въ Варшаву, получилъ разрѣшеніе видѣться съ митрополитомъ Филаретомъ. Государевъ отецъ жилъ въ то время въ домѣ Льва Сапѣги. Принявъ грамоту Царя Михаила, митрополитъ Филаретъ спросилъ Желябужскаго: «Какъ Богъ милуетъ сына моего?» На отвѣтъ, что Царь Михаилъ Феодоровичъ, Богъ далъ, въ добромъ здоровьѣ, государевъ отецъ сказалъ нашему посланнику: «Не горядо вы сдѣлали, послали меня отъ всего Московскаго Россійскаго государства съ наказомъ къ Жишмонту королю прохатъ

сына его Владислава королевича на Московское государство государемъ; я и до сихъ поръ дѣлаю во всемъ вправду, а послѣ меня обрали на Московское государство государемъ сына моего, Михаила Феодоровича; и вы въ томъ передо мною неправы; если уже вы хотѣли выбрать на Московское государство государя, то можно было и кромѣ моего сына, а вы это теперь сдѣлали безъ моего вѣдома». Желябужскій возразилъ на это: «Царственное дѣло ни зачѣмъ не останавливается; хотя бы и ты, великій господинъ, былъ, то и тебѣ было перемѣнить того нельзя,—сдѣлалось то волею Божіею, а не хотѣниемъ сына твоего». Митрополитъ Филаретъ согласился съ словами посла: «То вы подлинно говорите, что сынъ мой учинился у васъ государемъ не по своему хотѣнію, изволеніемъ Божіемъ да вашимъ принужденіемъ»³⁹).

Затѣмъ, обратившись къ своему приставу Льву Сапѣгѣ, государевъ отецъ промолвилъ: «Какъ было то сдѣлать сыну моему?—Остался сынъ мой послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ и безсемеенъ, только насъ осталось я здѣсь, да братъ мой на Москвѣ одинъ, Иванъ Никитичъ».

Сапѣга, възбѣшенный, отвѣтилъ грубостью: «Посадили сына твоего на Московское государство государемъ одинъ казакъ дощы». Желябужскій не оставилъ безъ возраженія дерзкаго замѣчанья Сапѣги. «Что ты, нашъ канцлеръ, такое слово говоришь»,—съ укоризной сказалъ нашъ посланникъ,—«то сдѣлалось волею и хотѣниемъ Бога нашего, Богъ послалъ Духа своего Святаго въ сердца всѣхъ людей».

Послѣ этого митрополитъ обратился и къ своему приставу, пану Олешинскому, говоря и Сапѣгѣ и ему: «Насъ царь Борисъ всѣхъ извелъ,—меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичъ».

«Для чего царь Борисъ надъ ними это сдѣлалъ?»,—спросилъ у Сапѣги Олешинскій и получилъ въ отвѣтъ: «Для того царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдась отъ нихъ, чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близки къ царю Федору».

Тогда Олешинскій съ усмѣшкой сказалъ Желябужскому: «На весну пойдетъ къ Москвѣ королевичъ Владиславъ, а съ нимъ мы все поидемъ Посполитою Рѣчью; Владиславъ королевичъ учинитъ вашего митрополита патріархомъ, а сына его бояриномъ».

«Я въ патріархи не хочу», заявилъ Филаретъ, а посланникъ нашъ промолвилъ: «Ты, панъ, говоришь слово похвальное, а мы надѣемся на

милость Божию да на великаго государя Михаила Θεодоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость, и на премудрый разумъ надежны; нынѣ во всѣхъ государствахъ миръ, покой и тишина; всѣ люди ему, великому государю, служатъ и радѣють единодушно; и будемъ стоять противъ Владислава, вашего королевича, и противъ всѣхъ васъ».

Во время разговора вошла жена Струся и начала просить, чтобъ Филаретъ написалъ къ своему царственному сыну съ просьбой жаловать ея мужа. Митрополитъ Филаретъ обѣщалъ это сдѣлать, изъ чего можно заключить, что жена Струся исполнила известное уже намъ порученіе царя Михаила Θεодоровича.

Желябужскому не удалось проститься съ государевымъ отцомъ. Причиной этого было то, что митрополитъ Филаретъ отказался писать къ сыну грамоты безъ царскаго титула, заявивъ: «не могу просто написать безъ царскаго именованія, боюся отъ Бога наказанія: что ему Богъ далъ, а мнѣ како отнять, коли Богъ его нарече царемъ»³¹). Грѣдичъ, отиравленный королемъ къ государеву отцу, сказалъ затѣмъ нашему посланнику: Какъ свѣдалъ Филаретъ, что сынъ его учинился государемъ, то сталъ на сына своего надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамоты не шлетъ». Впрочемъ, по известію Новаго Дѣтница, митрополитъ Филаретъ имѣлъ возможность сказать Желябужскому: «Иди и скажи царю государю и великому князю Михаилу Θεодоровичу всея Руси, а житіе мое все видишь самъ».

Послѣ отъѣзда Желябужскаго не было, кажется, къ митрополиту Филарету посылокъ изъ Россіи до 1619 года. Оно и понятно, такъ какъ въ это время готовился и состоялся походъ Владислава на Русь. Много, очевидно, пришлось пережить униженій и душевныхъ уколовъ плѣнному государеву отцу. Не разъ, конечно, ему приходилось выслушивать укоры поляковъ и переносить выходки Сапѣги и другихъ пановъ. Но въ 1619 году показался просвѣтъ. Митрополитъ Филаретъ узналъ, что заключено Деулинское перемиріе и назначенъ размѣнъ плѣнными. — Обхожденіе съ Государевымъ отцомъ стало гораздо болѣе вѣжливымъ и учтивымъ³²). А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ митрополита Филарета перевезли ближе къ русскимъ предѣламъ въ Оршу, а оттуда отиравились съ нимъ къ Русскому рубежу.

Между тѣмъ уже въ началѣ марта 1619 года³³) наши великіе послы, заключившіе въ декабрѣ 1618 года Деулинское перемиріе, были отиравлены въ Вязму на размѣнъ плѣнныхъ. Здѣсь жили они, ожидая

до конца мая прибытія литовскихъ уполномоченныхъ и русскихъ пѣнниковъ. Съ ними же были и пѣнные поляки: «Струсъ съ товарствомъ», всего до 300 человекъ. Наконецъ пришло извѣстіе, что литовское посольство прибыло въ Дорогобужъ. Тогда условились о мѣстѣ для съѣздовъ, которые должны были происходить въ пустоши Несочнѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Вязьмы, на рѣкѣ Поляновкѣ.

Литовскіе послы назначили съѣздъ на 27-е мая, но московскіе пснугались того, что не уговорились о числѣ провожатыхъ съ обѣихъ сторонъ, и рѣшили съѣхаться 30-го. Такое промедленіе взволновало митрополита Филарета, истомившагося въ тяжелой неволѣ, и онъ велѣлъ передать посламъ, которые по приказу царя во всемъ спрашивали указаній государева отца: «Для чего бояре съ литовскими послами въ четвергъ 27 мая съѣздъ отложили и присерочили съѣздъ въ воскресенье 30? Намъ и такъ уже здѣшнее житіе наскучило, не годъ и не два тершимъ нужду и заточенье, а они только грамоты къ намъ пишутъ и приказываютъ съ вами, что имъ подозрительно, отчего изъ Дорогобужа къ нимъ отъ меня никакой грамоты не прислано, а намъ о чемъ уже больше къ нимъ писать?— И такъ отъ меня къ нимъ писано трижды, боярамъ давно уже извѣстно, что меня на размѣнъ привезли, а если бы меня на размѣнъ отдать не хотѣли, то меня бы изъ Литвы не повезли, или бы изъ Орши назадъ поворотили».

На съѣздѣ 30-го мая Литовскіе послы предъявили новое требованіе о дорогѣ мимо Брянска между уступленными Москвою Рѣчи Посполитой городами. Послы отказали имъ въ этомъ и послали къ митрополиту Филарету спросить, не размѣнять ли его на Струся и нѣкоторыхъ его товарищей, а остальныхъ отпустить. Государевъ отецъ сквозь слезы сказалъ: «Велѣлъ бы мнѣ Богъ видѣть сына моего великаго государя царя, и всѣхъ православныхъ христіанъ въ Московскомъ государствѣ». Потомъ спросить у присланнаго Шереметевымъ и Мецецкимъ гонца: «Есть ли съ боярами какая-нибудь отъ сына моего присылка, соболі или что другое? Надобно мнѣ почтить тѣхъ поляковъ, которые оберегали мое здоровье; и если у бояръ есть соболі, то чтобъ они прислали мнѣ ихъ сегодня же».

Митрополитъ Филаретъ жаждалъ поскорѣ увидѣть своихъ близкихъ и дорогую родину, а литовскіе послы, понимая выгоды своего положенія, были неуступчивы и задорны. Положеніе нашихъ уполномоченныхъ было очень затруднительно. Въ то же время Шенигъ прислалъ черезъ довѣрен-

ное лицо сказать, что литовское посольство готово на нарушение перемирия. Тогда Ф. П. Шереметевъ съ товарищами согласился на требуемую уступку, и 1-го июня поздно вечеромъ состоялся давно ожидаемый разрывъ плѣнныхъ.

Самый разрывъ произошелъ такимъ образомъ. Черезъ Поляновку построили два моста. Къ одному изъ нихъ подъѣхалъ Филаретъ въ возкѣ, за которымъ шли остальные русскіе плѣнные. У другого моста стоялъ въ то время Струсь и другіе плѣнные литовцы и поляки. Струсь первымъ былъ отпущенъ на литовскую сторону. Это разрывилъ сдѣлать Филаретъ. «Затѣмъ одновременно пошли по обоимъ мостамъ плѣнники, какъ русскіе, такъ и поляки съ литовцами. После долгой, томительной неволи государевъ отецъ, храбрый защитникъ Смоленска и многіе другіе стойкіе русскіе люди увидѣли желанную, любимую родину, которой принесли много великихъ жертвъ. Переѣхавъ черезъ Поляновку, митрополитъ Филаретъ вышелъ изъ возка. Къ нему подошелъ Ф. П. Шереметевъ и отъ лица царя сказалъ: «Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, велѣлъ васъ о здоровьи спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорблялся тѣмъ, что вашимъ отеческимъ святительскимъ очей многое время не сподоблялся видѣть». Потомъ Шереметевъ правилъ челобитье и отъ великой инокини Марфы. Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ по заведенному чину и благословилъ боярина. Затѣмъ товарищъ государева отца по великому посольству, князь Дан. Ів. Мезецкій, правилъ челобитье ему отъ боярской думы и «всего государства»: «Бояре, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи, окольные и вся царского величества Дума и все великое Россійское государство вамъ, великому государю, челомъ бьетъ и вашего государскаго прихода ожидаетъ съ великою радостью». Третій великій посолъ, окольный Измайловъ, обратился къ боярину Шенну съ такой рѣчью: «Служба твоя, раденье и терпѣнье, какъ ты терпѣлъ за нашу православную христіанскую вѣру, за Святыхъ Божіихъ церквей, за насъ, великаго государя, и за все православное христіанство Московскихъ великихъ государствъ, вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣли и промышляли, чтобъ васъ изъ такой тяжелой скорби выпободить». И другіе плѣнные удостоились отъ царя подобнаго же знака вниманія.

На другой день утромъ государевъ отецъ побѣжалъ въ Вязьму, приказавъ послать польскимъ людямъ въ почестъ барановъ, куръ, вина, меду.

калачей.—Въ это время въ Москвѣ происходили радостныя приготовленія къ достойной встрѣчѣ митрополита Филарета. 6-го іюня пришла въ Москву давно ожидавшаяся вѣсть о томъ, что государевъ отецъ освобожденъ ³⁴). Съ тѣхъ поръ государь трижды посылалъ къ нему узнать о здоровьѣ. Бѣдныя приближеннѣйшія къ царю лица: Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, князь Иванъ Бор. Черкасскій и князь Аѳ. Вас. Лобановъ-Ростовской ³⁵). Въ то же время выработали порядокъ торжественныхъ встрѣчъ митрополита Филарета. Дѣло не обошлось безъ мѣстническихъ счетовъ не смотря на приказъ государевъ: «быть всемъ безъ мѣстъ» ³⁶).

Первая встрѣча состоялась въ Можайскѣ. Встрѣчали государева отца архіепископъ Рязанскій Юсифъ, бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и окольничій кн. Гр. Конст. Волконскій со свитой изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Во второй встрѣчѣ близъ Звенигорода у Саввина Сторожевскаго монастыря участвовали архіепископъ Вологодскій Макарій, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и думный дворянинъ Гавр. Григ. Пушкинъ.

Въ селѣ Хорошевѣ состоялась третья встрѣча, на которой были митрополитъ Сарскій и Подонскій Юна, бояринъ князь Дм. Тим. Трубецкій и окольничій Фед. Леонт. Бутурлинъ ³⁷).

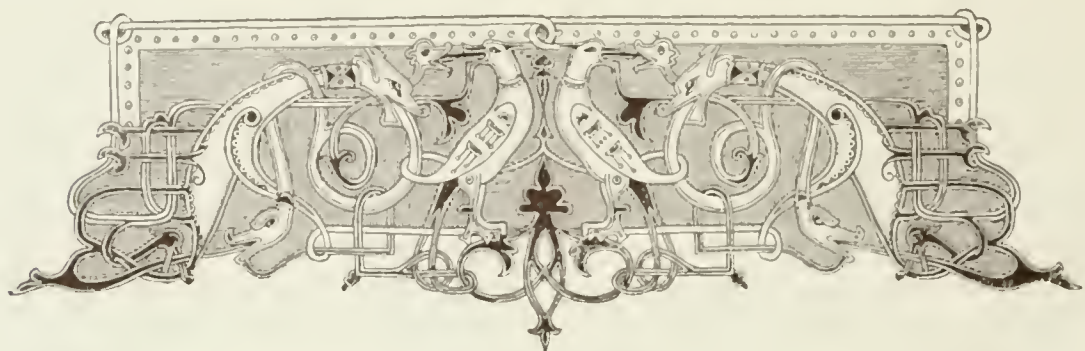
Наконецъ за рѣчкой Прѣсей, за Тверскими воротами встрѣчалъ 14-го іюня 1619 г. своего отца самъ царь Михаилъ Федоровичъ, окруженный всемъ своимъ дворомъ и синклитомъ ³⁸). Встрѣча была радостная и трогательная: царственный сынъ склонился къ землѣ передъ митрополитомъ Филаретомъ, чтя въ немъ отца и святителя. И государевъ отецъ поклонился въ ноги сыну—царю. Долго не могли они подняться съ земли и заговорить; слезы умиленія и радости катились по ихъ лицамъ. И вся Москва ликовала при видѣ встрѣчи царя съ своимъ отцомъ, вернувшимся послѣ тяжелой неволи.

Царь ознаменовалъ радостный день свиданья съ митрополитомъ Филаретомъ подвигами благочестія и милосердія. Онъ построилъ между Никитской и Тверской улицами «храмъ во имя пророка Елисѣя», память котораго наша церковь празднуетъ 14-го іюня. Кромѣ того «Государь же Царь Михаилъ Федоровичъ всеа Русіи для прихода отца своего, кои были въ ево государской оналѣ за приставы и кои были сосланы по городамъ по темнищамъ, и тѣхъ государь пожаловалъ, велѣлъ освободить» ³⁹).

Вскорѣ по прибытіи митрополита Филарета «приидоша же ко государю власти и бояре и всемъ народомъ Московскаго государства бнша

ему челомъ со слезами, чтобъ онъ государь упросилъ у отца своего, государя Филарета Никитича, чтобъ вступился въ православную христіанскую вѣру и былъ бы на престолѣ патриаршескомъ Московскомъ и всея Русіи ⁴⁰). Такое челобитіе земскаго собора соотвѣтствовало задумевшему желанію царя Михаила Феодоровича и было совершенно естественно. На Москвѣ послѣ смерти Гермогена не было патриарха: ожидали освобожденія изъ плѣна государева отца ⁴¹). Митрополитъ Филаретъ долго отрекался отъ великой должности и чести, слѣдующей русскому обычаю. Затѣмъ далъ свое согласіе. 22-го іюня его нарекли патриархомъ. 24-го іюня 1619 года состоялось торжественное возведеніе въ патриаршій санъ государева отца. Чинъ возведенія получилъ еще большую, чѣмъ обычно, торжественность, такъ какъ былъ совершить Іерусалимскимъ патриархомъ Феофаномъ, бывшимъ въ то время въ Москвѣ ⁴²).

Прибытіе митрополита Филарета въ Москву и возведеніе его на патриаршескую кафедру было важнымъ событіемъ русской исторіи. Государевъ отецъ былъ многоопытнымъ человекомъ. Съ желѣзной волей и властнымъ характеромъ онъ соединялъ широкій государственный умъ. Онъ хорошо зналъ Русь и ея нужды, знакомъ былъ съ вопросами внешней политики и внутренняго управления. По своему положенію въ государствѣ, какъ государевъ отецъ и всероссійскій патриархъ, онъ пользовался громаднымъ и безусловнымъ авторитетомъ. Поэтому для Руси было безспорнымъ благомъ, что въ періодъ возстановленія и возсозданія нашей внутренней мощи на ряду съ добрымъ, ласковымъ, мягкимъ великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ сталъ у кормила правленія «владѣтельный», дѣятельный и прощательный великій государь патриархъ Филаретъ Никитичъ.

АИГЬ трудъ оконченъ. Съ возвращеніемъ государева отца изъ плѣна начинается новая эпоха царствованія Михаила Феодоровича. Первые годы своего правленія родоначальникъ плѣнъ царствующаго Дома Романовыхъ долженъ былъ положить на борьбу съ послѣдними проявленіями «разрухи» и «слухотѣтя». Смута не разъ пыталась возродиться, но не находила себѣ достаточной опоры въ русскомъ населеніи, громадное большинство котораго жаждало тишины и порядка, и поэтому была окончательно подавлена и прекращена. И съ вѣнскими врагами, воспользовавшимися внутренними раздорами нашей родины, для того, чтобы обезсилить ее, а если окажется возможнымъ, то и покорить, такъ или иначе были установлены сравнительно мирныя отношенія.

Велика была цѣна, которой наши предки купили себѣ спокойствіе на границахъ русской земли и прекращеніе иноземнаго внимательства во внутреннія дѣла Московскаго государства. За то Русь получила возможность дальнѣйшаго безиреятевнаго развитія и усиленія.

Громадны и трудны были задачи, подлежавшія плѣнъ царствующей династїи. Предстояло на первыхъ порахъ поднятіе благосостоянія страны, потрясенной смутой и «разрухой», и укрѣпленіе ея внутренней мощи, а затѣмъ упорная борьба за отторгнутыя отъ Руси ея исконныя области и за обладаніе берегами Балтійскаго моря. Въ то же время нельзя было оставить безъ вниманія и поддержки основнаго процесса нашей исторїи—освоенія болѣе или менѣе пустынныхъ пространствъ Восточной Европы и Сѣверной и Средней Азии и распространенія въ нихъ русской христіанской культуры.

При этомъ необходимо было, соблюдая чистоту православной вѣры, сохраняя сильную государственную власть, столь важную для такого обширнаго государства, не отрываясь отъ родной почвы, охраняя русскую самобытность, сблизиться съ иноземнымъ Западомъ и приобщить свой народъ къ благамъ западноевропейскаго знанія и культуры, дать ему возможность и свободу развернуть свои богатые природныя способности и дарованія.

Таковы задачи, которыя призвана была разрѣшить нынѣ царствующая династія, унаслѣдовавъ ихъ отъ Дома Ивана Калиты. И достаточно имени Великаго Императора Петра I, внука царя Михаила Феодоровича, чтобы понять, чѣмъ Россія обязана Дому Романовыхъ.

Между тѣмъ уже первые цари этого царствующаго Дома подготовили своей дѣятельностью ту почву, на которой съ такимъ блескомъ дѣйствовали впоследствии Великій Преобразователь Россіи.

Они при этомъ въ своемъ правленіи развивали начала, заложенныя въ Россіи предшествовавшей династіей. Вѣрные слуги и сотрудники, затѣмъ родственники князей и царей собирателей Руси, Романовы явились по праву историческаго преемства наследниками и ихъ власти, и ихъ завѣтовъ.

Въ тяжелую годину смуты государи нынѣ царствующаго Дома бодро взяли за кормило правленія и, не страшась бурь и волненій, вывели могучую нашу родину на широкій зуть славы, величія и процвѣтанія.

ПРИМЪЧАНІЯ

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ I.

1. П. С. Р. Л., т. X, стр. 218; курень нашъ.
2. Это видно изъ того, что Гёттингъ помѣщаетъ это извѣстіе послѣ цѣлаго ряда сообщеній, относящихся къ 6855, т. е. 1346—1347 году.
3. Сочиненіе барона Кампенгаузена издано имъ въ Лейпцигѣ въ 1805 году.
4. Жирный шрифтъ въ оригиналѣ.
5. Первые двѣ части (всего ихъ три) труда Кампенгаузена, относящіяся къ занимающей насъ темѣ, переиздалъ покойный Н. П. Селюфоновъ въ «Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова», въ первой его части. Къ текету приложенъ и переводъ in extenso. Мы въ текетѣ помѣщаемъ этотъ переводъ (данное мѣсто помѣщено на 113 стр. первой части «Сборника»), а въ примѣчаніяхъ даемъ нѣмецкій оригиналь для свѣрки: das Haus Romanow, dessen vorälterliches Stammhaus schon im dreizehnten Jahrhunderte in Russland aussässig ward, und seitdem dem Russischen Reiche im Kriege und Frieden, in den ansehnlichsten und wichtigsten Militair-Civil-und geistlichen Aemtern und Würden die ausgezeichnetesten Dienste leistete,— das Haus Romanow, welches in der Linie Rurik-Romanow schon im sechzehnten Jahrhunderte zum Russischen Throne gelangte, und in der Linie Romanow-Rurik diesen Thron seit dem Jahre 1613, also seit ein hundert und zwei und neunzig Jahren, in männlicher und weiblicher Descendenz besitzt; stammt zunächst von dem Geschlechte Juriew, einem Zweige des Geschlechts Sacharin, das Geschlecht Sacharin aber von dem Geschlechte Koschkin, und das Geschlecht Koschkin von dem Geschlechte Kabülin oder Kambilin ab, von welchem sehr viele theils schon erloschene, theils noch fortblühende Russische Familien entsprossen sind. Das Geschlecht Kambilin ist aber kein einheimisch-Russisches, sondern ein Preussisch-Litthauisch-Samogitisches Geschlecht, das von den alten Königen, Fürsten, oder Machthabern unter den vormaligen heidnischen Bewohnern dieser Länder abstammt. (Селюфоновъ, стр. 112).
6. Селюфоновъ, I, стр. 120. Der erste in Russland etablirte Ahnherr der vorälterlichen Romanow-schen Stammhauses war ein Preussisch-Samogitischer Fürst oder Machthaber, Glandal (oder Glanda) Kambila Diwonowitsch genannt, von den uralten heidnischen Preussisch-Litthauisch-Samogitischen Königen, Fürsten oder Machthabern entsprossen, der aus seinem väterlichen Erbe in Samogitien und in Sudauernland von dem die Preussischen Länder unterjochenden Deutschen Orden vertrieben, in dem letzten Viertel des dreyzehnten Jahrhunderts mit seinem unmündigen Sohne nach Russland flüchtete, daselbst im Jahr 1287 getauft wurde und bey dieser Gelegenheit den Taufnamen Jwan erhielt, wie dieses in der nachfolgen den genealogischen Special-Geschichte umständlicher erörtert werden wird. Seineben erwähnter Sohn, der in Russland Andrei Jwanowitsch Kambila (oder corruptirt Kabüla, auch Kobiüla) genannt wurde, hinterliess ein Zahlreiche Nachkommenschaft, die nach seinem und seines Vaters Beynahmen das Geschlecht Kabülin oder Kobiülin hiess.
7. Первая посвящена численію всѣхъ вѣтвей рода Андрея Кобыла, гербамъ этого рода, вопросу о родовыхъ вотчинахъ семьи Романовыхъ, и мн. др. Здѣсь авторомъ сдѣлано много интересныхъ наблюденій и приведено много цѣнныхъ для того времени (1805 г.) данныхъ. Однако Кампенгаузенъ

придает слишком большое значение сходству гербов родственных между собой фамилии рода А. Кобылы и их эмблемам (ibid. стр. 132—139), которые по мнению исследователя подтверждают происхождение Романовых и отъ *Пруско-Литовско-Самогитских* державцев. Мы знаем, что гербы вошли у нас в употребление съ конца XVII вѣка [Барсуковъ, I, стр. 12—13, ссылка на свидѣтельство Котонихина; ср. Котонихинъ «О Россіи въ царствование Алексѣя Михайловича», изданіе четвертое, стр. 28—29). Поэтому указанное Каменгаузеномъ сходство свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что гербы составлены сообразно существовавшему въ концѣ XVII вѣка преданію, и подтверждать его никакъ не могутъ.

8. Ibid. стр. 191 и 192; Нѣмецкій текстъ см. на стр. 190 и 192: «Nach der Uebereinstimmung, die sich hierüber, neuern Forschungen zu Folge, in vielen der glaubwürdigsten Chroniken, Geschichts und Familien-Nachrichten und Urkunden findet, kann man mit Gewissheit annehmen, nicht nur, dass der erste Russische Abnherr des vorälterlichen *Romanowschen* Stammhauses dieser *Glanda* (auch *Glandal* genant) *Kambila Dixonowitsch*, sondern auch, dass er aus Samogitien und dem benachbarten Sudauer-Lande gekommen, in diesen Gegend ein Machthaber gewesen»...

9. Разсужденія Каменгаузена основаны въ данномъ мѣстѣ на мнѣніи о томъ, что ложное преданіе въ такихъ случаяхъ не можетъ «зародиться, а потому удерживаться» не встрѣчалъ протестовъ «дѣйствительныхъ членовъ рода, которымъ навязывали чужеродцевъ» (ibid. стр. 193; см. стр. 192, нѣмецкій текстъ). А если преданіе возникло поздно и основано на измышленіяхъ? Кому тогда протестовать?

10. Каменгаузенъ въ своихъ изысканіяхъ не нашелъ имени Гланды среди Самогитскихъ князей XIII вѣка (ibid. стр. 200—201), что не помѣшало ему вѣрить съ существованіе этой мнѣмой личности.

11. Наибольшей умѣренностью изъ намъ извѣстныхъ трудовъ подобнаго рода отличается «Родословіе Высочайшей фамилии Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, Елизаветы Петровны самодержицы Всероссийскіе», составленное Н. К. (какъ догадывается, извѣстнымъ Петромъ Крешинскимъ), напечатанное въ Памятникахъ Императорскаго Общества Любителей Древней письменности и перепечатанное Семифоновымъ. Въ предисловіи къ «Родословію» (*Семифоновъ*, I, стр. 97) читается между прочимъ: «Фамилія... происходитъ отъ нѣкоего Андрея, которому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приписывается отечество Ивановичъ. И объ немъ упоминается, что выехалъ изъ Пруссіи и былъ братъ нѣкотораго Прусскаго князя. Когда сіе сдѣлалось, оно можно заключить по упомянутымъ въ родословныхъ книгахъ его потомкамъ, а именно, что пріѣздъ его въ Россію былъ около половины XIV вѣка по Рождествѣ Христовѣ, го-есть во время великаго князя Ивана Ивановича, отца великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго».

12. Извлеченіе изъ этой записки, рукопись которой находится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева, сдѣлано въ извѣстномъ сочиненіи А. Н. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». Оно помѣщено въ I-ой книгѣ названнаго труда на стр. 4—8.

13. *Барсуковъ* I, стр. 5, 6.

14. Ibid. стр. 7 и 8.

15. А. Н. Барсуковъ сообщаетъ намъ и имена «ауторовъ», вдохновлявшихъ и руководившихъ Кольчева; среди нихъ мы встрѣчаемъ Длугоша, Кромера и т. п. историковъ, не отличавшихся критицизмомъ.

16. И. С. Р. А., т. XXII, часть первая, стр. 214.

17. И. С. Р. А., т. XII, стр. 78.

18. Прозваніе нѣкоторыхъ сыновей Кобылы: Жеребецъ, Елка, Кошка; дагдѣ встрѣчаются Брехъ, Казаки; Иванъ Шкитичъ Романовъ имѣлъ прозвище Баба и т. д. Припомнимъ еще князей Овчину-Оболенекаго, Рѣшино и т. д. и т. д. Укажемъ у французовъ хотя бы епископа Шьера Кошона, у нѣмцевъ Баха и т. п.

19. Мы лично думаемъ, что Дивонъ измышленъ благодаря отсутствію Андрея Кобылы, званнагося, какъ видно изъ родословныхъ, Ивановичемъ. Подобно этому и Камбила появился благодаря прозвищу Андрея Ивановича. Правда, А. Н. Барсуковъ приводитъ «дарственную записку Эрмляндскаго Каштула, данную 23 іюля 1290 года, нѣкоему Кабилѣ (*Cablio*) на владѣніе помѣстьемъ Палабенъ (*Nalaben*), съ тѣмъ, чтобы онъ Кабило, и его наследники, по обычаю страны, служили

капитулу однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ (*Барсуковъ* I, стр. 8) и дѣлаетъ такое заключеніе: «Сведя вмѣстѣ Кольчовекаго Гланду-Камбилу, упоминаемаго въ Варминскихъ памятникахъ Sabilo и нашего лѣтописнаго Андрея Кобылы, казалось бы возможнымъ допустить что во веѣхъ трехъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ» (*ibid.*, ст. 9). Такая возможность, по нашему мнѣнію, мало вѣроятна. Во всякомъ случаѣ разстояніе отъ князя, хотя бы и мелкаго, до ничтожнаго вассала, выставившаго на службу всего одного вадника (рыцарское «копье» состояло изъ нѣсколькихъ человекъ), слѣшкомъ велико, чтобы можно было сводить вмѣстѣ эти три показанія.

20. *Барсуковъ*, I, стр. 2. О происхожденіи Шереметевыхъ отъ А. Кобылы будетъ сказано въ настоящей книгѣ ниже.

21. *Барсуковъ*, I, стр. 3. Къ показанію Шереметева о властительномъ происхожденіи его предка въ Разрядѣ отнеслись, повидимому, безъ особаго довѣрія; по крайней мѣрѣ въ Бархатную книгу его не занесли; см. изд. Бархатной книги, Москва 1787 г., часть II, стр. 403.

22. Извѣстно, на какія некаженія и даже подлоги пускались люди конца XVII вѣка для прославленія своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ предковъ. См. объ этомъ хотя бы въ статьѣ «Хрущовскій списокъ Степенной книги...», *Ж. М. П.* Пр., мартъ 1904 года, и отдѣльно.

23. Наоборотъ, какъ видно изъ показанія Шереметева, онъ считаетъ слово «Кобыла» прозвищемъ своего предка. Вообще, не принимая свидѣтельствъ этого боярина, не сомнѣваемся въ ихъ добросовѣстности. Изъ нижеслѣдующаго въ текетѣ видно, что слова Шереметева основаны на преданіяхъ XVI—XVII вѣковъ.

24. П. П. Лихачевъ: «Разрядные дѣяніи XVI вѣка», стр. 312, прим. 2-е.

25. *Селифонтовъ*, I, стр. 19.

26. Курбскій, стр. 108.

27. *Ibid.*, стр. 360.

28. Объ этомъ дѣлѣ подробно ниже, см. *Карамзинъ*, VI, прим. 489; Древнѣйшая Разрядная книга официальной редакціи, Москва, 1901 г., стр. 27. В. О. Ключевскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Извѣстенъ мѣстическій случай, въ которомъ самъ Иванъ III выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служиваго князя передъ простымъ, хотя бы и родовитымъ московскимъ бояриномъ... Великій князь... напомнилъ ему одинъ служебный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія: бояринъ О. Д. Хромой, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челядинныхъ, командовалъ сторожевымъ полкомъ, когда главнымъ воеводой былъ послѣдній великій князь Ярославскій... Великій князь хотѣлъ сказать Захарычу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи, родовитой не менѣе Кошкиныхъ, не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ княземъ Ярославскимъ... Такъ генеалогической знатности стали жертвовать давностью службы» (*Ключевскій «Дума»*, стр. 211 и сл.).

29. Вотъ почему покойный С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» ни разу не обмолвился о выѣздѣ Андрея Кобылы «изъ Пруссы». Впрочемъ Ключевскій вѣритъ, что «изъ Пруссіи» шли «Кошкины съ отраслями своими Захарыными и Беззубцовыми и съ родичами Кольчевыми» (*Ключевскій «Дума»*, стр. 168, прим.; курсивы въ подлинникѣ).

30. Быть можетъ, на такія предположенія наталкивали и выѣзжіе на Русь греки и славяне среди которыхъ были мастера на выдуманье вышнихъ генеалогій; см. объ этомъ ниже.

31. См. Бархатную книгу, часть 2-ую, стр. 281—426.

32. *Ibid.*, стр. 415 и 419—20.

33. *Ждановъ* «Русскій былевой эпосъ», стр. 109.

34. П. С. Р. Л., т. XXI, часть первая, стр. 10.

35. *Ждановъ* «Русскій былевой эпосъ», стр. 111; на стр. 109—110 *Ждановъ* указываетъ на аналогичныя генеалогіи болгарскихъ Асѣней, ведшихъ себя отъ знатнаго римскаго рода и сербскихъ Пѣманей, притязавшихъ на родство съ Константиномъ Великимъ.

36. Изъ «Сказанія о Князяхъ Владимерскихъ» и «Посланія Спиридона Саввы» (текеты ихъ помѣщены у *Жданова*, ор. сі; см. легенду на стр. 594—596) легенда перешла въ Московскую

официальную грамоту и Степенную, где Прусь из рода Ротеншика (таким его считали «Сказание и Послание») обратился к брату Августа Кесаря.

37. Объявление Ивана IV см. у *Жонова*, *op. cit.*, стр. 113; примечание любезный редактор Флетчера о том, как сам царь пресерьезно уверил одного иностранца в своем немецком произношении «Флетчер», издание Суворина, 1906, стр. 19.

38. *Селифонтов*, I, стр. 315—324. Русские люди XVII века настолько вверли в существование Пруса, что писали в грамоте объявлении царя Михаила Федоровича, о проехождении Рюрика «отъ корени Августа Кесаря» (С. Г. Гр. и Док., I, стр. 399).

39. Издана в С.-Петербурге, в 1908 году.

40. Вся статья состоит главным образом из ряда выдержек из документов XIII и XIV века; среди этих выдержек и даются намеки, позволяющие угадывать мысль автора. При этом почти ничего осталось недокazanным, а потому и не совсем обоснованным. Так, наприм., неясно, почему «Иванка» новгородских грамот называется автором также и Иваней. Затем к вопросу о владениях, данных «Иванкови», мы решительно не можем согласиться с уважаемым Г. С. III. Дело в том, что в грамотах (кстати отметим, что на стр. 17 интересного исследования Г. С. III, вкралась в ошибки 1 и 2 путаница, жившаяся, быть может, вследствие корректурского недосмотра: в 1-ой ссылке должно быть поставлено № 2, а во второй речь должна идти о грамоте № 19, на которая ссылается Г. С. III, и которая говорит об одном и том же пожаловании «Иванкови» земли Новгородской, так как обе писаны в одно время, читается об этом факте следующим образом. В первой грамоте (С. Г. Гр. и Док. I, стр. 1) стоит: «А се, Княже, волости Новгородские: Волокь съ всеми волостями, Торжокь, Безици, городь Палици, а то еси дати Иванкови; потомъ Мелечь...» Если вть приведенного места можно было бы заключить, что Иванка получила Волокь, Торжокь и т. д., то вторая грамота (*ibid.*, стр. 2) разъясняет, в чем дело. Там находим: «А се волости Новгородские: Волокь со всеми волостями. А держати ти свой тивунъ на половинѣ, а Новгородь на половинѣ, во всей волости Володьков, а въ Торожку, княже, держати тивунъ на своей части, а Новгородь на своей части. А городь здѣсь проущено Палици; ср. *ibid.*, стр. 3, 6 и т. д., Княже, дати Дмитрии съ Новгороди Иванку; а то ти, Княже, не отъяти...» Ясно, что Иванка данъ былъ одинъ «Городь Палици», притомъ не въ потомственное владѣніе; см. *ibid.*, стр. 3; въ грамотѣ, написанной въ 1270 году, о дареніи Иванку уже не упоминается; сравн. и другія грамоты, помещенныя дальше въ томъ же томѣ.

41. *Селифонтов*, I, стр. 49.

42. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 51, пошел на духовной 1371 года: И. С. Р. Л., т. XI, стр. 54: «А на Москви повсуду своего остави у отца своего Кириана митрополита всея Русію, и у жены своей, у великіа княгини Ефдоки, и у сыновъ своихъ, у Василя и у Юрия, Федора Андрѣевича; С. Г. Гр. и Док., I, стр. 59 «что выгнати бояршии мои Федоръ Андрѣевичъ на обчьемъ рѣкъ Тоть и Мельнь у Смолени».

43. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 62.

44. И. С. Р. Л., т. XI, вторая часть, стр. 403.

45. С. Г. Гр. и Док., II, стр. 16.

46. И. С. Р. Л., XI, стр. 155: «И Князь велики Василен Дмитриевичъ посла къ нимъ въ Новгородъ Федора Кошки, Андреева сына Кобылина и Ивана Уду и Селивана и подкрѣпиша миръ по старинѣ и черной боръ дана великому князю на всехъ властехъ Новгородскихъ».

47. И. С. Р. Л., т. XI, стр. 127: «Кеиць князь Михайль Александровичъ Тверскій сына своего къ Москвѣ у Федора у Кошки, Андреева сына».

48. Его пошел ильъ уже на первой духовной великаго князя Василя Дмитриевича, составленной въ 1406 году, объ его постриженіи и монашескомъ имени (Феодориль), см. *Барсуков*, I, стр. 26 и 30—31.

49. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 72. Иванъ Федоровичъ занимает среди бояръ 6-е мѣсто.

50. С. Г. Гр. и Док., II, стр. 16.

51. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 82 и 85.

32. С. Р. Гр. и Док., I, стр. 82 и 83.

33. П. С. Р. Л., т. V, стр. 264 и сл. Рассказ помещен в Софийской первой летописи.

34. *Барсуковъ*, I, стр. 30 и сл. и прим. 42, где указана 117 стр. Архангелогородского летописца, изд. в Москве в 1781 году.

35. Мы лично склонны ему верить, хотя Никоновская летопись рассказывает все дело иначе (П. С. Р. Л., т. XII, стр. 47) «... тогда позналъ Петръ Константиновичъ на князи Васильи Юрьевичѣ поелъ златъ... Тотъ бо поелъ о свадьбѣ великаго князя Дмитрія Ивановича подумалъ Васильи тысячекіи...»

36. Во время этихъ междоусобій, действительно, были случаи разграбленія имущества у враговъ и ихъ сторонниковъ, что видно, напримеръ, изъ договорной грамоты вел. князя Василья II съ дядей его княземъ Юрьемъ Галицкимъ, относящаяся къ 1428 году: «А что были межъ насъ въ наше незлобие войны и грабежи, или дани и маны, или где что взято и положено, и тому погребѣ на обѣ стороны». (С. Р. Гр. и Док., I, стр. 87). Затѣмъ въ 1448 году кн. Дмитрій Шемяка и кн. Иванъ Можайскій обязались передъ вел. кн. Васильемъ II возвратити, «что еси взяли казну князя Великаго и матери его Великіе княгини, и его Великіе княгини и бояръ его и Марьины Голтыевы».

37. *Селифонтовъ*, I, стр. 284.

38. П. С. Р. Л., XII, стр. 63: «Приходима Литва къ Колузѣ, навъ Судивой, пани Родивилъ Осековичъ, Андриона Мостилоничъ, Якубъ Раловичъ, Андрей Псаковичъ, Николай Немировичъ, Захаръ Ивановичъ Кошкинъ, а рати съ ними 7000; Соловьевъ, I, стр. 1512, прим. 3: «Литовскій воевода Захаръ Ивановичъ Кошкинъ былъ смоленскій бояринъ. О фамилии Смоленскихъ Кошкиныхъ см. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Польскія»...

39. Древнѣйшая разрядная книга официальной редакціи, стр. 10: «Князь Юрь Патрикѣевичъ прибыхалъ, а захал бояръ...». Положеніе служебныхъ князей первоначально было выше боярскаго, что видно и изъ выраженія «князь и бояръ». Затѣмъ съ наплывомъ въ Москву массы князья, съ присоединеніемъ къ Москвѣ удѣловъ измѣльчавшихъ княжескихъ фамилій, князья не только обратились въ родовыхъ бояръ, но многіе изъ нихъ пополнили собой ряды класса удѣльныхъ дѣтей боярскихъ.

40. *Ключевскій* «Боярская дума», стр. 212: «столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилого потока» *ibid.*, стр. 213: «изъ простаго московскаго боярства одни Кошкины съ пѣвоторымъ успѣхомъ держались среди этой вышней знати».

41. Этотъ боярскій родъ, слѣдуя тогдашнему обыкновенію, часто смѣнялъ свою фамилію, при чемъ нѣмъ дѣла, иногда прѣдѣла забывали наше фамильное обозначеніе.

42. Древняя Вивліюнка, XX, стр. 3; пожалованіе отмѣчено 6988 годомъ; это надѣетъ на 1479—1480 гг. По словамъ В. О. Ключевскаго свѣдѣнія, сообщаемыя епископомъ чинювъ, помещенными въ Древней Вивліюнкѣ, т. XX, не вполне исправны (*Ключевскій*, «Боярская Дума» стр. 220, прим.), въ особенности запаздываютъ часто въ хронологіи.

43. Въ 1482 году въ Новгородѣ намѣстникомъ былъ еще князь Шуцкій (П. С. Р. Л., XII, стр. 213; но уже въ 1485 году великій князь «боярину своему Якову Захарычу велѣлъ поити съ Новгородскою силою» (*ibid.*, стр. 217) «къ Твери ратию».

44. «Въ лѣто 6995... князь великій перевелъ изъ Великаго Новгорода въ Володимерь лучшихъ гостей новгородскихъ пятьдесятъ семей (П. С. Р. Л., т. XII, стр. 219).

45. П. С. Р. Л., т. XII, стр. 220; здѣсь рассказана вся исторія этого переселенія.

46. Древняя Россійская Вивліюнка, XIV, стр. 237: «Князь Великій приказалъ съ Тобюю (т. е. Генадіемъ) того дѣла обыскивати Намѣстникомъ Якову да Юрью Захаревичемъ, и тыбъ съ нами того дѣла обыскивалъ вмѣстѣ, и которые дойдутъ по правиламъ твоимъ святительскимъ духовныя казни, и ты ихъ духовне казни, а которыя дойдутъ градекіе казни, шо тѣхъ Намѣстники Великаго князя казнятъ градекою казнею».

47. Древнѣйш. разр. Книга, стр. 22; П. С. Р. Л., т. XXI, часть вторая, стр. 571: «Въ лѣто же 7004 году великій князь посла воеводъ своихъ: князя Дашла Васильевича и Якова Захарыча къ Немецкому граду Выбору. Они же града не взяли, землю же пугу сотворили».

68. А. Н., I, № 110.
69. Н. С. Р. Л., XII, стр. 252.
70. Древняя Вивлиоика, XX, стр. 12; выше Якова Захарьича стоят лишь князя Даниль Васильевичъ Щеня и Михаилъ Федоровичъ Телятевскій; на духовной князя Ивана III подписались 4 сановниковъ: князь Василій Даниловичъ Холмскій, занимающій въ списке бояръ 7 мѣсто), князь Данила Васильевичъ Щеня), да Яковъ Захарьичъ, да казначей Дмитрей Володимировичъ Овца; (см. Г. Г. Гр. и Дог., I, стр. 400).
71. Н. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 9.
72. Древняя Вивлиоика, XX, стр. 15: «7019 году... умерли, Бояринъ Яковъ Захарьевичъ». Что касается именованія Якова Захарьича воеводой Коломенскимъ (см. *Соловьевъ*, т. VI, стр. 1513, выдержки изъ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи), то оно ни что иное, какъ титулъ, придававшійся нашимъ вельможамъ при сношеніи ихъ съ иностранцами.
73. Древняя Вивлиоика, XX, стр. 7 и 11.
74. Какъ мы увидѣли изъ одного изъ примѣчаній, сдѣланныхъ выше, Юрій Захарьевичъ былъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ намѣстникомъ Новгородскимъ въ 1492 году. Не былъ ли онъ имъ и раньше?
75. Н. С. Р. Л., XII, стр. 252; о мѣстничествѣ съ княземъ Даниломъ см. «Древнѣйшая разрядная книга», стр. 27. Кромѣ войны съ Литовцами Юрій Захарьичъ участвовалъ въ двухъ походахъ на Казань: въ 1485 и 1499 годахъ, оба раза въ должности второстепеннаго воеводы (см. Др. разр. книгу, стр. 14 и 24).
76. Н. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 453: «Иванъ Васильевичъ... выбралъ себя невестку, дщерь околичего своего Романа Юрьевича». Въ списке высшихъ чиновъ, помѣщенномъ въ XX т. Древней Россійской Вивлиоики Романа Юрьевича не встрѣчается. Въ Дрешн. Разр. кн. онъ упоминается въ 1532 году, какъ одинъ изъ младшихъ воеводъ на берегу (стр. 87 и 89), а въ 1537 году, какъ второй воевода въ Нижнемъ-Новгородѣ (стр. 102). О днѣ и годѣ его смерти см. *Селифонтовъ*, II, стр. 33 и сл.
77. Древняя Вивлиоика, XX, стр. 17 и 20; Н. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 13: «Въ лѣто 7019 (т. е. 1510) побря отпустилъ князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи посольствомъ въ Литву Михаила Юрьева сына Захарьича, ibid стр. 31—32, о посольствѣхъ М. Ю. въ Казань; въ 1520 году М. Ю. ведетъ переговоры съ Литовскими послами *Кариманиъ*, VII прим. 206, выписка изъ Польскихъ дѣлъ, о военныхъ службахъ М. Ю. свидѣнія собраны у *Селифонтова*, II, стр. 30 и 31.
78. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 429 и 432. Древняя Вивлиоика, XIII, стр. 15.
79. Н. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 409—419; мы главнымъ образомъ останавливаемся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ играетъ роль Михаилъ Юрьевичъ.
80. Извѣстный любимецъ великаго князя Василія III.
81. Особенно не вѣрилъ онъ и сторонился отъ князя Юрія; показался потому, что онъ, какъ старшій, былъ опаснѣе своего брата Андрея.
82. Н. С. Р. Л., XIII, стр. 413 стоятъ 6; несправедно по разсказу Софійской исторіи лѣтоисч.
83. Зная расположеніе князя Василія III именно къ этой средѣ служивыхъ людей, не сомнѣваемся въ искренности ихъ чувствъ.
84. Н. С. Р. Л., XIII, стр. 414; Глинскій и Захарьинъ не названы, но по контексту ихъ присутствіе разумѣется.
85. *Соловьевъ*, II, стр. 13 и 17.
86. Древняя Вивлиоика XX, стр. 29; изъ списка, помѣщеннаго тамъ же на стр. 27, видно, что М. Ю. въ годъ смерти Василія III занималъ въ боярской думѣ 8 мѣсто.
87. О братьяхъ и сестрахъ Михаила Юрьевича, а также и о дѣтяхъ его см. *Селифонтовъ* II, стр. 32—40 и 54—58.
88. Мысль объ историческомъ правѣ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ быть преемниками династіи Калиты унаследована нами отъ С. М. Соловьева (*Соловьевъ*, II, стр. 537).

КЪ ГЛАВЪ II.

1. *Селифонтовъ*, II, стр. 33 и 38—70; Анна Романовна показана старшей; судя по тому, что въ разсказѣ о св. Геннадіи она не упоминается (см. объ этомъ ниже въ текстѣ), это совершенно правильно.

2. *Соловьевъ*, II, стр. 40, прим. 5; Принимая во вниманіе, что Дамать Романовичъ умеръ въ октябрѣ 1545 г. (*Селифонтовъ*, II, стр. 62), посѣщеніе святаго относимъ къ 1545—1547 годамъ; быть можетъ, предсказаніе вызвано слухами о близкой женитьбѣ царя.

3. И. С. Р. Л. XXI, часть 2-я, стр. 629 (предсказаніе Дементія) и 584 (предвѣщеніе Галактіона); это предвѣщаніе сдѣлать было не такъ трудно: Казань клонилась къ паденію, Василій легко могъ имѣть сына, а имя Ивана тоже подсказывалось памятью объ Иванѣ III.

4. *Ibid.*, стр. 608, «Новѣсть о роженіи царскаго отрочати» извѣстна М. А. Дьяконову по рукописи XV вѣка, въ которой она помѣщена, какъ отдѣльное сказаніе (*Дьяконовъ*, «Власть Московскихъ государей», стр. 105).

5. Ср. *Соловьевъ*, II, стр. 334: «Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго съѣли Шуйскіе съ говарщамъ:—выросъ Грозный». Если разсматривать Юанна IV независимо отъ его нравственныхъ качествъ, нельзя не признать въ немъ очень крупнаго государственнаго дѣятеля.

6. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 415, И. С. Р. Л., VI, стр. 271.

7. Митрополитъ Макарій былъ инициаторомъ составленія Великихъ Четь-Миней, собранныхъ его иждивеніемъ. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ іерарховъ. Не знаемъ навѣрное, близокъ ли былъ Макарій Ивану. Но извѣстно, что митрополитъ пользовался величайшимъ уваженіемъ царя. Макарій принадлежалъ къ той партіи духовенства, идейный вождь которой приравнивалъ власть государя къ Божьей.

8. До Ивана IV титулъ царя употреблялся нашими государями только во вѣнчаніяхъ сношеніяхъ.

9. Думаемъ, что принятіе титула имѣло въ глазахъ Ивана именно этотъ двойной смыслъ. Разсказъ о намѣреніи Юанна IV жениться и вѣнчаться на царство см. въ И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 450 и сл.

10. *Герберштейнъ*, «Записки о Московитскихъ дѣлахъ», изданіе А. С. Суворина, 1908 года, стр. 37 и 38; ср. 273 и 274 стр. того же изданія (изъ сочиненія Павла Ювія). Замѣтимъ, что Герберштейнъ, а за нимъ и Ювій считаютъ выборъ невѣсты изъ многихъ, приводимыхъ на смотръ, молодыхъ дѣвушекъ давнимъ обыкновеніемъ Московскихъ государей.

11. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 43 и 44.

12. См. *Соловьевъ*, II, стр. 40; сказавъ о знатности и древности рода невѣсты и о близости къ покойному великому князю Василію III, къ покойному же дядѣ Анастасіи Романовны, боярину Михаилу Юрьевичу, Соловьевъ замѣчаетъ: «быть можетъ и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ»; вторая жена Юанна была княжвой, но выѣзжей, Черкасской.

13. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 453; тамъ же «и бысть радость велия о государьскомъ брацѣ»; подробности о свадьбѣ см. Древняя Вивлюонка, XIII, стр. 29—35; поученіе Макарія, см. Древняя Вивлюонка, XIV, стр. 227—233.

14. Р. II. Б., XIII, стр. 11.

15. См. *Соловьевъ*, II, стр. 41—43; стр. 44: «Нравственный переворотъ, долженствовавшій произойти вълѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши...».

16. *Селифонтовъ*, II, стр. 69; ср. Степенная, II, стр. 269.

17. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 483—4; рѣчи царя и царицы подверглись реторической обработкѣ во вкусѣ вѣка; но сцена схвачена живо.

18. *Курбскій*, стр. 38. Принявъ во вниманіе, что Данилъ Романовичъ отравленъ былъ царемъ въ Москву, изъ Казани по завоеваніи этого города (не позже 3-го октября; см. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 515), а приговоръ идти къ Москвѣ состоялся 11-го октября (*ibid.* стр. 516),

пейсно о какихъ *шурляхъ* говорить Курбскій; у царицы было тогда въ званьяхъ всего лишь 2 брата.

19. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 317—323; отмѣтимъ, что великая княгиня Елена не ѣздила въ Троицкій монастырь, куда Василій воздѣл крестить своего сына Ивана (И. С. Р. Л., XXI, вторая часть, стр. 608).

20. Разсказъ о прощесствіяхъ, связанныхъ съ присягой царевичу Дмитрію см. въ И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 323—326 и 329—332.

21. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 524: «Селивереть..... владѣние ведемъ съ своими совѣтниками..... И отголѣ бысть вражда межъ бояръ и Селиверетомъ и его совѣтниками».

22. О причинѣ смерти царевича свидѣтельства расходятся; Никоновская летопись говоритъ глухо: «не стало царевича князя Дмитрія въ объездѣ въ Кириловскомъ, нападѣ будучи къ Москвѣ» (И. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 230) Степенная говоритъ о болѣзни Дмитрія «Степенная, II, стр. 268—269: «Божіими же судьбами Царевичъ Дмитрій на пути томъ болѣзновати начати и въ той болѣзни отыде къ Богу». Голландскій писатель Псаакъ Масса (русскій переводъ, стр. 13) разсказываетъ, что царевичъ погибъ, упавъ изъ рукъ матери въ озеро. Платоновъ дѣлаетъ Иванъ Тимоѣевъ, писатель вообще достойной довѣрїи, хотя и несовременникъ Анастасіи, повѣствуетъ, что малютка Дмитрій былъ оброненъ уснувшей кормилицей въ воду и утонулъ (Р. И. Б., XIII, стр. 282). Впрочемъ трудно повѣрить этому разсказу. Грохныи навѣрное увидѣть бы въ этой катастрофѣ злой умыселъ своихъ враговъ и распространился бы о немъ въ перепискѣ съ Курбскимъ.

23. Соловцовъ, II, стр. 69.

24. И. С. Р. Л., XIII, первая половина, стр. 237 и 238 и примѣчанія, по вѣрному замѣчанію С. Ю. Платонова «Очерки», стр. 123: «Хотя... князья... называли царицу робу «своею сестрою», тѣмъ не менѣе съ очень явной безразличностью относились къ ея нетитулованному роду». — Любопытно сравнить въ данномъ случаѣ указаніе на сравнительную нематерность Анастасіи дѣвка Тимоѣева. Проникнутой аристократическими тенденціями. О Тимоѣевѣ см. статью «Дѣвка Иванъ Тимоѣевъ и его Временникъ», помѣщенную въ Ж. М. П. Пр., 1908 г., марта, дѣлать прибавить (Р. И. Б., XIII, стр. 279—80) «свѣдѣнїю же своему царствїя высоты не отъ страха призва, ниже благородіемъ строиву себя потребова, но своел его земли дому избобрѣлъ, отъ снискантека роду избравъ дщерь»; далѣе идутъ похвалы добродѣтелямъ и красотѣ Анастасіи.

25. *Курбскій*, Сказанїя, стр. 191 и 216 письму Грознаго Курбскому.

26. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 324 (извѣстіе о болѣзни царицы) и 328 (о смерти ея).

27. *Курбскій*, Сказанїя, стр. 224 (второе письмо Грознаго: «Только бы у меня не отыли юницы мои!»).

28. И. С. Р. Л., XIII, вторая половина, стр. 328.

29. *Ключевскій*, «Боярская дума», стр. 311.

30. Платоновъ, «Очерки»; собственно оирчины посвящены стр. 131—150; о взглядахъ на политику Грознаго см. «Очерки» passim.

31. Вспомнимъ сказку о Горшечѣ, гдѣ царь выставленъ борющимся съ худымъ разумомъ бояръ, и пѣсню и Никитѣ Романовичѣ, приведенную въ этой книгѣ ниже.

КЪ ГЛАВѢ Ш.

1. Древняя Вивліюшка, XIII, стр. 21 «а передъ великимъ виземъ ходилъ Околыниченъ Данило Романовичъ Юрьевъ»; Древняя Вивліюшка, XX, стр. 35 «7035 [1547—1548 г.] году... Околыниче Данило Романовичъ Юрьевъ».

2. Древняя Россійская Вивліюшка, XX, стр. 35—6 «7037 [1548—1549 года] году «Сказано, Бояре... Дворецкїи Данило Романовичъ Юрьевъ». Изъ Древней Вивліюшки XIII, стр. 41 видно, что дворецкимъ Данило Романовичъ сталъ въ 1548 году; *ibid.*, стр. 47, «7074 [1565—1566] году...

умерли, Воаре: Дворедкїи Давидо Романовичъ Юрьевъ; ср. *Селифонтовъ*, II, стр. 60—3, гдѣ годомъ кончины принимается 1564.

3. *Селифонтовъ*, II, стр. 60—62.

4. *Курбскій*, стр. 78 и 79; далѣе читаемъ: «Тогда царева жена умре: они же рѣша, аки бы очаровали ее оныи мужи (здѣсь разумѣются Спаивестръ и Адашевъ); подобно, чему сами искусны и во что вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагають».

5. *Селифонтовъ*, II, стр. 59, 75 и 76, гдѣ указанъ годъ, мѣсяцъ и день кончины; въ этотъ именно день было нашествіе хана Дивлетъ-Гирея, запалившато Москву со всѣхъ сторонъ; во время страшнаго пожара масса жителей погибла отъ пламени, дыму и давки (см. *Карамзинъ*, IX, стр. 107).

6. Древняя Вивліюнка, XIII, стр. 34; *ibid.* стр. 38, на свадьбѣ у царскаго брата Никиты Романовичъ исполнялъ тѣ же обязанности.

7. *Селифонтовъ*, II, стр. 63 и 78—80; изъ разныхъ соображеній, приведенныхъ тамъ, явствуется, что патриархъ Филаретъ, старшій сынъ П. Р., родился отъ втораго брака.

8. Древняя Вивліюнка, XX, стр. 43, 45 и 47.

9. Древнѣйшая разр. кн. стр. 204, 205, 212, 215 и др.; рѣчь идетъ о походѣ 1559 и 1574—1575 годовъ. Древняя Вивліюнка, стр. 436, 451, 457.

10. *Соловьевъ*, II, стр. 261.

11. Древняя Вивліюнка, XIII, стр. 361, 368, 422, 423, 443; *ibid.* XIV, стр. 325 и 350; отмѣтимъ, что въ 1570 году П. Р. ставилъ городокъ на Пещердѣ (*ibid.* XIII, стр. 416).

12. Древняя Вивліюнка, XIII, стр. 293, 433; XIV, стр. 350.

13. Древняя Вивліюнка, XX, стр. 55 и примѣчаніе А. М. Гос., I, стр. 39, № 26.

14. *Соловьевъ*, II, стр. 366; здѣсь говорится о 1574 годѣ, какъ времени назначенія Р. Юрьева, но изъ А. М. Гос. I, стр. 48, № 15 видно, что назначеніе состоялось не позже 1572 года.

15. Матеріалы по оборонѣ южной окраины Московскаго государства въ указанное время, а также данныя для исторіи и быта ея населенія см. въ А. М. Гос., I, Писцовыхъ книгахъ, изданныхъ Калачевымъ, Десятняхъ XVI вѣка, помѣщенныхъ въ 8-й книгѣ Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи. Срав. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 84—97 et passim.

16. А. М. Гос. I, стр. 4, № 1; изъ документа видно, что сторожевая служба на южной окраинѣ существовала и до назначенія Воротынскаго. О дѣятельности Воротынскаго см. *ibid.* № 1—14.

17. А. М. Гос. I, № 15, 16, 18, 19, 21, 23, 24, 28, 29 и 31; нижеслѣдующія въ текстѣ свѣдѣнія находятся въ этихъ документахъ.

18. Четъ равняется $\frac{1}{2}$ десятины; но такъ какъ считали „четъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, то при исчисленіи окладовъ 50 четей приравнивались 75 десятинамъ.

19. Пѣсни, собранныя П. В. Рыбниковымъ, часть первая; ср. Сборникъ Кириши Дашлова.

20. Для этого надо было бы произвести рядъ детальнѣхъ изысканій, требующихъ извѣстнаго времени. Въ настоящее время это отвлекло бы насъ очень далеко отъ главной темы и могло бы помѣшать ея изученію и изслѣдованію. Надѣемся при случаѣ вернуться къ поставленному нами вопросу.

21. Е. П. Карновичъ «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи»; стр. 62.

22. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 203—4 и 330.

23. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 150.

24. Быть можетъ, многія изъ владѣній Никиты Романовича на югѣ Московскаго государства пожалованы ему за его службу по оборонѣ этой окраины.

25. Доп. А. П., II, стр. 195.

26. Сборникъ въ память 300-лѣтія Нижегородскаго подвига, стр. 441.

27. *Соловьевъ*, II, стр. 394; ср. *ibid.* стр. 298.

28. Р. П. Б., XIII, стр. 2, 1216, 1276.

29. Р. П. Б. XIII, 1276, примѣчанія.
30. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 188.
31. Лѣтопись о многихъ митѣжахъ, стр. 3.
32. А. М. Гое., I, № 31, стр. 59 «П 94 (т. е. 7094 или 1586) году марта въ 1 день бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ сей рещи слушалъ и приговорилъ»...
33. Древняя Визлѣювка, XX, стр. 61: «7093 (т. е. 1584—1585) году, ... умерли, Болре: Никита Романовичъ Юрьевъ»; но въ Помѣшникѣ Новоспасскаго монастыря сказано: «Лѣта 7094, апрѣля въ 23 день (т. е. въ 1586 г.) представился рабъ Божій бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарыичъ, во шнодѣхъ Пифонть, ехимникъ» (*Селифонтовъ*, II, стр. 63 и 64); сопоставляя это извѣстіе съ вышериведеннымъ документомъ А. М. Гое., предпочитаемъ его.

КЪ ГЛАВѢ IV.

1. Евдокія Александровна Юрьевна скончалась 4-го апрѣля 1581 (*Селифонтовъ*, II, стр. 64). Свѣдѣнія о дѣтяхъ ея и Никиты Романовича см. *Селифонтовъ*, II, стр. 77—94.
2. Если допустить, что второй бракъ Никиты Романовича имѣлъ мѣсто въ 1555 году, о чемъ см. выше, то Феодоръ Никитичъ не могъ родиться раньше 1556 года.
3. Отзывъ Тимошова о происхожденіи Бориса см. Р. П. Б., XIII, стр. 330 и 338; о соблюденіи Борисомъ Никигичей говорить Авраамъ Палицынъ (*ibid.*, стр. 478); «О завѣщательномъ союзѣ дружбы» упоминаетъ близкій къ Романовымъ князь Пв. Мих. Катырева-Ростовскій, зять Феодора Никитича (*ibid.*, стр. 567; укажемъ, что грамота о возведеніи Филарета на патриаршество (Доп. къ А. П., II, № 76, стр. 194 и сл.) сообщаетъ, что Борисъ «исперва любовно присоединялъ» къ дѣтямъ Никиты Романовича «и клятву странну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помагателя имѣти»; о первоначальныхъ отношеніяхъ Романовыхъ и Годунова см. *Платонова* «Очерки», стр. 181 и 182.
4. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 191—193.
5. Древняя Визлѣювка, XIV, стр. 484: въ 1586 году въ февралѣ, на приѣмѣ Литовскаго посла Феодоръ Никитичъ сидѣлъ въ Кривомъ Столѣ выше окольничьихъ; *ibid.*, 443 стр.: въ ноябрѣ этого же года онъ назначенъ былъ быть рындой у большого коня; *ibid.*, XX, стр. 62: «7095 году.... Сказано: бояринъ Феодоръ Никитичъ Юрьевъ».
6. Древняя Визлѣювка, XX, стр. 62 и 63: «7095 году.... сказано.... крайній Александръ Никитичъ Юрьевъ».
7. Изъ нихъ Левъ Никитичъ умеръ въ 1595, а Никита Никитичъ въ 1598 году, стольникомъ (*Селифонтовъ*, II, стр. 88 и 84).
8. *Масса*, стр. 51 и 52; *Масса*, пробавшій долгое время въ Россіи, находилъ, повидимому, въ отношеніяхъ съ людьми, державшими сторону Романовыхъ и сообщавшихъ ему о нихъ свѣдѣнія, свидѣтельствующія въ ихъ пользу.
9. *Селифонтовъ*, II, стр. 77—94; Шереметевы, какъ мы знаемъ, и ранѣе были въ родствѣ съ Романовымъ, имѣя общаго предку Феодора Кошку.
10. *Масса*, 51 стр.
11. А. П., II, стр. 63.
12. *Селифонтовъ*, II, стр. 95 и 96; старшаго Феодора Никитича сына звали Борисомъ, быть можетъ, въ честь Бориса Годунова.
13. *Селифонтовъ*, II, стр. 96; Михаилъ Феодоровичъ праздновалъ день своего Ангела на память Св. Михаила Маленна.
14. *Ключевскія*, «Курь русскои исторіи», часть III, Москва, 1908 года, стр. 61—63 et passim.
15. *Платоновъ* «Очерки», часть первая. Мы имѣли случаи дважды печатно излагать воззрѣнія С. Ф. Платонова на происхожденіе Смуты, съ которыми мы шнодѣ согласны: въ статьѣ «Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія» (сборникъ «Москва въ ея прошломъ и

настоящемъ») и въ краткомъ очеркѣ «Смута XVI—XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ и Псковѣ-Новгородѣ» (Сборникъ въ память 300 лѣтъ нижегородскаго подвига; издавъ Нижегородской Архивной Комиссіей); отрывкомъ изъ этого очерка мы и воспользовались въ настоящемъ изложеніи.

16. См. *Платоновъ*, «Очерки», часть II, *passim*. Замѣтимъ, что и самозванчество XVIII вѣка, Пугачевщина разыгралась главнымъ образомъ тамъ, гдѣ социальныя нестроения были всего острѣе.

17. Р. И. Б., XIII, стр. 484; ср. стр. 482—483.

18. П. С. Р. Л., томъ XIV, первая половина, стр. 58. Вспомнимъ успѣхъ воздвѣишаго движенія Стеньки Разина, у котораго самозванщина (мнимые царевичи Алексѣи и патриархъ Никоиъ) играла третьестепенную роль.

19. Р. И. Б., т. XIII, стр. 476 и 1284.

20. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 214; извѣстіе о присягѣ находится въ П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 20.

21. Р. И. Б. т. XIII, стр. 1277: «царица и великая княгиня Прина... яже весьма благоправными добротами точно бысть и тезобитна, Евдокии царице»; П. С. Р. Л., XIV, стр. 16: «имѣя же и супругу... Прицу Θεодорову... по всему благими права подобну себѣ, бѣ же добродѣтелию и любовію къ Богу другъ друга преслѣвала».

22. *Платоновъ* «Очерки», стр. 214.

23. *Платоновъ* «Очерки», стр. 215—6; авторъ основывается на изысканіяхъ В. О. Ключевского.

24. П. С. Р. Л. XIV, первая половина, стр. 50; *Платоновъ* «Очерки», стр. 217—218.

25. *Платоновъ* «Очерки», стр. 215, 222—224 (объ избирательной агитаціи), 242 (о вліяніи смерти царицы Θεодосіи) et *passim*.

26. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 212—213, 217, 220—221.

27. *Платоновъ* «Очерки», стр. 217—223; Ср. *Масса*, стр. 56 и 59; на стр. 62 названный иностранецъ приводитъ любовитѣишіи разсказъ о томъ, будто Θεодоръ Пикитичъ, вернувшись послѣ избранія царя Бориса, сказалъ своей женѣ: «милая! Радуйся и будь счастлива, Борисъ Θεодоровичъ—царемъ всея Руси». «На это»,—продолжаетъ *Масса*,—«она въ испугѣ отвѣчала: «стыдися! Зачѣмъ ты отнялъ корону и скипетръ отъ нашего рода и передалъ ихъ предателямъ нашего любезнаго отечества». Она очень бранила своего мужа и горько плакала. Разсердившись на это, онъ, въ порывѣ гнѣва, ударилъ ее по щекамъ, а прежде и худого слова никогда не говаривалъ ей».

28. О молешахъ народа говорится во многихъ сказаніяхъ, посвященныхъ Смутѣ, при чемъ они приписываются стараніямъ „ласкателей“ Бориса. См. также А. Э., II, № 7.

29. А. Э., II, № 7, стр. 33.

30. А. Э., II, № 6 и 7, т. е. Соборное опредѣленіе и грамота утвержденная, объ избраніи царемъ Бориса Θεодоровича Годунова. Дальнѣйшее изложеніе дѣлкомъ основывается на этихъ документахъ. Особенно характерны слова, яко бы сказанныя Грознымъ: «какова мнѣ Богомъ дарованная дщерь царица Прина, таковъ мнѣ и ты Борисъ въ нашей милости какъ еси сынъ».

31. Замѣтки въ «Ладухинской Стенной книгѣ», СПб., 1902 г., стр. 74, прим. 2-е. С. Θ. Платоновъ, указавъ, что лишь неводнѣ разъясненная смерть царицы Дмитрія и, главное, его канонизація, сопровождаемая поясненіемъ, что Богъ прославилъ св. младенца, «заколенного отъ раба своего» заставляла считать Годунова виновникомъ «Углицкаго дѣла». Но Промыселъ Божій неисповѣдимъ, и людскія толкованія Его могутъ быть ошибочными.

32. *Соловьевъ*, II, стр. 694—695.

33. Древняя Вивлиоика, XX, стр. 69 и 70: «при немъ Государи вновь сказано... Бояре... Александро Пикитичъ Юрьевичъ Крайчій..... Окованчиче... Михайло Пикитичъ Юрьевъ».

34. Официозное происхожденіе Новаго Лѣтошца выяснено въ книгѣ С. Θ. Платонова «Древній русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческіи источникъ», стр. 259 и сл.

35. О Бартеневѣ см. *Платоновъ* «Очерки», стр. 231. Отмѣтимъ, что онъ былъ изъ дѣтей боярскихъ, и даже вѣтчинниковъ въ Московскомъ уѣздѣ. У Романовыхъ, очевидно, среди «рабовъ»

были и бывшие государственные служилые люди по отечеству. Такие примѣры не рѣдкость въ древне-русской жизни.

36. Повѣствованіе Новата Дмитиенца см. въ П. С. Р. Л., т. XV, первая половина, стр. 32—34.

37. А. Н., II, № 38, стр. 34—52. Къ этому же дѣлу относится и № 34 этого тома (стр. 64—66).

38. А. Н., II, № 38, стр. 36.

39. А. Н., II, стр. 40.

40. *Ibidem*, стр. 43.

41. «Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени», Сиб. 1898 г.; стр. 29.

42. *Платоновъ «Очерки»*, стр. 329 и сл. Намъ представляется, что Бѣльскій пострадалъ нѣсколько позже, чѣмъ Романовы и, пожалуй, независимо отъ ихъ дѣла, обвиненный въ преступленіи, аналогичномъ тому, въ которомъ обвинялся и Феодоръ Шкингичъ съ братіею. Что Бѣльскій подвергся ошамъ и наказанію не въ одно время съ Шкингичами, а немного позднее, видно изъ словъ Филарета Шкингича, сказанныхъ имъ въ ссылкѣ Богдану Воевоку про «Государевыхъ бояръ»: «не станеть де ихъ съ дѣло ни съ которое, ибѣть де у нихъ разумно; одишь де у нихъ разумень, Богданъ Бѣльскій, въ посольскимъ и ко великимъ дѣламъ добръ досужь». — А. Н., II, стр. 51). Изъ этихъ словъ можно заключить также о нѣкоторомъ сочувствіи Филарета Шкингича Бѣльскому, не болѣе. Изъ разсказаннаго С. О. Платоновымъ про поведеніе Бѣльскаго въ Царевъ-Борисовѣ ясно, что царь Борисъ имѣлъ основанія покарать любимца покойнаго Грознаго, своего прежняго пріятеля. Если вспомнимъ дерзкіе замыслы Бѣльскаго стать царемъ по смерти Феодора Ивановича и неспокойное населеніе южной окраины Московскаго государства, то удивимся не тому, что бывшій «дружничинъ» попалъ въ ошамъ, а тому, какъ его могли послать на службу въ такое удобное для поднятія бунта мѣсто. — С. О. Платоновъ, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ на 229 стр. его «Очерковъ» готовъ, какъ будто, допустить, что Борисъ метилъ своимъ совершикамъ и советателямъ короны. Мы этого не думаемъ. Но что Борисъ боялся и подозрѣвалъ ихъ, это совершенно вѣрно.

43. *Платоновъ «Очерки»*, стр. 230—235; одновременно съ Романовыми ошамъ постигла и Шереметевыхъ (*Барсуковъ*, II, стр. 60, 61).

44. Разрѣда въ «Очеркахъ».

45. Что самозванецъ былъ русскимъ человекомъ, прочно установлено благодаря изысканіямъ профессора Бодуанъ-де-Кургене и С. Л. Пташицкаго; о томъ, что Самозванецъ былъ подготовленъ въ Москвѣ противъ Бориса, см. *Народъ «Изъ смутнаго времени»*, стр. 35 (описанія Якедмитрія, что въ случаѣ смерти Бориса на престолѣ возведутъ другого, если оны, т. е. Самозванецъ, не вступитъ къ тому времени въ предѣлы Руси).

46. Р. Н. Б., т. XIII, стр. 71; въ Крестовозвальной записи Василия Шукскаго читаемъ: «сущишиа еси на очинѣ прародителю нашихъ, на Россійскомъ государствѣ, царемъ и великимъ княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими дѣтя и то прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго на семь Россійскомъ государствѣ быша прародители мои, и посемь на Суздальской уѣздѣ раздѣлилася, не отнятиемъ и не отъ неволи, но родству, *иже же обидѣа бошняа братиѣа ни бошняа мѣста ссориши*» — куревъ нашихъ; дѣйствительно, было время, когда Суздаль былъ выше Москвы.

47. *Платоновъ «Очерки»*, стр. 248. *Жолкевскіи «Записки гетмана Жолкевскаго о Московскои войнѣ»*, стр. 9—10.

48. Признавая безспорнымъ фактъ подготовкы Самозванца русскими боярами въ дѣлахъ борьбы съ Годуновымъ, очень соблазнительно остановиться на Романовыхъ, какъ на виновникахъ этого дѣла. И мы прежде держались аналогичнаго мнѣнія (см. «Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія», стр. 69 и 70), но пересмотръ данныхъ по этому вопросу заставилъ насъ сильно поколебаться въ прежнемъ возрѣніи на него.

49. *Платоновъ «Очерки»*, стр. 233.

50. А. Э., т. II, № 29, стр. 78, Грамота Патриарха Юва, въ 1605 году; что «воровство» т. е. преступление Отреньева, за которое ему грозила смертная казнь, не стоитъ въ связи съ дѣломъ Романовыхъ, видно изъ такого разчета: въ 1601 году Романовыхъ постигла опала; въ этомъ же или слѣдующимъ году Гришка очутился уже за рубежомъ, до этого времени онъ успѣлъ побывать во многихъ монастыряхъ, стать іеродиакономъ Чудова монастыря и понасть во дворъ къ патриарху; на все это надо положить по крайней мѣрѣ 2, 3 года, если не болѣе. Отмѣтнымъ кстати разсказъ, правда, очень баснословнаго повѣствованія о Смутьѣ, а именно «Сказанія о царствѣ царя Феодора Юанновича: «А боярина князь Василья Пваловича Шуйскаго одарилъ велики дарами и многіе вотчины ему подаде, понеже бо ему знаемъ добръ, какъ онъ Растрига былъ въ Чюдовѣ монастыре въ діаконахъ и часто пребывалъ во дворѣ у него, боярина, и онъ его велии жаловалъ». Помѣщенный (Р. II. Б. III, стр. 812—813) среди баснословій и выдумокъ всякаго рода этотъ разсказъ самъ по себѣ можетъ почестъся правдоподобнымъ и соблазнить на толкованіе невыгодное для Шуйскихъ. Укажемъ, что все «Сказаніе» необыкновенно благоволишь къ Шуйскому, такъ что въ тенденціозности его въ этомъ направленіи занодозрѣть нельзя.

51. При томъ невыяснено, Отреньевъ ли онъ, или другое лицо (см. *Платоновъ* «Очерки», стр. 234). Мы лично склоняемся къ мнѣнію Соловьева, Платонова и Нирлинга о тожествѣ Отреньева и Самозванца, но, подобно автору «Очерковъ по исторіи Смутьѣ», не можемъ почестъ этого мнѣнія вполне неопровержимымъ.

52. Р. II. Б., XIII, стр. 1294; за приведенными въ текстѣ словами слѣдуютъ: «и сего ради вся благородныя и великославныя отъ заточенія и изъ темницъ изводитъ и со всяцыми почестыи въ древнее достоинство въ царствующіи градъ Москву возвращаетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ царь Борисъ Федоровичъ многозавистныя злобы ради изгна и заточи, понеже наследію своему о царствованіи уразднншеся и сего ради всѣхъ, иже быша искреніи царскія крови родовѣ, аки добродѣтущія вѣтви, сихъ немилостивно искореняюще».

53. Романовы были двоюродными братьями съ материнской стороны царя Феодора, единокровнаго брата царевича Дмитрія.

54. А. II., II, стр. 39; прежде всего замѣтимъ, что другой приставъ въ подобномъ же случаѣ говорилъ лишь о томъ, что «Царскихъ дѣлъ» у него «писати некому» (*ibid.*, стр. 51); надо принять къ свѣдѣнію еще и то, что въ памяти къ тому самому Ивану Некрасову, который употребилъ выраженіе «тайныя государевы дѣла», этихъ словъ нѣтъ (см. А. II. II, стр. 35; на данную «память» и отписывался Иванъ Некрасовъ), а стоитъ тамъ слѣдующее: и что съ нимъ Василей начнетъ разговаривать, и Ивану о томъ отписать ко Государю Царю»; поэтому, кажется намъ, нельзя придавать очень большаго значенія подобной, многообѣщающей по первому впечатлѣнію фразѣ.

55. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 231.

56. *Масса*, стр. 62.

57. А. II., II, стр. 35 и ми. др. См. также «Приложеніе» къ настоящей работѣ.

58. А. II., II, стр. 51 и 52, стр. 64—66 (о Филаретѣ); стр. 36 и 37, а также «Приложеніе» къ настоящей работѣ (о Маріи Шестовой); не сомнѣваемся, что подобный надзоръ существовалъ и относительно Ксеніи Ивановны (пнчки Марѣи) Романовой; но свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ.

59. Примѣръ суевѣрія того времени находимъ въ томъ же «Дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ» (А. II., II, стр. 46). Одинъ изъ приставовъ къ Романовымъ, Маматовъ, доноситъ Годунову о томъ, что его, т. е. Маматова, холоны разбѣжались изъ его помѣстья, а явившіеся къ нему холоны Тимошка Семеновъ пріѣхалъ безъ занасовъ. За это Маматовъ велѣлъ его «бить батоги . . . и вынулъ у него кость, и онъ . . . въ роспросѣ сказалъ: то де зыбныи рожка, а взялъ на Москвѣ у мужика у ходачего, а имени де ему не вѣдаю; а сказалъ мнѣ . . . добро де къ нутреной болѣзни».

60. Судя по приказаніямъ Бориса о допросѣ всѣхъ, кто вступилъ въ переговоры съ Романовыми и о выспрашиваніи самихъ сосланныхъ, дѣло не было имъ вполне выяснено.

61. О ссылкѣ Романовыхъ и ихъ родственниковъ съ нѣкоторыми подробностями о ней см. главнымъ образомъ Новыи Лѣтописецъ (II. С. Р. Л., т. XIV, первая половина стр. 53 и 54;

всюду, где въ дальнейшемъ изложеніи настоящей главы называется Нов. Лѣт., разумѣются эти страницы. Хронографъ редакціи 1617 года неправильно думаетъ, что Михаилъ Феодоровичъ раздѣлялъ ссылку съ отцомъ.

62. Р. П. Б., XII, стр. 1285 и 1294.

63. *Иараминъ*, XI, прим. 135. Объ Михаилѣ Никитичѣ есть работа г. Л. Богдановича, въ Правительственномъ вѣстникѣ за 1909 и Приложеніи къ Новому Времени за 1910 годъ. Думаемъ, что въ преданіи кое-что вѣрно; напр. если дѣйствительно, начались сношенія пыробцевъ съ заключенными, то пристава, слѣдуя наказу, долженъ былъ послать ихъ къ Москвѣ. Тамъ ихъ могли подвергнуть пыткѣ.

64. А. П., II, стр. 35.

65. А. П., II, стр. 39 и 40 и приложение къ этой книгѣ; надо замѣтить, что въ Москвѣ затѣмъ рѣшили вызвать въ столицу Маматова, а оставить при Романовыхъ Некрасова; объ этомъ были посланы грамоты (*ibid.*, стр. 40); но гонецъ опоздалъ, и Некрасовъ явился въ Москву.

66. А. П., II, стр. 40—42.

67. Василий Никитичъ находился подъ надзоромъ Некрасовъ около 6-ти мѣсяцевъ; за это время на кормъ ему было истрчено болѣе 9½ рублей, сумма по тогдашней дѣяности денегъ достаточная, чтобы человѣка прокормить вполнѣ сытно; конечно, для людей высшаго круга, къ которому принадлежали Никитичи стоить была простъ и однообразенъ.

68. Некрасовъ доносилъ уже объ этомъ царю, но умолчалъ, что онъ и раньше везъ Василю Никитича скованнымъ.

69. А. П., II, стр. 42.

70. А. П., II, стр. 42.

71. А. П., II, стр. 33 и 42.

72. А. П., II, стр. 42; вѣроятно все, что Иванъ Никитичъ страдалъ хроническимъ артритомъ.

73. А. П., II, стр. 43.

74. А. П., II, стр. 43—46; 49 и 50; см. также «Приложеніе» въ настоящей книгѣ; въ указанныхъ мѣстахъ помѣщенъ рядъ отписокъ и грамотъ относительно Ивана Никитича и князя Черкаскаго; многія изъ нихъ любопытны своими частностями; такъ въ отпискѣ воеводѣ Нижегородскому, Пелединскому (Приложеніе) приказано давать въ случаѣ надобности деньги «на кормъ» Ивану Никитичу и князю Черкасскому; поэтому Пелединскій доноситъ, что пристава денегъ не просить и говорить, что у него деньги есть; и. т. п.

75. Думаемъ такъ на основаніи хронологическихъ сопоставленій и словъ въ одной изъ грамотъ: «Писалъ еси къ намъ, что Василю Романова не стало, а братъ его Иванъ боленъ же (А. П., II, стр. 43, Грамота Маматову; за этими словами слѣдуетъ приказъ о переводѣ Ивана Никитича въ Уфу.—Замѣтимъ, что по разсказу Новаго лѣтописца П. П. Романовъ и князь П. Б. Черкасскій, были посланы на житье въ Клинъ «съ Васкою Хлоновымъ».

76. А. П., II, стр. 46—49.

77. *Ibid.*

78. Кромѣ 3-хъ Никитичей погибло въ ссылкѣ еще нѣсколько ихъ родственниковъ. См. Новый лѣтописецъ, указанныя стр.

79. А. П., II, стр. 50—52.

80. А. П., II, стр. 64—66; этотъ документъ, помѣщенный въ «Актахъ» подъ № 54, по справедливому замѣчанію его издателя принадлежитъ къ «Дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ».

КЪ ГЛАВѢ V.

1. Изложеніе событій Смуты см. у *Платонова* «Очерки», *Соловьева*, II кн. 8-и томъ, *Костомарова* «Смутное время Московскаго государства», *Ключевскаго* «Курсъ русской исторіи», часть III, *Забѣлина* «Мининъ и Пожарскій» и т. д.

2. Р. Н. Б., XIII, стр. 1294.
3. *Селифоновъ*, II, стр. 97; дочь Феодора Никитича, Татьяна, вышла къ тому времени замужъ за князя Пв. Мих. Катырева-Ростовскаго, автора известной повѣсти о Смутѣ.
4. Характерно, что ни Новый Летоисчисл., ни грамота объ избраніи царя Михаила не упоминаютъ о времени возведенія Филарета въ санъ митрополита, а официальное жизнеописаніе этого патріарха (Доп. А. Н. П., 196 стр. 2) усволяетъ поставленіе его на митрополию Гермогену и времени Шуйскаго.
5. Р. Н. Б., XIII, стр. 812—813; сейчасъ же за приведенной въ текстѣ статьѣеи читаемъ про пожалованіе великихъ почестей и богатствъ Романовымъ.
6. *Платоновъ* «Очерки», стр. 289—291.
7. Объ участіи, напр., Ивана Никитича въ переворотѣ 17 мая, см. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 289.
8. *Платоновъ* «Очерки» стр. 293.
9. Биографію Гермогена см. въ изданіи «Люди Смутнаго времени», СПб. 1905 годъ.
10. Р. Н. Б., XIII, стр. 1013.
11. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 83.
12. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 394.
13. Р. Н. Б., XIII, стр. 1013 и 1014; о томъ, что Филаретъ былъ силою взятъ изъ Ростова, у Палицына говорится такъ: «сего убо митрополита Филарета, исторгше силою, яко отъ пазуху матерню, отъ церкви Божіи».
14. Р. Н. Б., XIII, стр. 1014. Они же блюдуше того крѣпкими стражами, и никако же ни словеси, ни помаванія дерзнути тому дающе.
15. А. Э. П., стр. 288. Издатели неудачно помѣстили эту грамоту среди документовъ, относящихся къ 1611 году.
16. Гермогенъ впоследствии не только согласился поставить Филарета во главѣ великаго посольства, но даже предлагалъ избрать его сына на престолъ. Въ свою очередь Филаретъ выказывалъ полное уваженіе къ Гермогену и во время посольства спрашивалъ у него указаній по важнымъ вопросамъ.
17. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 396.
18. Героизма нельзя, конечно, требовать отъ людей. Но въ данномъ положеніи его необходимо было проявить. Такъ представляется намъ. И Филаретъ былъ способенъ на это, однако неприязнь къ Шуискому, вѣроятно, не давала Филарету нужнаго подъема духа.
19. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 396 и прим. 160.
20. *Жолчевскій*, прил. № 20, стр. 41—48.
21. *Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи», часть третья, стр. 49.
22. Припомнимъ, что и самъ Филаретъ издавна отличался большою любознательностью. Ключевскій въ своемъ «Курсѣ» (часть третья, стр. 79) приводитъ разсказъ Гореса, что бояринъ Феодоръ Никитичъ непременно хотѣлъ выучиться по латыни.
23. *Жолчевскій*, прил. № 20, стр. 48.
24. *Платоновъ*, «Очерки» стр. 404; на этой и предыдущихъ страницахъ помѣщенъ превосходный анализъ договора. Этимъ анализомъ мы пользуемся въ текстѣ. Отметимъ, что вопросъ о вазачествѣ въ договорѣ поставленъ сейчасъ же за статьѣею о холопахъ невольникахъ.
25. С. О. Платоновъ («Очерки», стр. 416) полагаетъ, что Филаретъ былъ «захваченъ московскими войсками на пути къ королю». Возможно, что это такъ и было (Р. Н. Б., I, стр. 191 и 392; здѣсь Филаретъ названъ патріархомъ). Нельзя не отмѣтить однако, что Филаретъ, повидимому, ѣхалъ въ станъ къ Сигизмунду не безъ большихъ колебаній и промедленій. Быть можетъ, не желая возвращаться въ Москву при Шуискомъ, онъ выждалъ времени его паденія.
26. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 420—423.
27. Р. Н. Б. XIII, стр. 1185—1186; тамъ же и о желаніи Гермогена возстановить Шуйскаго на престолѣ.

28. *Жолковскій*, стр. 74 и 75.
29. Предпочтеніе Гермогеномъ кандидатуры Михаила Феодоровича уже само по себѣ говоритъ противъ предпола�аемагося одно время происхожденія патріарха изъ рода Голицыныхъ.
30. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 430—433 и 437.
31. Голицыны, повидимому, мечтавшій одно время о коронѣ, бояль опасности положенія и примкнуль къ партіи, желавшей возведенія на престолъ Владислава. А митрополитъ Филаретъ искренне не желалъ видѣть своего сына на престолѣ въ столь опасное время.
32. Договоръ 17-го августа напечатанъ въ С. Г. Гр. и Док., II, стр. 394—399; ср. *Жолковскій*, стр. 75 и 76.
33. *Жолковскій*, стр. 86 и 87.
34. *Голиковъ*, «Дѣянія Петра Великаго», изданіе второе, XII, стр. 293, исчисляетъ всѣхъ бывшихъ съ послами въ 1144 человека, считая и ихъ самихъ.
35. С. Г. Гр. и Док., II, стр. 406—438; указанныя «статьи» приведены на стр. 417—419.
36. С. Г. Гр. и Док., II, стр. 421 и сл.
37. Статейный списокъ великаго посольства къ сожалѣнію не дошелъ до насъ въ подлинникѣ. Мы принуждены поэтому пользоваться имъ въ изложеніи Голикова. См. 12-й томъ «Дѣянія Петра Великаго», изданіе второе, стр. 300 и сл.
38. *Голиковъ*, стр. 300—303.
39. *Голиковъ*, стр. 303—312.
40. *Голиковъ*, стр. 312.
41. *Платоновъ*, «Очерки» стр. 439; по польскимъ воспоминаніямъ особенно настаивалъ на выпускѣ поляковъ въ Кремль П. П. Романовъ.
42. Р. П. Б., XIII, стр. 1190—1191. Палицынъ по своему обыкновенію пишетъ очень уклончиво, такъ какъ его поведеніе въ данномъ случаѣ не можетъ послужить ему къ чести, поэтому онъ не называетъ уѣхавшихъ отъѣздъ второстепенныхъ членовъ посольства состоялся еще до того, какъ получены были грамоты изъ Москвы отъ бояръ. Палицынъ при этомъ сказалъ большымъ и не поѣхалъ къ Филарету Никитичу (*Голиковъ*, стр. 366—367).
43. *Голиковъ*, стр. 361—368; тамъ же въ примѣчаніи списокъ лицъ, сохранившихъ вѣрность родинѣ и оставшихся съ великими послами.
44. *Голиковъ*, стр. 395 и 397.
45. *Голиковъ*, стр. 393.
46. *Голиковъ*, стр. 321; такъ въ одномъ изъ первыхъ съѣздовъ послы напомнили панамъ «какъ государство Русское есть обширно» и заявили, что оно «въ состояніи противустать толикой ливной неправдѣ».
47. О ней и времени ея написанія см. *Платоновъ*, «Древне-русскія повѣсти и сказанія...», стр. 86—102.
48. Текстъ «Новой повѣсти», изъ которой приводятся ниже отрывки, напечатанъ въ XIII томѣ Р. П. Б., стр. 187—218.
49. Р. П. Б., XIII, стр. 196; авторъ повѣсти не знаетъ, насколько искренне поддался королю уѣхавшіе изъ-подъ Смоленска послы.
50. Р. П. Б., XIII, стр. 198—199.
51. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 441.
52. Ихъ благородная твердость давно засвидѣтельствована историками и къ нашей темѣ не относится.
53. *Голиковъ*, стр. 328—330; споръ на съѣздѣ 23 октября 1610 года.
54. О совѣщаніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ и рѣчахъ послѣдняго см. у *Голикова*, *op. cit.*, *passim*.
55. *Голиковъ*, стр. 395.
56. О переговорахъ относительно выпуска въ Смоленскъ поляковъ и о послѣднихъ временахъ посольства см. *Голиковъ*, *Op. cit.*, *passim*; о пѣвчѣхъ послѣдствіяхъ *ibid.*, стр. 423—424.

КЪ ГЛАВЪ VI.

1. Быть можетъ, боярскій санъ, хотя пожалованный Воромъ, имѣлъ здѣсь значеніе.

2. Грамоту Гермогена см. С. Г. Гр. и Дог., II, стр. 367. Въ прежнее время въ наукѣ держался взглядъ, и теперь еще повторяющійся по инерціи, что троцкимъ грамотамъ 1611 года мы обязаны нижегородскимъ ополченіемъ. Но послѣ изслѣдованій П. Е. Забѣлина («Мишинъ и Пожарскій») и С. О. Платонова («Очерки») ясно, что движеніе началось раньше троцкихъ грамотъ и не приняло программы, въ нихъ находившейся. Троцкія власти, поневолѣ дружившія съ единственною реальною силой подъ Москвою, съ казачьими таборами, звали земщину на единеніе и содѣйствіе имъ, а земщина рѣшила подчинить себѣ казачью массу, что и нужно было для интересовъ общаго дѣла.

3. Голиковъ, стр. 383.

4. А. Э, II, стр. 233; А. И. Маркевичъ «Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова», Ж. М. Н. Пр., сентябрь 1891 г., стр. 182.

5. А. Э, II, стр. 236.

6. Ж. М. Н. Пр., 1694 годъ, сентябрь, стр. 18.

7. П. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 121 и 119.

8. С. Г. Гр. и Дог., II, № 281 и 282; стр. 593—599; см. особенно стр. 597; во второй грамотѣ говорится только о томъ что Карлъ-Филиппъ обѣщалъ прѣхать въ Повгородъ и стать тамъ царемъ, принявъ православіе; для обезужденія этого факта и должны были сослаться между собою Сибирскіе города и прислать свои мнѣнія въ Москву.

9. А. Э., II, № 210, стр. 269—270; во время переговоровъ съ новгородскими посланцами князь Пожарскій сказалъ: «Мы всѣ единомыслию у милосердаго въ Троицы славимаго Бога нашего милости просимъ и хотимъ, чтобъ намъ всѣмъ людемъ Россійскаго государства въ соединенѣ бытъ; и обрати бѣ на Московское государство Государя Царя и Великаго Князя, государскаго сына, толко бы былъ въ православной крестьянской вѣрѣ Греческаго закона, а не въ иной которой, которая вѣра съ нашею православною вѣрою не состоится. А какъ Королевичъ придетъ въ Повгородъ и будетъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и мы тотчасъ отъ всего Россійскаго государства съ радостію выберемъ честныхъ людей, которые къ тому великому дѣлу будутъ годны, и дадимъ имъ полный наказъ о государственныхъ и о земскихъ о добрыхъ дѣлахъ говорить и становити, какъ государствомъ быть въ соединенѣ. А въ Свѣю намъ пословъ послать никакъ не мочно, потому: вѣдомо вамъ самимъ, что къ Полскому Жигимонту королю какіе люди въ послахъ посланы, бояринъ князь Василій Голицынъ съ товарищи? А нынѣ держатъ въ вязенѣ, какъ полоняниковъ, и со всякія нужи и безчестья, будучи въ чужей землѣ, погибають».... И вида намъ то, что учинилося съ Литовскою стороною, въ Свію намъ пословъ не посылавати и Государя на государство не нанія православныя вѣры Греческаго закона не хотѣтъ». Добавимъ, что въ отвѣтъ на эту рѣчь новгородскіе посланцы съ своей стороны заявили о своей преданности православію и готовности погибнуть за него.

10. См. объ этомъ Дон. А. И., I, № 166, стр. 294; тамъ же указаніе и на время написанія документа, гдѣ говорится о созывѣ выборныхъ. Въ 1911 году въ «Сборникѣ Новгородскаго общества любителей древности», въ 3-мъ выпускѣ, изданъ переводъ любопытнаго документа, представляющаго собой шведскій переводъ (русскаго оригинала къ сожалѣнію не сохранилось) грамоты воеводъ Князей Трубецкаго и Пожарскаго въ Осташковъ къ воеводѣ Осипу Хлопову (Сборникъ н. о., стр. 19—20); въ немъ читаемъ: «Бояринъ и воевода Дмитрій Трубецкой и стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій кланяются тебѣ Осипъ Тимофеевичъ Хлоповъ. Мы раньше писали тебѣ, чтобы ты послалъ отъ поповъ, дворянъ, горожанъ и крестьянъ, живущихъ въ Осташковѣ и его округѣ десять разумныхъ и надежныхъ людей сюда въ Москву къ 5 декабрю; когда они изъ Останкова и другіе изъ всѣхъ городовъ придутъ сюда, хотимъ мы съ полнаго ихъ согласія избрать себѣ Великаго Князя, если Богъ дастъ. Но ты еще не прислалъ ихъ, почему еще просимъ мы тебя, чтобы ты прислалъ ихъ сюда къ вышеупомянутому сроку, помня, какъ важно, чтобы

они во время сюда прибыли»... Такимъ образомъ число выборныхъ было определено первоначально въ 10-ть человекъ изъ каждаго города; между тѣмъ изъ Пискаго, какъ мы увидимъ, было прислано значительно большее число выборныхъ; да и въ другихъ документахъ напр. С. Г. Гр. и Д., III, стр. 1—6; Дв. Р. I, стр. 12) число не определено. Проф. Маткинъ («Земскіе соборы Древней Руси», стр. 124, прим. 3-е) догадывается, что въ первыхъ грамотахъ о присылкѣ указывалось число, а въ послѣдующихъ—нѣтъ. Въ сборникѣ «Новые акты Смутнаго времени» (изданіе Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; сборникъ издавъ подъ редакціей Ст. В. Веселовскаго, издана подлинная грамота Пожарскаго и Трубецкаго, приглашавшая Бѣлозерцевъ прислать къ Николину дню 10-ть человекъ «о земскомъ о больномъ дѣлѣ», такъ какъ «они въ которыхъ государствахъ нигдѣ безъ Государя государство не стоятъ» № 82, стр. 99—100; изъ грамоты изъ Бѣлозерска отъ посовды и дьяка къ игумену Матвею видно, что до 27 декабря никто изъ Бѣлозерска въ Москву не поѣхалъ *ibid.* № 89, стр. 107).

11. Н. С. Р. I, XIV, первая половина, стр. 128.

12. Ж. М. П. Пр., 1906 г., январь и отд., стр. 8.

13. Въ донесеніяхъ и распросныхъ рѣчахъ шведы всюду употребляютъ слово «боринья», когда надо сказать «дворининъ» или «сынъ боярскій».

14. *Сборникъ и. о.*, стр. 19.

15. Этими посланными отъ имени короля и королевича людьми были Адамъ Жолкевскій и упомянутые въ текствѣ князь Даниль Мецецкій (бывшій великій посолъ) и дьякъ Иванъ Грамотинъ, одинъ изъ членовъ тушинскаго правительства. Оба они состоятъ попомъ на службѣ у Михаила Феодоровича.

16. Hirschberg, Polska a Moskwa, we Lwowie, 1901, стр. 363; донесеніе писано латинскими буквами, но по русски; мы предпочли дать русскую транскрипцію.

17. Тѣмъ болѣе, что самъ Философовъ указываетъ, какъ обошлись съ боярами, которые «на Москвѣ сидѣли» съ поляками.

18. *Сборникъ и. о.*, стр. 18.

19. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 613; ср. *Сборникъ и. о.*, стр. 17 и 18.

20. *Сборникъ и. о.*, стр. 17; о казакахъ Дубровскій рассказываетъ слѣдующее: «Когда русскіе взяли Кремль, казаки хотѣли силой ворваться туда, чтобы посмотрѣть, что тамъ можно найти, но военачальники и бояре не позволили имъ этого и потребовали отъ нихъ, чтобы они представили списокъ старыхъ казаковъ, отдѣлилъ крестьянъ и другіе приетавиисъ къ нимъ безпорядочные отряды; тогда ихъ признають за казаковъ, и они будутъ награждены. Такъ и сдѣлано. Лучшихъ и старыхъ казаковъ было насчитано 11,000»; имъ было отдано оружіе и деньги. «Но другимъ безпорядочнымъ отрядамъ, въ которыхъ было нѣсколько тысячъ, не дали никакихъ денегъ, а позволили имъ построиться и жить въ Москвѣ или другихъ городахъ и не плати два года налоговъ и долговъ..... они.... остаются въ Москвѣ и будутъ строить себѣ дома въ окруженной каменной стѣнной части.—О щедромъ награжденіи казаковъ ср. Hirschberg, стр. 364, показаніе Философова.

21. См. хотя бы Н. С. Р. I, XIV, первая половина, стр. 128; тамъ читаемъ, что во время прістуса короля Сигизмунда къ Волоку, «примыслу же всему бывшу отъ атамановъ: отъ Пелюба Маркова да отъ Пвана Епанчина; о томъ, что казаки своевольничали въ Москвѣ и враждовали съ начальниками» и дѣтьми боярскими, см. *ibid.*, стр. 127.

22. Р. П. Б., I, стр. 313—315.

23. О томъ, что казаки называли Воренка «больше изъ казачкаго приличія», говоритъ Ключевскій («Курсъ», часть III, стр. 76 и 77.) Сооставленіе грамоты Гермогена въ Нижній въ августѣ 1611 г., показаніи Философова и неоднократныхъ упоминаній о томъ, чтобы «не хотѣть Маринки и ея сына» въ избирательной грамотѣ 1613 года, позволяетъ намъ считать слова В. О. Ключевскаго скорѣе остроумными, чѣмъ вѣрными.

24. О фильтраціи казачества см. въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній, гдѣ приведено показаніе Дубровскаго объ этомъ фактѣ. Здѣсь можно припомнить, что мы уже указали бѣлымъ образомъ на невыгодныя для казаковъ постановленія 30-го іюня 1611 года. Въ нихъ мы между

прочимъ читаемъ: «А которые Атаманы и казаки служатъ *старо*, а нынѣ похотятъ верстаться... и служить съ городами;... поверстать смотря *по ихъ отечеству* и по службѣ» (Карамзинъ, XII, стр. 793; курецъ вавгъ); слова *по отечеству* указываютъ по нашему мнѣнію на то, что среди вольнаго казачества были и дѣти боярскіе; нѣкоторыя наши наблюденія, подтверждающія это, надѣмся опубликовать въ свое время.

25. По мнѣнію С. О. Платонова («Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», отд., стр. 10 и 15) казаки выдвигали «Филаретова сына» по тушинскимъ воспоминаніямъ; то же полагаетъ и *Ключевскій* (*Курскъ*, часть III, стр. 76); трудно сказать, на сколько тушинскія отношенія Филарета могли сыграть роль при этомъ; мы лично не думаемъ, чтобъ у Филарета завязались хорошія отношенія къ тушинскому воровскому казачеству. Вспомнимъ, что «Тушино» распалось на слои, и что Филаретъ не тяготѣлъ къ желаніямъ казаковъ.

26. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 528—533 и прим. къ нимъ; Маркевичъ «Избраніе на царство Михаила Осодоровича Романова», Ж. М. Н. Пр., 1891 г., сентябрь и октябрь, см. также *Латкинъ*, «Земскіе соборы», стр. 123 и сл., *Ключевскій*, *Курскъ*, часть III, стр. 74—80, и др.

27. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 640—643. Вотъ имена этихъ городовъ (въ алфавитномъ порядкѣ; въ грамотѣ поднеси представителей городовъ идутъ безъ системы): Алексинъ, Арзамасъ, Брянскъ, Бѣжецкій Верхъ, Бѣлгородъ, Владиміръ, Вологда, Вязьма, Вятка, Зарайскъ, Казань, Калуга, Кашинь, Козельскъ, Коломна, Козмодемьянскъ, Курскъ, Ливны, Малый Ярославецъ, Мещовскъ, Мценскъ, Нижній-Новгородъ, Новоселъ, Одоевъ, Осколь, Остафковъ, Перемышль, Романовъ, Ростовъ, Рыльскъ, Рязань, Серпейскъ, Серпуховъ, Солова, Тверь, Торжокъ, Тула, Устюжна Желѣзно-польская, Царевосанчурскъ, Чебоксары, Чернь, Шацкъ, Ярославль. Къ этому надо прибавить, что за нѣкоторые города подписались, повидимому, мѣстные духовныя «власти».

28. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 598; поднеси сбирался значительно поздне (см. *Платоновъ* «Очерки» стр. 529), но не поздне первой половины 1614 года, такъ какъ 17-го іюня этого года двое изъ подписавшихъ грамоту, а именно Мишута Пушкинъ (С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 639) и Романовецъ Фока Дуровъ (*ibid.*, 643 стр.) были взяты шведами въ плѣтъ во время неудачнаго похода князя Трубецкаго (*Сборникъ и. о.*, V, стр. 29—33).

29. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 529 и 533; прим. 250.

30. Сборникъ Нижегородской Архивной Комиссіи въ память 300-лѣтія нижегородскаго подвига, стр. 449 (изъ Хронографа Князя М. А. Оболенскаго): «нѣкто дворянска чина Галича града предложн на томъ соборѣ вышсь о родствѣ царевн...». Впервые это извѣстіе было обнародовано П. Е. Забѣлинымъ въ числѣ приложений къ книгѣ «Мишннъ и Пожарскій». Въ Дв. Р. (I, ст. 1189) названы дворяне изъ Костромы (Хрипуновъ) и Галича (Свиньинъ), которые поѣхали отъ имени земскаго собора къ царю.

31. Точнѣе было бы сказать до «Бѣлгорода» (см. С. Г. Гр. и Дог., стр. 642).

32. *Платоновъ* «Очерки», стр. 529.

33. Это число установилъ С. О. Платоновъ, ссылаясь на Дв. Р., I, стр. 1085—1086 (см. № 43-й и прил.). Отмѣтимъ, что поднеси на грамотѣ даютъ совершенно инныя имена нижегородскихъ представителей, чѣмъ названный документъ, напечатанный въ I т. Дв. Р. Только протопопъ Савва Ефимьевъ, уполномоченный въ «отпискѣ», подписался и на грамотѣ (С. Г. Гр. Д., стр. 643).

34. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 529.

35. Такъ «Мещенинъ Степанъ Стрешиневъ выборнова Дворянина Савы Мясоѣдова и во веѣхъ выборныхъ Соловлянъ людей мѣста руку приложилъ», а «Мещенинъ Кунаи Огарковъ» подписался даже за представителей 2-хъ городовъ: Черни и Новоселя (С. Г. Гр. и Дог., стр. 641 и 642).

36. Мы имѣемъ случай упоминанія о казакахъ въ поднесяхъ представителей Рыльска, Ливень и Бѣлгорода. Въ первомъ случаѣ: «пушкаръ Ивашка Родивоновъ въ посадкихъ людей, и въ казаковъ, и стрельцовъ, въ пушкарей и затишниковъ мѣста руку приложилъ»; во второмъ: «выборный, Егорьевской попъ Гаврила, и въ детей боярскихъ и въ козаковъ мѣста руку приложилъ»; наконецъ, въ третьемъ: Бѣлгородской Пречистенской попъ Исакъ, и вмѣсто детей боярскихъ, и Атамановъ, и козаковъ и стрельцовъ, и пушкарей выборныхъ, руку приложилъ». Если вдуматься въ

эти случаи, то мы поймем, что здесь речь идет не о группах «атаманы и казаки», а о городских казаках и атаманах, из которых первые были почти во всех, а вторые во многих украинских городах; а Ливны, Рыльск и Благородь к таким именно городам и относятся. Къ тому же грамота подписывалась тогда, когда группа атаманов казаков, неудобная въ обществѣ, была подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ распущена и удалена изъ Москвы.

37. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 534.

38. С. Г. Гр. и Док. I, стр. 612; Р. Н. Б., XIII, стр. 1233—1236, отмѣтимъ, что и грамота и Палицынъ говорятъ о многихъ дняхъ совѣщаній собора; а первая говоритъ о томъ, что на соборѣ рѣшено было не хотѣть никого изъ иноземцевъ и Маринкина сына; стало быть о нихъ шла речь; въ Хронографѣ 1617 года этихъ упоминаній вовсе нѣтъ, и избраніе представлено результатомъ единодушнаго порыва. (Р. Н. Б., XIII, стр. 419).

39. Р. Н. Б., XIII, стр. 618. Отмѣтимъ, что Катыревъ былъ на избирательномъ соборѣ (С. Г. Гр. и Д., I, стр. 638).

40. П. С. Р. Д., XIV, первая половина, стр. 129; Летопись о многихъ мѣткахъ, позднѣйшей изводъ Нового Летописца добавляетъ (изд. 2-е, стр. 270): «Мнози же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкунахуся, многимъ дающе и обѣщающе многіе дары». Неизвѣстно кто именно здѣсь подразумѣвается; врядъ ли Пожарскій, такъ какъ въ нему Новый Летописецъ относится съ нескрываемымъ сочувствіемъ.

41. П. С. Р. Д., V, стр. 61 и 62.

42. *Сборникъ и. о.*, V, стр. 18; ср. *ibid.*, стр. 22 (изъ распросныхъ рѣчей 2-хъ русскихъ купцовъ, которые 10 января 1613 года показани между прочимъ): «боаре съ другими земскими чинами всѣ на бывшемъ у нихъ собраніи рѣшили, что они будутъ просить Великаго Князя изъ чужого государства, и Королевскаго рода и т. в. Его Княжеская Милость Герцогъ Карль Финляндъ сюда позже прибудеть., то они поэтому призываютъ его.».

43. Отъ этихъ лицъ исходили приглашенія на соборъ; вѣроятно они и открывали его.

44. А. А. Э., II, № 180, стр. 308.

45. С. Г. Гр. и Док. I, стр. 612 «и изъ иноземцовъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ. . . никакъ никому не быти»; изъ Дв. Р. (I, стр. 13) видно, что въ данномъ случаѣ «говорили на соборахъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ».

46. Платоновъ, Очерки, стр. 531. О различныхъ кандидатахъ см. *Литвинъ* «Земскіе соборы» стр. 125—6; отмѣтимъ, что кандидатура князя Голицына по одному современному извѣстію выдвигалась на соборѣ или передъ соборомъ (*Сборникъ и. о.*, V, стр. 30; некоторые говорили, что надо помолиться Богу и затѣмъ бросить жребій между тремя лицами княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ, княземъ Иваномъ Голицынымъ и Михаиломъ Романовымъ, кого изъ нихъ Богъ пожелаетъ дать имъ въ Государя. Но когда затѣмъ собрались земскіе чины, они задумались надъ этимъ (дѣяго изъ распросныхъ рѣчей пѣвшихъ пѣвцами 17-го іюня 1614 года стольника Ивана Ивановича Ченчугова, московскаго дворянина Никиты Остафьевича Пушвина и дворянина Романовца Фоки Дурова; послѣдніе двое участвовали на соборѣ 1613 года; см. объ этомъ одно изъ предыдущихъ примѣчаній).

47. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 532.

48. О Трубецкомъ упоминается, какъ мы уже указали выше, въ распросныхъ рѣчахъ Ченчугова, Пушвина и Дурова; см. также *Бюстмаровъ* «Смутное время», т. III, стр. 306, съ ссылкой на слова А. О. Бычкова, который прочелъ извѣстіе о кандидатурѣ Трубецкого въ припискѣ къ одной рукописи, бывшей въ его рукахъ.

49. *Забѣлинь*, «Мишинъ и Пожарскій», стр. 152—154; тамъ же подробно разсказана исторія намековъ на подкуны княземъ Пожарскимъ во время избирательнаго періода; но, во-первыхъ, и самъ Суминъ, сказавшій, что Пожарскій «воцарился» на Москвѣ и потратилъ на это 20,000 рублей, отрেকে отъ своихъ словъ, и ясно, что онъ ихъ не могъ бы подтвердить. Во-вторыхъ, и суммы чрезмѣрно велика; въ-третьихъ, весь характеръ Пожарскаго этому противорѣчитъ. П. Е. Забѣлинъ собрано очень много данныхъ о Пожарскомъ и его честной службѣ отечеству и во время Смуты и при царѣ Михаилѣ (См. «Мишинъ и Пожарскій»).

50. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 532.

51. *Забѣлинъ*, «Мининъ и Пожарскій», стр. 299.

52. *Сборникъ н. о.*, V, стр. 27, рѣчи Калитина.

53. *Сборникъ н. о.*, V, стр. 21.

54. *Сборникъ н. о.*, стр. 30 и 31. Отмѣтимъ, что и Шкита Пункинъ и Фока Дуровъ дали свои подписи подъ избирательной грамотой, рисующей дѣло иначе. Поэтому къ словамъ ихъ надо относиться съ особенной осторожностью. Они были свидѣтелями и участниками избранія но легко относились къ петинѣ. Притомъ они, повидимому, были дружественны къ Трубецкому (см. стр. 32). Несомнѣнно, казаки шумѣли и на соборѣ, и на московскихъ площадяхъ; но несомнѣнно и то, что кандидатура Михаила Феодоровича встрѣчала извѣстное сочувствіе и въ высшихъ слояхъ общества; это видно и изъ показаній Чепчугова съ товарищами по плѣну: въ одномъ изъ ближайшихъ примѣчаній мы указали, что говорилось по собственнымъ признаніямъ Чепчугова, Пушкина и Дурова передъ соборомъ; тогда называли Голицына, Трубецкого и Михаила Романова, какъ желательныхъ кандидатовъ.

55. Дальнѣйшее изложеніе слѣдуетъ главнымъ образомъ за «Очерками» С. О. Платонова (стр. 532—533).

56. Р. П. Б., ХІІ, стр. 1237, «Егда убо писаныи о избраніи его царскомъ утвержающеся и, койждо чинъ себѣ наипеваніе, спесоча же во общее свидѣтельство и не обрѣтесе ни въ единомъ словеси разньствіа, но, яко во едино собраннесе, написана».

57. А. П. Маркевичъ, ор. сіл., Ж. М. П. Пр., октябрь, стр. 403.

58. Здѣсь разумеется событіе, рассказанное Палицынымъ такъ (Р. П. Б., ХІІ, стр. 1236). Сначала состоялось предварительное избраніе Михаила Феодоровича на соборѣ. «Потомъ же посылають на Лобное мѣсто Рязанскаго архіепископа Феодорита да Троицкаго келаря старца Авраамія да Повово Спасскаго монастыря архимарита Юсифа, да боярина Василія Петровича Морозова». Они посланы были къ толпившемуся на Красной площади всему народу и «воинству» и дивно же тогда сотворися. Певѣдушимъ, народомъ, чесо ради собранн, и еще прежде вопрошенія во всемъ народѣ, яко отъ единыхъ устъ вен возошннхъ: «Михаилъ Феодоровичъ да будетъ царь и государь Московскому государству и вса Рускіа державы».

59. *Ключевскій*, «Бурѣ», часть III, стр. 78—80.

60. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 532; «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ» стр. 15.

61. О немъ повѣствуютъ, слѣдя Страленбергу, гг. *Барсуковъ* («Родъ Шереметевыхъ», II) и *Латкинъ* «Земскіе соборы», оба беря изъ его рассказа то, что соотвѣтствуетъ ихъ взглядамъ. Но поелъ измываній А. П. Маркевича (ор. сіл. passim) и замѣчаній... «С. О. Платонова («Московское правительство...» passim) Страленберга приходится оставить въ сторонѣ.—Не зная поэтому ничего досто- вѣрнаго объ участіи О. П. Шереметева въ избраніи Михаила Феодоровича, не придаемъ особаго значенія и его полумиѳическому шесму къ князю Вас. Вас. Голицыну. Изъ этого шесма особенной извѣстностью пользуется фраза «Выберемъ Мишу Романова. Онъ еще молодъ и разумомъ еще не дошелъ, и намъ будетъ повадень». Покойный П. П. Костомаровъ, слышавшій эту фразу въ изустной передачѣ отъ извѣстнаго романиста и изслѣдователя П. П. Мельникова (Печерскаго), обнарудовалъ еѣ въ неправдоподобной и не совсемъ пристойной формѣ («Смутное время», стр. 294).

62. *Сборникъ н. о.*, V, стр. 26—27. О вышеноименованныхъ боярахъ говорится, какъ о сторонникахъ князя Михаила, затѣмъ называется кн. Федоръ Метиславскій—его противникъ; но извѣстно, что Метиславскаго не было на избирательномъ соборѣ до 21 февраля.

63. *Сборникъ н. о.*, V, стр. 30.

64. А. П. Маркевичъ (ор. сіл., стр. 181) думаетъ, что лишь московскіе книжники «хорошо знали о родствѣ М. О. Романова съ послѣднимъ царемъ Рюриковичемъ», и что «бракъ царя Ивана Васильевича и Анастасіи Романовны происходилъ 65 лѣтъ назадъ». Но царица Анастасія, прожившая въ бракѣ съ Иоанномъ Грознымъ 13½ лѣтъ, умерла всего за 52—53 года до выбора Михаила Феодоровича и была очень популярна; народъ очень хорошо зналъ и любилъ царскаго шурина

и дядю царя Θεодора, Никиту Романовича; любимы были народомъ и двоюродные братья царя Никитичи; поэтому далеко не одни книжники хорошо знали отношенія Романовыхъ къ угасшей династїи и придавали этимъ родственнымъ связямъ огромное значеніе.

65. Въдъ въ Тушинѣ былъ и Грубешкой. Онъ былъ всегда ближе къ казакамъ, былъ ихъ постояннымъ начальникомъ, и однако казаки о немъ не подумали.

66. Тогда совершеннолѣтіе считалось въ 15-тъ лѣтъ.

67. Это указываетъ и самъ А. П. Маркевичъ (ор. сѣл., стр. 199; уже послѣ выбора Михаила Θεодоровича носились слухи о сношенїяхъ Ивана Никитича съ польскимъ королемъ (*Сборникъ и. о.* V, стр. 23). Отметимъ здѣсь дальнѣйшую судьбу Ивана Никитича. Онъ былъ въ большой чести у своего царственного племянника, участвовалъ въ цѣломъ рядѣ придворныхъ церемонїи и государевыхъ службъ. Скончался въ 1640 году. Изъ его дѣтей пережилъ отца лишь любимымъ народомъ за ласковость и доброту бояринъ и дворецкїи Никита Ивановичъ, двоюродный дядя царя Алексѣя Михайловича. Съ его смертью (въ 1634 году) прекратилась боярская линїя Дома Романовыхъ. (*Селифонтовъ II*, стр. 81, 87 и 100).

ВЪ ГЛАВѢ VII.

1. О радости присягнувшихъ см. хотя бы Дв. разряды, I, ст. 1045 и 1046: «марта, Государь, въ 1 день, слыша они (дворяне,..... и всякіе служилые и Переяславлѣ Рязанскаго посадекіе люди, и уѣздные») про твое царское Величество, тебѣ Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θεодоровичю всеа Русїи крестъ цѣловали все единомыслиенно радостными душами..... и за твое царское здорovie Бога молили, иѣли молебны со звономъ по всемъ церквамъ; *ibid.*, ст. 1047—1048... „Марта въ 11 день писали... изъ Боровска: протопопъ и весь освещенныи соборъ, и воеводы Θεодоръ Бугуринъ, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди съ Любимомъ Радищевымъ, что они, отъ мала и до велика, слыша про твое царское здорovie обрадовались сердечною радостью и, о крестномъ цѣлованїи не дожидаясь указу, Марта въ 3 день тебѣ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θεодоровичю всеа Русїи крестъ цѣловали, и посадекихъ и уѣздныхъ великихъ людей къ кресту привели“; сохранились и другїе документы такого же содержанїя; нѣтъ причинъ сомнѣваться въ искренней радости русскихъ людей того времени при мысли о прекращенїи безгосударнаго времени; ср. *Маркевичъ*, ор. сѣл., стр. 195 и прим.—Крестоцѣловальная записка напечатана въ С. Г. Гр. и Дог., III, № 3, стр. 14—15; тамъ читаемъ между прочимъ: «присяга дается на имя царя, царицы будущей и «ихъ царскихъ дѣтей», «которыхъ имя Государямъ Богъ дастъ»; «Ншого государя изъ иныхъ государствъ, Литовскаго и Пшемскаго Короля и Королевичевъ и Царей и Царевичевъ изъ иныхъ земель и изъ Русскихъ родовъ никого и Маршкы и сына ея на Московское государство не хотѣти и Государства не подыскивати.... Также мнѣ, кто не станеть Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θεодоровичю всеа Русїи служить и прямити, и мнѣ съ ними битися, что съ неприятели своими до смерти».

2. Дв. Р. I, ст. 17—18; Р. II, Б., XIII, ст. 1278; Въ наказѣ посланъ С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 16, перечень составленъ нѣсколько иначе; Тамъ читается: «Θеодориту Архіепископу Рязанскому и Муромскому, да Архимандриту Чудовскому, Троицы Сергіева монастыря келарю Аврамію, Спаса Новаго монастыря Архимандриту, Симона монастыря Архимандриту, Благовѣщенскому протопопу, Архангельскому протопопу и собора ключарю, Николы Зарайскаго протопопу, да боярамъ Θεодору Ивановичу Шереметеву, да Князю Володиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, да окольничему Θεодору Васильевичу Головину, и стольникамъ, и стряпчимъ, и приказнымъ людямъ, и жильцамъ и выборнымъ людямъ изъ городовъ по спискамъ, а списки даны боярамъ». Изъ великихъ пословъ Θ. П. Шереметевъ, и Θ. В. Головинъ принадлежали къ Романовскому кругу. Происходя отъ одного съ царемъ Михаиломъ родоначальника, Θ. П. Шереметевъ былъ мужемъ двоюродной сестры народнаго избранника, а Θεодоръ Васильевичъ Головинъ былъ или двоюроднымъ дѣдомъ, или четверюроднымъ дѣдомъ его (такъ какъ Михаилъ Θεодоровичъ былъ внукомъ или

княжны Евдокии Александровны Горбатой (дочери Анастасии Петровны Головиной) или Варвары Ивановны Головиной.

3. С. Г. Гр. и Дог., III, № 7, стр. 15—22; Наказъ великому посольству.

4. Новоселки указаны у Палицына (Р. И. Б., XIII, стр. 1239). Тамъ же читается: «изъ града же приидоша къ нимъ градодержатели со множествомъ народа». Однако послы доносили въ Москву земскому собору лишь объ обсылкѣ съ воеводами и другими именитыми костромичами (Дв. Р., I, стр. 53. «И мы, господа, сослава съ воеводами...»).

5. Въ избирательной грамотѣ (С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 611) говорится далѣе: «Михаило Салтыковъ.... да Александра Гасевскіи, наипаче сего праведнаго Михаила Феодоровича и на его благочестивую мать..... навадаютъ..... и домыслияхуся, какъ бы его, аки агнца беззлюбиваго, смерти предать». Это, конечно, преувеличеніе, но что за Михаиломъ Феодоровичемъ особенно слѣдили, въ этомъ не сомнѣваемся.

6. И. С. Р., XIV, первая половина, стр. 126; Р. И. Б., XIII, стр. 1319, С. Г. Гр. и Дог. I, 615 и мн. др.

7. Объ этомъ есть разсказъ въ житіи св. Макарія. Ср. П. М. Любомировъ, «Легенда о старцѣ Давидѣ Хвостовѣ», Ж. М. П. Пр. 1911 г., декабрь, стр. 322—353; см. стр. 329; авторомъ названной статьи очень обстоятельно разобраны и оцѣнены по достоинству малоублажительныя утвержденія о тождествѣ Казанскаго митрополита Еврема (въ мірѣ Хвостова), гг. Бѣлсва, Скворцова, Л. А. Бѣвча съ строителемъ монастыря св. Макарія Ужвненскаго, объ особой роли этого монастыря въ судьбѣ Романовыхъ, о помощи, оказанной м. Евремомъ Михаилу Феодоровичу и т. д. Вполнѣ соглашались съ крупулезно—точными изысканіями г. Любомирова, не считаемъ нужнымъ останавливаться на этихъ вопросахъ.

8. С. Г. Гр. и Дог., III, № 50, стр. 214—215. Покойный П. П. Костомаровъ въ статьѣ «Иванъ Сусанинъ» занедозрѣлъ подлинность подвига Сусанина. Его доводы блестяще опровергнуты С. М. Соловьевымъ (И, стр. 1396—1404). Обыкновенно видятъ въ шайкѣ, замучившей Сусанина, отрядъ польскихъ казаковъ. Но это могъ быть и польскій или литовскій отрядъ. Въдь поляки знали, кого «примѣриваютъ» на царство.

9. Р. И. Б., XIII, стр. 1239.

10. С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 619. Здѣсь и далѣе, излагая рѣчи пословъ царя Михаила Феодоровича и инокини Марѣи Ивановны, слѣдуемъ почти исключительно сообщенію избирательной грамоты (стр. 619—630). Этотъ источникъ очень риториченъ, по сущности переговоровъ, думается намъ, въ немъ сохранена. Но крайней мѣрѣ мотивы, выставленные избраннымъ Государемъ и его матерью, равно какъ и великими послами, вполнѣ соответствуютъ обстоятельствамъ. См. также Дв. Р., I, стр. 52—66 (грамота, какую послалъ Феодоровъ и Шереметевъ земскому Собору, послѣ согласія Михаила Феодоровича). Весьма вѣроятно, что эта грамота легла въ основаніе разсказа избирательной. Пользуемся избирательной, такъ какъ самая риторика—риторика XVII вѣка и очень характерна для него; притомъ же и въ избирательной грамотѣ рѣчи царя, его матери, Шереметева отличаются отъ рѣчей Феодорита тономъ и способомъ изложенія мысли.

11. Дв. Р. I, стр. 56—60. Грамота пословъ въ Москву сообщаетъ нѣкоторые любопытныя подробности: инокиня Марѣа, заявивъ, что русскіе люди «взмалодушествовались», воспоминаетъ участь прежнихъ государей и претендентовъ на престолъ: Бориса, его семьи, Гришки Отрѣьева, Шуйскаго; Шереметевъ говоритъ, что «царя Шуйскаго Василія выбрали немногіе люди» и что послѣ междоусобіи были ему челомъ, чтобъ онъ «государство оставилъ». Кромѣ того Шереметевъ заявилъ, что русскіе люди «показались» вышавшими на ихъ долю невзгодами.

12. Эти и нѣкоторые другіе аргументы арменискаго Феодорита можно сопоставить съ рѣчами, говорившимися царю Борису. Да и вся грамота носитъ на себѣ слѣды вліянія предшествующаго ей документа, аналогичнаго по значенію; но и обстановка была иная, и отказы отъ власти звучали во второмъ случаѣ, несомнѣнно, гораздо искреннѣе. Борисъ желалъ власти и привикъ къ ней. Романовы въ 1613 году, несомнѣнно, страшались согласиться на наредныя просьбы. Мы теперь знаемъ, что положеніе царя Михаила Феодоровича было гораздо болѣе благопріятнымъ.

чѣмъ положеніе Бориса Годунова, такъ какъ Смута уже окончилась. Но въ 1613 году было очень и очень много тревожныхъ, грозныхъ симптомовъ; да и пѣвнѣ митрополита Филарета очень тревожилъ любящія сердца близкихъ ему людей. Не даромъ гетманъ Жолкевскій со свойственной ему проникательностью удалилъ Филарета. О бѣдствіяхъ отца Государева въ пѣвнѣ рѣчь пойдетъ въ послѣдней главѣ настоящаго труда.

13. У Палидина (Р. П. Б., XIII, стр. 1244) находимъ такую подробность: Феодоритъ взялъ на свои руки образъ Пресвятой Богородицы, а келарь Троице Сергіева монастыря—иконы Московскихъ Чудотворцевъ.

14. Конечно, были и недовольные избраніемъ Михаила Феодоровича (см. хотя бы *Маркевичъ* *op. cit.*, стр. 193—196, прим.); но такихъ было ничтожнѣйшее меньшинство.

15. Дв. Р. I, стр. 65; Палидинъ такъ рассказываетъ объ этомъ (Р. П. Б., XIII, стр. 1242): «возложился на государя пречестный и животворящій крестъ, и жезлъ царскій прими въ руку свою и сяде на стулѣ царскомъ и паречень бысть Богомъ избранный благовѣрный великій государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Русіи самодержецъ, въ церкви Пресвятыя Живоначальныя Троицы въ Пискаревѣ монастырѣ въ лѣто 7121-го марта въ 11. И совершише святую литургію и молебны о царскомъ его многолѣтнемъ здравіи, исходитъ отъ церкви святыя Живоначальныя Троицы Богомъ дарованный Государь и самодержецъ, нося въ руку своєю царскій жезлъ, почитаемъ отъ всего царскаго синклита и отъ всего воинства и отъ множества народа всѣхъ чиновъ».

16. А. П. *Маркевичъ*, *Op. cit.*, *passim* вторая половина статьи, *Ж. М. Н. Пр.*, 1891 г., октябрь резюме см. на стр. 403.

17. *Платоновъ*, «Московское Правительство при первыхъ Романовыхъ», *passim*; резюме см. на стр. 56.

18. *Платоновъ*, «Очерки», стр. 604, прим. 253.

КЪ ГЛАВѢ VIII.

1. С. Г. Гр. и Док., III, № 7, стр. 22—31, грамота Сигизмунду; *ibid.* № 8, стр. 31—38, списокъ русскихъ пѣвннхъ, томившихся въ Польшѣ.

2. С. Г. Гр. и Док., III, № 9, стр. 38. Переводъ письма Струся.

3. С. Г. Гр. и Док., III, № 14, стр. 53—63. Грамота Короля Сигизмунда.

4. Н. С. Р. J., XIV, первая половина, стр. 131. Здѣсь цѣлѣю послышки Аладына, посланнаго «боярами», выставляется извѣщеніе поляковъ о выборѣ царя Михаила Феодоровича.

5. Дв. Р. I, ст. 65.

6. Свѣдѣніи о томъ, какъ организовалось правленіе въ первые мѣсяцы царствованія Михаила Феодоровича см. также у С. О. Платонова въ статьѣ «Московское правительство», стр. 27—30; Отписки собора см. Дв. Р. I, № 12, 13, 20 и ми. др.; см. отписки «бояръ» *ibid.* № 21, 30, 31 и ми. др. Отписки бояръ очень часты съ 11-го апрѣля 1613 года. Но бояре во главѣ съ Мстиславскимъ дѣйствуютъ въ Москвѣ уже раньше (*ibid.* № 4).

7. Дв. Р. I, № 13, 48 и др.

8. Дв. Р. I, № 32 (1613 г., 28 апрѣля), № 54 (29 апрѣля) и др.

9. Дв. Р. I, № 12 (ст. 1083 и примѣчаніе; послѣ 26-го марта); № 63 (конецъ апрѣля); С. О. Платоновъ относитъ этотъ документъ къ марту («Московское правительство», стр. 29, пр. 2).

10. Дв. Р. I, № 4. Эта отписка адресована не земскому собору, какъ принято думать, а освещенному собору и «господамъ боярамъ».

11. Дв. Р. I, № 52 (отписка земскому собору великихъ пословъ), № 62 (отписка къ великимъ посламъ земскаго собора) и др.

12. *Ibid.*, ст. 1120.

13. Изъ Ярославля царь отправился 16-го апрѣля въ Ростовъ, прибылъ 17, а въ дальнѣйшій путь рассчитывалъ выступить 19-го числа того же мѣсяца (Дв. Р., I, стр. 1119—1120).

14. Дв. Р., I, стр. 68—88; С. Г. Гр. и Док., III, № 11 и 12, стр. 46—55.

15. Въ Сборникѣ и. о. (V, стр. 32), въ распросныхъ рѣчахъ Чепчугова, Пушкѣина и Дурова есть интересныя подробности объ управленіи (рѣчи относятся къ июню 1614 года): «хотя бояре и думскіе совѣтники сохраняють свое прежнее званіе и ежедневно засѣдаютъ въ Думѣ, но они ничего не должны дѣлать, обсуждать или рѣшать, на что не согласенъ Борисъ Салтыковъ, сынъ одноглазого Михаила Салтыкова; не дадѣ Великаго Князя Ивану Никитичу Романову, но этому вышеупомянутому Борису Салтыкову принадлежать высшіе совѣтъ и власть, не по его званію, но потому, что онъ родственникъ старой монахини, матери теперешняго Великаго Князя и она ему предоставляетъ это».

16. Царь это и напоминалъ земскому собору (см. Дв. Р., I, ст. 1100): «А то вамъ самимъ и всему Московскому Государству... вѣдомо... училиши есмь... Царемъ.. вашимъ прошеньемъ и челобитьемъ, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ дѣловали есте своею волею».

17. Дв. Р., I, прил. № 34, ст. 1119—1120; Царская грамота: «нашъ походъ къ Москвѣ замедлился, что путь зимней испортился и рѣки роспустились... а идемъ пѣшкотно за тѣмъ, что подводу мало и худы служилые люди: стрѣльцы, и казаки, и дворовые люди многіе идутъ пѣши».

18. Дв. Р., I, ст. 1151—1154, 1179—1180.

19. Дв. Р., I, ст. 1099—1100 (Царская грамота изъ Ярославля, отъ 8-го апрѣля, «которые атаманъ и казаки пріѣхали къ намъ со властями и съ бояры вашими... безпрестани намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьи и о своихъ и о конскихъ кормахъ».—Царь требовалъ, чтобъ соборъ учинилъ «приговоръ», «сѣмъ... атамановъ и казаконъ... жаловать»; *ibid.* № 30 (ст. 1113—1116; *ibid.*, ст. 1138—1140, 1161, 1175).

20. Дв. Р., I, 1159—1162, случаи насилія и самоуправства атамановъ и казаконъ, служившихъ государству; у самого Государя къ приходу его въ Троице-Сергіевъ монастырь «шли атаманы всѣ, а казаки у Троицы остались немногіе, а многіе разѣхались». «11 апрѣля въ 28 день съ утра», читаемъ мы въ царской грамотѣ отъ 29-го апрѣля (Дв. Р., I, ст. 1175),—«изъ тѣхъ атамановъ и казаконъ побѣжали съ нашего стану, отъ Троицы-Сергіева монастыря, многіе атаманы и казаки къ Москвѣ, и дорогою ѣдучи, многихъ людей грабили».

21. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пробылъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ съ 23 по 30-е апрѣля («седьмичу дней»). О торжественномъ приѣмѣ, устроенномъ Государю братіей монастыря, см. разсказъ Налицына (Р. И. Б., XIII, стр. 1243—1244).

22. Дв. Р., I, ст. 1162, «си апрѣля въ 26 день»; когда пріѣхалъ митрополитъ казанскій Евремъ къ государю, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ не позднѣе 26 апрѣля.

23. Дв. Р., I, ст. 1162—1165.

24. Дв. Р., I, ст. 1165—1166. Интересенъ фактъ послышки такой денуцатіи.

25. Дв. Р., I, ст. 1167.

26. Дв. Р., I, ст. 1169—1176.—Въ грамотѣ указывались невыгодныя экономическія послѣдствія «воровства» и прибавлялось: «Да и то намъ подлинно вѣдомо есть, которые гости, и торговые и всякіе жилецкіе люди и Москвичи въ Московское разоренье разѣжались съ Москвы по городамъ а нынѣ, по вашему боярскому приговору, велѣно имъ съ женами и дѣтьми и со всеми ихъ животы ѣхать къ Москвѣ на житье и подованы въ томъ на крѣпкіе поруки за занемн, и тѣ всѣ гости и жилецкіе и посадскіе всякіе люди, для убивствъ и грабежей въ Москвѣ ѣхать не смѣють. И вамъ бы однозначно о томъ на Москвѣ учинити заказъ крѣпкой, а которые отъ прежнего своего всякаго дурна не уймутся, и вы бъ на тѣхъ воровъ послали многихъ людей и велѣли ихъ сыскивать, и пмая приводить къ Москвѣ; а на Москвѣ имъ наказаніе велѣли чинити по ихъ вишамъ, кто чего доведется, чтобъ, на нихъ смотря, и инымъ неповадно было воровать».

27. Дв. Р., I, ст. 1193—1194 (Отписка земскаго собора Царю).

28. Думаемъ, что это были первые рѣшительные шаги къ обузданью казачьей массы. Выславъ затѣмъ ее въ разные послыски и испомѣствъ по разнымъ городамъ, правительство окончательно обезвредило «атамановъ и казаконъ».

29. Великій посолъ 1610 года, согласившійся служить Сигизмунду (см. выше) и казимъ-то образомъ отъ него избавившійся.

30. Дв. Р. I, № 66 и № 60; также № 61.
31. Дв. Р. I, №№ 62 и 63.
32. Дв. Р. I, ст. 1191.
33. Дв. Р. I, № 66 (ст. 1212).
34. Подробнаго описанія встрѣчи въ официальных документахъ не сохранилось. Краткое (Дв. Р. I, ст. 89—90)—неточно. Въ немъ указанъ апрѣль мѣсяць.
35. С. Г. Гр. и Док., I, стр. 399—613. Подписывались и не бывшіе на соборѣ. Такъ, на первомъ мѣстѣ находимъ имя митрополита Еврема (стр. 636).
36. Н. С. Р. J., XIV, первая половина, стр. 131.
37. С. Г. Гр. и Док., III, стр. 87. Ср. Дв. Р. I, стр. 96—98; встаетъ было нѣсколько попытокъ мѣсячничества, очень любознательныхъ. Государь всѣ ихъ превращалъ приказаніемъ быть безъ мѣствъ.
38. Дв. Р. I, ст. 96.
39. Дв. Р. I, ст. 98; «сказывалъ думное дворянство Кузмѣ Миничю»; такимъ образомъ «Куземка Мининъ» обратился въ Кузму Минича; писаться «съ вичемъ» имѣли право только высокопоставленныя лица: думные люди, стольники, московскіе дворяне, именитые люди Строгановы и т. п.
40. *Забѣлишь* «Мининъ и Пожарскій», *passim*. II въслѣдствіи услугами Пожарскаго часто пользуются въ трудныхъ обстоятельствахъ, но, какъ сравнительно передовитый человекъ, онъ не занимаетъ первыхъ мѣствъ. Отметимъ, что обычной наградой для Пожарскаго могло быть окольничество, а для Минина—городовое дворянство, или пожалованіе его «состемъ».
41. Здѣсь и далѣе мы пользуемся чиномъ царскаго вѣчанія, напечатаннымъ въ Г. Гр. и Док., III, № 16, стр. 70—87.
42. Такъ назывались тогда царскія регалии.
43. Отметимъ, что, какъ и въ другихъ официальныхъ памятникахъ того времени, такъ и въ чинѣ вѣчанія къ «царю Борису» относится очень сдержанно.
44. Подробностей разсказа относительно. Онъ гораздо подробнѣе, чѣмъ очень краткія упоминанія въ рѣчи Царя Михаила Феодоровича, но самъ по себѣ тоже кратокъ.
45. Поученіе, какъ и весь «чинъ» заимствованы изъ «чина» вѣчанія царя Феодора Ивановича.
46. Р. И. Б., XIII, ст. 1318—1320.

КЪ ГЛАВѢ IX.

1. Надо помнить, что въ тѣ времена не было различія между государственной и личной царской казной.
2. О правительствѣ и земскомъ соборѣ въ первые времена послѣ Смуты (1613—1619 года) о мѣрахъ, ими принятыхъ (о пятой деньгѣ, экстренныхъ сборахъ и т. д.), см. особенно: С. О. Платоновъ «Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ» и «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», В. И. Латвинъ «Земскіе соборы древней Руси», П. Е. Забѣлишь «Мининъ и Пожарскій»; въ названныхъ работахъ указаны и источники нашихъ свѣдѣній о названныхъ вопросахъ; изъ новѣйшихъ матеріаловъ см. Ст. Б. Веселовскій и подъ его редакціей изданный сборникъ актовъ: «Новые Акты Смутнаго Времени».
3. Вопросъ о пятой деньгѣ возбуждалъ много споровъ въ научной литературѣ. Новѣйшими изслѣдователями его являются С. Б. Веселовскій («Семь сборовъ запросныхъ и пятиныхъ денегъ», Москва 1908 г.) и Е. Д. Станевскій («Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московскаго государства», Ж. М. Н. Пр. 1912 г., апрѣль и май). Веселовскій (ор. сѣд., стр. 37) говоритъ: «Пятину 142 (т. е. 1614 г.) года можно охарактеризовать, какъ налогъ съ наличной движимости, которая по оценкѣ стоила отъ 10 рублей и болѣе». Станевскій (ор. сѣд., апрѣль, стр. 267 и слд., особенно 272 стр.) утверждаетъ, что «въ пятинныя овладѣла не только движимость, но и недвижимость». Последній изслѣдователь, вслѣдъ за В. О. Ключевскимъ, считаетъ, что пятина имѣла

цѣлью взять у населенія «наименьшій чистый годової доходъ (Сташевскіи, ор. сіт. апрѣль, 274 стр.). Слова Летописца о пятииѣ: «сбираху... пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей» (И. С. Р. Л., V, стр. 64) указываютъ по нашему мнѣнію точно, что пятая денга сбиралась со всего имущества тяглецовъ.

4. О первыхъ годахъ царствованія Михаила собрано много матеріаловъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева; см. также Д. П. Пловайскіи, «Исторія Россіи», томъ четвертый, выпускъ второй: «Эпоха Михаила Феодоровича Романова». О Заруцкомъ см. Дв. Р., I, рядъ актовъ въ приложеніи; С. Г. Гр. и Дог., III, нѣсколько актовъ, и Новыи Летописецъ.

5. Р. И. Б., XIII, стр. 1316.

6. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 130 и 132.

7. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 134.

8. С. Г. Гр. и Дог., III, № 23, стр. 104.

9. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 134.

10. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 135—136; Р. И. Б., XIII, стр. 1394—1396.

11. Молодой русскіи ученый А. П. Заозерскіи, въ очеркѣ «Къ характеристикѣ Московскіи дипломатіи XVII вѣка» сдѣлалъ недавно (въ сборникѣ «С. О. Платову, ученики, друзья и почитатели». СПб. 1911 г., стр. 335—355) удачную попытку показать, что новаго внесла Смута въ исторію развитія московскіи дипломатіи.

12. Латинскіи текстъ договора и русскіи переводъ съ этого перевода напечатанъ въ С. Г. Гр. и Дог. II, № 264, стр. 563—573. Въ Сборникѣ и. о. V, стр. 3—II напечатанъ переводъ съ нѣмецкаго текста его; изъ примѣчаній къ нему видно, что издатели считаютъ отрывокъ, напечатанныи въ А. Э., II, стр. 317—318, № 187, и найденный на полатахъ Св. Софій, черновикомъ этого договора; между тѣмъ отрывокъ не даетъ правъ къ такому заключенію: тамъ рѣчь идетъ о совѣмъ другихъ условіяхъ. Мы знаемъ (Р. И. Б., XIII, ст. 452—454), что передъ сдачей Новгорода былъ составленъ дякомъ Иваномъ Тимоѣевымъ договоръ, гораздо болѣе выгодный для русскихъ, но затѣмъ передѣланныи. Не къ этому ли отрывку относятся слова Тимоѣева? Объ этомъ, впрочемъ, здѣсь неумѣстно распространяться.

13. Р. И. Б., XIII, Временникъ дяка Ивана Тимоѣева, *passim*; *Сборникъ и. о.*, V, 26 (Калининъ можетъ быть отнесенъ къ шведскимъ сторонникамъ).

14. *Сборникъ и. о.* V, стр. 38 (Листъ Эверта Горна Королю Густаву-Адольфу): «Я нашелъ ихъ чрезвычайно разочарованными» и т. д. Вообще этотъ выпускъ «Сборника» содержитъ много интереснаго матеріала для исторіи шведо-русскихъ отношеній того времени.

15. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 138—139; Летописецъ видѣлъ въ томъ, что шведы узнали о тайныхъ грамотахъ, измѣну дяка Петра Третьякова.

16. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 132; ср. *Сборникъ и. о.*, V, стр. 31—32, гдѣ другія свѣдѣнія о числѣ войскъ и благосклонный отзывъ о Трубецкомъ.

17. *Соловьевъ*, II, стр. 1120 и др.

18. О польскихъ отношеніяхъ богатый матеріаломъ собранъ у С. М. Соловьева (II, т. IX, гл. 1 и 2); см. также С. Г. Гр. и Дог. III, нѣсколько документовъ, и И. С. Р. Л., XIV, первая половина, *passim*.

19. С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 116.

20. Во-время переговоровъ произошелъ любопытнѣйшій фактъ. Гонѣвскіи упрекнулъ московскихъ пословъ въ томъ, что самъ царь Михаилъ Феодоровичъ цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу. Послы на это заявили, что «царя Богъ соблюдалъ, онъ крестъ королевичу не цѣловалъ» и получили за это выговоръ: «Вы Гонѣвскому отказали не подумавши: и такъ литовскіе послы пишутъ, будто великіи господинъ отецъ нашъ, Московскаго государства намъ подыскивалъ и домогался». (*Соловьевъ*, II, стр. 1089). Новыи Летописецъ неудачу дяка приписывалъ кознямъ посольскаго дяка Третьякова (И. С. Р. Л., XIV, первая половина, 138 стр.) «Всему жъ тому доброму дѣлу и нарушенію посольству отъ дяка отъ Петра Третьякова».

21. И. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 136—138.

22. «Походъ Владислава и переговоры о мирѣ см. въ Новомъ Лѣтописцѣ», *passim*, С. Г. Гр. и Дог., III т., рядъ документовъ, Сказаніе Палицына, *Соловьевъ*, II, томъ 9-й, глава 2-я.

23. О нихъ см. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 141—145; отметимъ, что казужане сами просили назначить къ нимъ Пожарскаго (*ibid.*, 142 и что оны по отступленіи, уже въ Серпуховѣ «снаде въ болѣзнь въ лютую и былъ конечно боленъ» (*ibid.*, 145). На показаніяхъ Новаго Лѣтописца основывается и разсказъ объ этомъ П. Е. Забѣлина («Мининъ и Пожарскій»).

24. т. е. по первое сентября 1619 (или 1620) года. О земскомъ соборѣ см. С. Г. Гр. и Дог., III № 40, стр. 169—177; здѣсь же и росписъ осадныхъ воеводъ и число защитниковъ Москвы въ разныхъ пунктахъ.

25. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 146.

26. Р. П. Б., XIII, ст. 1256—1257.

27. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 148.

28. Лисовскій умеръ внезапно во время похода на Русь (Н. С. Р. Л., XIV, первая половина стр. 140).

29. Голицынъ умеръ по дорогѣ въ русскую землю.

30. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 133, С. Г. Гр. и Дог., III № 25 и 26, стр. 120—126.

31. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 133—134.

32. Д. А. П., II, № 76, стр. 199 «и убо первіи оны злии Поляне и Литвы, озлобившия его безъ правды, съ великою честію сего провожаху въ предѣлу Россійскія державы, не мало собѣ зазворающе, яко такова свята мужа дерзнувше озлобити».

33. Дв. Р., I, ст. 387—388; извѣстіе помѣщено между извѣстіями о событіяхъ 5-го—12-го марта.

34. Дв. Р., I, ст. 392—393.

35. Дв. Р., I, ст. 393.

36. Дв. Р., I, ст. 393 и сл. Бугуринъ билъ челомъ на Пожарскаго, Морозовъ на Трубечкаго и т. д.

37. Дв. Р., I, ст. 395—396. Во всѣхъ трехъ встрѣчахъ первое мѣсто занимали вожди подмосковныхъ ополченій.

38. Дв. Р., I, ст. 398—399.

39. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 149.

40. Н. С. Р. Л., XIV, первая половина, стр. 149.

41. Дв. Р., I, ст. 405 и сл.

42. Дв. Р., I, ст. 405 и другія. Чинъ нареченія и поставленія см. Г. Гр. и Дог., III, № 45, стр. 187—201.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АКТЫ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ДѢЛУ О ССЫЛКѢ
РОМАНОВЫХЪ
въ 1601 году ¹⁾.

¹⁾ Большинство актовъ изъ этого Дѣла, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, было напечатано подъ № 38 во II томѣ Актвъ Историческихъ. Публикуемая нынѣ пропущенные въ названномъ изданіи акты, приносимъ глубокую благодарность С. А. Бѣлокурову, оказавшему намъ съ особенной любезностью свое авторитетное содѣйствіе при приготовленіи этихъ документовъ къ печати.

*

Царская грамота въ Чебоксары Ждану Зиновьеву.

От царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, в Чебоксар Ждану Зиновьеву. По нашему указу послана с Москвы в Чебоксар съ Яковом с Вельяминовым Федорова теща Романова Марья Шестово, а велено еѣ (*зачеркнуто: съ тоб*) в Чебоксаре в Никольском девиче монастырѣ постричь. И какъ к тебѣ ся наша грамота придет и Яков (*зачеркнуто: в чебоксар приѣхав*) съ Федоровою тещею Романова с Марью в Чебоксар приѣдет, и ты б съ Яковом вмѣсте тоѣ Федорову тещу (*зачеркнуто: пострижеть, и ты, игуменье, с сестрами приказал*) Марью в девиче монастырѣ (*зачеркнуто: вѣтели*) при себѣ вѣтели постричи и приказал игуменье с сестрами беречи того пакрѣико, чтоб еѣ из монастыря никуда не пуцали, и не подходил бы к ней и не розговаривал с нею и грамоток ни од кого к ней не подносили никто ни о чом некоторыми дѣлы (*зачеркнуто: а кормить бы еси естя еѣ велѣл чѣмъ и иных сестру кормят*); и ругу б еси ей нашу давал, какъ и иным старицам наша руга идет. А будет (*зачеркнуто: к ней*) хто к ней учнет приходя розговаривать или грамотками ссылатца, и ты б тѣхъ людей велѣл имать (*зачеркнуто: і велѣл*) и приводити к себѣ, и роспрашивал их подлинно, для чего онѣ к ней приходят, и что с ней розговариваютъ (*зачеркнуто: или хто грамотки прислал*) и иѣ ссылается ли она с кѣм грамотками, и будет ссылаецца, и с кѣм и о чом ссылаецца. Да будет хто доидеть до пытки, и ты б тѣхъ людей велѣл пытать до о том адписывал подлинно к нам к Москве, і велѣл одински отдавать в Казанской і в Мещерской дворец діяком нашим Офонасью Васьеву да Печаю Федорову. Писанна на Москвѣ лѣта 7008-го июля въ 3 день.

Царская Грамота пельмскому воеводѣ князю Василью Григорьевичу Долгорукову.

От царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, в Сибирь в Пельмской город воеводе нашему князю Василью Григорьевичю Долгорукову да голове Гаврилу Григорьевичю Пушкину. По нашему указу послан с Москвы в Пельмской город з головою стрелецким Смирным Моматовым Иван Романов. И какъ к вам ся наша грамота придет и Смирной Моматов на Пельм Ивана Романова привезет, и вы б Смирному Моматову дали двор в городе, чтоб от церкви и от Съезжей избы и от жильцкихъ дворов подалѣ, а на дворѣ б было хоромъ: двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погреб и около двора городьба. А будет такова двора гѣтъ, гдѣ Смирной под двор мѣсто присмотреть і вы б ему для того дворового дѣла, кѣм ему двор ставити, дали людей сколько будет доведетца (*зачеркнуто*: и мы, присмотря мѣсто, велѣли двор поставить, чтоб не блиско двором жильцким и дороги б мимо двор прохожие не было, а на дворѣ велѣли поставить хоромъ: две избы, да сѣни, да клѣть, да погреб и около двора городбу; а какъ Смирной Моматов на Пельм приѣдет и в котором числѣ, и вы б отписали к нам к Москве и велѣли отписку отдать в Казанском дворцѣ дѣяком Офонасью Власьеву да Печаю Федорову).

III.

Царская Грамота стрѣлецкому головѣ Смирному Маматову.

От царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, в Сибирь в Пельимской город головѣ стрелетцкому Смирному Юрьевичю Маматову. Велѣли есмя быти у Ивана да у Василья Романовых Ивану Некрасову, а тебѣ велѣли есмя быти к нам к Москве (*зачеркнуто*: по нашему указу велено было тебѣ быти на Пельими для Ивана Романова, а после того послан к тебе ж с сотником стрелецким с Иваном с Некрасовым Василей Романов, а велено тебѣ, взяв у Ивана Василья, отпустить его Ивана к нам к Москве; и мы на Пельими у Ивана и у Василья у Романовыхъ велѣли быти Ивану Некрасову, а тебѣ велѣли есмя ѣхати к намъ к Москве и подорожная к тебѣ наша послана с сею нашею грамотою вмѣсте). И как к тебѣ ся наша грамота (*зачеркнуто*: и подорожная) придет, и ты б Ивана и Василья Романовых (*зачеркнуто*: оказал, отдал) и деньги кормовые (*зачеркнуто*: отдал), что у тебя их есть, отдав Ивану Некрасову, ѣхал к намъ к Москве; а приѣхавъ к Москве явился діаку нашему Нечаю Федорову. А к Ивану Некрасову о том от нас писано ж. Писан на Москвѣ лѣта 7110-го декабря въ 8 день.

IV.

Царская грамота нижегородскому воеводѣ Юрію Ивановичу Целединскому.

От царя і великаго князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи, в Нижней Новгород Юрію Ивановичю Целединскому да дяку нашему Василью Панову. По нашему указу велено быти на нашей службѣ в Нижней Новгородѣ князю Ивану Черкасскому да Ивану Романову, а для береженья велено с ними быти Василью Хлопову да Смирному Моматову. И как к вамъ ся наша грамота придет, а Василей Хлопов с княземъ Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Моматов с Иваномъ Романовымъ в Нижней Новгородъ приѣдут, і вы б Василью и Смирному со княземъ Иваномъ и съ (И) ваномъ дали в городе двор, гдѣ будет пригоже, на которомъ дворѣ мочно всемъ вместица. А которого числа Василей Хлопов с княземъ Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Моматовъ с Иваномъ с Романовымъ в Нижней Новгородъ приѣдут, і вы б о томъ отписали к намъ к Москве і велѣли отписку отдать в приказе Казанскаго Дворца дякомъ нашимъ Обою Васильеву да Печю Ѳедорову. А чтобъ одиночно у васъ дворъ приготовленъ былъ до Васильева и до Смирного приѣзду. Писана на Москвѣ лѣта 7110-го июня въ 28 день.

V.

**Царская грамота нижегородскому воеводѣ
Юрію Ивановичу Нелединскому.**

От царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, в Нижней Новгород Юрью Ивановичю Нелединскому да дяку нашему Василью Панову. Писали есмя к вам, что велено быти на нашей службе в Нижнем Новѣгородѣ князю Ивану Черкасскому да Ивану Романову, а с ними велѣни есмя быти для береженья Василью Хлопову (*зачеркнуто*: да Смирному Маматову а корму) да Смирнову Маматову. И как к вам ся наша грамота придет, а Василей Хлопов со князем Иваном с Черкасскимъ, а Смирной Маматовъ с Иваном в Нижней Новгород приѣдут, и учнут у вас Василей и Иван просити (*зачеркнуто*: Ивана..., для) князю Ивану и (*зачеркнуто*: на) Ивану пива или меду, і вы б им на них пиво и мед (*зачеркнуто*: давали, давать) велѣни давать с кабака. Да будет у вас и денег учнут на корм им просити, і вы б им (*зачеркнуто*: потому ж) и денги давали (*зачеркнуто*: помѣсячно сколько доведетца, на сколько им надобет давали) из нашей казны (*зачеркнуто*: помѣсячно по кольку доведетца). А колько денег (*зачеркнуто*: дадите і в) или пива и меду дадите, і вы б то писали в книги (*зачеркнуто*: подлинно, в книг..., а им потому ж велѣни писати въ книги, да о том от, дати да о том к нам отписали і велѣни отписку отдати в Посольском приказе в пр..., дяку нашему Оѡнасыю Власеву). Писана на Москвѣ лѣта 7110-го июня въ 11 день.

Посланъ с Осном з Зюзиным.

VI.

Отписка казанскаго воеводы князя Ивана Голицына.

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русіи, холопи твои Иванко Голицын, да Васка Кудмигъ, да Оленка Шапилов, да Петрушка Микулин челом быют. В нынѣшнем, государь, во 110-м году шоня въ 11 день в твоей государеве грамоте писано к нам, холопом твоим: по твоему государеву указу посланы были на житье в Малмыж князь Иван Черкаской да в Сибирь в Пельмекской город Иван Рамановъ; и ты, государь, князя Ивана Черкаскаго и Ивана Раманова пожаловал, велѣл имъ быти на своей государеве службе в Нижнем Новѣгородѣ; а велено, государь, ѣхати до Нижнего со князем Иваном Василью Хлопову, а с Ѳваном Смирнову Маматову. И о том от тебя, государя, в твоих государевых грамотах к ним писано ж. И тѣ твои государевы две грамоты присланы к нам же, холопомъ, а велено, государь, нам одну грамоту послати в Малмыж к Василью Хлопову, а другую в Пельмек к Смирному Маматову, с кѣмъ будет пригоже: да какъ Василей Хлопов со князем Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Маматов с Ѳваном Рамановым в Казань приѣдут, и нам, холопом твоимъ, велено под нихъ дав суды и кормыщиков и гребцов против подорожных отнустити ихъ в Нижней Новѣгород тотчас. А котораго, государь, числа Василей Хлопов со князем Иваном, а Смирной Маматов с Ѳваном в Казань приѣдут, и котораго числа из нихъ в Нижней Новѣгород отнустимъ, и нам бы, холопом твоимъ, о том отнустити к тебѣ ко государю к Москве в Казаньской Дворецъ. И мы, холопи твои, с твоими государевыми грамотами в Малмыж к Василью Хлопову, а в Пельмекской город к Смирному Маматову послали не Казани детей боярекинуъ того ж дни: і Василей, государь, Хлопов со князем Иваном Черкасскимъ приѣхал в Казань из Малмыжа шоня въ 23 день. И мы, холопи твои, по твоему государеву указу, дав ему судно і кормыщика и гребцовъ по подорожной, отнустили Василья Хлопова со князем Иваном в Нижней Новѣгород того ж часу. А Смирной, государь, Маматов с Ѳваном Рамановым шоня по 2-е число в Казань не бывал.

(На оборотѣ сего столбца: Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи, 110-го шоня въ 12 день с Казанцем сыном бояреким з Богданом с Ѳзносковым).

VII.

Отписка нижегородскаго воеводы Юрія Нелединскаго.

Государю царю і великому князю Борису Федоровичю, всеа Русіи холопи твои Юшко Неледенской да Васка Папов челомъ быют. В нынешнем, государь, во 110-м году июля въ 9 день писано, государь, от тебя, государя царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, в твоей государеве грамоте за приписью твоего государева дѣла Офанасья Васьева к намъ, холопом твоим, с Кирилломъ с Коробовым: по твоему государеву цареву і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, указу велено быть на твое государеве службе в Нижнемъ Новѣгородѣ князе Ивану Черкасскому да Ивану Романову; а для, государь, береженьи велено с ними быть Василью Хлопову да Смирному Маматову. И какъ, государь, твоя государева грамота к намъ, холопом твоим, придет, а Василей Хлопов с княземъ Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Маматов с Ъваномъ Романовымъ в Нижней Новгород приѣдут, и намъ бы, государь, холопом твоим, Василью и Смирному с княземъ Иваномъ и с Ъваномъ дать в городе двор, гдѣ будет доведетца, на котором дворѣ мочно веѣмъ вместитца. А которого, государь, числа Василей Хлопов с княземъ Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Маматов с Ъваномъ Романовымъ в Нижней Новгород приѣдут, и намъ бы, государь, холопом твоим, отписать к тебѣ ко государю к Москве і веѣтъ, государь, отписку отдать в приказе Казанскаго дворца твоимъ государевымъ дѣякомъ Офанасью Васьеву да Нечаю Федорову. А чтоб, государь, однолично у нас, холопей твоих, двор приготовлен был до Васильева и до Смирново приѣзду. І Василей, государь, Хлопов с княземъ Иваномъ Черкасскимъ в Нижней Новгород приѣхали июля въ 2 день. И мы, государь, холопи твои, по твоей государеве грамоте Василью со княземъ Иваномъ дали в городе двор Троецкой Сергиева монастыря, а Смирной, государь, Маматов с Ъваномъ с Романовымъ в Нижней Новѣгород июля по 2 число не бывали. А какъ, государь, Смирной Маматов с Ъваномъ с Романовымъ в Нижней приѣдут, и мы, холопи твои, к тебѣ ко государю тот же часъ отишем. А корму, государь, у нас, холопей твоих, Василей Хлопов и денег на кормъ по твоей, государеве, грамоте посямѣть не прашивал; а сказывает, что у него твои государевы деньги на кормъ есть.

(На оборотѣ 4-го столбца: Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи. 110-го июля въ 15 день с Арзemasцомъ с Ратманомъ Суриновымъ).

Отписка нижегородскаго воеводы Юрія Целединскаго.

Государю царю і великому князю Борису Федоровичю, всеа Русіи, холоны твои Юшко Целединской да Васька Панов челом бьют. В пишешнемъ, государь, во 110-мъ году июня въ 9 день писано, государь, от тебя, государя царя і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, в твоей государеве грамоте за пришестью твоего государева дѣика Офонася Васьева к намъ, холонемъ твоимъ, с Кирилом с Коробовымъ; по твоему государеву цареву і великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русіи, указу велено быть на твоей государеве службѣ въ Нижнемъ Новгородѣ князю Ивану Черкасскому да Ивану Романову, а для, государь, бережения велено с ними быть Василью Хлопову да Смирному Моматову. І какъ, государь, твоя государева грамота к намъ, холонемъ твоимъ, придетъ, а Василей Хлопов со княземъ Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Моматов с Иваномъ Романовымъ в Нижней Новгород приѣдутъ, і намъ бы, государь, холонемъ твоимъ Василью и Смирному с княземъ Иваномъ и с Иваномъ дать в городе двор, гдѣ будетъ доведетца, на которомъ дворѣ мочно имъ имѣтица. А которого, государь, числа Василей Хлопов с княземъ Иваномъ Черкасскимъ, а Смирной Моматов с Иваномъ с Романовымъ к Нижней Новгород приѣдутъ, і намъ бы, государь, холонемъ твоимъ, отписать к тебѣ, ко государю, к Москвѣ і велѣть, государь, отписку отдать в приказе Казанскаго дворца твоимъ государевымъ дѣикомъ Офонасью Васьеву да Печаяю Федорову; а чтобъ, государь, однолично у нас, холоней твоихъ, двор приготовленъ бы до Васьева и до Смирново приѣзду. І по твоей государеве грамоте преж сего о Васильеве Хлопова со княземъ Иваномъ Черкасскимъ в Нижней приѣзде и что имъ данъ внутри города Троецкаго Сергѣева монастыря двор мы, холоны твои, к тебѣ, ко государю, писали с Арзамасомъ сыномъ боярскимъ с Раманомъ Руениновымъ июня въ 1 день; а Смирной, государь, Моматов с Иваномъ Романовымъ в Нижней Новгород приѣхали июня въ 25 день. И мы, холоны твои, Смирново и Ивана по твоему государеву указу поставили на томъ же дворѣ; а Смирной, государь, Моматов просал у нас, холоней твоихъ, подвод, а сказалъ, что ему к тебѣ, ко государю, грамоты велено присылать с своими людьми. И мы, холоны твои, подвод ему для твоего государева дѣла не дать не смѣли.

(На оборотѣ 1-го столбца: Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русіи, 110-го августа въ 1 день съ Евсюкомъ Песковымъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Глава первая. — Предки царицы Анастасіи — вѣрные слуги и помощники Московскихъ князей собирателей Русѣ	3
Глава вторая. — Царица Анастасія Романовна и царь Иванъ Васильевичъ Грозный	25
Глава третья. — Царскій шуринъ и ближній бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ	41
Глава четвертая. — Никитичи и онаи на шухъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ .	57
Глава пятая. — Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Филаретъ Никитичъ во время Смуты 1606—1610 годовъ	93
Глава шестая. — Земскій соборъ 1613 года и избраніе Михаила Феодоровича на царскій престолъ	117
Глава седьмая. — Прошеніе царя Михаила Феодоровича на царство . . .	137
Глава восьмая. — Въичаніе на царство перваго царя изъ Дома Романовыхъ.	155
Глава девятая. — Первые годы царствованія Михаила Феодоровича и возвращеніе изъ плѣна государева отца	167
Заключеніе	193
Примѣчанія	195
Приложенія	225

DK
115
V38

Vasenko, Platon Grigor'evich
Boiãre Romanovy i votsare-
nie Mikhaila Feodorovicha

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

Възроста 8 руб.